

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Валерий Краснов

КОЛЧАК

И жизнь, и смерть за Россию

Книга вторая

**Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2000**

**ББК 66.61(2)
К 78**

Исключительное право публикации книги Валерия Краснова «Колчак И жизнь, и смерть за Россию» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Художник В. Горин

Краснов В. Г.
К 78 Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. —
М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 353 с.: илл. — (Досье).
ISBN 5-224-00829-8 (общ.)
ISBN 5-224-00828-X (кн. 2)

ББК 66.61 (2)

ISBN 5-224-00829-8 (общ.)
ISBN 5-224-00828-X (кн. 2) © Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2000

Глава 1

В НОЧЬ НА 18-е

Воскресным вечером 17 ноября 1918 года в квартире у Е. Ф. Роговского было шумно. Кроме хозяина здесь находились Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, также члены прибывшей в Омск делегации «Временного правительства Северной области».

Разговор в основном шел о положении дел в Архангельске. Время летело быстро. Ближе к полуночи решили расходиться.

Неожиданно в коридоре возник сильный шум. Гости в комнате умолкли и посмотрели на Роговского. На лицах застыл немой вопрос. Роговский ничего не успел сказать: дверь распахнулась, и в комнату ворвалась группа казачьих офицеров с револьверами в руках:

— Где тут Авксентьев?! — раздались возбужденные возгласы.

Один из присутствующих, раздраженно отбросив салфетку на стол, решительно встал и вышел вперед.

— Я Авксентьев... А кто вы такие? Что вам тут надо?

Оставив вопрос без ответа, несколько офицеров быстро окружили Авксентьева и объявили ему об аресте. Через минуту та же участь постигла Зензинова и Роговского.

— Вы знаете, кто я? — возмутился Авксентьев. — Как вы смеете так поступать с главой правительства?!

— Мы действуем от имени сибирской армии... Приказа об аресте у нас нет, но мы все равно возьмем вас силой...

Авксентьев предпринял попытку воспользоваться

телефоном, но трубку грубо вырвали у него из рук, ткнули револьвером в лицо. Офицеры, многие из которых были явно пьяны, вели себя развязно и вызывающе и, по всему чувствовалось, были настроены весьма решительно; каждую минуту могли прозвучать выстрелы. Присутствующие это поняли и не сопротивлялись.

Нечто подобное уже наблюдалось днем на торжественном обеде, данном правительством Сибири в честь прибывших в Омск французских войск. Пьяные офицеры, угрожая револьверами, заставили оркестр исполнить «Боже, царя храни».

После обыска в квартире арестованных вывели на улицу, посадили в грузовик и в сопровождении отряда куда-то повезли.

Все прибыли в дом Феттер, что на углу Люблинского проезда и Гасфортской улицы. Здесь оказался А. А. Аргунов — еще один член правительства, также арестованный в своем номере в гостинице «Россия». Через полчаса всех задержанных снова окружили казаки и повезли за город. Когда машина проезжала через рощу, пленники пережили страшные мгновения. Именно здесь 23 сентября казаки убили министра сибирского правительства эсера А. Е. Новоселова. Производивший следствие по этому делу Аргунов как раз недавно осматривал место. Арестованные молчаливо простились друг с другом, чувствуя, что настал их конец. Но их повезли дальше, как потом оказалось, в сельскохозяйственную школу, занятую под казармы отрядом войскового старшины И. Н. Красильникова; часть здания была отведена под госпиталь и передана американскому Красному Кресту.

Арестованных поместили в одной из комнат, поставили внутри нее и снаружи караул. Предупредили, что при любой попытке выйти из комнаты караулу дана команда стрелять.

Авксентьев и другие пытались выяснить причины такого беззакония, но неизменно получали неопределенный ответ: по приказу высших властей и прочее. Но арестованные сами представляли «высшую власть». Все происходящее казалось невероятным, абсурдным. В комнате повисла гнетущая тишина...

В ДОМЕ КОМЕНДАНТА ГОРОДА ОМСКА, где временно поселился военный и морской министр Директории, в четыре часа утра 18 ноября раздался телефонный звонок. Дежурный ординарец разбудил Колчака и сообщил, что его срочно просит к телефону П. В. Вологодский.

Из сбивчивой речи председателя правительства Колчак понял, что несколько часов тому назад арестованы члены Директории Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, некоторые другие лица и все увезены куда-то за город, что Вологодский немедленно созывает Совет министров и просит Колчака прибыть на это экстренное заседание.

— Кем арестованы?

— Точно сказать пока не могу. Но прошу вас как можно скорее одеться. Около шести часов я, вероятно, сумею всех собрать...

— Какими частями произведен арест?

— Не знаю...

«Тогда я, — рассказывал Колчак о дальнейшем развитии событий, — приказал соединиться и вызвать сейчас же Розанова, который был начальником штаба Болдырева.

Он в это время спал, но когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону. Я спросил его, знает ли он о том, что произошло в городе. Он ответил, что в городе полное спокойствие, разъезжают усиленные патрули, но что он никак не может добиться ни штаба, ни ставки, ни управления казачьими частями, так как их телефоны, по-видимому, не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и, перед тем как поехать в Совет министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним поговорить. Затем я попытался соединиться со ставкой и спросить, известно ли там, что делается, но со ставкой соединиться мне не удалось. Тогда я бросил эту попытку, вызвал себе автомобиль из гаража и около пяти часов заехал к Розанову. К Розанову же приехал и Виноградов, с которым я затем поехал в Совет министров. Виноградов сообщил мне, что ночью, по-видимому, казачьими частями на своей квартире были арестованы члены Директории, но где они находятся — неизвестно. В городе все спокойно, разъезжают патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не бы-

ло. Розанов, по-видимому, не был совершенно в курсе дела; жаловался на то, что нет сообщения по телефону и что он не мог добиться никакого толку. Он посылал своих ординарцев, но и они не могли ничего узнать, кроме того, что мне сообщили Вологодский и Виноградов. Я спросил Виноградова: «Вас не арестовали?» — «Нет, ко мне никто не являлся».

Совет министров и лица, к нему причастные, собираются в доме губернатора, около собора, где он тогда помещался. Прибывающие взволнованы. Никто ничего толком не знает. Вологодский упорно молчит, о чем-то сосредоточенно думая.

— Подождите, — бросает раздраженно обращавшимся к нему с вопросами, — скажу всем сразу...

Входят Виноградов и Колчак. Последний накануне вернулся с фронта. Рассказывает о теплой встрече, которая была ему оказана, о тяжелых условиях, в которых живут солдаты. Все стараются говорить о посторонних вещах. Последним является министр финансов И. А. Михайлов.

Наконец Вологодский открывает заседание; рядом с ним Виноградов. По-прежнему не зная подробностей, Вологодский в общих чертах рассказывает, что ночью дом, где жили арестованные лица, был оцеплен усиленным разездом 1-го Сибирского казачьего полка; была еще часть партизанского отряда войскового старшины Красильникова, какая-то конная часть и некоторые другие. Уже обнаружили очевидцы того, как Красильников ночью на улице спрашивал своих офицеров: «Ну что, готово?» Видели какой-то грузовик, набитый солдатами. Затем Вологодский сообщил, что на вокзале казаки разоружили прибывший из Уфы эшелон с боевой эсеровской дружиной, но никого не арестовали, так как сопротивления казакам оказано не было.

Тревожные и растерянные взгляды присутствующих были прикованы к Вологодскому: ожидали, что он скажет еще. Но предсовмина молчал. Через несколько мгновений тишину разорвали возбужденные голоса. Многих интересовало, где могут находиться арестованные члены Директории. На это никто толком ничего сказать не мог. Лишь кто-то из вновь прибывших сообщил, что они находятся в здании сельскохозяйственной школы, за загородной рощей, где располагалась часть отряда Красильникова.

Вологодский задал вопрос — как относиться к произошедшему? Было высказано несколько мнений.

Во-первых, факт ареста еще ничего не означает, тем более что три члена Директории из пяти, большинство, остались: Вологодский, Виноградов и Болдырев.

Второе мнение: после случившегося Директория не может оставаться у власти — власть должна перейти к Совету министров Сибирского правительства.

В-третьих, раз члены Директории подверглись аресту, они должны сложить с себя полномочия; раз они арестованы, они перестают быть властью.

Выслушав все мнения, Совет министров единогласно принял на себя всю полноту Верховной государственной власти.

Часов около восьми решили выработать текст обращения к населению, в котором указывалось бы, что такое положение является нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия и во что она выльется — неизвестно. Пока в городе спокойно, но все казачьи войска находятся под ружьем, они посылают в город караулы; остальные части также под ружьем, хотя не выходят из казарм. Такое неопределенное положение долго не может продолжаться, надо ожидать каких-либо событий.

*Из официального правительственного сообщения
от 20 ноября 1918 года:*

«...В последовавшем обмене мнений членами Совета министров высказаны были единодушно и поддержаны следующие положения:

1) что основная задача, стоящая сейчас перед правительством, — борьба с германо-большевистским натиском, от исхода которой зависит судьба России, требует полного сосредоточения власти военной и гражданской в руках лица с авторитетным именем в военных и общественных кругах;

2) что только такое сосредоточение власти даст возможность планомерно и успешно проводить столь трудную в разоренной и утомленной стране работу по формированию и снабжению армии;

3) что только такое сосредоточение власти, отвечающее общественным настроениям, остановит наконец

непрекращающиеся покушения справа и слева на неокрепший еще государственный строй России, покушения, глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающие опасности политическую свободу и основные начала демократического строя;

4) что такое сосредоточение власти необходимо как для деятельной борьбы против разрушительной работы противогосударственных партий, так и для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественный порядок и спокойствие».

Таким образом, фактически речь шла об объединении военной и гражданской власти в одних руках. Такого же мнения придерживался и Колчак, считая это единственным выходом из создавшегося положения. Вернувшись буквально накануне с фронта, Колчак пришел к твердому убеждению, что там нет сочувствия к Директории. Когда вопрос о единоличной власти был поставлен на голосование, Колчак высказался «за» совершенно определенно. Большинство членов Совета министров, учитывая напряженное и тяжелое положение на фронте, брожение в самом Омске, ночные аресты членов Директории, неопределенное состояние войск Омского гарнизона, согласилось, что необходимо, хотя бы временно, но сейчас же, немедленно, передать всю полноту власти одному определенному лицу с присвоением ему наименования «Верховного правителя». Это решение не получило серьезных возражений. Затем начали обсуждать, кто персонально должен быть облечен такой властью.

Верховным главнокомандующим был генерал Болдырев, и Колчак предложил передать ему всю полноту военной и гражданской власти. После непродолжительного обмена мнениями большинство членов Совета министров высказалось в том смысле, что они предлагают Колчаку эту должность. Колчак посчитал своим долгом подчеркнуть, что прежде всего надо постараться без всякой ломки сохранить уже существующую и зарекомендовавшую себя удовлетворительно власть в лице генерала Болдырева.

— Генерал является верховным главнокомандую-

щим, — говорил Колчак, — им организован штаб, и при существующем отношении к Болдыреву со стороны войск против него особых возражений не будет...

Правда, поговаривали, что генерал находится под влиянием социалистов-революционеров и отзывались о нем довольно безразлично, но в войсках ничего серьезного против него не выдвигалось.

Далее Колчак подчеркнул:

— Гораздо проще для армии, чтобы осталось то лицо, которое уже имелось. А я новый человек. Власть должна опираться прежде всего на широкую популярность и доверие войск. Между тем, хотя мое имя известно, ни казаки, ни армия меня не знают, и неизвестно, как они отнесутся к моему назначению.

Колчак сказал еще, что если бы со стороны армии возникло какое-нибудь противодействие, то оно поставило бы его в тяжелое положение, совершенно с его точки зрения неприемлемое.

— Я высказываюсь таким образом, исходя из интересов самой армии, чтобы не вносить в нее каких-нибудь новых потрясений.

Тогда Вологодский обратился к Колчаку:

— Я принимаю во внимание все, что вы сказали, но я вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более подробно обсудить этот вопрос. А так как нам придется говорить о вас, то вам неудобно здесь присутствовать.

Колчак ушел в кабинет Вологодского.

Разговор был короткий. Да и о чем, собственно, говорить, когда решение все уже фактически знали. Необходимо было лишь юридически оформить его, что и сделали, приняв соответствующие документы:

«УКАЗ СОВЕТА МИНИСТРОВ

18 ноября 1918 г.

ПРОИЗВОДИТСЯ: военный и морской министр вице-адмирал Александр Васильевич Колчак в адмиралы.

Председатель Совета министров
Петр Вологодский.

Управляющий делами Совета министров
Георгий Тельбергс.

«ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

18 ноября 1918 г.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства, ПОСТАНОВИЛ: принять на себя всю полноту верховной государственной власти.

Председатель Совета министров

Петр Вологодский.

Члены Совета министров: *Л. Устругов, А. Гаттенбергер, А. Колчак, Ю. Ключников, Г. Гинс, И. Серебренников, С. Старынкевич, Н. Зефирков, И. Михайлов, Н. Щукин, Г. Краснов, Н. Петров, Л. Шумиловский.*

Управляющий делами Совета министров

Георгий Тельберг.

Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной Власти в одних руках, Совет министров ПОСТАНОВИЛ: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему звание Верховного правителя.

Председатель Совета министров

Петр Вологодский.

Члены Совета министров: *Л. Устругов, Н. Зефирков, Ю. Ключников, С. Старынкевич, Л. Шумиловский, Г. Краснов, Н. Петров, Г. Гинс, И. Михайлов, И. Серебренников, А. Гаттенбергер, Н. Щукин.*

Управляющий делами Совета министров

Георгий Тельберг».

Возможно, читатель будет несколько удивлен таким, на первый взгляд, необычным порядком расположения приведенных выше документов. Но, как ни странно, он точно соответствует той последовательности, в которой они принимались: сначала Совет

министров произвел Колчака в адмиралы (видимо, министры сочли, что для авторитета верховной власти более подойдет полный адмирал), затем принял на себя верховную государственную власть и, наконец, передал ее осуществление адмиралу Колчаку.

Необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство.

В состав Временного Всероссийского Правительства — Директории — на момент смены власти входили Н. Д. Авксентьев, В. Г. Болдырев, В. А. Виноградов, П. В. Вологодский и В. М. Зензинов. Из них трое отсутствовали: Авксентьев и Зензинов были арестованы, генерал Болдырев находился на фронте.

Виноградов, активно протестовавший против переворота, считал невозможным для себя оставаться далее в составе Директории и участвовать в создании новой власти, а поэтому объявил, что он слагает с себя обязанности заместителя председателя Совета министров.

Таким образом, выражение «с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства» может относиться только к одному Вологодскому.

Забегая несколько вперед, отметим, что, после избрания Колчака Верховным правителем, Вологодский тоже заявил о своей отставке.

Попытки уговорить Виноградова остаться, чтобы подчеркнуть преемственность новой власти, не увенчались успехом: он не верил, что переворот принесет России благо.

Иначе отнесся к аналогичной просьбе Вологодский. По свидетельству Гинса, он расплакался и заявил, что ни совесть, ни рассудок не позволяют ему остаться, что он не видит в себе особой необходимости. Но общая единодушная просьба остаться во главе Совета министров, поддержанная и Колчаком, в конце концов повлияла на мягкого и уступчивого председателя, и он остался, как выяснилось позже, на «беду» адмиралу.

Через некоторое время к Колчаку пришли и сообщили, что Совет министров, единогласно признав Директорию несуществующей, посчитал необходимым передать власть одному лицу, которое встало бы во главе правительства в качестве Верховного правителя,

и просит Колчака занять этот пост. Адмирал вернулся в зал заседаний. Вологодский зачитал соответствующие постановления Совета министров, подчеркнув, что это единственный выход из создавшегося положения.

Колчак понял, что все уже решено, что разговаривать больше не о чем, и подчинился решению Совета министров.

— Я принимаю на себя эту власть, — заявил он, — и сейчас же еду в ставку, чтобы сделать распоряжение по войскам. Прошу Совет министров детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с ним, назначить сегодня же днем заседание, чтобы обсудить целый ряд вытекающих из этого вопросов. Я должен уехать в ставку и оттуда телеграфировать в войска о случившемся.

«ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВСЕМИ СУХОПУТНЫМИ И МОРСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИИ

№ 1, Омск

18 ноября 1918 г.

1. Сего числа постановлением Совета министров Всероссийского Правительства я назначен **ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ**.

2. Сего числа я вступил в **ВЕРХОВНОЕ** командование всеми сухопутными и морскими силами России.

Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами адмирал *Колчак*».

Итак, как мы видели, процедура избрания Колчака Верховным правителем протекала весьма формально, и сам адмирал не добивался власти, а даже уклонялся от нее. Так развивались события, по утверждению Колчака.

Несколько иначе описывает это экстренное заседание его участник Г. Гинс — управляющий делами Сибирского правительства.

«Некоторое время в заседании царило тягостное молчание. Первым взял слово министр продовольствия Зефиров. «Я думаю о политике, — сказал он, —

прежде всего с точки зрения рубля, которым оперирую как покупатель. В интересах этого рубля я желал бы, чтоб сейчас же было выяснено, кому же принадлежит теперь власть».

После этого прения пошли по пути искания форм власти. Факт свержения Директории был признан... Власть могла перейти к трем оставшимся членам Директории, но это был бы суррогат Директории, идея которой, как коалиции, умирала вместе с выходом левой половины. Принятие власти всем составом Совета министров было бы повторением неудачного опыта Временного российского правительства князя Львова и Керенского. Казалось невозможным и создание новой Директории, после того как эта форма оказалась скомпрометированной примерами только что пережитой эпохи сибирской Директории, какой, по существу, было правительство Вологодского, разлагавшееся от внутренних раздоров и внешних партийных воздействий, и еще более кратковременной и безотрадной деятельности Директории.

— Значит, диктатура? — окончательно формулировал в форме вопроса Виноградов.

...Кто мог бы быть диктатором? После теоретических рассуждений о форме власти надо было поставить и этот роковой вопрос. Тогда взоры всех обратились на Колчака.

— Кто? — спросил Вологодский.

— Генерал Болдырев! — ответил Розанов, начальник штаба Верховного главнокомандующего.

Болдырев, который уже сейчас стоит верховным вождем армии, не может быть в настоящее время смещен без ущерба для дела. В этом смысле высказался и адмирал Колчак.

— Адмирал Колчак, — называли другие.

...Но знал ли кто-нибудь близко адмирала Колчака? В Совете министров — никто.

С Дальнего Востока были привезены кое-какие сведения о неуравновешенности его характера, но здесь, в Омске, его видели всегда сосредоточенным и спокойным.

...Колчак не отказался баллотироваться. За него были поданы все голоса, кроме одного. Один был дан за Болдырева».

Далее Гинс замечает, что «из состава Совета против диктатуры возражал только Шумиловский. Все министры, ставленники Директории, оказались сторонниками единовластия».

К сожалению, стенограмма этого экстренного заседания не велась. Поэтому мы вынуждены обращаться к дошедшим до нас свидетельствам очевидцев описываемого события.

Итак, по утверждению самого Колчака, он усиленно доказывал Совету министров нецелесообразность избрания его Верховным правителем, так как он человек новый и не имеет опоры в армии. Гинс, в свою очередь, утверждает, что «Колчак не отказался баллотироваться». Естественно, возникает вопрос: может быть, Колчак грешит против истины и старается скрыть закулисную сторону событий, в которые были посвящены не все участники этого экстренного совещания? Если допустить, что такое мнение имеет под собой почву, то адмирал должен был бы знать заранее о готовящемся перевороте. Но Колчак утверждает, что он ничего не знал и личного участия в подготовке переворота не принимал. На такой же точке зрения стоит Гинс: «Могу... с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак».

НЕРЕДКО ИСТОРИКИ И МЕМУАРИСТЫ, особенно эмигрантские и зарубежные, изображают омский переворот как результат чуть ли не стихийного развития событий, в которых Колчак не играл сколько-нибудь существенной роли вплоть до самого последнего момента. Давайте попытаемся уточнить, так ли это, опираясь на сохранившиеся и дошедшие до нас свидетельства самих — вольных или невольных — участников переворота.

Из материалов допроса А. В. Колчака в Иркутске:

«По приезде моем в Омск ко мне являлись многие офицеры из ставки и представители от казаков, которые говорили определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предлагают на это место выдвинуть для того,

чтобы была единая власть, мне указали прямо: «Вы должны это сделать». Я сказал: «Я не могу взять на себя эту обязанность просто потому, что у меня нет в руках армии и вооруженной силы. А то, что вы говорите, может быть основано только на воле и желаниии армии, которая бы поддержала то лицо, которое хотело бы стать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы.

Затем мне остается неизвестным вопрос об отношении к такой конъюнктуре власти со стороны Сибирского правительства. Сибирское правительство, насколько я мог понять, борется с Директорией, против Директории, желая власть сохранить у себя и оставить то положение, которое было до прибытия Директории, — это во-первых, а во-вторых, как я сказал, я нахожусь на службе, я это подчеркиваю, и не считаю возможным, оставаясь на службе, предпринимать какие-нибудь шаги в том смысле, в каком вы говорите». Вот приблизительно какие разговоры велись после моего приезда.

Денике. Вы не помните, кто из более видных военных деятелей являлся к вам с подобного рода разговорами и предложениями?

К о л ч а к. Насколько помню, — Лебедев и полковник Волков, который был начальником гарнизона города, затем Катанаев, очень много офицеров из ставки. Определенно могу сказать, что ни Матковский, ни генерал Белов у меня не были. Из лиц не военных, из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Я помню, что приходил генерал Андогский, генерал Сурин и другие, когда шла работа по созданию морского и военного министерства. Как я говорил, никаких определенных решений или слухов мне не сообщалось. Это носило характер разговоров и обмена мнений.

...Насколько мне помнится, 17-го ноября был у меня Авксентьев... Он приезжал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке назад. Я ему совершенно определенно сказал: «Я здесь уже около месяца военным министром, и до сих пор не знаю своего положения и своих прав. Обязанности свои в отношении обслуживания армии я более или

менее представляю, но самые права военного министра мне неизвестны. Подчинены ли мне здесь войска или нет, в каких взаимоотношениях я нахожусь с командованием фронта — непосредственных или я с ними только сношусь и т. д., — словом, целый ряд технических вопросов. Вместо чисто деловой работы здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участия не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере и обстановке работать даже в той должности, которую я принял». Так мы с ним и не договорились. Я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше военным министром и жду только приезда Болдырева... переворот совершился 18-го числа вечером, с воскресенья на понедельник...»

Денике. Были ли указания о том, каким образом подготовлялся этот переворот? Вы осведомлены не были и личного участия не принимали. Но впоследствии стало ли вам известно, кем и как этот переворот был организован? Кто из политических деятелей и военных кругов принимал в нем участие?

Колчак. Вскоре, в ближайшие дни, я узнал только тех лиц, которые активно участвовали в этом перевороте. Это были три лица. Я знаю, и мне говорил Лебедев, что в этом принимала участие вся ставка, часть офицеров гарнизона, штаб главнокомандующего и некоторые члены правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому поводу в ставке. Я ему на это сказал одно: «Вы не должны мне сообщать фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, так как, когда эти лица будут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение, и будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое-нибудь давление, между тем как я считаю для меня совершенно безразличным это, и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества». Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся ставка, по

крайней мере, все начальники отделов, принимали в этом участие, и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части... Что касается политических деятелей, то там, несомненно, были лица из состава Совета министров.

Председатель. В самый момент переворота вы не знали, кто был инициатором и кто был фактическим исполнителем?

Колчак. Нет, я знал: Волков, начальник гарнизона, Катанаев, Красильников и несколько офицеров казачьих частей. Я Лебедева спросил: «Кто же был главным участником переворота — казачьи части?» Он ответил, что вся ставка, штаб главнокомандующего, при участии некоторых членов Совета министров. Но до сих пор мне неизвестно, кто был из членов Совета министров. Я никогда к этому вопросу не возвращался и никогда ни с кем из министров об этом не говорил...»

Колчак упоминает, что активными участниками переворота были «три лица». Кто же это?

В соответствии с сохранившимся в архиве письмом квартирмейстера Сибирской армии полковника А. Д. Сыромятникова министру финансов Директории И. А. Михайлову этими лицами, этими тремя главными организаторами омского переворота были Пепеляев, представлявший политическую силу, Михайлов, за которым стояли торговцы, промышленники и финансисты, и Сыромятников — армия. Обязанности между ними были распределены следующим образом.

Пепеляев должен был «вызвать в политических кругах благожелательное отношение к перевороту». Михайлов, помимо финансового обеспечения, взял на себя задачу «склонить Совет министров к передаче всей полноты власти адмиралу Колчаку». Сыромятников отвечал за организацию переворота «в военном отношении». Он называет нескольких офицеров, выполнявших по его указаниям определенные задания по конкретной организации переворота: контроль за транспортом и связью; поддержание контактов между руководителями переворота и его непосредственными исполнителями — командующим Сибирской казачьей дивизией полковником В. И. Волковым, командиром

1-го Сибирского казачьего полка войсковым старшиной А. В. Катанасевым, командиром партизанского отряда войсковым старшиной И. Н. Красильниковым и другими; вывод «неблагонадежных», с точки зрения заговорщиков, частей из Омска и, наоборот, преднамеренное задержание в городе частей, настроенных против Директории; предотвращение возможных попыток помешать перевороту, аресту членов Директории или их освобождения после ареста.

Все это указывает на то, что план переворота был продуман до мелочей и, естественно, родился не накануне. По свидетельству офицера — участника организации переворота, разработка плана велась в течение месяца. Да и сама стремительность, бескровность переворота, четкие и решительные действия всех его участников и исполнителей вполне подтверждают это.

Таким образом, Колчак не только догадывался о готовящемся перевороте и уготованной ему роли, но и бесспорно знал об этом. Да и на допросе, в Иркутске, адмирал признавал, что «об этом перевороте слухи носились — частным образом мне морские офицеры говорили...»

Не мог быть переворот неожиданным и для Гинса, так как он сам признает, что «догадывался о подготовляющемся заговоре, потому что слышал как-то от одного офицера, что все военные были бы рады видеть вместо Директории одно лицо. И когда я спросил, есть ли такое лицо, которое пользовалось бы общим авторитетом, то он сказал: — Да, теперь есть».

Возможно, и Колчак, и Гинс просто не до конца откровенны, когда стремятся представить события, имевшие место 18 ноября, как полнейшую неожиданность, буквально свалившуюся им на голову.

В одном из архивов хранится рукопись неизвестного автора о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В ней есть и такие строки: «Трудно поверить, чтобы до решительного заседания Совета министров и ареста членов Директории адмирал Колчак не понимал, что готовится переворот. Может быть, для г-на Гинса все, что случилось в дневном заседании Совета министров 18 ноября, и было неожиданностью, но для активно действующих лиц все было заранее предусмотрено и все роли заранее распределены...»

Такое же мнение позже высказывал и член Временного Сибирского правительства И. И. Серебренников, опубликовавший в Китае в 1937 году свои воспоминания. По его утверждению, Колчак был осведомлен о заговоре «и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры». И далее Серебренников рассказывает об эпизоде, который произошел с ним в ночь на 18 ноября. Возвращаясь домой, он неожиданно был арестован военным патрулем. Освободил его знакомый есаул. На недоуменный вопрос: «Что происходит?» — есаул ответил, что арестована Директория.

— Кто же будет? — спросил Серебренников и тут же получил четкий ответ: — Будет адмирал Колчак!..

И такие свидетельства не единичны, их трудно опровергнуть.

Другое дело, что адмирал, реально оценивая свои возможности, пытался отказаться от предложенной ему власти, мотивируя это тем, что у него «нет в руках армии и вооруженной силы», что диктатура «может быть основана только на воле и желании армии», что он «человек приезжий». Колчак не считал «для себя возможным принимать участие в таком предприятии», которое, по его мнению, «не имеет под собой почвы». Аргументы адмирала были весомы.

Колчак не рвался в Наполеоны. Он не явился на сибирскую сцену сам по себе, его выдвинул не собственный «эрос власти». Не Колчак произвел переворот, а переворот был произведен для него. Колчака-диктатора всецело создала обстановка, неумолимо требовавшая диктатуры. Не будь Колчака, Омск получил бы другое лицо.

Колчак принял на себя всю тяжесть единоличной власти как подвиг, им руководило чувство самопожертвования во имя чести и спасения России; и все дальнейшее его служение, вплоть до грагического конца, было проникнуто любовью к родине и сильно развитым чувством долга.

Был ли другой выход из создавшегося положения?

Сказать трудно. И Колчак, и армейское командование, и многие политики считали, что иного выхода нет. Тут нельзя не согласиться с мнением Гинса, что избрание Верховного правителя явилось актом вынуж-

денным, последствием партийной борьбы и военного заговора.

Уже с первых дней пребывания в Омске, с 9 октября, Директория, представлявшая собой вынужденный компромисс между терявшей позиции «демократической контрреволюцией» и все более укреплявшейся реакцией, обнаружила свое полное бессилие. В сущности, она оказалась расколотой. «Левая» ее часть — Авксентьев и Зензинов — была связана с эсеровскими центрами. На «правую» ее часть — Вологодского и Виноградова — сильное давление оказывали кадеты во главе с Пепеляевым, достижения немалых успехов: эти два «директора» не противились активизации правых сил. «Центрист» генерал Болдырев терял власть из-за постепенной концентрации генеральско-офицерской верхушки вокруг нового военного министра — Колчака. В результате Директория оказалась в параличе.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ПОСЛЕ ОМСКОГО ПЕРЕВОРОТА все городское население Сибири и армия были поставлены в известность о том, что:

«Под давлением широких слоев населения и наиболее сильных в настоящее время общественных групп, политических партий и организаций в ночь на 18 ноября был произведен самочинно частями омского гарнизона арест членов Директории — Авксентьева, Зензинова, его заместителя Аргунова и заведующего департаментом милиции Роговского...»

«...Обсудив создавшееся положение, Совет министров нашел, что названные члены Директории имели связь с членами съезда членов Учредительного собрания и за спиной Всероссийского правительства и армии готовили предательское соглашение с большевиками...»

«...И единогласно постановил передать всю полноту государственной власти, впредь до освобождения России от большевиков, адмиралу Александру Васильевичу Колчаку...»

«...Произведшие переворот офицеры сами явились к Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу Колчаку и заявили, что они готовы предстать перед судом за свой самовольный посту-

пок и даже сложить голову за благо родины и русского народа...»

И т. д., и т. п.

С первых часов своего существования новая власть стремилась показать, что, несмотря на «давление сильных общественных групп и политических партий», в Омске все же имеются законность и порядок.

— По городу бродит масса самых фантастических слухов, — заметил Колчак 18 ноября на дневном заседании Совета министров, — поэтому надо самому факту переворота придать гласность.

Решение, бесспорно, правильное. Интересен метод, каким А. В. Колчак собирался его осуществить.

— Я считаю, — продолжал адмирал, — самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании, чтобы, во-первых, снять нарекания с лиц, совершивших этот переворот, а во-вторых, потому что это лучший способ осведомления.

Далее Колчак подчеркнул, что «никогда не допустит кары над этими людьми, так как за то, что они это сделали», он «принял уже все последствия на себя».

Правда, на допросе в Иркутске адмирал не взял на себя инициативу проведение этого суда.

— Я не помню, — говорил он, — я ли первый высказал эту мысль или Вологодский, но такая точка зрения была высказана.

Разыскивать «путчистов» не пришлось. Согласно официальному сообщению информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего они сами явились к Колчаку. Офицеры «сознались» в произведенных ими арестах «без указания высших представителей русской гражданской и военной власти» и заявили, что сделали это «под давлением широких общественных и военных кругов», признали за собой «тяжелую вину» и просили «предать их военно-полевому суду». При этом «путчисты» заверяли, что «будут счастливы умереть за возрождение России и спасение родины».

— Необходимо гласное расследование всех ваших действий, — говорил им адмирал, — но не с целью наказания или кары, а с целью предать гласности... Поэтому я отдаю вас под суд.. Там вы должны дать показания, касающиеся всего этого дела.

Колчак предполагал, что на суде будет обнародова-

на вся картина переворота. Но суд остановился только на персональной ответственности трех «путчистов».

19 ноября Колчак утвердил постановление Совета министров:

«Временно командующий Сибирской казачьей дивизией полковник Волков, командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковой старшина Катанаев и командир партизанского отряда войсковой страшина Красильников, посягнув на верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую, арестовали в ночь на 18 ноября в г. Омске Председателя Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена того же правительства В. М. Зензинова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского. Ввиду чего Совет министров постановил: 1) за указанное выше преступное деяние, учиненное поименованными лицами, предать их, полковника Волкова и войсковых старшин Катанаева и Красильникова, чрезвычайному военному суду, учредив его в следующем составе: председатель — генерал-майор Мотковский, члены: генерал-майор Бржезовский, полковник Генерального штаба Сторожев, полковник Сибирского казачьего войска Верников, при запасном члене генерал-майоре Агаркове и при делопроизводителе поручике Сосновском. 2) Чрезвычайному военному суду приступить к рассмотрению означенного дела 21 ноября в 10 часов утра, в здании западно-сибирского военного окружного суда. 3) На министра юстиции возложить обязанность передать чрезвычайному суду имеющиеся в его распоряжении материалы дознания и следствия... 5) Приговор предоставить на конфирмацию Верховному правителю.

Председатель Совета министров

Петр Вологодский.

Управляющий делами Совета министров

Георгий Тельберг.

Но это — внешняя сторона.

В действительности же сияющий полковник Волков еще 18 ноября объезжает все войсковые части, принимавшие участие в аресте членов Директории, и поздравляет их со «счастливым избавлением от совдепии», обещая исходатайствовать всем соответствующую

шие награды. Тогда же к нему обращаются некоторые офицеры из отряда Красильникова и просят разрешения «спустить в Иртыш» охраняемых ими «большевиков», то есть арестованных эсеров. Но Волков сообщил им, что «этот вопрос обсуждается Советом министров» и что Авксентьева хорошо знает сам генерал Нокс и, по-видимому, ему будет разрешен выезд за границу, ввиду чего офицерам даже не дали разрешения на «всыпание шомполов».

19 ноября, одновременно с «преданием чрезвычайному военному суду», издается приказ:

«Секретно. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий в Омске, ноября, 19 дня, 1918 года, отдал следующий приказ:

ПО КАЗАЧЬИМ ВОЙСКАМ

Производятся за выдающиеся боевые отличия, со старшинством: из полковников в генерал-майоры — Волков, из войсковых старшин в полковники — Красильников и Катанаев, все трое, — с 19 ноября сего 1918 года.

Подписал: временноуправляющий военным министерством генерал-майор *Сурин*».

Впоследствии, по представлению Волкова, были произведены в следующие чины и получили награды и все остальные активные участники разгрома Директории.

Юридический фарс, проведенный с молниеносной быстротой и уже 21 ноября закончившийся, превратился в обвинительное заключение против Директории. Волков, Катанаев и Красильников, напротив, представлялись чуть ли не героями, предупредившими некий эсеровский переворот «по побуждениям любви к родине».

Разыгранная комедия суда над «главными путчистами» преследовала, вероятно, и еще одну цель. Реакция на переворот в Омске со стороны союзных правительств была неоднозначной: их не устраивала... форма переворота и состав лиц, его осуществивших, отсутствие какой-либо демократической декорации. Они беспокоились о том, что это может быть истол-

ковано как торжество реакционного офицерства и удар по демократии.

Был решен и вопрос о судьбе арестованных членов Директории. Колчак сообщил министрам, что по его распоряжению арестованные доставлены в город и усиленно охраняются, что им гарантирована полная неприкосновенность и что единственно разумное решение в отношении этих лиц — это предоставить им возможность выехать за границу. Таким же было и общее мнение министров.

Как показывает исторический опыт, установление диктатуры завершается физической расправой над ее противниками. Сомнительно утверждать обратное в случае с омским «путчем». Видимо, Авксентьев и компания были бы просто зарезаны, как бараны, если бы иностранные представители в Омске не проявили беспокойство по поводу их дальнейшей судьбы.

Зная о настроениях и намерениях казачьих офицеров, французский генерал М. Жаннен предупредил Колчака и Вологодского, что «у Авксентьева, Зензинова и других имеется много друзей в Париже, и ему будет неприятно, если с ними что-нибудь случится».

— Я хорошо знал страх моих соотечественников перед диктатурой, — признавался полковник Д. Уорд, член английского парламента, — и если бы принятие адмиралом Колчаком верховной власти было связано или ускорено убийством его противников без суда, содействие и вероятное признание британским правительством новой власти могло бы сделаться невозможным. Мои собственные агенты раскрыли место, где находились арестованные, а также то, что они должны были быть приколоты штыками в ту же ночь, так как стрельба в них привлекла бы внимание. Я также уверен, что Колчак ничего не знал об этом. Все дело было в руках офицерской карательной организации..

Уорд особо интересовался у Колчака судьбой арестованных социалистов-революционеров.

— ...Если допустить их убийство, — говорил Колчаку полковник Уорд, — то это придает всему делу характер попытки со стороны части старых армейских офицеров ниспровергнуть существующие учреждения для возвращения к старому порядку вещей. — И далее

добавил: — Если английский народ будет думать, что такова политика адмирала и его друзей, то они лишатся дружеской симпатии не только со стороны английского народа, но также Америки и Франции.

Адмирал ответил, что он сейчас не знает, что и как с арестованными, но срочно произведет расследование и уведомит Уорда о его результатах чуть позже.

Вскоре Колчак сообщил полковнику об аресте трех «главных офицеров-путчистов» и об уже известном нам решении по поводу дальнейшей судьбы арестованных членов Директории.

Таким образом, решение об аресте офицеров и о высылке за пределы России арестованных эсеров, видимо, родилось не без подсказки союзников.

Но почему полковник Уорд неожиданно проявил такую «отцовскую» заботу о судьбе каких-то не знакомых ему российских эсеров? Может быть, на это нужно смотреть шире — как на заботу о дальнейшей судьбе самого Колчака и его диктатуры?

Ответ на эти вопросы попытаемся найти у самого Уорда.

«Я, демократ, верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации и культуры. Слова и названия никогда не пугали меня. Если сила обстоятельств ставит передо мной проблему для решения, я никогда не позволю, чтобы предвзятые понятия или идеи, выработанные абстрактно, без проверки на опыте живой действительности, могли изменить мое суждение в выборе того или иного выхода».

И еще. Омская газета «Русская Армия» 19 ноября 1918 года писала: «Полковник Уорд... командир английского батальона, прибывшего в г. Омск, сказал: „Несомненно, Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой — создание национального правительства“».

Итак, Уорд, скорее всего, выполнял указания Нокса, а через него и английских правящих кругов, и заботился в большей степени о судьбе колчаковской диктатуры, чем об арестованных членах Директории. А для дальнейшей судьбы колчаковской диктатуры очень важна была хотя бы демократическая видимость переворота в Омске.

«Последовал чисто комический конец Директории, — писал позже генерал К. В. Сахаров. — Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокойства ночь. Когда их утром посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директора предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что офицерам, произведшим арест, грозит военный суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директора, — они заявили: «Отправьте нас поскорее в безопасное место». А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать».

Из материалов допроса А. В. Колчака в Иркутске:

«...Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10 — 12 англичан, который в дороге гарантировал бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории.

Уорд с большим удовольствием согласился. Он сказал, что ему нужно делегировать 15 человек во Владивосток и эти 15 человек могут также ехать в этом поезде и нести караульную службу...

На вопрос, куда они хотят ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж, и им была выдана сумма приблизительно 75 000 — 100 000 рублей каждому в этот же день. Затем дано было знать Хорвату заготовить заграничные паспорта, не ожидая их приезда, и просить китайские и японские власти о беспрепятственном их проезде. Вскоре был получен ответ, что все будет сделано и что японские и китайские власти препятствий чинить не будут.

Затем я сказал Старынкевичу (министр юстиции — *Авт.*), чтобы он выработал известное положение, по которому они дали подписку, что они ни при каких условиях не будут вести политическую борьбу против правительства Верховного правителя, находясь за границей».

Все они дали честное слово жить тихо и в полити-

ческую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «клочком бумаги».

Почти с первых же дней появления за границей все они начали свою «политическую» деятельность, мутя еще больше ту международную тину, которая с первых дней революции появилась около имени «Россия».

Разгон Директории, как и следовало ожидать, не вызвал на местах ни протестов, ни сочувствия к уехавшим эсерам.

Глава 2

ПРО И КОНТРА

Первое впечатление о Колчаке как о Верховном правителе было сильным и вполне благоприятным. Некоторых смущали лишь следующие обстоятельства.

Во-первых, процесс провозглашения диктатуры, как учит история, бывает несколько иной, чем тот, который имел место в Омске. Как известно, ни один диктатор не был избран и никто ему власть не вручал. Обыкновенно он брал ее сам, а затем заставлял себя избирать.

Во-вторых, на роль диктатора, как свидетельствует опять-таки история, почти всегда попадал популярный военный деятель, боготворимый массами, черпавший свое обаяние из ореола побед, одержанных этими массами именно под его командованием. Поэтому он и был, с одной стороны, неуязвим для своих противников, а с другой — полновластен.

Этого в Омске не было.

ИДЕЯ ДИКТАТУРЫ БЫЛА ВЫДВИНУТА малочисленной группой населения. Адмиралу Колчаку еще предстояло завоевать себе всеобщее признание. Если бы диктатура создавалась сама собою, по мере роста влияния и укрепления авторитета одного лица, то общее преклонение заменило бы тогда официальное признание. У адмирала же было только славное имя, оно помогло ему укрепиться. Но имя его было чуждо широкому народным массам.

Между тем, допуская даже, что Колчак был популярен во флоте, больших, «работающих» на его авто-

ритет, побед за ним не числилось. Во всяком случае, в условиях Сибири, а затем и всей России роль флота представлялась ничтожной, если не нулевой. А для сухопутных войск, которым отводилась главная роль, имя адмирала Колчака значило очень мало. К тому же опыта ведения военных действий на суше у Колчака не было да и быть не могло.

Но такие качества адмирала, как патриотизм и необычайная энергия, верность долгу и настойчивость в осуществлении задуманного, позволяли надеяться, что он сумеет справиться со своей задачей. Образование же его и начитанность успокаивали, вселяли уверенность в то, что в чуждых ему, чисто сухопутных вопросах адмирал, как бесспорно умный человек, сумеет разобраться, а в трудных случаях найдет себе знающих советников. Неизвестно было лишь одно: обладает ли Колчак столь редко дающимся даром — умением подбирать людей?

Эти и подобные им соображения приводили в пользу адмирала его сторонники, когда пессимисты начинали в нем сомневаться: «...Это будет очень скверный диктатор — для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивой решительности недостаточно». Правда, даже сомневающиеся все-таки соглашались с тем фактом, что выбор пал на единственно подходящего на эту роль человека. По крайней мере, другой кандидат назван не был. В общем, считали, что каков бы ни был Колчак, омская обстановка выдвинула его к власти, ведущей смертельный бой с большевизмом, и все, в ком есть честь и любовь к родине, обязаны сплотиться вокруг адмирала и своим трудом, своими достоинствами скорректировать его недостатки.

Омский переворот, по мнению его устроителей, имел все данные стать решающим не только для Сибири, но и для всей России. Так казалось, по крайней мере, многим в то время, и мало кто подозревал, какое печальное разочарование ожидает их впереди.

Тогда, поздней осенью восемнадцатого, белая пресса взалхлеб сообщала о том, что сибирским правительством решено «передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Колчаку», который и приступил к исполнению своих обязанностей как Верховный правитель.

Тут же печаталось воззвание А. В. Колчака к войс-

кам и населению, красивое по форме и твердое по духу, в котором он сообщал о принятии на себя тяжелых обязанностей правителя и, как прозорливо и трагически он выразился, «креста этой власти».

Колчак не собирался идти «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Свою главную цель он видел в создании армии, победе над большевизмом, установлении в России законности и правопорядка. По его мнению, это необходимо было сделать в первую очередь, для того, чтобы народ мог беспрепятственно избрать для себя приемлемый образ правления, «осуществить великие идеи свободы».

Были посланы извещения о том же всем союзным представителям. Затем последовал короткий и точный приказ, запрещающий какую-либо пропаганду среди войск и населения, призывавший всех к работе, самой горячей и дружной, для возрождения России.

Белый лагерь в целом был доволен этими переменами и воспринял их вполне спокойно. Многие желали единой, объединяющей власти, испытывали крайнюю нужду в сильной воле и твердой руке, и выбор лица для этого представлялся в то время вполне удачным. В Омске наблюдалось некоторое волнение умов, но оно быстро улеглось.

Весьма любопытны суждения эсера В. Ф. Соколова — представителя левого крыла правительства Северной области — о военной диктатуре, иллюстрирующие эволюцию взглядов российских демократов на эту проблему. Соколов утверждал, что для победы в гражданской войне военная диктатура необходима, и ссылаясь при этом на пример большевиков.

«Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться к положению, что для победы необходима диктатура, — писал он. — Для меня стало более чем очевидным, что сила большевиков не только в их активности, которой были лишены их противники, но и в твердой, не отступающей ни перед чем власти. Но если твердая власть и есть необходимое условие для победы, то, во всяком случае, не ею одной куется последняя. Чего-чего, а твердой власти наши военные не были лишены. Но они были лишены многих других

качеств, которые были у того, кому они хотели подражать, — у Наполеона. Бонапартизм русских генералов решительно не того качества, которое способно было бы принести им победу. Ибо для них все начиналось с твердой власти и кончалось ею же. Причем часто они довольствовались лишь внешним проявлением этой твердости».

В. Ф. Соколов, анализируя историю российских военных диктатур, полагал, что те, кто делали на них ставку, были глубоко не правы. «Условия гражданской войны, — считал он, — требуют от ее вождей тех качеств, которыми генералы отнюдь не обладали: они требуют широкого ума, умения понять интересы и желания населения, умения повести их за собой — и все это наряду с существенно необходимым талантом стратегическим».

Тогда кто должен быть диктатором?

Русский интеллигент?

«Но интеллигент русский, преисполненный пассивности, в эти годы гражданской войны не мог этого понять. Находясь под гипнозом ореола генеральских погон, он уступает без сопротивления часто изумленному этой пассивностью генералу всю власть, — утверждал В. Ф. Соколов. — Так было на Волге, когда отдали всю власть генералу Галкину, так было в Сибири...»

В адрес А. В. Колчака поступило множество поздравительных телеграмм. Общественные организации, городские учреждения, сельские сходы выражали свою радость и уверенность в успехе дела, заверяли Верховного правителя в своей готовности поддержать его в деле спасения России. Прибыла даже приветственная телеграмма от Союза сибирских маслоделов. Многие были настроены в промонархическом духе.

Но, видимо, говорить об искренности этих заверений рискованно. Скорее всего, их авторы не хотели мешать А. В. Колчаку защищать Сибирь от большевиков. Во всяком случае, на оппозицию с их стороны тогда ничто не указывало.

Все публикации лично о Колчаке в «Военных ведомостях» носили восторженный характер. Так, в № 3 от

23 ноября 1918 года содержится статья некоего капитана Колесникова, в которой так говорится о Колчаке: «...Сквозь черный полог тучи мы видим лучи солнца. У нас есть вождь... его железная воля сметет все препятствия».

В первые дни телеграммы приходили главным образом из войск. Познакомившись с ними, адмирал уверовал: то, что сделано, сделано правильно и отвечает настроению и пожеланиям армии, по крайней мере, армия его приветствует, признает Верховным правителем и передает себя в его полное распоряжение. По мнению Колчака, это — главное условие прочности его власти.

Армия была не только на стороне новой власти, она долго ждала ее и, сыграв в общем оркестре недовольства Директорией партию первой скрипки, сама вызвала эту власть к жизни.

Признал власть А. В. Колчака и генерал А. И. Деникин.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Штаб Главнокомандующего Вооруженными Силами на юге России

«В периодической печати живо комментируется вопрос о форме установившихся взаимоотношений между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком.

Ввиду дальнейшей возможности различных толкований этих взаимоотношений Штаб Главнокомандующего настоящим объявляет:

Известие о происшедшем в г. Омске государственном перевороте, в силу которого Верховная власть в Сибири перешла к адмиралу Колчаку, было получено 15 ноября ст. ст. от русского посланника в Афинах Демидова.

В телеграмме указывалось, что адмирал Колчак «разделяет необходимость объединения с южно-русскими правительствами и с важным государственным образованием — армией генерала Деникина».

Исходя из общих стремлений в борьбе с большевиками за восстановление Единой Неделимой России, главнокомандующий генерал Деникин признал адми-

рала Колчака носителем Верховной власти в Сибири и Дальне-Восточной окраине.

24 декабря начальник штаба адмирала Колчака Генерального штаба полковник Лебедев в своей телеграмме на имя главнокомандующего сообщает: «Адмирал Колчак объявил, что будет работать с Вами рука об руку. Считайте себя единственным Начальником для дел запада и юга России».

7 января адмирал Колчак телеграфировал генералу Деникину о сформировании 1 января в г. Омске Правительства, во главе которого стал он, приняв на себя и главное командование всеми войсками Сибири, казачьих областей Уральской и Оренбургской и всей территории Урала. Сообщая о дошедших до него сведениях о борьбе на юге России за единую Русь, адмирал Колчак выражает желание «сноситься с Вами (генералом Деникиным) по делам военным и государственным», считая необходимым согласовать общее действие.

16 января в местных газетах опубликованы тексты телеграмм ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО:

1) На имя адмирала Колчака — о принятии на себя Высшего командования над всеми силами, действующими на юге России, рассматривая это объединение как «драгоценный залог успеха патриотической идеи, проводимой Вашим Превосходительством (адмиралом Колчаком на востоке), а мною (генералом Деникиным) на юге России».

2) На имя С. Д. Сазонова в Париж, для передачи Союзным державам о согласии с адмиралом Колчаком в «чрезвычайном значении сочетания действий армий востока и юга России в их усилиях достижения общей цели».

Из всего приведенного следует, что подчиненной зависимости между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком не существует. Между высшим командованием армиями юга России и Правительством адмирала Колчака — расхождений быть не может.

В самом тесном содружестве юга и востока России — залог воскресения общей Родины.

17 января 1919 года Г. Екатеринбург

Начальник Политической Канцелярии
Генерального Штаба
Полковник Чайковский».

Позже генерал А. И. Деникин издал следующий приказ:

**ПРИКАЗ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ
НА ЮГЕ РОССИИ**

№ 69

Г. Екатеринодар

3 июня 1919 г.

(по Общему Управлению)

«Приказом моим от 30 сего мая за № 145, я объявил о подчинении моем адмиралу КОЛЧАКУ, как ВЕРХОВНОМУ Правителю Русского Государства и ВЕРХОВНОМУ Главнокомандующему Русской Армией, о чем и донес ВЕРХОВНОМУ Правителю.

Впредь до получения от ВЕРХОВНОГО Правителя указаний о порядке осуществления государственной власти в областях, находящихся ныне под моим управлением, приказываю: Особому при мне Советанию, состоящим при мне ведомствам и всем прочим подчиненным мне органам управления и суда продолжать свою работу на основании действующих указаний, руководствуясь моими указаниями и помятуя о благе Российской Державы.

Генерал-лейтенант *Деникин*».

Но не всюду и не сразу подчинилась А. В. Колчаку Сибирь.

Протестующие возгласы донеслись с окраин.

На западе протестовали эсеры-учредивовцы и чехи. Последние мотивировали свое недовольство тем, что переворот, во-первых, противоречит идеалам свободы и народовластия, народоправства, а во-вторых, нарушает законность, которая должна быть положена в основу всякого государства. Чешское заявление вызвало отповедь со стороны национальной русской печати. Чехам было указано на всю неуместность их вмешательства во внутренние дела России.

Атаман А. И. Дутов, состоявший в Комитете членов Учредительного собрания, проявил политическую гибкость: признал Колчака, но одновременно от имени Оренбургского и Уральского казачества сделал запрос адмиралу, интересуясь его отношением к Учредительному собранию, так как войска якобы волнуются из-за

конфликта между адмиралом и учредилловцами. Дутов, по свидетельству Г. К. Гинса, производил впечатление лукавого, неглупого человека, который не гоняется за внешними успехами. Он считал свое войско самостоятельным и никому не подчинявшимся. Претендовать на звание Верховного правителя не собирался: полагал, что это свяжет его как человека, любящего прежде всего атаманскую вольность.

Колчак сообщил, что считает своей задачей путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность созвать Учредительное собрание, на котором была бы высказана воля народа. Ответ Верховного правителя был встречен с восторгом, оренбургское и уральское «правительство» заявили, что они разделяют точку зрения Колчака и считают осуществление ее планов необходимым.

С юга, из Семипалатинска, пришел протест атамана Б. В. Анненкова. Но вскоре под давлением сибирских торговцев, поддерживавших его ранее и пригрозивших отлучением, он прислал А. В. Колчаку телеграмму о своей капитуляции.

С востока очень быстро пришло приветствие генерала Д. Л. Хорвата, но вслед за ним — протест атамана Г. М. Семенова.

Последний не очень удивил Колчака. Едва ли можно было рассчитывать, что Семенов поддержит Колчака, зная о тех отношениях, которые сложились между ними. (Напомним, что в свое время между ними произошел конфликт.)

Тогда на повестке дня стояла задача объединения разрозненных дальневосточных воинских частей и отрядов, в том числе и Особого Маньчжурского отряда Г. М. Семенова, в единую вооруженную силу с централизованным снабжением и управлением. Для решения этих вопросов Колчак и отправился к Семенову.

— Когда я прибыл на станцию Маньчжурия, — вспоминал позже адмирал, — мне сообщили, что Семенова нет. Меня это очень удивило, потому что я послал за три дня телеграмму; на фронте было спокойно, но Семенова не было. Через некоторое время я убедился, что тут идет какая-то странная игра. Наконец, мне совершенно определенно сказали, что он находится здесь, но что он не желает ко мне прибыть. Тогда я решил, что вопрос настолько важен, что надо пренеб-

речь самолюбием. Я сам поехал к Семенову переговорить с ним. Мне совершенно определенно заявили, что Семенов получил инструкцию мне ни в коем случае не поддаваться.

Прибыв к Семенову, Колчак спросил его:

— В чем дело? Я приезжаю сюда не в качестве начальника над вами; я приехал с вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы, и нам нужно договориться, в какой мере и в какой степени я могу оказать вам помощь своим отрядом, потому что средства у нас одни и те же, средства Китайско-Восточной железной дороги, и мне, как члену правления этой дороги, чрезвычайно важно знать ваши желания и цели, для того чтобы я мог соответствующим образом распределять те остатки имущества и ценностей, которые имеются в распоряжении правления. Я привез вам денег от Китайско-Восточной железной дороги.

Семенов отвечал уклончиво: якобы сейчас он ни в чем не нуждается, получает средства и оружие из Японии и ни с какими пожеланиями и просьбами к А. В. Колчаку обращаться не собирается. В сущности, разговаривать было не о чем. Семенов дал понять Колчаку, что желает по-прежнему действовать совершенно самостоятельно.

— Хорошо, я с вами не буду разбирать этот вопрос, — был вынужден согласиться Колчак. — Но имейте в виду, что раз вы со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы вам оказать железная дорога, и ее средства и ресурсы буду применять к тем частям, которые находятся под моим командованием...

Таким образом, у Колчака сложилось о Семенове самое нелестное мнение.

А сейчас тот же самый Г. М. Семенов отказывался признать верховную власть адмирала и более того — предложил своих кандидатов: хоть Деникина, хоть Хорвата. «Если в течение 24 часов, — телеграфировал Семенов омскому правительству, — я не получу ответа о передаче власти одному из указанных мною кандидатов, я временно, впредь до создания на западе (Сибири. — *Авт.*) приемлемой для всех власти, объявлю автономию Восточной Сибири...» При положи-

тельном решении вопроса Семенов обещал «несомненно и безусловно» подчиниться новому обладателю верховной власти. Одновременно атаман потребовал освободить полковника Волкова, казачьих офицеров Красильникова и Катанаева — непосредственных исполнителей омского переворота — и предупредил А. В. Колчака, что в противном случае он пойдет «на самые крайние меры» и будет «считаться» с адмиралом «лично». Сговориться с Семеновым было нелегко, так как он опирался на японскую поддержку.

Хотя официально Япония и одобрила омский переворот, происходившие здесь события она в первую очередь рассматривала как удобный случай для укрепления своего фактического господства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке путем поддержки казачьих атаманов и «отдельных мелких правительств» (их не поддерживало население, поэтому они нуждались в помощи японцев). Колчака же японцы считали «человеком Вашингтона» — своего главного конкурента, — а значит, доверять ему не могли. Поэтому и спровоцировали конфликт Колчака с Семеновым. А назначение Колчака военным и морским министром расценили как антияпонский выпад омского правительства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после омского переворота Токио поставило Семенова в известность о своем недоверии к Колчаку и дало секретное указание: «Вы протестуйте ему». Слуга немедленно принял к исполнению распоряжение хозяев, тем более что и сам был не прочь с их помощью стать властителем Забайкалья и прилегавших к нему территорий русского Дальнего Востока и Монголии.

Ликвидировать демарш Семенова можно было только дипломатическим путем. Но как раз дипломатии в этом инциденте Омску и не хватило. Наоборот, там объявили Семенова изменником, срочно сформировали вооруженный отряд и направили его на восток, поставив задачу — начать против атамана военные действия. Отрядом командовал один из «героев» возведения А. В. Колчака на «омский престол», только что произведенный из полковников в генералы Волков.

А 1 декабря Колчак отдает приказ № 61. Вот его текст:

«1. Командующий 5-м отдельным Приамурским армейским корпусом полковник Семенов за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены, отрешается от командования 5-м корпусом и смещается со всех должностей, им занимаемых.

2. Генерал-майору Волкову, Сибирского казачьего войска, подчиняю 4-й и 5-й корпусные районы во всех отношениях на правах командующего отдельной армией, с присвоением прав генерал-губернатора, с непосредственным мне подчинением.

3. Приказываю генерал-майору Волкову привести в повиновение всех, не повинующихся Верховной властью, действуя по законам военного времени.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал *Колчак*».

Однако Семенов не испугался. Этот приказ лишь развязал ему руки. Атаман не только прервал телеграфное сообщение Омска с Дальним Востоком, но и стал задерживать поезда и даже забирать из казначейства деньги. Просеменовская газета «Русский голос» всячески оскорбляла Колчака, предлагая Семенова на пост Верховного правителя России.

Загорелся костер чисто русской вражды. Прежние единомышленники разошлись и заняли непримиримые позиции. А вокруг, разумеется, тут же нашлось немало добровольных помощников, готовых подкинуть лишнюю вязанку дров в огонь.

Не успел омский отряд доехать до Иркутска и приступить к выполнению своей задачи, как японцы заявили, что они не могут допустить столкновения в Забайкалье и, если начнутся боевые действия против Семенова, то они выступят, вероятно, на помощь атаману.

Само собой разумеется, что на разрыв с японцами, одними из союзников, и на военные действия с ними Колчак пойти не мог. Японское вмешательство как бы предотвратило новое братское кровопролитие. Но, с другой стороны, это был прямой удар по образовавшейся новой власти, фактически — по адмиралу.

Здесь уместно будет несколько отступить в сторону от основной канвы повествования и подчеркнуть одну

из особенностей, характерных для Белого движения, которая заключалась в так называемых иностранных ориентациях: японской, английской, американской и т. д. В то время, упоминая о какой-нибудь мало-мальски заметной в Белом движении личности, начинали прямо с того, что «он такой-то ориентации». Ориентации на Россию, на свою родину как бы и не существовало вовсе. Наверное, это объяснялось слишком мягким и доверчивым русским характером, да от старой привычки смотреть на Европу снизу вверх не-легко было отказаться. Но, справедливости ради, надо сказать, что и иностранные миссии немало постарались, прилагая максимум усилий для вербовки большего числа своих сторонников.

После того как Омск был вынужден отказаться от плана подчинить Семенова силой, начались переговоры, которые явно затягивались. Союзники безмолвствовали, но вскоре фактически высказались в пользу атамана, не желая решать конфликт военным путем. Необходимый Омску исход «семеновского инцидента» становился почти невозможным, ибо против него были уже не только японцы, но и главные представители союзников генералы М. Жаннен и А. Нокс.

Колчак решил дать отбой и для спасения «чести мундира» в феврале 1919 года послал к Семенову комиссию для расследования степени его виновности. Но, работая на «чужой территории», комиссия хотела лишь одного: как можно скорее убраться оттуда.

Комиссия не установила факта «задержки воинских грузов для фронта и злонамеренного перерыва телеграфного сообщения», а выявленные ею «деяния, носящие антигосударственный характер», сводились в основном к захватам, ограблениям, разбоям, массовым убийствам и зверствам в семеновских застенках. Да к тому же многие омские министры, бывшие до этого сторонниками Запада, начинают требовать примирения с Семеновым.

И тут случай помог А. В. Колчаку. На Семенова было совершено покушение: осколком бомбы, брошенной в театре, атамана ранило в ногу. Колчак воспользовался этим удобным случаем. Последовал благород-

ный жест: 27 мая 1919 года он издает приказ № 136 о реабилитации Семенова. Последний в ответ телеграфировал в Омск о своем подчинении Колчаку. Семенов был назначен командиром 5-го корпуса и помощником командующего войсками Приамурского военного округа, фактически став старшим среди дальневосточных казачьих атаманов.

Кажется, конфликт закончился, примирение состоялось. Но трещина в их отношениях так и не исчезла. Несмотря на неоднократные просьбы Колчака, Семенов позже не послал ни одного солдата на расползавшийся по всем швам фронт.

Бескровное разрешение спора было с энтузиазмом воспринято японцами. Главнокомандующий японскими войсками на русском Дальнем Востоке генерал Отани направил Колчаку нижеследующую телеграмму:

«Его Высокопревосходительству Колчаку.

С чувством глубокого уважения поздравляю вас, что длившийся в течение полугода вопрос (речь идет о ликвидации конфликта между Колчаком и Семеновым. — *Авт.*) теперь разрешен в благоприятном смысле и дело воссоздания великой России, благодаря этому, двинется вперед крупными шагами.

Считая, что разрешение этого вопроса много зависело от вашего благоразумного рассуждения и мудрого решения, я выражаю вашему Высокопревосходительству свое искреннее уважение.

Пользуясь этим случаем, от души желаю, чтобы дело воссоздания великой России под вашим твердым руководством было скорее доведено до конца.

Генерал *Отани*».

Из всех предъявленных протестов против установления власти адмирала А. В. Колчака наиболее серьезным был, несомненно, чешский, за которым стояла реальная сила. Но чехи зависели от союзников, а те не были очарованы ни раздираемой противоречиями Директорией, ни эсерами; у них было больше оснований верить Колчаку, и об этом они недвусмысленно дали понять чехам.

Командующий чехословацким корпусом генерал

Я. Сыровы 19 ноября сообщил прибывшему во Владивосток генералу М. Жаннену о том, что из-за переворота ситуация на фронте очень осложнилась и уставшие части требуют смены, что постоянные перевороты в России не пользуются симпатиями у чехов и все это может привести к отказу поддерживать адмирала, не исключена даже возможность антиколчаковских выступлений.

В ходе семичасовых переговоров по прямому проводу с генералом Жанненом Я. Сыровы получил категорическое распоряжение не вмешиваться во внутриполитическую борьбу, удерживать войска на фронте. Жаннен потребовал больше внимания обращать на неприятеля, а не на то, что делается в тылу.

В результате появились два документа за подписью Сыровы. В одном из них выражалось сожаление, что в тылу сражавшейся армии с помощью сил, необходимых фронту, проводятся перевороты, «противоречащие принципам законности». В другом документе — приказе по корпусу — категорически запрещалась всякая политическая пропаганда и агитация «внутреннего характера» среди войск в прифронтовой полосе. Если «протест» против переворота так и остался пустой бумажкой, то приказ по корпусу был реальным шагом, помогавшим стабилизировать положение нового диктатора.

Что касается эсеров-учредилловцев, то они вновь в воззвании «Ко всем народам России» обвинили Вологодского в захвате власти, назначении адмирала А. В. Колчака диктатором и объявили о том, что «Съезд членов Учредительного собрания» (после образования Директории Комитет членов Учредительного собрания был переименован в Съезд членов Учредительного собрания; заседал в Уфе, затем в Екатеринбурге; в декабре 1918 года упразднен окончательно) «берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти».

В числе телеграмм, полученных Верховным правителем, была и поступившая со значительным опозданием телеграмма из Уфы за подписью членов Учредительного собрания. Первая часть телеграммы состояла из ругани. Колчака называли узурпатором, врагом народа и т.д. Вторая часть носила более серьез-

ный характер. В ней учредилловцы заявляли, что повернут свои штыки на Омск и откроют новый внутренний фронт, на этот раз против Колчака.

Насколько первая часть телеграммы была безразлично адмиралу, настолько вторая его задела. На это надо было как-то реагировать, хотя Колчак и располагал сведениями о том, что части созданной Кому-чем «Народной армии» настроены сравнительно спокойно и отсюда навряд ли можно ожидать реальной угрозы его власти.

Но телеграмма недвусмысленно на нее указывала. Более того, учредилловцы начали подготовку антиколчаковского мятежа и даже избрали для этого особый комитет. Колчак был вынужден издать 30 ноября приказ об аресте членов Учредительного собрания.

«Бывшие члены Самарского комитета членов Учредительного собрания, — говорилось в приказе, — уполномоченные ведомств бывшего Самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени, несмотря на указ об этом бывшего Всероссийского правительства, и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в уфимском районе, ближайшем тылу сражающихся войск, пытаются поднять восстание против государственной власти; ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы Верховного командования, прерывают сообщения Западного фронта и Сибири с оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками; пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков». Верховный правитель А. В. Колчак приказывал всем военным начальникам решительным образом пресекать преступную деятельность вышеуказанных лиц, арестовывать их для предания военно-полевому суду, не стесняясь применять оружие.

Значительной части руководства учредилловцев удалось скрыться. Попались и были заключены в тюрьму менее видные эсеры.

Таким образом, «западная фронда» была быстро ликвидирована. Но эта ликвидация положила начало созданию внутреннего фронта. Партии социалистов-

революционеров и меньшевиков ушли в подполье, спрятались, замаскировались, но не прекратили своей деятельности. А где было можно, там они действовали в открытую. Таким обетованным местом для них стал Владивосток благодаря своему интернациональному характеру, приобретенному в 1918 году от массового наезда туда интервентов. Из Владивостока оппозиционеры раскинули свою сеть по всей Сибири, развернули энергичную работу по разложению тыла нового режима изнутри. Так что первоначальная легкая победа над противником не была окончательной победой. Колчаку и его правительству все время приходилось вести борьбу против эсеров, меньшевиков и других враждебных партий и групп.

КОЛЧАК НАСТОЙЧИВО ИСКАЛ СВЯЗИ с генералом В. Г. Болдыревым, желая сохранить за ним пост Верховного главнокомандующего. Создалось нелепое положение: наличие двух командующих. Сам Болдырев молчал, ни единым словом не выразил своих намерений. «Это было критическое положение для Колчака, который не знал, что он делает или намеревается делать», — считал английский полковник Уорд.

Лишь вечером 19 ноября состоялся разговор по прямому проводу двух Верховных главнокомандующих. Приведем его полностью.

Б о л д ы р е в: — У аппарата Верховный главнокомандующий генерал Болдырев.

К о л ч а к: — У аппарата адмирал Колчак. Вы просили меня к аппарату.

Б о л д ы р е в: — Здравствуйте, адмирал. Я просил вас к аппарату, чтобы выяснить все те события, которые произошли за мое отсутствие в Омске, а равно и те распоряжения, о которых я косвенно слышал и которые касаются вопроса о русском Верховном главнокомандующем.

К о л ч а к: — Рассказывать все по порядку невозможно. События в Омске произошли неожиданно для меня в Совете министров. Когда выяснился вопрос о Директории и Вологодский с Виноградовым признали невозможным ее дальнейшее существование, Совет министров в полном составе с председателем Вологод-

ским принял всю полноту верховной власти, после чего обсуждался вопрос, возможно ли при настоящих условиях управлять всем составом министров. Признано было, что такое коллективное правление ныне невозможно. Тогда был поднят вопрос об образовании верховной власти двух или трех лиц. Это было признано тоже неприемлемым. Тогда вопрос свелся к единоличной верховной власти, и было суждение о двух лицах. Я указал на вас, считая, что для осуществления единоличного верховного управления достаточно передать Верховному главнокомандующему полномочия по гражданской части. Вопрос, таким образом, решается наиболее просто. Суждение об этом было и происходило в моем отсутствии. Я оставил зал заседания, высказав свое мнение. Совет министров постановил, чтобы я принял на себя всю полноту верховной власти, указав на тяжесть переживаемого момента, недопустимость отказа. Я принял этот тяжелый крест как необходимость и как долг перед родиной. Вот все.

Болдырев: — Таким образом, ни со стороны вашей, как военного министра, ни со стороны командарма Сибирской, ни со стороны Совета министров не было принято никаких мер к восстановлению прав потерпевших и к ликвидации преступных деяний по отношению членов Всероссийского правительства. Кроме того, наличность третьего члена Директории, хотя и находящегося в отсутствии по делам службы, создавала кворум и право Директории распорядиться своей судьбой; и здесь, на фронте, я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушившего все, что было с таким великим трудом создано за последний месяц. Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения к государственной власти, хотя, может быть, и несовершенной, но имевшей в своем основании признак народного избрания... Должен вас предупредить, что, судя по краткой беседе с генералом Дитерихсом, и в этом отношении нанесен непоправимый удар идее суверенности народа в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного главнокомандования и со стороны войск русских, и со стороны союзников. Я не ошибусь, если скажу, что ваших распоряжений, как Верховного главнокомандующего, слу-

шать не буду. Я не позволил себе в течение двух дней ни одного слова, ни устно, ни письменно, не обращаясь к войскам и все ждал, что в Омске поймут все безумие совершившегося факта и, ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране, более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин, я должен вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и других и сложение вами ваших полномочий. Я считал долгом чести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению членов правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его как совершившийся факт. Прошу это мое мнение довести до сведения Совета министров. Я кончил.

Колчак: — Я не понимаю выражения ваших чувств в смысле спокойствия или беспокойствия правительства и нахожу неприличным ваше замечание о принятии тех или иных мер в отношении совершившихся событий. Я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти. Совершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мною преданы полемому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги, и военные в особенности.

Присутствующие члены Директории Вологодский и Виноградов признали невозможным дальнейшее ее существование. Положение создавало анархию и требовало немедленного твердого решения... рассуждать в области отвлеченных представлений о кворуме Директории, из которой два члена были неизвестно где, два признавали невозможным ее дальнейшее сущест-

вание и пятый в вашем лице находился за тысячу верст... Решение было принято единогласно, и верховная власть военного командования и гражданского управления была возложена на меня. Я ее принял и осуществил так, как этого требует положение страны. Вот все.

Болдырев: — До свиданья.

Колчак: — Всего хорошего.

Итак, генерал и адмирал не поняли друг друга.

Вскоре Болдыреву принесли телеграмму от Колчака:

«Приказываю вам немедленно прибыть в Омск. Неисполнение моего приказа буду считать как акт неповиновения мне и постановлению Всероссийского правительства».

Генерал оставил эту телеграмму без ответа. Что делать? Подымать фронт против Омска? Но у каждого политического деятеля и свое время, и своя судьба. Болдырев решил — пора и отдохнуть. Вечером 21 ноября он прибыл в Омск. Генерала встретили и сообщили, что его приглашает к себе Верховный правитель России.

Из дневника генерала В. Г. Болдырева:

«...Он занимает кабинет Розанова, теперь всюду охрана. В кабинете солдатская кровать, на которой спит адмирал, видимо, боясь ночлегов на квартире.

Колчак скоро пришел в кабинет, слегка волновался. Он в новых адмиральских погонах. Друзья позаботились. Мое запрещение производства ликвидировали, и адмирал сразу получил новый чин «за заслуги».

Я спокойно заявил, что при создавшихся условиях ни работать, ни оставаться на территории Сибири не желаю. Это было большой ошибкой с моей стороны. Я дал выход Колчаку. Он горячо схватился за эту мысль как временную меру и называл даже Японию или Шанхай.

Колчак очень встревожен враждебными действиями Семенова. Тому хотелось видеть диктатором Хорвата, Деникина или даже Дутова.

В дальнейшем разговор коснулся трудности общего положения; я заметил Колчаку, что так и должно

быть. «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему может погубить не только вас, но и дело, начатое в Сибири».

Адмирал вспыхнул, но сдержался. Расстались любовно. Теперь все пути отрезаны — итак, отдых».

Поздно вечером 28 ноября Болдырев уехал из Омска на Дальний Восток в добровольное изгнание.

Вскоре А. В. Колчаку донесли, что Болдырев встречается с эсерами и земцами, которые ведут с ним переговоры на предмет свержения Колчака при помощи японских штыков. Но генерал якобы не соглашается, ибо не видит реальной русской силы, а действовать при помощи интервентов, в данном случае японцев, он не хочет.

Как бы то ни было — Колчак реагировал быстро. Он послал телеграмму адъютанту Болдырева и командующему войсками Приморской области полковнику Х.Е. Бутенко с указанием выселить генерала за границу, а в случае нежелания — арестовать и выслать насильно.

Бутенко был учеником Болдырева по Академии Генерального штаба. Действовать нахрапом против бывшего учителя Бутенко не хотел. Он сказал Болдыреву:

— Не скрою, ваше превосходительство, я имею телеграмму Верховного правителя содействовать вашему скорейшему отъезду за границу.

— Вы хотите меня арестовать? — спросил Болдырев полковника, когда тот явился выполнить распоряжение А. В. Колчака.

— Ни в коем случае. Хочу только быть полезным в вашей поездке за границу, — вежливо ответил Бутенко.

Через три дня Болдырев уехал в Японию.

КАК ОТНЕСЛИСЬ К ПЕРЕВОРОТУ представители иностранных держав, которые находились в то время в Сибири?

— Насколько помню, — рассказывал позже Колчак, — в Омске в то время был представитель Америки — Гаррис и Франции — Реньо. Представителя Англии еще не было, был только полковник Уорд. Нокс же

приехал позже. Со стороны Японии была только чисто военная миссия. Представителями чехов были тогда Кошек и Рихтер. Вообще отношения со стороны всех, кто ко мне являлся, были самыми положительными. Гаррис относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из немногих представителей Америки, который искренно желал нам помочь и делал все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения.

Гаррис первым прибыл к Колчаку с визитом уже на следующую день после переворота.

— Думаю, — сказал он, — что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение. Но, наблюдая всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли в свои руки власть при условии, конечно, что вы смотрите на свою власть, как на временную, переходную. Конечно, основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, то есть выбрать правительство по своему желанию.

— Это есть моя основная задача, — стал объяснять Колчак. — Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться.

На это Гаррис сказал:

— Я вам сочувствую и считаю, что если вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе.

В таком же духе говорил с Колчаком и Реньо.

Навестил адмирала и Уорд. Английский полковник в разговоре с Колчаком подчеркнул, что установившаяся власть — это единственная форма власти, которая должна быть.

— Вы должны нести ее до тех пор, — сказал Уорд, — пока наконец ваша страна не успокоится и вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа.

Колчак ответил, что его задача — работать вместе с союзными представителями, в полном согласии с ними, и что он смотрит на настоящую войну как на продолжение той войны, которая шла в Европе...

(Из отчета полковника Д. Уорда о происшедших в Омске 18 ноября 1918 года событиях, направленного в главную квартиру британской военной миссии во Владивостоке, следует, что Колчак «в полной форме русского адмирала» сам зашел к Уорду в 9 часов вечера 18 ноября. «Адмирал, который говорит превосходно по-английски, уведомил меня об обстоятельствах и причинах принятия им верховной власти над всей Россией, — пишет Уорд. — ...Я ответил, что эти доводы, в связи с моим личным знакомством с делами, по-видимому, оправдывают происшедшее... Он сказал, что единственной целью принятия им на себя бремени подавляющей ответственности, связанной с долгом Верховного правителя России в этот печальный час ее истории, было предупредить крайние элементы как справа, так и слева, пытающиеся продолжать анархию, препятствующую установлению свободной конституции; что, если его деятельность когда-нибудь в будущем не окажется в гармонии с установлением свободных политических учреждений, как их понимает английская демократия, он будет убежден, что дело его потерпело неудачу».)

— Вслед за этими лицами, — рассказывал дальше А. В. Колчак, — меня посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека отношение было самое милое, любезное, но все же чувствовалась какая-то неопределенность. Они спросили меня: «Что вы предполагаете делать?» Я сказал, что моя задача очень простая — снабжать армию, увеличить ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, так как смотрю на свою власть как на временную; буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея в виду одну задачу — продолжение борьбы на нашем уральском фронте. Вся моя политика определяется этим. Стране нужна во что бы то ни стало победа, и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь ее. Никаких решительно определенных политических целей у меня нет; ни

с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего-либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача.

Тогда Рихтер задал вопрос:

— Отчего вы раньше не говорили об этом, почему не спросили раньше нашего мнения?

Колчак довольно резко ответил:

— Вам какое дело? Ваше мнение совершенно неинтересно и необязательно для нас.

— Мы принимали участие в ведении войны.

— Да, но теперь вы никакого участия не принимаете; почему же вы хотите, чтобы мы справлялись с вашим мнением, и в особенности теперь, когда вы оставляете фронт?

(Скорее всего этот резкий разговор состоялся не в первые месяцы правления Колчака, когда и Верховный правитель, и его правительство буквально бредили желанием быть признанными союзническими правительствами де-юре и были вынуждены, хотели они того или нет, прислушиваться к мнению иностранцев. «...Я постоянно делал указания и давал советы, — пишет полковник Д. Уорд, — когда он (Колчак. — *Авт.*) просил их, относительно всего, что касалось и внутренних и внешних дел...» И далее Уорд в своих воспоминаниях приводит ряд примеров таких «советов и указаний», которые он давал Колчаку во время своего пребывания в Омске.)

Союзные миссии, а через них и правительства Антанты молча примирились с переворотом. Однако своего официального признания новой власти они не высказали ни в ноябре, ни в декабре, ни в течение целого года, не высказали его вплоть до самого конца колчаковской эпопеи. Это тем более странно, поскольку они в полной мере оказывали омскому режиму материальную помощь: правительство США передало Колчаку кредиты, предназначавшиеся ранее Временному правительству, предоставило совместно с Англией и Францией для белой армии значительное количество вооружения и обмундирования, боеприпасов и военного снаряжения. Сибирь полна была иностранными представителями — военными и гражданскими; были

здесь и иностранные войска, помогавшие омской власти, — они несли охрану железной дороги, вели борьбу с противниками режима — восстававшими рабочими и крестьянами.

Выходило, что только само слово «признание» громко, прямо и открыто не произносилось. Оно, это слово, все время носилось в воздухе как призрак, то приближаясь, то удаляясь, то подступая снова почти вплотную. Оно, как блуждающий болотный огонь, дразнило и манило к себе. Естественно, что чем дальше, тем больше разгоралось желание омского правительства быть признанным; это сделалось чуть ли не главным, руководящим стимулом всех его усилий и действий.

Уже через несколько дней после омского переворота бывший русский посол в Лондоне К. Д. Набоков телеграфировал в омское министерство иностранных дел, что британские правящие круги ожидают свидетельств силы и прочности Верховного правителя. Посол в Париже В. А. Маклаков предупреждал, что партийные междоусобицы убивают доверие к России, просил не пугать Запад откровенными реставраторскими устремлениями, рекомендовал выступить с демократическими заверениями.

И А. В. Колчак не жалел ни сил, ни денег на пропаганду глубоко демократических целей, которые преследует русское антибольшевистское движение; готов был любыми правдами и неправдами убеждать союзников в либерализме новой власти.

«В своем кругу» адмирал и его политические советники с плохо скрываемым раздражением отзывались о «демократических» рекомендациях, шедших с Запада. Но другого выхода не было. Союзники не станут помогать реакции. Расчетливый западный буржуа не будет вкладывать средства в политику, которая не сулит более или менее скорых дивидендов. В западных столицах настойчиво рекомендовали русским дипломатическим представителям урезонивать омские «верхи», убеждать последние не слишком демонстрировать свой боевой дух, а Колчак бомбардировал посланиями представителей белых правительств на Западе, требуя максимально ускорить официальное признание своего правительства.

Чтобы внести большую ясность в этот вопрос, обратимся к такому откровенному, неприкрашенному документу, беспристрастно, хотя и с душевной болью вскрывающему причины крушения Колчака и Белого движения в Сибири, как «Дневник» генерала А. П. Будберга.

«Был у генерала Жаннена, — читаем запись от 2 июня 1919 года. — Веселый, жизнерадостный француз... Пытался ему растолковать, что прежде всего нужно, чтобы союзники признали образовавшуюся в Омске власть и поддержали ее морально и материально; сейчас мы находимся в невероятно тяжелом и сложном положении какого-то назаконнорожденного сына, и это дает возможность разражаться разными выпадами Семенову, Гайде и другим атаманам, допускает двусмысленное поведение японцев, давит нас по финансовой части, вносит ужасную путаницу в деле снабжения, выдаваемого нам как-то из-под полы и вроде каких-то подачек. Очевидно, что нам хотят помочь, а если так, то надо делать это скоро, откровенно и полным махом, понимая, что затяжка только истощает Россию и усиливает положение большевиков.

Затем нам нужна прочная, планомерная помощь вооруженной силой, но никоим образом не для войны на фронте, а для оккупации важнейших населенных пунктов и для установления там законного порядка и нормальных условий жизни. Сделать сами мы этого не в состоянии как по недостатку людей и вооруженной силы, так и по причинам чисто морального порядка, свойственным атмосфере гражданской войны, остроте классово-борьбы, горечи испытанного и трудноподавляемой жажде реванша и реакции...

Для этой цели нам нужны совершенно нейтральные, беспристрастные и спокойные войска, способные сдерживать всякие антигосударственные покушения как слева, так и справа. Только под прикрытием сети союзных гарнизонов, не позволяющих никому насильничать и нарушать закон, поддерживающих открыто и определенно признанную союзниками власть, возможно будет приняться за грандиозную работу восстановления всего разрушенного в стране, восстановления и укрепления местных органов управления и за еще

более сложную и щекотливую задачу постепенного приучения населения к исполнению государственных и общественных повинностей, к платежу налогов, — одним словом, к многому, от чего население отвыкло; это неизбежное ярмо надо надеть умеючи, а главное, без помощи наших карательных и иных отрядов.

Размер материальной помощи надо точно выяснять — по количеству и срокам — и обеспечить нам порядок и срочность получения, не держа нас в положении Персии или Турции, или расточительного племянника, получающего случайные подаячки от тароватых дядюшек. Все, приходящее во Владивосток, надо сдавать нам, а не распоряжаться каждому союзнику по его усмотрениям и по его симпатиям. (Видимо, Будберг имеет в виду особые симпатии главы английской военной миссии в Сибири генерала А. Нокса к капеллевскому корпусу, отлично и с запасом снабженному всем необходимым не без усилий со стороны британского генерала. — *Авт.*)

Одновременно надо выяснить, сколько и как надо за все это заплатить или засчитать, ибо только тогда возможно равноправие сторон.

Особенно я подчеркнул, что союзники делают большую ошибку, затягивая вопрос о признании нашего правительства; если оно почему-то не нравится или оно не надежно, то тогда надо об этом сказать, указав, что и как надо изменить, или же тогда уже признавать за власть большевиков; половинчатое решение тут невозможно.

Признание нужно не для честолюбия правительства, а для его укрепления; оно нужно для психологии народных масс, главного деятеля в будущем устройстве России».

«Я очень увлекался, излагая все это, — заканчивает свою запись Будберг. — К сожалению, мой собеседник не особенно внимательно меня слушал, стараясь перейти на иные нейтральные темы».

«Невнимательно слушал», — подчеркивает русский генерал. Но почему? Ведь речь шла о весьма серьезных, если не сказать — жизненно важных вопросах для Омска.

Может быть, союзники-интервенты просто не верили декларациям Верховного правителя и его окружения?

Представитель Высшего межсоюзного командования французский генерал М. Жаннен по этому поводу писал в своем сибирском дневнике: «...Это вовсе не означает, что здесь так именно думают или имеют хотя бы малейшее намерение провести все это в жизнь... Чтобы быть «признанными», они подпишут все что угодно».

«Не желая играть роль глупца», Жаннен направил в мае 1919 года в Париж телеграмму: «Благодарственная телеграмма, посланная адмиралом Колчаком господину Пишону (министр иностранных дел Франции. — *Авт.*), была составлена Мартелем («Высокий комиссар» Франции в Сибири. — *Авт.*), к которому обращались, чтобы улучшить стиль. Благодаря ему, в телеграмме выражены те мысли, которыми, по нашему мнению, здешнее правительство должно было бы руководствоваться. Было бы счастье, если бы оно их действительно разделяло. К несчастью, этого нет. Мои телеграммы служат доказательством...»

Учитывая материальные и моральные выгоды, которые сулило «признание», А. В. Колчак обещал все, что от него требовали, и даже больше. Но одно дело — обещать, а совсем другое — сдерживать обещание. Да и навряд ли он мог, хотя и стремился к этому, в полной мере выполнить требования союзников о либерализации режима: не для того устанавливали военную диктатуру в Сибири.

Наверное, все это хорошо понимали, но, ради успокоения и чтобы создать видимость активной работы в этом направлении, упорно продолжали вести «дипломатические игры» вокруг «признания», заведомо зная их результат. Утверждать это трудно, но предположить можно; уж очень непоследовательно вели себя обе стороны.

После неоднократного обсуждения «проблемы Колчака», заверений дипломатов, что адмирал никогда не будет «содействовать реакции» и доведет страну до Учредительного собрания, съезные правительства направили в Омск текст ноты с изложением условий помощи правительству А. В. Колчака.

В этой ноте содержались заверения в готовности «помочь правительству адмирала Колчака и тем, кто с ним объединился», но... сначала союзники хотели бы

получить доказательства того, что Верховный правитель работает для русского народа в интересах свободы, самоуправления и мира. От Колчака требовалось соглашение на некоторые условия, без чего сотрудничество союзников с Омским правительством оказывалось невозможным.

Вот эти условия.

Во-первых, как только А. В. Колчак достигнет Москвы (вряд ли союзники сами верили в такую возможность), он должен созвать Учредительное собрание как высший законодательный орган России. Если же к этому времени «порядок» еще не будет установлен, адмирал должен созвать «старое» Учредительное собрание «на то время, пока не будут возможны новые выборы».

Во-вторых, правительство Колчака не должно препятствовать свободному избранию местных органов самоуправления, «как, например, городские думы, земства и т. д.».

В-третьих, не будут восстанавливаться «специальные привилегии в пользу какого-либо класса или организации» и вообще прежний режим, стеснявший гражданские и религиозные свободы.

В ноте далее высказывались требования предоставить независимость Финляндии и Польше, урегулировать отношения России с Эстонией, Латвией и Литвой, а также с «кавказскими и закаспийскими народностями», и отмечалось, что все разногласия по этим вопросам должны подлежать арбитражу Лиги наций. От Колчака требовали отказаться от западных территорий бывшей Российской империи, и, наконец, Колчак должен был подтвердить свою декларацию от 27 ноября 1918 года о русском государственном долге.

Ноту подписала Большая пятерка: Ж. Клемансо от Франции, Д. Ллойд Джордж от Великобритании, В. Орландо от Италии, Т. В. Вильсон от США, К. Сайондзи от Японии.

Лицемерный, насквозь пропагандистский характер этой ноты был очевиден. Какого же ответа, кроме утвердительного, могли ждать союзники, если без их поддержки правительство Колчака просто-напросто не смогло бы существовать? Они смотрели на Верховного правителя России как на марионетку. Именно так

и оценили ноту союзников в Сибири. Фактически это было вмешательство во внутренние российские дела, что противоречило принципу суверенитета.

Но Омск понимал, что значат для него международные поддержка и признание. Говорили, что нужно обещать все, чего требуют «господа союзники», а там, в Москве, посмотрим. Сейчас же — соглашаться на любые условия.

Ответ адмирала А. В. Колчака прибыл в Париж 4 июня 1919 года. Он был выдержан в соответствующих «демократических тонах», которые тем не менее не связывали Колчака какими-либо обязательствами перед союзниками.

Вот этот ответ:

«Правительство, мною возглавляемое, было счастливо осведомиться, что цели держав в отношении России находятся в полном соответствии с теми задачами, которые себе поставило Российское правительство, стремящееся прежде всего восстановить в стране мир и обеспечить русскому народу право свободно определить свое существование через посредство Учредительного собрания. Глубоко ценя интерес, проявленный державами к русско-национальному движению, и признавая вполне справедливым их желание ознакомиться с политическими убеждениями Русского правительства, я готов подтвердить неоднократно мною уже сделанные заявления, за которыми я всегда признавал безусловно связывающую силу.

1. 18 ноября 1918 года я принял власть и не намерен удерживать ее ни на один день дольше, чем это требуется благом страны. В день окончательного разгрома большевиков моей первой заботой будет назначение выборов в Учредительное собрание. Ныне спешно работает комиссия по подготовке выборов, которая установит их условия и порядок на основах всеобщего избирательного права. Признавая себя ответственным перед этим Учредительным собранием, я передам ему всю власть, дабы оно свободным решением определило будущее устройство государства. В этом была мной принята присяга перед Высшим Российским Судом — хранителем законности нашего государства. Все мои усилия направлены к тому, чтобы закончить возможно скорее гражданскую войну сокрушением большевизма

и предоставить наконец русскому народу возможность действительно свободного волеизъявления. Всякая затяжка борьбы лишь отложила бы этот день, ибо Правительство не считает возможным заменить неотъемлемое право законных и свободных выборов восставлением Учредительного собрания 1917 года, избрание в которое происходило под большевистским режимом насилия и большая часть членов коего находится ныне в руках большевиков. Лишь законно избранному Учредительному собранию будет принадлежать верховное право окончательно решить все основные государственные задачи, как внешние, так и внутренние.

2. Я высказываю вместе с тем готовность уже теперь обсудить с державами все связанные с Россией международные вопросы в свете тех идей сокращения вооружений, предотвращения войн и миролюбивой и свободной жизни народов, завершением которых является Лига наций. Правительство, однако, считает долгом отметить, что окончательная санкция всех решений от имени России принадлежит Учредительному собранию. Россия в настоящее время является и впоследствии может быть только государством демократическим, в котором все вопросы, касающиеся изменения территориальных границ и международных отношений, должны получить ратификацию представительного органа.

3. Признавая естественным и справедливым последствием Великой войны создание объединенного Польского государства, Правительство считает себя правомочным подтвердить независимость Польши, объявленную Российским Временным правительством 1917 года, все заявления и обязательства которого мы на себя приняли. Окончательная санкция размежевания между Польшей и Россией должна, согласно принципам пункта второго, быть отложена до Учредительного собрания. Уже теперь мы готовы признать фактически существующее финляндское правительство, обеспечить ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении Финляндией. Окончательное же решение вопроса о Финляндии принадлежит Учредительному собранию.

4. Мы охотно готовы ныне же подготовить решения, связанные с судьбой национальных группировок: Эстонии, Латвии, Литвы, кавказских и закаспийских народностей, — и рассчитываем на быстрое решение этих вопросов, так как Правительство уже теперь обеспечивает автономные права национальностей. Переделы же и характер этих автономий должны, конечно, каждый раз быть определены отдельно. В случае же затруднений в решении этих вопросов Правительство охотно воспользуется миролюбивым сотрудничеством Лиги наций.

5. Вышеуказанный принцип ратификации соглашений Учредительным собранием, конечно, должен быть применен и к вопросу о Бессарабии.

6. Российское правительство подтверждает еще раз свое заявление от 27 ноября 1918 года, которым оно приняло на себя все национальные долги России.

7. Переходя к вопросам внутреннего устройства, могущим интересоваться державы, поскольку они являются показателями политического направления Российского правительства, я повторяю, что не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 года. То временное решение земельного вопроса, на котором остановилось мое Правительство, имеет в виду удовлетворение интересов широких кругов населения и исходит из сознания, что только тогда Россия будет цветущей и сильной, когда многомиллионное крестьянство наше будет в полной мере обеспечено землей. Равным образом, при управлении освобожденными частями России Правительство не только не ставит препятствий свободной деятельности земских и городских учреждений, но видит в их работе и в укреплении начал самоуправления непременное условие возрождения страны и помогает этим органам самоуправления всеми имеющимися у него средствами.

8. Поставив себе задачей водворить в стране порядок и правосудие и обеспечить личную безопасность усталому от насилий населению России, Правительство признает, что все сословия и классы равны перед законом. Все они, без различия религий и национальностей, получают защиту государства и закона. Напря-

гая все силы и ресурсы страны к достижению указанных выше задач, Правительство, мною возглавляемое, высказывается в эти решительные дни от имени всей национальной России. Я уверен, что после сокрушения большевизма мы сможем в полном согласии разрешить все вопросы, в которых одинаково заинтересована каждая из народностей, связанных своей государственной жизнью с Россией».

Таким образом, А. В. Колчак согласился со всеми условиями, касающимися внутренней политики. Он подчеркнул, что уже ранее принял решение провести выборы в Учредительное собрание тотчас же после уничтожения большевистской диктатуры, а также подтвердил, что отныне и навсегда Россия будет только демократической. Короче говоря, его взгляды на проблемы внутренней политики, судя по всему, находились в полном соответствии с точкой зрения Большой пятерки и в столь же полном несоответствии с убеждениями его подданных.

В ответе адмирала не содержалось положений, неприемлемых для западных стран; не было в нем и намека на «русский милитаризм» или на желание восстановить прежнюю централизованную власть. Единственная оговорка, которую сделал Верховный правитель, сводилась к тому, что окончательное решение всех территориальных проблем, касающихся России, должно быть утверждено свободным волеизъявлением народа, и, с демократической точки зрения, эта оговорка была полностью обоснованной.

Предстоящие переговоры между правительством Колчака и новыми государствами при участии Лиги наций не представляли в тот период интереса для авторов ноты. Единственное, что требовалось Большой пятерке, — это признание Колчаком новых государств и его согласие не вмешиваться в прямые отношения между ней и возникшими де-факто правительствами этих государств. Таких обязательств, впрочем, взято не было. Колчак отказался подписаться под планами Большой пятерки расчленить Россию.

А пока все были счастливы и довольны: и Колчак, и сибирская «общественность», и союзники.

На письмо А. В. Колчака 24 июня в Омске был получен краткий ответ. В нем приветствовалась общая

тональность письма адмирала и выражалась готовность «предоставить адмиралу и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении».

Союзники были готовы предоставить помощь, но ...не признать официально. При помощи изящных дипломатических формулировок была «решена» проблема признания Колчака в качестве законного правителя России.

Большая пятерка и А. В. Колчак сыграли матч с заранее известными результатами. Колчак знал, о чем его спросят, союзники знали, что им ответят.

В мемуарной литературе имеется свидетельство, характеризующее действительное отношение Александра Колчака к союзнической ноте и к своему ответу на нее. Генерал для поручений при Верховном правителе М. А. Иностранцев вспоминал, как он, а также некоторые другие генералы заговорили о ноте союзников, будучи «в гостях у Колчака».

— Ах, вы об этой исповеди! — сказал, саркастически улыбаясь, Колчак. — Вы ведь знаете, что западные государства во главе, конечно, с Вильсоном вздумали меня исповедовать на тему, какой я демократ? Ну, я им ответил, — продолжал он и засмеялся. — Во-первых, я им ответил, что Учредительное собрание, или, вернее, Земский собор, я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за таковое не признаю и собираться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу! Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно здоровые элементы... Вот какой я демократ! — Адмирал снова рассмеялся и снова оглядел всех присутствующих.

Много зла принесла Колчаку такая двойственная, неопределенная политика по отношению к союзникам, чуждая Белому движению в России. Союзники помогали, но помогали, небескорыстно и постоянно оказывали на Омск самое тягостное давление. Одним не

нравилось, что нет достаточной близости с эсерами, другие считали курс внутренней политики недостаточно либеральным, третьи говорили о необходимости таких-то именно формирований, наконец, дело доходило даже до вмешательства в оперативные вопросы. Все это подкреплялось следующим аргументом: у нас де запасы всего вам необходимого, мы вам даем, а ведь можем и не дать...

По свидетельству колчаковцев, интервенты настроены были к ним достаточно лояльно, но, к сожалению, очень мало понимали в стратегии, да и вообще в русской обстановке. Так, английский генерал А. Нокс «искренно хочет нам блага, — признавал генерал А. Будберг, — но надо же уметь корректировать проявления этого хотения. Он, например, упрямо стоит на том, чтобы самому распределять приходящие к нему запасы английского снабжения, и делает при этом много ошибок, дает не тому, кому это в данное время надо; появились любимые части вроде каппелевского корпуса, отлично, до последней нитки и с запасом снабженного, в то время когда имеются голые и босые части, на которые эта неравномерность действует очень скверно. Методичному и привыкшему к системе англичанину хочется сразу все наладить, не считаясь совершенно с той обстановкой, в которой все это приходится делать». На просьбу передать снабжение русским, «Нокс горячился и указывал, что русские власти не умеют распределять свои запасы, и он не желает, чтобы доставляемое Англией снабжение распыхалось без толка и без пользы». Что касается последнего, то Нокс был недалек от истины.

У Верховного правителя было семь няnek, вернее, семь иностранных гувернанток. Каждая из них считала себя самой умной и способной помочь «этим русским»... за русское золото.

Из записок начальника английского экспедиционного отряда полковника Д. Уорда:

«23-го (23 марта 1919 года. — Авт.) утром мы прибыли в Новониколаевск и приступили к приготовлениям для митинга, который должен был состояться

в тот же день. Как обычно, я посетил разных командующих и имел долгий разговор с генералом Зайченко, от которого я собрал много сведений относительно положения в этом важном округе. Генерал Зайченко рассказал нам несколько забавных историй относительно попытки французского штаба создать мощный противовес большевизму из германских и австрийских военнопленных. В Новониколаевске союзный командующий генерал Жаннен выпустил из концентрационных лагерей несколько сот австрийских и немецких поляков и сформировал их в полки. Спеша скорее укомплектовать эти части, он забыл заглянуть в прошлое офицеров, избранных для их командования. Настолько беззаботны оказались французы, что русские власти, проснувшись в один прекрасный день, нашли, что один из самых опасных военнопленных, хорошо известный германский шпион, офицер фон Будберг, стоит во главе командования указанными союзными войсками. Фон Будберг, как хороший патриот, постарался подобрать вокруг себя подчиненных из того же сорта людей, что и сам он.

Несколько позже французскому штабу стало известно, что представляет из себя его детище, и он стал просить у русских властей помощи и совета для разоружения своего нового германского легиона. Неожиданное появление нескольких польских частей, при содействии некоторых новых русских отрядов, бывших наготове оказать немедленную помощь, если окажется необходимость, окончило карьеру этих французских протеже, которые были разоружены и отправлены обратно в свои лагеря.

Помощь союзников России похожа на трагикомический фарс и является тайной даже для человека, посвященного в нее. Прямое и немедленное признание омского правительства было бы честной рукой, протянутой для честного дела, но что бы тогда делала союзная дипломатия? Дипломатия только тогда необходима, когда имеет в виду дальнейшие цели, а не простое, не двусмысленное содействие беспомощному другу».

Английская военная миссия в Сибири заслуживает того, чтобы сказать о ней отдельно. В Омске в то

время открыто говорили о весьма активном ее участии, в частности главы миссии генерала Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков присутствовал представитель Нокса, который и благословил их на задуманное дело. Сейчас трудно утверждать, верны ли эти подробности, но, видимо, не было дыма без огня. В этом особенно убеждают записки полковника Уорда, несмотря на то, что он, несомненно, в них кое-что недоговаривает. Однако и сообщенное им свидетельствует, что Нокс являлся как бы духовным патроном переворота, что именно ему Колчак обязан своим возведением на трон верховной власти. Права была шансонетка, которую в 1919 году распевали повсюду в Сибири:

Мундир английский,
Табак японский,
Пагон российский —
Правитель омский

Действительно, Колчак пытался все время одеваться в английский костюм. И не случайно, конечно, что в наиболее критические моменты он оказывался под защитой английского конвоя и английского флага, хотя подчас эта защита принимала совершенно анекдотические формы.

Трудно представить себе что-нибудь более комическое, чем история с конвоем поезда Верховного правителя. В феврале 1919 года А. В. Колчак отправился на фронт. Англичане предложили ему в качестве конвоя 50 своих солдат. Предложение было с благодарностью принято. Но когда французский генерал Жаннен узнал об этом, он возмутился по поводу столь явного умаления своего престижа и потребовал включения в состав конвоя в таком же количестве французских солдат. Англичане согласились. И тогда было решено, что каждая из двух «великих держав» пошлет для охраны А. В. Колчака по 25 человек. Но когда решение состоялось, Жаннен заявил, что такого количества солдат у него в Омске нет, что при максимальном напряжении сил он может командировать только 9 человек. Англичане и тут пошли ему навстречу, и, по обоюдному согласию, было решено, что конвой ад-

мирала составят 20 человек: по 9 солдат и одному офицеру с каждой стороны. Однако Жаннен оказался не в состоянии выполнить даже и это добровольно взятое на себя обязательство. На вокзал не явился ни один французский солдат, и поезд А. В. Колчака ушел под английской охраной. Эпизод, воистину достойный пера Салтыкова-Щедрина.

Глава 3

АНАТОМИЯ ВЛАСТИ

Проблема выбора и нравственного императива — дело совести каждого. Так всегда было, так всегда будет, во все времена, среди любых народов, в условиях любых режимов. Джордано Бруно пошел на костер. Галилей предпочел отречься, чтобы продолжать бороться за истину. Основные труды Коперника опубликованы после его смерти. Выбор в жизни приходится делать любому человеку, и этот выбор нередко бывает так же труден, как и у тех, чьи имена донесла до нас история.

В ноябре 1918 года выбор пришлось делать Колчаку. И он выбрал...

Думал ли он в тот момент, что это решение перевернет всю его жизнь, направит ее по новому, трагическому пути, ведь полагал себя человеком, созданным для совершенно иной деятельности — научной, военной, морской, но никак не политической? Дальнейшие события показали, что он ошибся и в своем выборе, и в оценке своих возможностей.

Вина это или беда Колчака, но он, видимо, и впрямь уверовал в собственную «избранность» и силу.

Кто кого искал?

Колчак — историю, или история — Колчака?

Этот вопрос неизбежно задает себе, когда думаешь об этом человеке, который верил или, по крайней мере, хотел верить в то, что он сможет изменить историю России.

ЧЕГО ЖЕ ХОТЕЛ КОЛЧАК? Какова была главная цель Верховного правителя России?

«К НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ

18 ноября 1918 года

Всероссийское Временное Правительство распалось.

Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне — адмиралу флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, — объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по губительному пути партийности. Главной своей целью ставлю — создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению в борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный Правитель адмирал Колчак».

«Я не поведу вас ни по пути преступного соглашения с большевиками, ни по пути реакции... пусть Учредительное собрание, избранное на основе самого свободного в мире права, будет вашим знаменем по священному пути в Москву...

Это мое слово — честного гражданина и солдата...»

«Свободный труд, охрана личности и имущества граждан, свобода совести и слова, равенство национальностей... лягут в основу моей деятельности и работы Совета министров...»

Так объявлял адмирал Колчак в своем ноябрьском приказе армии и флоту. Он обращался к армии с призывом помочь ему «в достижении цели, для которой каждый из нас должен отдать все свои силы, знания, а когда надо, то и жизнь... — возродить и воскресить погибающее государство». То же декларировал Колчак в своей декабрьской «грамоте русскому народу».

«Только чувство истинной государственности должно руководить вами в борьбе с преступными рас-

хитителями народного достояния, и никакой разлагающей партийности я не допущу в рядах армии...» — говорил адмирал Колчак в приказе Верховного главнокомандующего армии 24 февраля 1919 года.

А раньше на объединенном заседании городской Думы и земства в Екатеринбурге Колчак произнес речь, которая, по свидетельству очевидцев, произвела «прекрасное впечатление», явилась «струей свежего воздуха в спертую и удушливую атмосферу тыловой жизни».

«...Население ждет от власти ответа, — говорил Верховный правитель, — и задача власти открыто сказать, куда и какими путями она идет и какими идеалами одухотворена борьба с большевизмом, борьба, не допускающая никаких колебаний и никаких соглашений. Вот первая задача и цель правительства, которое я возглавляю. Вопрос должен быть решен одним способом — оружием и истреблением большевиков. Эта задача и эта цель определяют характер власти, которая стоит во главе освобожденной России — власти единоличной и военной.

Вторая задача правительства, мною возглавляемого, есть установление законности и порядка в стране. Большевизм слева и справа как отрицание морали и долга перед родиной и общественной дисциплины, справа базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с монархизмом столько же общего, сколько имеет общего с демократизмом большевизм, характеризующийся для своих адептов свободой преступления, и подрывающий государственные основы страны, большевизм, который еще много времени после этого потребует упорной борьбы с собой. Законность и порядок поэтому должны составить фундамент будущей великой, свободной, демократической России. Я не мыслю будущего ее строя иначе, как демократическим, — не может он быть иным, и теперь, быть может, только суровые военные задачи заставляют иногда поступаться и в условиях борьбы вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающим от тех начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности правительство».

Многие основные положения этой речи Колчак не

раз повторял в своих выступлениях в Челябинске, Перми, на заседании Казацкого круга и в других местах. Колчак подчеркивал, что «счастливейшей минутой его жизни будет та, когда в освобожденной от злых насильников России он сможет передать всю полноту власти национальному Учредительному собранию, выражающему подлинную волю русского народа».

Чтобы понять историю России, крайне важно помнить слова Достоевского, сказавшего, что о России следует судить не по злодеяниям, совершенным во имя ее, а по идеалам и целям, за которые боролся русский народ.

Русские всегда стремились принимать участие в управлении страной. Хорошо известно, что и в Древней Руси, и в Руси Киева, Пскова и Новгорода существовала система управления с развитым для того времени понятием свободы, в рамках которой жизненно важную роль играло народное представительство (вече). Еще один пример — первый Земский собор при Иване Грозном, который в молодости решительно осуждал систему управления и социального устройства и предоставил сельскому и городскому населению право самоуправления.

Идея демократии продолжала свое развитие и в Смутное время, и на протяжении всего XVIII века. Это была главная линия, ибо того желал народ.

Колчак не намеревался узурпировать власть, иного не удалось установить даже в ходе его допроса в Иркутске, где на краю могилы не имело смысла что-либо скрывать.

«Я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным», — заявил адмирал Колчак на встрече с представителями печати 28 ноября 1918 года. И далее: «Государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании».

Через полгода он сформулировал эту мысль еще определенной: «Не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 года».

По мнению Колчака, когда будут созданы нормальные условия жизни, когда в стране будут царить законность и порядок, «тогда возможно будет присту-

лечь к созыву Национального собрания, где народ в лице своих полномочных представителей установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России». И это не было пустой фразой. В феврале 1919 года предварительно был решен вопрос о подготовке к созыву Российского национального (учредительного) собрания.

Вместе с тем Колчак был твердо убежден, что во время войны власть не может быть в руках народа, что само по себе отнюдь не означало отрицания принципа народовластия.

На допросе в Иркутске Колчак говорил:

«...Я смотрел на единоличную власть совершенно, может быть, не с той точки зрения, как вы предполагаете. Я считал прежде всего необходимою единоличную военную власть — общее единое командование, затем я считал, что всякая такая единоличная власть, единоличное Верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течение определенного, очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях...

Единоличная власть, как военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая действует, подчиняясь военной власти, вне театра военных действий. Это делается для того, чтобы объединяться в одной цели ведения войны».

«Знаете, — говорит Колчак Гинсу, — я безнадежно смотрю на все ваши гражданские законы и оттого бываю иногда резок, когда вы меня ими заваливаете. Я поставил себе военную цель: сломить красную армию. Я главнокомандующий и никакими реформами не задаюсь. Пишите только те законы, которые нужны моменту. Остальное пусть делают в Учредительном собрании».

Гинс отвечал: «Но жизнь требует ответа на все вопросы...»

В этом и заключается трагизм всякой временной власти. Получался заколдованный круг. Во время войны, а тем более гражданской, тыл был менее важным фактором, чем те или иные стратегические успехи на

фронте. И в то же время успех на фронте определял настроения и тактику тыла. Выработать правильное взаимодействие между тылом и фронтом Колчаку не удалось.

— Чтобы победить большевиков, надо обеспечить порядок в стране, — продолжал убеждать Колчака Гинс, — надо устроить управление, надо показать, что мы не реакционеры, словом, надо сделать столько, что на это у нас не хватит рук.

— Бросьте, работайте только для армии, — успокаивал его Колчак. — Неужели вы не понимаете, что, какие бы хорошие законы мы не писали, все равно нас расстреляют, если мы провалимся!

— Но мы должны писать хорошие законы, чтобы не провалиться.

— Нет, дело не в законах, а в людях, — подчеркнул адмирал и после короткой паузы продолжил: — Мы строим из недоброкачественного материала. Все гниет. Я поражаюсь, до чего все испоганились. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо трусы, либо невежи?!. И министры, честности которых я верю, не удовлетворяют меня как деятели. Я вижу в последнее время по их докладам, что они живут канцелярским трудом; в них нет огня, активности. Если бы вы вместо ваших законов расстреляли бы пять-шесть мерзавцев из милиции или пару-другую спекулянтов, это нам помогло бы больше...

Может быть «военная идея» несколько поглощала внимание Верховного правителя. Но она поглощала в то время всех. Все шли в той или иной степени по пути милитаризации гражданской власти.

На упрек в «милитаризации», в распространении в тылу военного положения Колчак отвечал Гинсу: «Но вы поймите, что от этого нельзя избавиться. Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время Алой и Белой Розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне. Если я сниму военное положение, вас немедленно переарестуют большевики или эсеры». Думается, что Колчак был прав.

Вместе с тем, нельзя не отметить и того факта, что адмирал был отнюдь не фанатиком «милитаризации». Верховный правитель начинал свою деятельность не объявлением военного положения. Лишь 1 марта 1919 года в связи с нападением партизан оно было объявлено на железных дорогах. Военные власти требовали объявления военного положения на всей территории действия гражданской войны. Это требование встретило несогласие со стороны Колчака.

Колчак пытался собрать из осколков бывшей Российской империи демократическое государство, думая, видимо, избежать ошибок предшественников. А оно развалилось за год, и не без содействия самого адмирала. Ему не хватало государственной деловой страсти, руководящего напора, способности поднять и повести за собой людей — это прежде всего решало тогда исход дела. Ему не хватало неумолимости в осуществлении принятых решений и хороших административных качеств, без чего в организации власти и армии трудно обойтись. Не было у него и надежных помощников с такими способностями.

В 16 ЧАСОВ 18 НОЯБРЯ ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА Совет министров собрался вновь. Пригласили Колчака. Обсуждался вопрос о взаимоотношениях Верховного правителя с Советом министров.

Колчак еще не представлял себе четко, как широко будет простирается его власть, однако он твердо стоял за необходимость единоличной военной власти в виде общего единого командования. В России имелось продуманное, сверенное с зарубежными образцами положение о полевом управлении войсками — кодекс диктатуры, кодекс чисто военного управления. Колчак очень хорошо знал его, тщательно изучал и считал одним из глубоких и продуманных военных законоположений, которые тогда существовали.

Но было ясно и другое — управлять страной на основании только этого положения нельзя: в нем не предусматривалось решение вопросов, связанных с торгово-промышленными отношениями; там не рассматривались государственные функции, которые должна была осуществлять власть. Поэтому адмирал

считал, что единоличная власть непременно должна состоять из Верховного командования и Верховной гражданской власти. Адмирал был глубоко убежден, что именно такая организация власти должна существовать в период войны, что это ее единственная форма, которая возможна при военном положении.

Членам правительства казалось наоборот: адмирал не должен быть Верховным главнокомандующим. Они хотели видеть устойчивую Верховную власть, свободную от исполнительских функций, не зависимую от любых партийных влияний и одинаково авторитетную для гражданских и военных.

Адмирал отстаивал свою точку зрения, вновь и вновь утверждая, что не иметь непосредственного влияния на ход военных действий значило бы не иметь вообще ни силы, ни значения.

И Совет министров уступил, не задумываясь над последствиями такого ошибочного решения. Это обнаружилось позже, когда со всей очевидностью выяснилось, что адмирал просто не мог быть главнокомандующим: он силен на море, а не на суше. Эта роковая ошибка была обусловлена скоротечностью событий, поставивших Совет министров перед необходимостью принимать ответственные решения без должной подготовки, избирать диктатора без достаточно глубокой оценки его качеств, определять его права, не выяснив твердо политических целей.

В соответствии с разработанной Советом министров «конституцией» — «Положением о временном устройстве государственной власти в России» — Верховная государственная власть «во всем ее объеме» передавалась Верховному правителю; ему же подчинялись и все вооруженные силы. Но...

Титул Верховного правителя имел небольшой эпитет — «временный». Это означало, что после установления в стране «законности и порядка», т.е. после свержения советской власти во всероссийском масштабе, власть должна была перейти к «представительному собранию», которое и учредит форму государственного строя и примет основные законы страны.

Колчак не возражал против такой постановки вопроса и создал специальный орган с длинным бюрократическим названием — «Подготовительная комис-

сия по разработке вопросов всероссийского представительного собрания учредительного характера».

Было установлено также, что российское правительство составляют Верховный правитель и Совет министров. Но последний, с одной стороны, являясь источником власти Верховного правителя и якобы разделяя с ним эту власть своим участием в рассмотрении и обсуждении законов, с другой стороны — при концентрации всей власти в руках Колчака, — фактически превратился в орган, не отвечающий за внутреннюю и внешнюю политику, всю тяжесть которой адмирал брал на себя и возлагал на ближайших советников. Совет министров, или «омское болото», как оценивал его генерал Будберг, отличался крайним бюрократизмом. Любопытная вещь — перманентность сибирских министров: они работали с Директорией, а теперь вовсе сотрудничали с Колчаком, который заменил собой эту Директорию.

Колчак оставил председателем Совета министров «слабого» и «старого» П. В. Вологодского. Почему он это сделал? Генерал К. В. Сахаров вспоминал, что, когда адмиралу указывали на эсеровское прошлое Вологодского, Колчак отвечал:

— Да какой он эсер! Он уже стар и ото всех дел отошел... Но понимаете, он здесь необходим, как *vieux d'argereau* (старое знамя)...

Интересную и яркую характеристику Вологодского дает А. Будберг. 24 июня 1919 года в своем «Дневнике» он сделал такую запись: «Мне <...> было чрезвычайно неприятно убедиться, до чего резко расходятся во взглядах на внутреннюю политику члены кабинета, именуемого объединенным правительством. Вина в этом лежит несомненно на самом председателе Совета министров, которого держат на столь ответственном посту, как какую-то драгоценную реликвию (известно только, какой секты и толка), уверяя, что в его имени и личности кроется прочный залог демократического правительства и уверенности союзников и общественного мнения всего Запада в демократичности омской власти.

Очевидно, что весь этот миф создается теми, кому выгодно возглавление правительства этой сношенной и безвольной тряпкой, совершенно потухшим челове-

ком, негодным и не способным уже на руководство делом самого мелкого масштаба; очевидно, что и тут главную роль играет боязнь наиболее честолюбивых членов настоящего кабинета потерять власть и уйти в политическое небытие, раз только будет сменен этот дряблый папаша времен ноябрьского переворота и новый председатель станет подбирать себе сотрудников по своему вкусу.

Горько то, что несчастная судьба России подсунула совершенно не подготовленному к возглавлению Верховной власти адмиралу какой-то обмылок, по-видимому, даже мало интересующийся и часто не знающий, что делают подчиненные ему правительственные министерства и возглавляющие их министры.

Ответственные посты в правительстве в разное время занимали И. Михайлов — министр финансов, И. Сукин — управляющий министерством иностранных дел, Д. Лебедев — военный министр, Г. Тельберг — министр юстиции, Л. Устругов — министр путей сообщения и другие.

В. Н. Пепеляев взял на себя департамент милиции и государственной охраны, по существу став начальником полиции. Термин «полиция» был изъят из обихода, чтобы не возникало прямых ассоциаций с царским прошлым, но доступ в милицию бывшим полицейским чинам был практически беспрепятственным. В «тронной» речи Пепеляев заявил, что «все свои силы и энергию отдаст на борьбу с анархией и большевизмом, где бы они не гнездились».

Пройдет несколько месяцев, и Пепеляев уже товарищ министра, министр внутренних дел; в его ведение войдут, помимо департамента милиции и государственной охраны, департамент общих дел, отдел воинской повинности и отдел печати.

Пепеляев развил бурную деятельность, доказав, что и из кадетов могут получиться охранники режима не хуже царских. Именно он провел указ о формировании «отрядов особого назначения» при министерстве внутренних дел, задача которых формулировалась весьма просто — вести борьбу с мятежниками.

Такая двойная или даже тройная система защиты должна была охранять режим от «посягательств и покушений». И это не считая карательных воинских час-

тей, действовавших по всей Сибири, так называемых отделов военного контроля, то есть контрразведки. О характере деятельности всех этих охранительных органов, видимо, говорить не стоит. О ней красноречиво свидетельствуют многочисленные пухлые папки в архивах пепеляевского департамента, которые просто распирает от жалоб и донесений, рассказывающих о насилиях, грабежах и издевательствах, чинимых «гвардейцами» Пепеляева. Даже сам Пепеляев был вынужден согласиться, что их «преступные деяния подрывают» в населении «доверие к правительственной власти», то есть к А. В. Колчаку.

На всем протяжении правления Колчака большинство в его правительстве было прауокадетским или промонархическим. Здесь необходимо подчеркнуть, что кадеты, входившие в состав правительства, хотя формально и вышли из партии — ведь Колчак громкогласно заявил, что его правительство будет «вне партийных течений», — продолжали принимать самое непосредственное участие в делах восточного отдела кадетского ЦК. Таким образом, правительство Колчака накапливало силы и укрепляло свое влияние с помощью людей, сознающих, что выбор между диктатурой и «анархией» отсутствует. Кадеты были первыми «друзьями» новой власти, в которой они видели «глубокую историческую правду», во главе с «единственным верховным вождем Родины» А. В. Колчаком.

И адмирал платил им тем же. Он «с чувством глубокого удовлетворения» отмечал правильность путей, избранных «искони и неизменно государственной партией», выражал уверенность, что она и впредь будет «неустанно содействовать» ему в работе.

СЕБЕ ЛИЧНО КОЛЧАК НИЧЕГО НЕ ИСКАЛ, сам жесток не был, и в бедах «белой» Сибири его, наверное, можно винить лишь постольку, поскольку был он политически близорук и желал отложить окончательное решение гражданских проблем вплоть до военной победы над большевиками. Колчак — военный, а потому и мыслил по-военному.

В иерархии всех задач, решение которых приводило к поставленной цели, Колчак считал главным две:

военную победу над большевизмом, для чего требовалась сильная и боеспособная армия, а также объединение и подчинение себе всех других, действовавших на территории России, правительств и воинских сил, то есть в вопросе о государственно-территориальном устройстве А. В. Колчак непоколебимо стоял на позициях единой и неделимой России.

Но дело не только в личных качествах лидера «белого дела» в Сибири, точнее — не столько в них, сколько в целом общественном классе, карта которого была безнадежно бита в октябре семнадцатого.

«...За нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их материальные блага... — записал в своем «Дневнике» генерал А. Будберг. — Все остальные против нас, частью по настроению, частью активно».

Будберг довольно метко охарактеризовал партийно-политическое лицо омского правительства. Даже его, закоренелого монархиста, поражала реакционность, неискренность и умышленная недоговоренность некоторых речей, произносимых министрами-кадетами и «социалистами».

«Общее заключение из того, что я сегодня слышал, — записал Будберг 24 июня 1919 года, — сводится к выводу, что большинство совета (Совета министров. — *Авт.*) настроено враждебно против всяких общественных организаций... но в то же время боится поставить точки над «i» и получить упреки в недемократичности <...> виляли, старались и демократическую невинность соблюсти, и упрека в реакционности избежать».

Будберг считал, что адмиралу с таким Советом министров «не выехать на хорошую дорогу; слишком уж мелки, эгоистичны и не способны на творчество и подвиг все эти персонажи, случайные выкидыши омского переворота».

Разделял ли А. В. Колчак мнение Будберга по поводу возможностей своего Совета министров?

Определенно сказать трудно.

Сомнительно, что адмирал, будучи умным человеком, всего этого не видел, не знал, не делал для себя

определенных выводов, не предпринимал практических мер для выправления положения.

А может быть, наоборот, Колчак, предвидел это заранее.

Ведь еще 18 ноября 1918 года на дневном совещании Совета министров по его просьбе создается совет Верховного правителя из пяти членов. Пользуясь неограниченной законами единоличной диктаторской властью, Колчак быстро превратил этот совет, или, по характеристике Гинса, «звездную палату», в неофициальное, в известной мере закулисное правительство, где обсуждались и решались все важнейшие «дела» внешней и внутренней политики.

В эту «звездную палату» в разное время входили И. Михайлов, Д. Лебедев, Г. Тельберг и другие. Помимо некоторых министров в заседаниях совета Верховного правителя участвовали и «политические деятели» вроде начальника личной канцелярии А. В. Колчака генерала А. А. Мартыанова, начальника личной охраны адмирала ротмистра А. Н. Удинцова и им подобных.

Главкомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жаннен 6 июля 1919 года писал в своем дневнике: «... давление оказывает на правительство группа министров во главе с Михайловым, Гинсом, Тельбергом; эта группа служит ширмой для синдиката спекулянтов и финансистов... Этот синдикат имеет чисто реакционную <...> тенденцию. В нем, как и среди офицеров, наряду с монархистами или людьми, озлобленными потерями и страданиями, причиненными революцией, встречаются также и барышники...»

Генерал Будберг констатировал, что «серьезные вопросы решаются помимо Совета министров каким-то келейным способом <...> конституции Совета министров принадлежит огромная власть, но все это сведено на нет созданием совета Верховного правителя, где все вершится так, как того хотят Михайлов и его подголосок, дипломатический вундеркинд Сукин, выскочивший неизвестно в силу каких достоинств на пост управляющего министерством иностранных дел и пытающийся разыгрывать из себя великого дипломата. Какой-то злой рок преследует адмирала в составе его

главнейших помощников... Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие».

Колчак был пленен омской камарильей. Именно она делала «большую игру» в колчаковской политике, которая на практике оказывалась глубоко противоречивой, а потому порочной.

С одной стороны, А. В. Колчак в своих официальных заверениях клялся и божился, что не помышляет о реставрации. Но с другой стороны, стремясь осуществить свою главную цель — искоренить большевизм и ликвидировать власть советов, Колчак и его правительство последовательно и неотвратно шли по пути реставрации режима, сокрушенного еще в феврале 1917 года. Логика классовой борьбы не позволяла им остановиться на «промежуточных станциях».

Омское правительство протестует против наименования его «реакционным», уверяя, что «не имеет в своем составе реакционных элементов и не одиноко». Но это сомнительно. Опираясь исключительно на правых, преимущественно военные, атаманские круги, которые явились его творцами, и в этом смысле будучи не «одиноким», омское правительство осуществляло, не могло не осуществлять чаяния этих кругов, проводя не творческую, созидательную работу, а политику расправы и расплаты за прошлое, которая, начавшись с широких репрессий против социалистов вообще, скоро привела к преследованию любых демократических начинаний и повсеместно сопровождалась актами насилия.

Начав с участия в перевороте 18 ноября, встав на путь диктатуры и террора, сибирское, а ныне всероссийское правительство, естественно, и дальше покатилося по плоскости реакции, управляя теми же методами, какими пользовался царизм.

Правительство Колчака импонировало военным, чиновникам. Установившийся режим оказался значительно менее либеральным, чем ожидалось. Однако положение А. В. Колчака затруднительно: любое проявление либерализма или попытки обуздать распоясавшуюся военщину могли лишить адмирала опоры

в офицерской среде. Поэтому Колчак и не пытается встать на этот шаткий путь.

Будучи еще военным министром в правительстве Директории, Колчак, по его собственному утверждению, отчетливо понимал и сознавал, что положение со снабжением армии катастрофическое. Поэтому он уже на второй день существования Верховной власти обратился к Вологодскому, министру снабжения Зефирову, еще к нескольким министрам с просьбой срочно обсудить этот вопрос. Колчак резонно требовал от правительства в первую очередь заняться изучением вопросов экономического характера, тесно связанных с обеспечением армии всем необходимым. По его инициативе, для определения мероприятий в области финансовой политики, снабжения армии, «восстановления производительных сил» и товарообмена, создается государственное экономическое совещание, в которое вошли представители торговцев, промышленников, кооперативов, банков. Всю первую неделю своего правления А. В. Колчак сам вел заседания этого совещания, пока не изложил все те задачи, которые он считал необходимым осуществить в интересах обслуживания армии. Затем он заболел и уже не столь пристально следил за деятельностью экономического совещания.

Возникали и действовали десятки других временных и постоянных министерств, организаций и учреждений.

Бросалась в глаза громоздкость последних. Многие из них были совершенно не нужны в правительственном аппарате, который начал создаваться в чрезвычайно большом, всероссийском масштабе, а не местном, пока лишь сибирском. Люди, которые пришли к Верховному правителю, завоевали его доверие и получили полномочия, принялись возводить из обломков старых учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину. Это явилось кардинальной ошибкой, допущенной еще Директорией, и перешедшей, как бы по наследству, к новой власти. Омское правительство как будто забыло, что пока еще не вся Россия подлежит ведению Верховного правителя, а только Си-

бирь. Казалось, что правительство в начале его существования захватила мания величия, которая вскоре была осознана, и началось сокращение государственного аппарата. Но было поздно: порочная система уже успела принести свои ядовитые плоды.

Бюрократизм, не уступавший бюрократизму старого режима, а временами даже превосходивший его, прочно свил гнездо в новорожденном правительстве. Рука об руку с бюрократизмом шла обычно неразлучная с ним интрига, которая присутствовала при решении каждого вопроса. Все, как правило, рассматривалось с точки зрения личных отношений. Шла непрерывная и совершенно не стеснявшаяся в выборе средств борьба «партий» и «групп», «течений» и «кособых мнений». Спутниками бюрократизма и сложности правительственной системы стали, как всегда, спекуляция и взяточничество. Они захлестнули всю Сибирь, царили вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, концентрировались в Омске.

Складывалась парадоксальная ситуация: наконец-то сбылась мечта кадетско-монархического лагеря — во главе его встал военный диктатор, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Никакие «представительные организации», столь ненавистные реакции, не ограничивали его власть, но, странным образом, на практике она оказалась бессильной, если не сказать — бездарной.

7 июня 1919 года Будберг зло и раздраженно писал:

«...С ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и действенности, фронт трещит, армия разваливается, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманина. Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной».

«Сейчас, — считает генерал, — нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело». Но вместо этого повсюду «только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политическо-коммерческих комбинаций»; «гниль, плесень, лень, не-

добросовестность, интриги, взяточничество... торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами».

Еще одна важная запись в «Дневнике» генерала А. П. Будберга:

«13 августа... В 11 часов ночи началось знаменательное закрытое заседание Совета министров; грозность положения смыла сразу весь глянец искусственно дружеских отношений, и начались грызня, обвинения и узвещения.

Гинс обрушился на заместителя председателя Совета министров Тельберга и на совет Верховного правителя с яркими обвинениями в олигархии, в проведении указов задним числом и т.п. Это развязало языки. 10 месяцев Совет министров был только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и К^о, всенасущные вопросы государственной жизни решались в секретных заседаниях пятерки министров-переворотчиков, членов совета Верховного правителя, причем остальные члены Совета министров совершенно не знали, что делается в этом тайном совете и какие решения там принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, пленившая представителя Верховной власти, помыкавшая им по своему желанию и управлявшая его именем.

В своем нападении Гинс воспользовался тем, что Тельберг, недовольный, что Совет министров не принял его редакции проекта совета обороны, а утвердил его в иной, неугодной Тельбергу, редакции, добился подписания адмиралом указа, утверждающего совет в тельберговской редакции, причем для получения права первенства и преимущества над оставшейся, таким образом, за флангом редакции Совета министров указ Верховного правителя был помечен задним числом (7 августа) по сравнению с днем соответственного заседания Совета министров.

Трудно найти название этому поступку, совершенному заместителем председателя Совета министров, министром юстиции и генерал-прокурором ради удовлетворения своего самолюбия и ради того, чтобы настоять на своем (при этом очень характерно, что, по тельберговской редакции, права совета обороны передавались совету Верховного правителя, то есть той же олигархической пятерке).

Я вполне разделял мнение Преображенского и других уважающих себя министров о необходимости всему составу Совета министров немедленно же подать в отставку, ибо происшедшим Совет министров доведен до последней степени унижения, и дальше идти некуда.

Тельберг всячески вывертывался, но факт настолько ясен, что было неловко слушать эти жалкие оправдания.

Гинс поставил на голосование, доверяет ли Совет министров совету Верховного правителя, который ведет свою собственную политику, не считаясь совершенно со всем правительством; это предложение, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловым всегда стоит квалифицированное большинство в нашем совете.

Предложение Преображенского о выходе правительства в отставку было также смазано под предлогом, что это отразится на настроении страны и фронта; думаю, что и та и другой встретили бы наш уход с ликованием, хотя бы потому, что в этом крылась бы надежда на перемену неудачного курса и на улучшения.

Государственный контролер внес предложение обратиться непосредственно к Верховному правителю с запросом по поводу участвовавших за последнее время единоличных указов, выпускаемых по таким случаям, в которых нет ничего спешного, чрезвычайного и что может быть проведено нормальным порядком через Совет министров; предложение это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорелись, свалились все фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость правительства, пестрота его членов, искусственность состава, ничтожество председателя...

Вообще заседание было на редкость колючее: в начале его Устругов заявил, предъявив документальные доказательства, что Сукин передал союзным комиссиям, как уже подписанные всеми русскими представителями, официальные копии им самим, Сукиным, составленного протокола совещания по железнодорожным делам, в котором — вопреки нашим интере-

сам и вопреки известному ему несогласию тех лиц, подписи которых он поместил, — союзному комитету предоставлялось полное право распоряжения всеми нашими железными дорогами.

Сукин нагло вывертывался, но, видя, что против очевидности идти дальше нельзя, и даже не покраснев, самым нахальным образом заявил, что протокол уже в руках союзников, изменить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выход.

Заявление Устругова замяли, молча выслушали наглое заявление Сукина и ничем дальше на него не реагировали.

Сегодняшнее заседание — это апофеоз всей деятельности нашего совета, упали все ризы и стали видны все кости, все изъязны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся от негодования, а мой спутник Преображенский меня успокаивал и повествовал о том, что все у нас управлялось организованной компанией из восьми министров, возглавляемых Михайловым, делавших все, что нужно было им самим, их честолюбию и поддерживавшим их кругам, кружкам, союзам и организациям. Дикими в совете, оказывается, считались я, Устругов, Шумиловский и Преображенский.

Пошел в министерство, не ложась даже спать; после такого заседания не до сна; меня как с головой окунули в помойную яму. Несчастный, слепой, безвольный адмирал, жаждущий добра и подвига и изборающийся куклу власти, которой распоряжается вся та компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

В армии развал; в Ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия, в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом!»

Пигмеи, которыми был окружен Верховный правитель, то и дело вставляли палки в колесницу колчаковской государственности. Тут не было ни одного, кому можно было бы доверить управление даже мелочной лавкой. Патриотизм молодого офицерства на фронте

да средневековое рыцарство казаков — единственное, что имелось у А. В. Колчака для возрождения «единой и неделимой» России.

В ЧЕМ ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ правительства Верховного правителя России?

Читателю, наверное, уже стали ясны некоторые из них. Но их много, это тема особого разговора, и ниже мы будем не раз к ней возвращаться.

Главная причина, думается, заключается в том, что А. В. Колчак, провозглашая довольно привлекательную программу демократических преобразований, ничего не смог дать сибирскому крестьянству — основному источнику живой силы для формирования армии, основному поставщику продовольствия и фуража для нее.

В такой стране, как Россия, от позиции крестьянства, от того, на чьей стороне оно в конечном счете окажется — на стороне советской власти или анти-советских правительств, в частности колчаковского, — зависело все. Но Колчак не мог дать крестьянству больше, чем дал ему советский декрет о земле, это было невозможно. В лучшем случае, так сказать, теоретически, можно было лишь подтвердить, санкционировать этот декрет, но политический эффект от такого шага равнялся бы нулю: землю крестьяне уже получили из рук советской власти. Поэтому вопрос о земле для Колчака и его правительства стал форменным проклятием, уравнением со многими неизвестными, заколдованным кругом, из которого они во что бы то ни стало хотели найти выход, но выхода фактически не существовало.

Однажды император Александр I задал великому русскому полководцу генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову вопрос: может ли он победить Наполеона?

Кутузов ответил так: победить не могу, а обмануть постараюсь.

Вот по этому пути и пошла аграрная политика в Сибири: попыталась нейтрализовать эффект Октября не прямо, а на обходных, фланговых путях.

Мы не будем утомлять читателя подробной характеристикой этих обходных путей. Подчеркнем лишь

главное: объявлялось, что аграрные акты советской власти являются незаконными, а решить земельный вопрос может только «хозяин земли русской» — «национальное российское собрание», которое будет созвано после восстановления «порядка», то есть после окончания гражданской войны. Тем самым кардинальное решение проблемы во всероссийском масштабе откладывалось на неопределенное время. И это обстоятельство было важно: оно должно было дать А. В. Колчаку и его правительству столь необходимый для них выигрыш времени.

Отсюда неопределенность и противоречивость аграрных проектов правительства Верховного правителя, их несовершенство с чисто юридической точки зрения. А иначе быть и не могло. Ведь, утверждая, что стремится к определенной и ясной аграрной политике, Совет министров одновременно разъяснял, что правительство не пойдет ни по пути партийности, ни по пути защиты интересов отдельных групп населения, не пойдет ни вправо, ни влево. А куда?

Это, видимо, было проблематично и для А. В. Колчака, и для его министров. Политически такой курс означал отсутствие конструктивной линии. Топтание на месте, попытку поддержать статус-кво в расчете на принятие какого-либо решения в более благоприятном будущем. Но в условиях гражданской войны такой курс не имел перспектив. Стремление удержать крестьян на своей стороне и одновременно каким-то образом перерешить аграрный вопрос, уже решенный советской властью, заводило Верховного правителя и его «верхи» в тупик. Не могла помочь тут и демагогия, взывавшая к «крестьянам-сибирякам».

Никто не обращал внимания на «обещания» Колчака дать крестьянам указания, как им «жить и работать спокойно, по правде Божьей, на пользу себе, и ближнему, и всему государству». Согласно обзорам сводок отдела печати управления делами Верховного правителя, массы крестьян были настроены «оппозиционно и антигосударственно». Среди них росло недовольство.

«...Я был и есть сторонник передачи всей земли крестьянам и всем тем, кто хочет обрабатывать ее своими усилиями, и по приезде в Омск передам Совету

министров о крайней необходимости издания соответствующего акта по земельному вопросу», — заявил А. В. Колчак 16 февраля 1919 года в своем выступлении перед земскими представителями Екатеринбурга.

Таковы были шумно и много разбрасываемые слова, и как не похожа была на них реальная действительность.

В Сибири «острых недоразумений» на аграрной почве омским правительством не предвиделось. Поэтому оно начало утруждать себя «земельным вопросом» только после зимы, когда сибирскими войсками была захвачена часть Уфимской и Пермской губерний и атаманы появились в полосе крупных и мелких помещичьих владений.

Как будто из-под земли вдруг выросли «законные владельцы». Таковыми оказались и многие чины высших войсковых штабов. Хотя из Омска широко распространялись летучки о «земле и воле», «законные владельцы» только ухмылялись, говоря, что это-де писано «для мужиков».

Но местные крестьяне уже пользовались помещичьими угодьями и считали землю своей, пытались даже доказать явившимся «законным владельцам», что земля принадлежит им «по приказу адмирала» и что об этом написано «крупным шрифтом» во всех уфимских и омских газетах.

Но этот спор решался на месте — и, конечно, не в пользу крестьян, и не так, как было написано в грамотах и декларациях А. В. Колчака. Крестьян начали арестовывать, судить, пытать и расстреливать каждого пятого. И так было везде, где интересы «законных владельцев» сталкивались с интересами крестьян. Так осуществлялась на практике «передача всей земли крестьянскому населению».

В итоге крестьянство не поддержало адмирала, саботировало мобилизации и реквизиции, дезорганизовывало вооруженными выступлениями тыл. А с реальной политикой большевиков до поражения Колчака население Сибири практически не сталкивалось, поэтому относилось к ней если не положительно, то, по крайней мере, нейтрально.

Здесь уместно будет заметить, что через год после ликвидации «колчакии» доведенное рабоче-крестьян-

ской властью до отчаяния сибирское крестьянство смело советскую власть почти во всей Западной Сибири. Но подошедшие из Центральной России полки, вооруженные бронепоездами и артиллерией, щедро пролили столько народной крови, сколько Колчаку и не снилось. Однако победители отвели ему в истории место кровавого антинародного монархиста-диктатора. Не зря в древности говорили: горе побежденным!

Не поддержали Колчака и рабочие.

Омские «верхи» отлично понимали, что завоевать на свою сторону рабочую массу — дело бесконечно трудное, если не невозможное. Рабочие не скрывали своих симпатий к большевикам, ждали их «как светлого дня», «являлись наиболее революционно настроенной частью населения». Обо всем этом говорилась в сводках управления делами Верховного правителя. Однако Министерство труда во главе с преподавателем правописания Барнаульского реального училища Л. И. Шумиловским (числился в «беспартийных меньшевиках» и «достался» А. В. Колчаку от сибирского правительства и Директории, где занимал тот же пост), так и осталось в эмбриональном состоянии и влачило жалкое существование в одной комнате, где-то на задворках Омска.

А между тем положение сибирских рабочих неуклонно ухудшалось. Даже «Правительственный вестник» вынужден был признавать, что «далеко не всегда заработная плата поспевает за прожиточным минимумом... Существуют категории рабочих, которые должны перебиваться на так называемом полуголодном или голодном минимуме...»

Был и еще один, на наш взгляд, важный фактор, который привел к поражению Колчака и все белое движение в Сибири: бездействие интеллигенции, самой активной силы русского общества. Именно интеллигенция, несмотря на внешние политические разногласия с большевиками, привела их к победе. Мы имеем в виду как активное действие либеральных и левых партий и всей общественности, которые, по выражению В. М. Чернова, «взрывали белые фронты», так и политическое бездействие интеллигенции, которая одна только и могла создать столь необходимое белым правительствам гражданское управление. Без

гражданского управления белое движение не смогло социально и экономически объединить нацию в борьбе против большевиков, хотя его поддерживали крестьяне Поволжья, казаки Дона, Сибири и Урала, рабочие Ижевска, Воткинска и других мест. Но отрицательное отношение интеллигенции к белому движению, как и ко всем консервативным силам России, привело к тому, что так или иначе у большевиков гражданское управление было создано, а в большинстве занятых белыми областей — нет. Отсутствие необходимых специалистов, гражданских администраторов достаточного уровня, компетентных политических советников, экономистов, продовольственников и т.д. было естественной причиной того, что необходимые реформы, прежде всего аграрная, не состоялись.

В итоге образовался разрыв между военным руководством, Верховным правителем адмиралом Колчаком, сосредоточившимся, понятно, на военных вопросах, и недостаточно компетентным в экономической, социальной и гражданской политике населением освобожденных от советской власти областей. Военные, возглавив борьбу против большевиков в защиту национальной России, не смогли опереться на соответствующий аппарат гражданского и хозяйственного управления, а сами они, естественно, проводить профессиональную внутреннюю политику не могли. Отсутствие связующего звена между группой патриотически настроенных военных и массой населения привело к тому, что белые армии на территории своей дислокации и военных действий вынуждены были прибегать к реквизициям, чрезвычайным мерам и т. п.

Опасными подводными камнями на пути А. В. Колчака к восстановлению государственности являлись также атаманы и атаманщина. Ему бы заставить их включиться в общую государственную работу или сломить беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Колчак же объявил их своими генералами, но... не сделал попытки на деле подчинить себе и этим погубил дело: их отказ выполнять боевые задачи свел на нет ранние успехи регулярных войск, их самоуправство разрушило тыл, их грабежи и зверства породили море мятежей. В тылу красных тоже полыхали мятежи, но большевики всюду начинали с организации тыла

(пусть жестокой, но целенаправленной), тогда как «белые вожди» наивно полагали, что «тыл подождет».

А тем временем, как писал в газете «Джапан Адвертайзер» американец Франк Кинг, «бежавшие из Хабаровска от тирании атамана Калмыкова русские выглядят полоумными от тех ужасов, которые им пришлось пережить от безумных калмыковцев. В защиту беспопашно расстреливаемых русских вынуждены были вступить американские войска...»

В Семипалатинске атаман Анненков в январе 1919 года объявил «русским гимном» своего отряда «Боже, царя храни» и откомандировал нескольких своих офицеров и чиновников в разные города Сибири для розыска «Великого князя и засвидетельствования перед ним ненарушимости верноподданических чувств». Несомненно зная это, «строго аполитичный штаб» Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака тем не менее предложил Анненкову «представить послужной список на предмет производства его в генерал-майоры» и получил в ответ разъяснение атамана, что его, как «русского офицера, может благодарить и повышать в чинах только... его императорское величество».

Мы уже отмечали, что Колчак не раз признавался в своем бессилии что-либо сделать с атаманом Семеновым: последний поддерживали японцы, а союзники решительно отказывались вмешиваться в это дело и помогать Верховному правителю. «Я вновь доложил адмиралу, — записал 30 апреля 1919 года в своем «Дневнике» А. Будберг, — свое убеждение в необходимости раз навсегда разрешить атаманский вопрос...» Как? Генерал считал, что необходимо «официальное обращение ко всем союзникам с протестом против поведения Японии, поддерживающей явного бунтовщика, не признающего власти омского правительства, подрывающего ее авторитет и насаждающего своими насилиями и безобразиями ненависть к правительству и сочувствие к большевикам».

Если же это не поможет, то самому адмиралу надо принять командование над отрядом и идти на Читу; пусть японцы устраивают скандал и разоружают самого Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, но читинский нарыв надо ликвидировать любой ценой.

Предлагаемые радикальные меры смутили адмирала. К сожалению, Колчаку не достало решимости поставить на карту все и наконец покончить с атаманщиной во всех ее разновидностях и проявлениях. Не могло быть прочного фронта, раз тыл гноился. Надо было оздоровить тыл, не отмахиваться от него, как от назойливой мухи, не оставлять «на потом» то, что необходимо было решать в первую очередь. Позже А. В. Колчак понял это...

Положение Колчака как Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего было чрезвычайно неопределенным. Он издавал указы и приказы, но если от их выполнения можно было уклониться, — это делалось под тем или иным предлогом. Многие офицеры саботировали отправку на фронт, укрывались в тыловых учреждениях, переполняли рестораны и салоны. Шел «пир во время чумы»...

Коррупцированная штатская и военная бюрократия, порожденная бесконтрольным режимом, умело обходила «повеления» Верховного правителя России там, где они затрагивали ее интересы или интересы связанных с ней людей. В Омске, в глубоком тылу, на фронте часто смотрели на распоряжения Колчака с личной точки зрения: «Как это коснется меня?»; и очень редко думали: «Как это отразится на нашем белом деле?»

С фронта поступали сведения, что «солдаты не хотят воевать; офицеры в большинстве неспособны уже на жертвенный подвиг». Колчак знал, что это правда. Его армия была как сломанная во многих местах палка, ее еще можно, хотя и с большим трудом, склеить, но она разлетится вдребезги при первой же попытке опять ею ударить.

О какой борьбе можно говорить в этих условиях? Но она, эта борьба продолжалась, и даже «каркающий старый ворон» — так аттестовал себя сам Будберг — временами излечивался от своего закоренелого пессимизма. После отступления в Сибирь армия Колчака сохранила свою силу, добилась в сентябре 1919 года определенного успеха в междуречье Тобол — Ишим и, даже после того, как был оставлен Омск, являлась еще «палкой», которой при иных условиях можно было бы

«ударить» достаточно больно. Но эти иные условия в значительной мере зависели от тыла, который сыграл свою роковую роль в колчаковской эпопее: фактически погубил и фронт, и все сибирское «белое дело».

При желании А. В. Колчака можно выставить и правым, и левым, и каким угодно: столь противоречивыми и непоследовательными были его мысли, поступки и решения.

Можно приписать Колчаку атаманские зверства или возврат земель «законным владельцам», расстрелы солдат и офицеров по одному лишь подозрению в большевизме или из-за выступлений против режима, вспомнить его приверженность культу войны, презрение к народу, — и портрет злодея готов.

А можно наоборот: вспомнить про многопартийные выборы в городские думы Сибири, про высланных за границу (а не расстрелянных) эсеровских вождей (хотя ненавидел их адмирал больше, чем большевиков, у которых ценил государственное начало). Монархисты пытались его сбросить. Печать, профсоюзы, земское самоуправление, заводы жили при Колчаке все же лучше, чем у Деникина или большевиков. Для правых он был чуть ли не Керенский, а у нас его выдают за монархиста. Колчак хотел, войдя в Москву, созвать Земский собор, но одобрял разгон большевиками Учредительного собрания, а бюрократию развел в Омске такую, что вызвал ярость у союзников и своих либералов. Почему так?

Да потому, думается, что остался «вспыльчивым идеалистом, полярным мечтателем и жизненным младенцем», — так аттестовал его генерал А. П. Будберг.

Глава 4

ЗАУРАЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

Одной из первых акций, направленных на упрочение авторитета Колчака как Верховного правителя, явилось наступление на фронте.

Был задуман прорыв через Пермь на Вятку и Котлас для соединения с русскими войсками и войсками союзников на Севере России.

В штабе злые языки потихоньку, чтобы не услышала контрразведка, шипели, что главным козырем северного направления была возможность избежать соединения с Деникиным, ибо скороспелые молодые стратеги, засевающие на «верхах», очень опасались за свою судьбу: как бы тогда их не выгнали, не заменили старыми опытными специалистами.

Так это или нет, но среди правящей элиты в Сибири, в том числе и военной, действительно было много случайных, безвестных людей, в то время как вокруг Деникина группировалось немало признанных авторитетов.

Задуманная операция требовала быстрой переброски на фронт значительного контингента войск из тыла, что было связано с мероприятиями по их снабжению, обмундированию и т.д. Все это являлось главной заботой Колчака, отодвинув на второй план решение общегражданских дел, вопросов управления Сибирью. Адмирал направляет во Владивосток Ноксу телеграмму с просьбой выслать на Урал патроны и снабжение для екатеринбургской группы войск генерала Гайды, так как во всем этом чувствуется огромный недостаток. Все время у Верховного правителя уходит на работу в Ставке и в заседаниях государственного экономического совещания.

Наступление началось 29 ноября 1918 года частями группы войск Р. Гайды. Красное командование не сумело разгадать замыслы колчаковцев и перешло к маневренной обороне, а 25 декабря советские войска оставили Пермь и отошли к Каме. Казалось, победа близка. Но, понеся крупные потери, Гайда отдал приказ о переходе Сибирской армии к обороне и перегруппировке войск. Колчаку пришлось убедиться в том, что его войску не хватает подлинного боевого духа. Он пытался спасти положение, обращался за помощью к союзникам. Но те предпочитали держать свои войска в тылу. На пушечное мясо, по их мнению, годились и сами русские.

Иностранные воинские части боевых действий на линии фронта не вели. Чехословацким войскам практически с начала 1919 года была поручена охрана Сибирской железнодорожной магистрали. Другие иностранные воинские формирования, как правило, находились восточнее реки Тобол, служившей разграничительной линией между фронтовой полосой и тылом, и использовались преимущественно против партизан. По данным английского генерального штаба, в Сибири находилось до 35 тысяч чехов, 80 тысяч японцев, более 6 тысяч англичан и канадцев, 8,5 тысячи американцев, более тысячи французов. (По американским данным, к середине сентября 1919 года японские войска насчитывали более 60 тысяч человек, чехословацкие — 60 тысяч, американские — 9 тысяч, английские — 1,5 тысячи, итальянские — 1,5 тысячи, французские — 1,1 тысячи человек.)

ОДНОВРЕМЕННО С НЕУДАЧАМИ НА ФРОНТЕ судьба преподнесла Колчаку еще две неприятности.

26 ноября по старому стилю — 9 декабря по новому — в Омске был устроен георгиевский парад. Адмирал не имел теплого пальто и ходил в солдатской шинели. После парада он отправился объезжать войска, простудился и заболел воспалением легких. Почти неделю Колчак держался. Только после 15-го числа состоялся консилиум врачей, по настоятельному требованию которых Колчаку пришлось лечь в постель. Болезнь прервала его поездки в Ставку, в Совет министров, на заседания экономического совещания. Что

касается боевых действий армии, то Колчак два раза в день выслушивал доклады о положении на фронте. Это единственное, что он делал неизменно, как бы плохо ему не было.

Во время болезни Колчак, естественно, оказался не в курсе всех дел, и управление гражданской стороной жизни Сибири полностью легло на Совет министров.

В какой степени это отразилось на развитии событий, сказать трудно. Сам Колчак считал, что его болезнь «очень сильно повлияла на события».

В это время произошло нечто, внесшее в омские правящие круги сильное смутение, а самого адмирала разочаровавшее.

Причиной беспокойства послужила телеграмма английского премьер-министра Ллойд Джорджа и председателя Совета министров Франции Жоржа Клемансо, полученная в Омске 13 декабря. Согласно телеграмме, французский генерал М. Жаннен должен был вступить в должность главнокомандующего союзными войсками, действовавшими в Западной Сибири и на востоке России, а английский генерал А. Нокс — вести всеми снабженческими вопросами и объединять в тылу союзническую помощь русским по организации и обучению войск. Колчак полагал, что теперь, когда он стал у власти, союзники откажутся от проектируемого ими назначения Жаннена и Нокса. Но действительность не оправдала надежд адмирала, и он был раздражен.

15 декабря Жаннен и «высокий комиссар» Франции Реньо посетили больного Колчака.

Последний раз они виделись в 1916 году в могилевской Ставке на аудиенции у императора в связи с назначением адмирала на пост командующего Черноморским флотом.

Колчак невольно вспомнил: император принял его без обычных официальных церемоний, усадил в кресло напротив себя, с отсутствующим видом смотрел сквозь него, заученно повторяя Высочайшее повеление, но голос его при этом не выражал ничего, кроме привычной усталости и безразличия ко всему окружающему. Помнится, уже в тот июльский вечер адмиралу передавалась эта безвольная обреченность императора, и он с тоской подумал тогда: «Не жилец».

И еще одно отчетливо отложилось в памяти: в раз-

говоре с ним император то и дело досадливо морщился, отмахиваясь от назойливо кружившей перед его лицом мухи...

По утверждению Жаннена, за это время адмирал сильно постарел. Да и болезнь, видимо, наложила свой тяжелый отпечаток: щеки ввалились, глаза лихорадочно горели, очень большой нос выдавался еще сильнее.

Встреча прошла нервно, хотя французы, разумеется, соблюдали учтивость. Колчак обратился к ним с бурными многословными и разнообразными возражениями. Он стал у власти в результате военного переворота, поэтому главное командование не может быть отделено от диктаторской власти без того, чтобы она не потеряла под собой почву.

— Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено, — говорил Колчак. — Армия питает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была создана и боролась без них. Чем объяснить теперь эти требования, это вмешательство? Я нуждаюсь только в сапогах, теплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое. Мы сами сумеем достать это, возьмем у неприятеля, — горячился адмирал. — Это война гражданская, а не обычная. Иностранец не будет в состоянии руководить ею. Для того чтобы после победы обеспечить прочность правительству, командование должно оставаться русским в течение всей войны...

Весь разговор вертелся вокруг этого.

Жаннен и Реньо, сохраняя доброжелательное спокойствие, необходимое в беседе с человеком, находящимся в состоянии нервного возбуждения, поочередно приводили свои аргументы: союзники намерены оказать лишь помощь — это видно из их желания иметь здесь своего человека; назначение Жаннена останется в силе только до тех пор, пока положение не изменится к лучшему; требования Колчака об оказании помощи станут более обоснованными, если союзники будут непосредственно втянуты в военные действия; свою заботу они проявили и в назначении человека, находящегося в курсе русских событий и даже окончившего русскую военную академию... Жаннен решительно добавил, что, как дисциплинированный солдат, будет настаивать на выполнении принятого решения, что

возлагаемые на него обязанности не доставят ему удовольствия и он охотно от них избавился бы. Жаннен, конечно, лицемерил, возможно для того, чтобы убедить Колчака, насколько он чужд личного тщеславия, а также намерения посягать на прерогативы русского Верховного командования.

Такого же мнения придерживался и английский генерал А. Нокс.

«Первоначальной мыслью было, — свидетельствует он в мартовском «Славянском обозрении» за 1925 год ¹, — поручить генералу Жаннену командование над всеми войсками в Сибири — русскими и союзными. Между тем, и это вполне естественно, — продолжает англичанин, — с самого же начала не было малейшей надежды, чтобы русские, начавшие войну за освобождение своей собственной территории, согласились поставить во главе своих армий иностранца. Их категорический отказ от этого предложения задел, как видно из каждой строки отрывков ², самолюбие генерала».

Последнее утверждение Нокса вызвало со стороны Жаннена следующую отповедь:

«Генерал Нокс почтил отрывки моих записей о Сибири <...> своим ответом и поправками. По его мнению, мое самолюбие было уязвлено тем, что русские отказались вручить мне командование над их национальными контингентами. Возможно, что на моем месте он бы счел себя бесконечно оскорбленным таким положением, так как в глубине души он недолюбливал русских и, кроме того, был лишен редкого случая проявить свои военные способности. Что касается меня, то я могу подтвердить ему — и он это сам прекрасно знает, так как мы неоднократно беседовали друг с другом во Владивостоке во время чтения параллельных телеграмм, полученных нами из Лондона и Парижа, — что я никогда не желал получить подобного командования. Давно уже будучи знаком с национальной гордостью русских, я всегда полагал и заявлял — и телеграфировал даже во время моего путешествия из Франции в Сибирь, — что единственным благоразумным решением было бы оставить русские войска под

¹ Издавался в Лондоне на английском языке.

² Имеются в виду «Отрывки из моего Сибирского дневника» М. Жаннена.

командованием кого-либо из их соотечественников. Помимо этого, после нескольких дней в Омске и при объезде фронта, я обратил внимание на общий беспорядок и моральную и материальную неопрятность военного сибирского организма. Я заявил и телеграфировал, что буду глубоко удивлен, если все это приведет когда-либо к удовлетворительным результатам, и что я считаю опасным для французского престижа брать непосредственное командование над таким червивым организмом. Гордость и корыстолюбие повлекут к измене как верхи, так и низы, а затем на нас же обрушат всю ответственность за возможные неудачи.

Если я оспаривал вопрос о высшем командовании, то исключительно сообразуясь только с повторными распоряжениями, полученными из Парижа по согласованию с Лондоном, из двух мест, где, по-видимому, не были осведомлены о положении».

Итак, генералы-интервенты заспорили, заспорили спустя шесть лет. Кто из них прав? Сказать трудно.

Читая дневник французского генерала, нельзя упустить из виду, что он написан человеком обозленным, человеком, самолюбие которого было уязвлено тем фактом, что, несмотря на все старания, ему никак не удавалось сыграть партию первой скрипки в концерте союзников-интервентов. Жаннен, однако, берет реванш тем, что значительную долю ответственности за неудачный исход колчаковской эпопеи взваливает на плечи англичан, в частности генерала Нокса. Сам же Жаннен «умывает руки». Думается, нет смысла брать под защиту Нокса. Нужно только сказать, что Нокс и Жаннен стоят друг друга.

Не вызывает сомнения лишь одно: они оба правы, когда обвиняют в сибирской трагедии друг друга. Нокс откровенно пишет: «В Сибири, по-видимому, все оказались виноваты в последовавшем разгроме, все...» И тут трудно что-либо возразить.

Но оставим спор генералов на их совести и вернемся в комнату больного Колчака, где Жаннен и Реньо стараются убедить Верховного правителя в правильности решения, принятого Парижем и Лондоном.

Объяснения французов чередуются с бурными возражениями Колчака, который жалуется также на чехов, на их вмешательство в русскую политику и т.п.

Беседа завершилась фактически ничем. Колчак был неудовлетворен объяснениями союзников.

Тем временем Совет министров склонялся к тому, чтобы наотрез отказаться от содействия интервентов. Военные указывали на опасность такого отказа и различные выгоды от соглашения. Последнее мнение в конце концов восторжествовало.

17 декабря состоялась вторая встреча Жаннена и Реньо с адмиралом, который было возобновил свои эмоциональные речи. Но Реньо, вооружившись карандашом и бумагой, быстро набросал несколько пунктов, над которыми и следовало продолжить дискуссию. Было предложено, что адмирал Колчак в качестве Верховного правителя остается, разумеется, также и Верховным главнокомандующим над русскими войсками, а Жаннен становится таковым над союзными силами; адмирал может назначить Жаннена своим помощником.

Такой вариант как будто удовлетворял адмирала, который претендовал на главную роль в военном деле и был слишком горд, чтобы любить иностранцев. Жаннен это прекрасно знал.

Споры и совещания вокруг парижского решения продолжались на разных уровнях вплоть до середины 1919 года, когда в конце концов было подписано соглашение о вступлении представителя Высшего межсоюзного командования генерала Жаннена в должность главнокомандующего войсками союзных государств в Западной Сибири и на востоке России. Нокс назначался руководителем тыла и снабжения русских армий. Колчак, как Верховный главнокомандующий русской армией, обязывался все оперативные действия согласовывать с Жанненом.

8 ФЕВРАЛЯ ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ выехал на фронт. Вслед ему генерал Нокс направил следующую телеграмму:

«Выражаю вам, адмирал, полную надежду в счастливой успешной поездке на фронт. Глубоко уверен, что ваше пребывание там ободрит и вольет новую энергию в сердца лучших людей Сибири, которые дерутся не только за Россию, но и за весь цивилизованный мир

против ужасного большевистского кошмара. Желая еще раз передать вам и вашему правительству все мое и каждого знающего Россию англичанина сочувствие в славной борьбе спасения горячо любимой родины и мою твердую веру, что вашими усилиями в честном и прямолинейном управлении, пренебрегая атаманством справа и большевизмом слева, вы доведете эту трудную задачу до успешного конца и спасете Россию от анархии».

Из воспоминаний Г. Гинса:

«...Адмирал стремился на передовые позиции, туда, где «серый» солдат творил великое национальное дело. Он стремился увидеть этого солдата, влить в него бодрость, обласкать. Сухо и холодно относилось сибирское общество к героям фронта, и там, где лилась кровь, повеяло духом сомнения: для кого боремся?

И вот прибыл адмирал.

Вот он в Троицке, у оренбургских казаков. Четкими и твердыми словами он характеризует задачи борьбы и уезжает, бурно приветствуемый кругом, обещая удовлетворить все справедливые пожелания войск.

Через несколько дней он в бронированном поезде отъезжает от Златоуста до самых передовых позиций. В одной версте от сторожевых охранений он обходит по снежным тропинкам боевые части, заходит в перевязочную летучку, раздает в землянке награды.

Солдаты видят Верховного правителя рядом с ними, на расстоянии выстрела от противника, и они остаются очарованными, согретыми и преданными. Воодушевленные приездом своего вождя, они идут в бой, берут несколько деревень, отбивают орудия, пулеметы.

Адмирал едет дальше, на северный фронт.

В Перми он идет на пушечный завод. Беседует с рабочими, обнаруживает не поверхностное, а основательное знакомство с жизнью завода, с его техникой. Рабочие видят в Верховном правителе не барина, а человека труда, и они проникаются глубокой верой, что Верховный правитель желает им добра, ведет их к честной жизни. Пермские рабочие не изменили правительству до конца.

Опять адмирал едет на передовые позиции. Едет

так далеко, что о нем начинают беспокоиться, просят остановиться, наконец, говорят, что путь испорчен и поезд не может идти. Тогда он требует лошадей и проезжает все-таки дальше, осматривая позиции.

Несколько раз деревня, где находился Верховный правитель, обстреливалась красными. Мужество Главнокомандующего окрыляло солдат.

Повсюду, где проезжал Верховный правитель, ему подносили хлеб-соль и адреса, засыпанные подписями. Подносили рабочие, крестьяне, купцы, духовенство. Все выражали восторг по поводу избавления от страшного ига и в самых искренних и теплых выражениях благодарили за спасение.

Делегация крестьян прифронтовой полосы, за чашкой чая в вагоне-столовой адмирала, рассказывала об отвратительных насилиях, которые чинили над ними коммунисты.

Произносил большие речи и сам Верховный правитель. Встречаясь лицом к лицу с деятелями общественности, с земскими и городскими представителями, он разъяснял им программу и цели правительства. Три мысли ярко выражены в этих речах: непримиримая борьба с большевиками, единение с обществом, земля — крестьянам».

Вскоре после возвращения А. В. Колчака в Омск по всему фронту началось наступление войск.

ШТАБ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ, или Ставка, помещался в четырехэтажном здании правления омской железной дороги, расположенном на высоком берегу Иртыша против станции железнодорожной ветки. Последняя соединяла станцию Омск с городом того же наименования, который лежал не на самой Сибирской железнодорожной магистрали, а в нескольких верстах от нее и соединялся с ней этой особой железнодорожной веткой, идущей вдоль Иртыша.

Первые два этажа были заняты Ставкой, верхние два — министерством путей сообщения. Между зданием и станцией железнодорожной ветки находилась довольно обширная площадь, еще не так давно почти пустая. Теперь ее совершенно не было видно: на ней в несколько рядов были проложены рельсы, соединяв-

пились с железнодорожной веткой. На рельсах стояло множество вагонов. Это были вагоны разных представителей Ставки, военного министерства, министерства путей сообщения, иностранных миссий и просто вагоны, предназначенные для жилья сотрудников военного и гражданского ведомств, прибывавших в Омск и не имевших квартир в городе.

Последнее объясняется тем, что Омск был перенаселен. К его коренным жителям прибавилась масса беженцев, служащих многочисленных, как уже говорилось, министерств и ведомств, воинских частей, всякого рода канцелярий, складов и т.д.

Все гостиницы были реквизированы и заняты постоянными жильцами, свободных квартир в городе найти было совершенно невозможно. Поговаривали, что население Омска более чем утроилось по сравнению с мирным временем и усиленно продолжало увеличиваться изо дня в день.

Весь этот городок из вагонов буквально кипел жизнью. Поминутно въезжали и выезжали автомобили и экипажи, несли караул часовые, к многим вагонам были протянуты телефонные провода. Большинство старших воинских чинов Ставки имели собственные салон-вагоны или вагоны, переделанные из обыкновенных в пригодные для жилья, снабженные кухнями, и, за неимением квартир, жили в них постоянно со своими семьями. Это, конечно, отнимало довольно большое количество вагонов у пассажирского транспорта, но было, к сожалению, неизбежным злом ввиду уже упомянутого квартирного кризиса в Омске.

От вагонного городка к зданию Ставки постоянно двигались офицеры, военные чиновники, писари с пакетами и бумагами. В вестибюле здания стояли часовые. Но они никого не останавливали, и все проходили наверх беспрепятственно. Еще более странным было то, что и далее нигде и никого не проверяли, и, следовательно, внутрь помещения, где шло управление операциями и решались подчас секретные вопросы, мог проникнуть всякий желающий.

В Ставке постоянно наблюдалась невероятная толчея, свойственная любому неналаженному учреждению, в работе которого не было системы и порядка. Старшие должности занимала, как правило, моло-

дежь, очень старательная, но не имевшая ни профессиональных знаний, ни служебного опыта, зато высокомерная и обидчивая. На один верный ход приходилось девять неверных или поспешных; все думали, что достаточно юношеского задора и решительности, чтобы руководить крайне сложной и деликатной машиной центрального военного управления.

Возглавлял Ставку генерал Д. А. Лебедев, являвшийся правой рукой адмирала по ведению боевых операций, а отчасти и по общим военным вопросам. Он прибыл в Сибирь с юга России из армии генерала А. И. Деникина для поддержания связи между двумя армиями, но был назначен по решению самого А. В. Колчака на важный пост главного руководителя стратегией сибирской армии. Это был 36-летний офицер, окончивший в 1911 году академию Генерального штаба и во время Первой мировой войны награжденный орденом Святого Георгия.

Что побудило адмирала взять себе в помощники этого случайного молодого человека, без должного опыта оперативно-стратегической работы? Одни считали, что таково было желание устроителей переворота, а другие объясняли это желанием Колчака подчеркнуть свою связь с Деникиным.

Но как бы там ни было, у встречавшихся с Лебедевым и работавших с ним вместе складывалось впечатление, что он «чересчур надут и категоричен» и в этом отношении очень напоминает «революционных вундеркиндов, знающих, как пишется, но не знающих, как выговаривается».

Непосредственными помощниками начальника штаба являлись три генерал-квартирмейстера, ведавшие оперативной частью, разведкой и контрразведкой, организационными вопросами, разрешаемыми в Ставке, и согласованием их с военным министерством. Это последнее было особенно трудным, так как между Ставкой и военным министерством постоянно возникали разного рода трения и приходилось тратить массу сил и времени на улаживание недоразумений и конфликтов.

Почему же два высших военных органа, призванные, казалось бы, творить одно общее дело, не могли друг с другом ужиться?

Ответ на этот вопрос дает нам один из активных участников колчаковской эпопеи генерал К. В. Сахаров, направленный Деникиным на Урал, но оставшийся в Сибири; состоял при Колчаке весной — летом 1919 года генералом для поручений, начальником штаба Западной армии, командующим этой армией. Сахаров охарактеризовал деятельность военного министерства следующим образом.

Были «вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения; поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола (военным министром в то время был генерал Н. А. Степанов. — *Авт.*). Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос, — а это было на каждом шагу, — доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но, увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже Ставкой, та живая, организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и не подходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить военному министерству все, касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но Верховный правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртышу подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министерству».

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным качествам действующих лиц. «Д. А. Лебедев, молодой, сравнительно, офицер Генерального штаба, не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н. А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с Главным штабом цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, не согласованном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения».

— Страшно трудно, — жаловался неоднократно адмирал Колчак генералу Сахарову. — При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить начальника штаба с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но снять Н. А. Степанова Колчак не решался, питая к нему дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине. Когда же просился уйти с поста генерал Д. А. Лебедев, Верховный правитель и слышать об этом не хотел, говорил, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность к работе.

Ставка и военное министерство зорко шпионили друг за другом, торжествовали и радовались, когда противная сторона допускала промахи и ошибки. К этому вынуждала их борьба за власть, за первенство, отодвигавшая на задний план главное — спасение России от большевиков, за что боролся Верховный правитель адмирал А. В. Колчак.

В средствах не стеснялись, а потому сплетни, провокации, ругань, возведение гнусных обвинений и распространение самых подлых и нелепых слухов были в полном ходу. Все это подтверждают дошедшие до нас свидетельства самого Колчака, генералов Будберга, Иноземцева, Гинса и других, бесспорно хорошо осведомленных обо всем, что творилось в коридорах высшей военной власти.

При таких условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта, что, естественно, отрицательно сказалось на наступлении войск, предпринятом весной 1919 года против красных армий Восточного фронта.

ПОВТОРИЛАСЬ ОДНА ИЗ КОМБИНАЦИЙ, встречающихся почти в каждой войне, когда обе стороны усиленно готовятся к активным действиям, к переходу в наступление после относительного затишья и временного перерыва, но одна успевает произвести удар раньше. И всегда сторона, перехватившая инициативу, сумевшая лучше использовать время, становилась победительницей.

Так случилось и весной 1919 года, когда сибирским войскам удалось упредить красные армии Восточного

фронта в развертывании и подготовке к наступлению и 4—6 марта перейти в общее наступление. Пали Оханск, Оса, Бирск, Уфа, Стерлитамак, Белебей, Бугульма, Ижевск, Воткинск, Чистополь, Орск и другие города. Омское командование, опьяненное достигнутыми успехами, требовало от войск лишь одного: продолжать и продолжать наступление без оперативных пауз; оно считало, что «противник на всем фронте разбит, деморализован и отступает <...> оказывая слабое, неорганизованное сопротивление...» Наступление развивалось, войска шли все дальше и дальше на запад.

Действительно, это весеннее наступление белых армий было подобно могучей русской тройке, которая не боится ни усталости, ни преград, ни расстояний; она пронесется как ураган, все сметая на своем пути. К концу апреля белые войска добились на всем фронте больших успехов. С начала наступления они захватили огромную территорию с важными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами, с населением более пяти миллионов человек.

Красные почти бежали, преодолевая на подводах в иные дни по 50 — 70 верст. Догнать их, окружить и разбить было нельзя. Но, несмотря на это, масса трофеев — десятки орудий, сотни пулеметов, тысячи винтовок, снарядов и патронов — попадала в руки белых войск. И последние буквально рвались вперед. Высшее командование сначала думало приостановить Западную армию генерала М. В. Ханжина на реке Ик, чтобы разобраться, пополниться, передохнуть. Но порыв бросил войска вперед, дальше. Решили, что передышку устроят на Волге.

Красные рассказывали жителям оставляемых деревень разные небывлицы про белые армии. Забавно передавали крестьяне своим простым безыскусным языком эти рассказы:

— Вишь ты, говорят, рази возможно с ими справиться али остановить их. Наше начальство только выберет позицию, чтобы окопов нарыть и бой дать, а колчаки тут уже, точно из земли вылезли али на крыльях прилетели. Не успели мы и лопат достать...

— У их, парень, у колчаков-то, на ногах по два американских лыж на колесиках, вроде как на автомо-

били, а к лыжам механический пулемет у каждого приделан. Как нам тут обороняться против них? Никак невозможно...

По свидетельству генерала Сахарова, «сильно была распространена в народе версия, что белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поет «Христос Воскресе». Эта легенда распространилась в глубь России; спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на восток, откуда в его мечтах шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недель, когда я прибыл на фронт, мне передавали свои думы крестьяне при объезде мною наших боевых частей западнее Уфы:

— Вишь ты, Ваше Превосходительство, какое дело вышло, незадача. А то ведь народ совсем размячался — конец мукам, думали. Слышим, с белой армией сам Михаил Ляксандрович идет, снова царем объявился, всех милует и землю крестьянам дарит. Ну, народ православный и ожил, осмелел, значит, комиссаров даже избивать стали, — рассказывали мне крестьяне. — Все ждали, вот наши придут, потерпеть немного осталось. А на поверку-то вышло не то, — закончили они. И кучка односельчан, стоявшая кругом и жадно слушавшая рассказ, вздохнула глубоким, как бездонное горе, вздохом».

Но в апреле все еще казалось безоблачным. Наступление развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга.

Взят Бугуруслан, откуда двинулись на Бузулук, чтобы отрезать Туркестанскую армию красных, занимавшую Оренбург. Захватили Сергиевский Завод, всего в 50 — 70 верстах от Волги. В начале мая Сибирская армия генерала Р.Гайды заняла город Елабугу.

Небо казалось чистым, горизонт — ясным, заветная цель — близкой. Омск в эти дни жил спокойной, уверенной радостью. В весеннем воздухе трепетали и плыли звуки пасхального перезвона, на улицах весело гудела праздничная толпа. У всех счастливые улы-

бающиеся лица, все громко разговаривают, преувеличивают победы, впрочем, как всегда в таких случаях, сверх мыслимого предела. Известия об успехах на фронте раздувались в Ставке, передавались через знакомых, летели в массы. Поговаривали даже о том, что кавалерия уже перешла Волгу, атаман Дутов занял Оренбург, что за Волгой повсюду крестьянские восстания...

В эти дни всеобщего торжества стали «мягче» и союзники. Исчезли нетерпимость и ворчливый тон. Усилилась их деятельность по разным министерствам, все завертелось снова вокруг вопроса об официальном признании «омского правительства» как всероссийского. Казалось, вот-вот признают, не сегодня-завтра, в этом уверяли А. В. Колчака иностранцы. Этому способствовало и то, что русские антибольшевистские вожди и правительства признали, а кто не успел еще — срочно признавали адмирала Колчака Верховным правителем России.

Адмирал был в зените успеха и славы. Еще усилие — и дело будет выиграно. В это время побед А. В. Колчак объехал большинство освобожденных от большевиков местностей, где его встречали как народного вождя, выдвинутого самой судьбой для спасения России, побывал и в армии.

Последняя, проделав 500-верстный непрерывный наступательный поход, сильно устала, выдохлась. Помимо неимоверной усталости, были и большие потери, не столько от боев, сколько от постоянных форсированных маршей, холодной, мокрой весенней погоды. Обмундирование истребалось, на ногах дырявые валенки, которые при весенней распутице и грязи только лишняя обуза, белья нет, горячая пища отсутствует, люди питаются консервами, хлебом да чем Бог пошлет. В армии начались болезни, нетрудно себе было представить и состояние здоровых.

— Подумайте только, — говорил А. В. Колчак, — как они одеты. Нет, — повышал он голос, — как они раздеты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. В шестом корпусе мне был выставлен почетный караул босиком, без сапог...

Поредевшие части, убогое снабжение, отсутствие обмундирования — все это заставляло задуматься

и искать быстрые способы исправить недостатки. Необходимо было срочно прислать из тыла на фронт свежие части, которые помогли бы завершить успешно начатое наступление. Только с ними, с новыми частями, можно было рассчитывать на форсирование Волги, чтобы на ней приостановиться и подготовиться в минимально короткий срок к дальнейшей летней кампании.

Но ответственные за состояние армии и снабжение учреждения, казалось, имели уши и не слышали. Тыл был слеп и глух, сказала полная его оторванность от фронта. Тыл жил своей особой, размеренной жизнью и был совершенно не в состоянии влить в действующую армию пополнение ни сейчас, ни через месяц, ни через два... Зима оказалась бездарно потерянной. Не был даже окончательно составлен, согласован и доведен до исполнителей план мобилизации, все делалось не спеша.

Естественно, возникал вопрос: сколько же времени понадобится, чтобы завершить все это и чтобы фронт начал наконец получать необходимые пополнения и снабжение? Никто не брался точно ответить. Ставка требовала подать первые дивизии на фронт к 1 мая. Но, естественно, справиться не могли и обещали послать эти дивизии не раньше... августа, и то если работу начать немедленно, отказавшись от бумажной волокиты. Бюрократическая система, укрепившаяся за зиму в военном ведомстве, начинала бурно приносить на «алтарь Отечества» плоды своих трудов. Обо всем этом докладывали Верховному правителю...

ДОКЛАДЫВАЛИ КОЛЧАКУ И О ДРУГОМ:
в создавшихся условиях срочную помощь наиболее пострадавшей в боях на центральном направлении Западной армии возможно оказать силами Сибирской армии Р. Гайды. Последняя имела численное преимущество, была одета и обута лучше и понесла значительно меньше потерь в ходе весеннего наступления. Предлагалось перенести основные усилия Сибирской армии с вятско-котласского направления, прикрыв его небольшим отрядом, на казанско-симбирское, нацеливая главный удар на левый фланг красных войск, со-

средоточившихся против Западной армии. Это можно было сделать, и, если бы это выполнили, хотя и с опозданием, дело еще не проиграли бы.

А. В. Колчак соглашался с такой постановкой вопроса, но сделать ничего так и не смог. Гайда и его штаб не хотели, и слушать о перенесении главного операционного направления армии; поддержку в этом они находили у некоторых представителей союзников, которым казалось важнее всего бить на север, на Архангельск.

Приехав в Омск, Гайда горячо отстаивал перед Колчаком идею главного движения на Вятку, доказывая, что, взяв ее и Казань, будет очень легко дойти до Москвы. Он весьма искусно затушевывал и преуменьшал сделанное Западной армией, восхвалял одновременно успехи своей армии и набрасывал радужные перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, откуда будет просто организовать английское снабжение.

За месяцы своей верховной власти А. В. Колчак так и не смог избавиться от некоторого ученического почтения к армейскому генералитету. Ему казалось почти непостижимым искусство распоряжаться целыми массами людей, двигая их по своему усмотрению в любую сторону и маневрируя ими в зависимости от случайностей, возникающих уже по ходу боя. Для этого, по его убеждению, армейские военачальники должны были обладать каким-то особым даром взаимопонимания и с огромной армейской массой, и с каждым из подчиненных в отдельности.

Во флоте дело обстояло совершенно иначе. Флотоводцу вообще почти не было нужды выходить за пределы флагманской каюты или соприкасаться со сколько-нибудь большим количеством людей. Корабельная армада жила сама по себе, как хорошо отлаженный механизм, в котором воля командующего играла не направляющую, а скорее регулирующую роль. Знания и точный анализ считались здесь важнее интуиции и таланта.

Наверное, поэтому Колчак так благоволил к Гайде, прощал ему его своеволие и заносчивость. Для него — образованного и опытного моряка — было удивительно, что вчерашний поручик и неудачливый фельдшер

безбоязненно брался за любые крупномасштабные операции и, что самое поразительное, доводил их до более или менее успешного завершения.

Слабость адмирала к сухопутным практикам не раз оборачивалась для него промахами в выборе военачальников. В немалой степени это способствовало той грызне, которая, в не меньшей, а может быть и в большей степени, чем в гражданской, происходила в военной среде. Честолюбцы возбуждались перспективами повышения и горели желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинение в шпионаже, большевизме, взяточничестве и прочей крамоле было обычным и «модным» явлением.

Для адмирала не являлось секретом, что между штабами Сибирской и Западной армий раздор и нелады. Читая их донесения, Колчак не раз замечал, что между ними существует антагонизм, вызванный, несомненно, соперничеством по части успехов, но он не думал, что дело зашло так далеко. В результате амбиций одних и нерешительности других вопрос о взаимодействии двух армий так и не был решен.

Сибирская армия продолжала развивать наступление по двум направлениям: на Вятку и на Казань. Даже начавшееся отступление войск Западной армии не поколебало Гайду и его штаб, не заставило их изменить свое решение. Все доказательства, все убеждения, что общие интересы борьбы, интересы всей России требуют немедленной помощи южному соседу ударом с севера, в левый фланг красных, что в случае поражения Западной армии затрещит и операция Сибирской, — все было напрасно. Гайда, поощряемый молчанием Колчака, непоколебимо стоял на своем. Эта непоколебимость подкреплялась еще и союзниками.

Английский генерал А. Нокс, вернувшись из Екатеринбурга в Омск, взалхлеб рассказывал всем о своих впечатлениях:

— Гайда так уверен, он прямо по дням рассчитал всю операцию, когда берет Вятку, соединится с нашими из Архангельска, на другом направлении берет Казань. В первой половине июня Гайда будет в Москве!..

7 мая выехал в Екатеринбург и Верховный прави-

тель. Колчак старался личным присутствием помочь фронту в эти трудные дни.

Из «Дневника» генерала А. П. Будберга:

«Утром (8 мая 1919 года. — *Авт.*) прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим Сибирской армией генералом Гайдой; почетный караул от ударного, имени Гайды, полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства, противно видеть все эти бессмертные бутафории, достаточно позорные в последние дни агонии старой русской армии; еще противнее вместо старых заслуженных вензелей видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста, быть может и храброго, но все же ничем не заслужившего чести командовать русскими войсками в их святой борьбе за спасение родины.

Сам Гаида, ныне уже русский генерал-лейтенант, с двумя Георгиями, здоровый жеребец очень вульгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи, держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне — не из зависти, а как русскому человеку — бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшеро в русские герои и военачальники. Говорят, он храбр, но я уверен, что в рядах армии есть сотни наших офицеров, еще более храбрых; говорят, что он принес много пользы при выступлении чехов, но ведь это он делал для себя, а не для нас; вознаградите его по заслугам, и пусть грядет с миром по своему чешскому пути; что он нам и что мы ему, он показывает это достаточно своим исключительно чешским антуражем, тем чешским флагом, который развевается у него на автомобиле, теми симпатиями, которые он во всем проявляет к чехам, всячески их поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнул Омск на такое назначение, которое обидно, бесцельно, а может быть и вредно; то, что я слы-

шал про Гайду в Ставке, убеждает, что это тоже крупный атаман, сумевший поблажками, наградами, подачками и возвышениями приобрести известные симпатии и образовать кадры преданных ему лиц; такие революционные случайности понимают, что они случайны, и обыкновенно запасаются обязанными людьми для борьбы с разными течениями и деградациями. Вырастают эти бурьяны легко, а вырываются с великим трудом».

Дневник... странная это вещь. Война, бурный круговорот событий, чужие, случайные жилища... И тем не менее люди ежедневно записывали, чем занимались, что видели, слышали, переживали.

Так делали Пепеляев, Будберг и сам Колчак, запечатлевший свои сокровенные мысли и чувства в черновиках писем к Анне Васильевне Тимиревой. Блокноты с черновиками впоследствии получили название «дневник Колчака», хотя на самом деле это своеобразные размышления-монологи. Записи эти адмирал хранил у себя до последних дней, только в начале января 1920 года на станции Нижнеудинск, буквально перед самым арестом, вручил их одному из своих адъютантов — полковнику А. Н. Апушкину. В 1927 году бумаги были переданы в Русский заграничный исторический архив в Праге, а в 1945 году попали в нашу страну.

...АДМИРАЛ, СЛЕГКА СГОРБЛЕННЫЙ, с бледным исхудавшим лицом и глазами, остро блестящими от бессонных ночей на фронте, вышел из вагона. Губы плотно сжаты, их углы опустились, образовав две глубокие складки.

К приходу поезда Верховного правителя на станции собрались все высшие чины, был построен почетный караул. Рапорт. Колчак медленно обходит ряды почетного караула, держа все время руку у козырька и пристально всматриваясь, как обычно, в лица солдат.

Что искал в них Колчак? Может быть, он хотел запомнить эти лица, может быть, хотел передать этим людям свою волю, свою любовь к родине и желание спасти ее?

— Спасибо, братцы, за службу!

— Рады стараться, Ваше ...ство-о-о!

— Я только что объехал геройские полки Западной армии... Им трудно, на них обрушились свежие части красных. Но, Бог даст, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...

— Рады стараться, Ваше ...ство-о-о! — гремит в ответ. И все лица смотрят радостно, возбужденно.

Затем адмирал вместе с Гайдой поехал в штаб армии, где внимательно выслушал оперативный доклад, прочитал сводки из частей. Положение вырисовывалось такое, что решение могло быть только одно. Западная армия отступила, и теперь Сибирская армия сильно выдалась вперед и как бы нависла с севера над флангом красных. Удар напрашивался сам собою, и Колчак был с этим согласен. Но снова раздался тихий, размеренный и настойчивый голос Гайды, снова пошли в ход уверения и доказательства нецелесообразности изменения принятого ранее плана наступления: мол, еще не известно, что получится из этого удара, а здесь мы наверняка возьмем Казань и Вятку, тогда и до Москвы подать рукой. И Колчак верил, хотя ему были известны и другие соображения на этот счет, не менее высокие.

Например, К. В. Сахаров — в это время генерал для особых поручений при Верховном правителе — свидетельствует, что он и начальник штаба генерал Д. А. Лебедев доказывали необходимость сосредоточения основных сил на центральном направлении для развития наступления в Поволжье и соединения с армией генерала А. И. Деникина; иначе, доказывали они, Западная армия не выдержит.

Генерал Будберг пишет, что «для нас, сидевших в тылу, выбор этого направления (северного. — *Авт.*) был всегда непонятен, так как казалось, что, по всей обстановке, следовало двигаться через Уфу и Оренбург на Самару и Царицын на скорейшее соединение с уральцами и Деникиным...» И далее так объясняет причины выбора северного направления: «Маленькие люди в Ставке говорят, что северное направление избрано под влиянием настойчивых советов генерала Нокса, мечтавшего о возможно скорой подаче английской помощи и снабжения через Котлас, где сущест-

вовало прямое водное сообщение с Архангельском, куда уже прибыли значительные английские запасы».

Все это было очень заманчиво, но не могло быть поставлено во главу угла, ибо, в конце концов, проблема решилась бы сама собой при успехах на центральном направлении и при соединении с армией генерала Деникина к западу от Царицына.

«Все горе в том, — пишет дальше Будберг, — что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей Ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам; Лебедев — безграмотный в военном деле и практически случайный выскочка; во всей Ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; все это заменено молодой решительностью, легкомысленностью, поспешностью, незнанием войсковой жизни и боевой службы войск, презрением к противнику и бахвальством».

...По возвращении в Омск адмирал Колчак пытается хоть как-то спасти положение. Торопит отправку в действующую армию всего, что можно было собрать наскоро, изыскивает всюду, где можно, и посылает на фронт сапоги и обмундирование. Но собрать удалось мало: не хватало вагонов; да и иностранные генералы, в руках которых были все запасы, выдавали их по своему собственному плану, мало считаясь с действительной нуждой русских войск.

Из «Дневника» генерала А. П. Будберга:

«15 мая... Был на оперативном докладе в Ставке; последние сводки мне очень не нравятся, так как несомненно на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных, наше наступление выдохлось, а армия катится назад, не способная уже за что-нибудь зацепиться. Наступление красных обозначилось уже определенно по двум направлениям: вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги и в разрыв между Сибирской и Западной армией. Ставка не понимает положения и позволяет Сибирской армии наступать на глазовском направлении. Одна лошадь в паре пятится назад, другая прет вперед. Направление в разрез армий

ничем не прикрыто, и, по мере продвижения сибиряков вперед, их положение делается все опаснее. Когда я указывал это генерал-квартирмейстеру Ставки, то тот сослался на наличие в Екатеринбурге больших резервов и добавил, что с введением в дело резерва Каппеля (командир 1-го Волжского корпуса. — *Авт.*) на фронте Западной армии все перевернется опять в нашу пользу.

Таким образом, вся судьба зауральской кампании висит на двух кучах совершенно не готового к бою сырья, без артиллерии, без средств связи, не обстрелянного, не умеющего маневрировать; я не видел войск группы Каппеля, но и без того понимаю, что за несколько зимних сибирских месяцев и при условиях современной стоянки было абсолютно невозможно сформировать годные для боя части. Как для подкрепления успеха такие части могли еще пригодиться, но, выдвинутые в расшатанный и катящийся назад фронт Западной армии, они не в состоянии помочь делу; фронт же Западной армии и расшатан и катится неуклонно назад, что ясно чувствуется из туманных, загроможденных и старающихся сохранить лицо донесений штаба этой армии; не подлежит сомнению, что потеряна способность сопротивления, что хуже крупного поражения.

Временами пытаюсь поймать себя в ошибочности своих мрачных расчетов, но действительность не дает мне по этой части никакой лазейки; вижу перед собой непомерно растянутый фронт; растрепанные, полуголые и босые, истомленные и вымотанные вконец части; молодое, очень храброе, но неопытное и не искусное в управлении войсками и в маневрировании начальство; самоуверенные, враждующие между собой и не особенно грамотные по полководческой части штабы армий, автономные, завистливые, не способные друг другу помочь; самонадеянную, бездарную, безграмотную по стратегии и организации Ставку, далекую от армии и не способную разобраться в происходящем; никаких ресурсов по части готовых для боя резервов; никаких планов текущей операции, кроме задорного желания изменить неуспех в успех... и очень мало надежды на то, что все сие преходяще и может измениться в лучшую сторону».

А тут новый инцидент с Гайдой.

На вопрос Колчака, намерен ли он исполнять его, Верховного главнокомандующего, приказания, Гайда ответил:

— Да, но постольку, поскольку они не будут мешать моим, как командующего Сибирской армией, оперативным распоряжениям.

Возник конфликт, обостренный требованием Гайдды убрать генерала Лебедева.

После совещания с Ноксом и Жанненом адмирал Колчак решил сам ехать в Пермь, так как иных средств разрешить конфликт не видел. Трагическое бессилие Верховной, по названию, власти и Верховного, по званию, командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнить свою волю...

Гайда обвинял Ставку и начальника штаба Верховного главнокомандующего Лебедева в неумелых и вредных для фронта распоряжениях, в возложении на войска невыполнимых задач; утверждал, что Ставка не сумела ничего сделать толкового ни по части оперативного управления войсками, ни по части организации и помощи фронту. И для таких обвинений и утверждений основания были. Фронт и без того всегда с недоверием относится к своим тыловым начальникам, придирчиво анализирует все их распоряжения, в них видит в первую очередь причины своих неудач. Нужно умелое и тактичное руководство и большая забота об армии, чтобы победить это органическое нерасположение. Ставка же, наоборот, делала все, чтобы стать для фронта постылой и ненавистой.

«Частые поездки на фронт Лебедева, — свидетельствует Будберг, — очень надменного, самовлюбленного, резко и бестактно путавшегося в армейские распоряжения, конечно, не могли способствовать укреплению авторитета Ставки».

Сама атмосфера Ставки, с неналаженностью и суетливостью работы, важностью молодых сановников и малым вниманием к нуждам и просьбам армии, также не могла прибавить ей уважения и доверия со стороны фронтовиков.

Несомненно, что и штабы армий страдали теми же недостатками, но кто же способен увидеть даже бревно в собственном глазу?

И вот Колчак, вместо того чтобы во всем этом разобраться в Омске, едет к Гайде в Пермь. Для чего? Уладить еще один конфликт, добиться еще одного компромисса? Но это не выход из положения, не решение проблемы, а только временная отсрочка, спешный ремонт опасной трещины, поверхностное, но не радикальное лечение.

А. В. Колчак взял с собой весь свой конвой, приказал подготовить находящийся в Екатеринбурге батальон охраны Ставки и двинулся «усмирять» непокорного командарма. Решили, если Гайда будет упорствовать, арестовать его и отправить немедленно в Омск.

Но Гайда оказался, хотя бы внешне, вполне корректным: встретил адмирала с обычной помпой и по уставу. После встречи и ухода с платформы почетного караула вокзал заняла часть адмиральского конвоя, изготовившаяся на случай непредвиденных обстоятельств. Адмирал пригласил Гайдю в свой вагон. Колчак объявил ему, что так как он позволил себе отказаться от исполнения приказаний Верховного главнокомандующего, то адмирал не считает возможным дальше оставлять его в должности командующего Сибирской армией и предлагает сдать командование начальнику штаба армии. А затем ждать решения дальнейшей своей судьбы в Омске.

Гайда горячо оправдывался...

— Почему вы раньше не донесли мне, — раздраженно перебил его Колчак, — что распоряжения Ставки, по вашему мнению, губят армию?.. Почему не доложили, не сделали ни единого намека? А между тем это ваша прямая, как командарма, обязанность...

На заносчивое заявление Гайдю о том, что в случае его ухода с поста командующего армией войска сейчас же побегут, адмирал резко ответил:

— За последствия ответу я сам как Верховный главнокомандующий.

После довольно длительных пререканий и обмена колкостями Колчак поставил Гайде ультиматум: или он выедет из Перми в течение двух часов, и в этом случае он уедет еще в звании командующего армией, или будут приняты иные меры.

Гайда долго молчал, но затем с усилием выдавил, что он солдат и полученное приказание исполнит.

Через два часа Гайда экстренным поездом выехал

в Омск, сдав командование армией начальнику штаба генералу Б. П. Богословскому. Перед отъездом он зашел к адмиралу, который успел за это время успокоиться и даже поинтересовался, не был ли он слишком жесток к Гайде.

Утром 4 июня 1919 года Колчак вернулся в Омск; одновременно туда прибыл Гайда вместе с отборным конвоем в несколько сотен человек.

На следующий день к Колчаку зашел Жаннен, и разговор пошел о «деле Гайды».

— По моему мнению, — вкрадчиво объяснял адмиралу Жаннен, — нужно сохранить Гайду, так как его любят в армии, он и Богословский до сих пор хорошо работали. Опасно менять упряжь посреди брода. Если после замены Гайды произойдет какое-нибудь затруднение, будут говорить, что именно она была тому причиной. Может, я и ошибаюсь, — продолжал французский генерал, — но, честно говоря, я считаю в настоящее время более приемлемым оставить Гайду на месте. Если я ошибаюсь, то приду и сознаюсь в своей ошибке.

— Я устал постоянно выступать в роли мирового судьи, — жаловался Колчак. — Но, может быть, вы где-то и правы. Командного состава катастрофически не хватает... Может, Гайду заменить Дитерихсом?

— Дитерихс больше подходит на должность начальника Главного штаба, — заметил Жаннен. — Он пригодился бы Сибирской армии своими техническими знаниями, столь редкими сегодня. Решение относительно Гайды надо вынести срочно. Его пребывание здесь может вредно отразиться на армии.

И Колчак вновь не смог проявить твердость и настоять на уже, казалось бы, принятом решении. 6 июня Гайда уехал на фронт, как говорили, помирившись с адмиралом. Все происшедшее было больше чем «личное дело Гайды» — это было в первую очередь «дело Колчака», которое адмирал проиграл. Правда, под влиянием омских «верхов», настроенных более решительно, впоследствии он все-таки сделал то, что должен был сделать раньше: вскоре уволил Гайду и разрешил ему отправиться в заграничный отпуск.

Перед отъездом, по свидетельству Жаннена, Гайда и Колчак обменялись «речами, лишенными всякой уч-

тивности. Адмирал упрекал его в демократических тенденциях, в оказании покровительства социалистам-революционерам, в наличии в его армии... офицеров прогрессивных убеждений. Гайда ответил, что он считает опасным иметь реакционную ориентацию, что обещания, данные Сибири, не были сдержаны, отсюда шло все зло и это становилось опасным. Колчак обвинял его в отсутствии военных знаний. Гайда отвечал, что сам адмирал не может ни в малейшей степени претендовать на такие знания, так как ему довелось командовать только тремя кораблями в Черном море. На угрозу, что он отправит его в военный совет, Гайда ответил, что он чех и не подчиняется ему...»

Генерал Д. А. Лебедев успешно выпутался из этой истории. Созданная Колчаком комиссия не нашла ничего, что подтверждало бы предъявленные начальнику штаба и Ставке обвинения, впрочем, трудно было ожидать иного от этой «специфически омской» комиссии, смотревшей на все происходившее как бы со стороны и не способной на серьезный анализа того, что послужило причиной скандала.

«Глубоко тревожно и печально, что во главе военного и оперативного управления остался ничемушный случайный выкидыш ноябрьского переворота, — писал генерал Будберг по поводу «победы» Лебедева, — абсолютно неграмотный в том великом деле, за которое самоуверенно взялся, и остро ненавидимый старшими войсковыми штабами, а за ними и всем фронтом; еще хуже, что это еще более усугубляет разрыв между фронтом и тылом, между армией и адмиралом».

23 МАЯ ПРАВЫЙ ФЛАНГ ЮЖНОЙ АРМИИ, прикрывавший направление на Стерлитамак, под ударом красных войск отскочил более чем на пятьдесят верст, оставив этот город и уйдя на восточный берег реки Белой.

Это явилось полной неожиданностью, так как еще накануне были получены сводки Южной армии о полном успехе в отражении атак красных частей и даже о частичном переходе в наступление. Создалось положение, в высшей степени тяжелое для Западной армии:

между ее левым флангом и правым флангом Южной армии образовался промежуток более чем в 60 верст — а тут от Стерлитамака по западному берегу Белой идет на Уфу большая дорога, которую могли свободно пройти войска красных.

В Уфе началось смятение. Командующий Западной армией генерал М. В. Ханжин в первую минуту предполагал отдать приказ о немедленном отходе за Белую всей своей армии. Но это было немыслимо: такое отступление отдало бы в руки большевиков несколько тысяч раненых и больных, десятки госпиталей, семьи офицеров и добровольцев, огромные запасы военного имущества и артиллерийские парки. Кроме того, такая поспешность разрушила бы весь план действий, по которому 3-й Уральский корпус и конница должны были западнее Белой ударить по красным, накапливавшимся в промежутке между Западной и Сибирской армиями.

После обсуждения решили, что нет оснований спешить с отходом. Необходимо было рискнуть, так как отступление за Белую оказалось неподготовленным, к эвакуации Уфы едва приступили, железная дорога работала без всякого плана, хаотически и была забита до предела.

Немалое затруднение заключалось еще и в том, что армия, молодая, неустроенная и почти еще иррегулярная, требовала постепенного проведения операций отхода — иначе можно было испортить все и развалить ее. Клинок хорошей, но необработанной, перекаленной стали согнулся почти в кольцо. Если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно — клинок отпрянет со звоном, мелькнет в воздухе молнией и разобьется от силы удара на куски, пропадет. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка.

Необходимо было также считаться с тем, что армия нуждалась в укреплении в ней веры в свою силу, в способность выигрывать, побеждать, так как неуспех весеннего наступления, неожиданное крушение всех планов и ожиданий значительно подорвали эту веру и даже распатали дисциплину, особенно среди высшего командного состава.

На исходе был май. Вся земля ярко зеленела новыми всходами, в воздухе звенели жаворонки. Кусты

черемухи утопали в пышных белых гирляндах цветов, наполняя воздух нежным, возбуждающим ароматом.

Деревни, с их бедными серыми избами, соломенными крышами, с улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами босоногих ребят, шумели, как ульи пчел, проснувшихся весной от зимней спячки.

А за деревнями чернели батареи, цепи стрелков вели наступление. В прозрачном воздухе плыли белые облака прапнельного дыма, гулко и далеко разносилось эхо выстрелов...

Глава 5

ФРОНТ И ТЫЛ

Дела на фронте с каждым днем ухудшались. 2 июня красные заняли Сарапул, 8 июня овладели Бирском, на следующий день ворвались в Уфу, а через три недели взяли Пермь и Кунгур. 13 июля они уже в Златоусте, а через день — в Екатеринбурге. Освободив Челябинск (24 июля) и Троицк (4 августа), красные войска рассекали фронт противника на две изолированные группировки, из которых одна отступала в Сибирь, а другая в Туркестан. Этим была завершена борьба за Урал и началась борьба за Сибирь. По всему чувствовалось, что на фронте наступил перелом и стратегическая инициатива прочно перешла к красным.

В эти дни А. В. Колчак, оставаясь внешне спокойным, нередко терял остатки самообладания. Укоренившаяся со временем привычка — в минуты сильного волнения беспощадно резать ножиком для заточки карандашей подлокотники кресла — заметно прогрессировала: на подлокотниках теперь, что называется, не осталось живого места.

В такие минуты Колчак предпочитал никого не видеть. А те, кто давно и досконально изучили Верховного правителя, сами старались лишний раз не показываться ему на глаза, справедливо полагая, что, когда они понадобятся, их позовут.

КОЛЧАК И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В НОВОЙ ОБСТАНОВКЕ связывали свою судьбу с исходом московского похода генерала Деникина. Рассчитывая на его успех, в Омске решили отвести уцелевшие войска

в междуречье Тобол — Ишим, а частично и за реку Ишим, укрепиться на естественных оборонительных рубежах. Это давало возможность прикрыть район Омска и, отдавая пространство, выиграть время для подготовки войск к переходу в контрнаступление. И сибирские войска начали отступать, задерживаясь лишь для того, чтобы не превратить отход основной массы частей в беспорядочное бегство.

Сознавая, что Ишим является последним удобным естественным рубежом обороны перед Омском, базирясь на котором можно попытаться не только задержать, но и отбросить красные части, колчаковцы ускоренными темпами ведут работы по инженерному оборудованию западного берега Ишима, превращают ряд населенных пунктов в узлы обороны. Особое внимание обращается на укрепление подступов к городам Петропавловску и Ишиму. Здесь роются окопы полного профиля и устанавливается артиллерия.

Этот план отвечал создавшейся военно-политической обстановке, но не был доведен до конца. Стремясь укрепить свои пошатнувшиеся внешнеполитические позиции, восстановить утраченное доверие у сибирской общественности и повысить моральный дух войск, Верховный правитель потребовал от генералов ускорить переход войск в контрнаступление.

Не имея широкой социальной базы, омскому режиму приходилось опираться на штыки, с развалом армии его положение становилось трагически безвыходным. Ситуация на фронте определяла все: и положение власти, и отношение к Колчаку поддерживавших его общественных группировок, и настроение командной части армии, и политику союзников. Добивалась белая рать хоть каких-нибудь побед — положение так или иначе изменялось к лучшему: правительство действовало решительнее, общественность начинала приносить гроши «на алтарь Отечества», повышалась организованность в армии, союзные представители начинали активнее уделять внимание «омскому правительству», агенты которого за границей снова и снова поднимали вопрос об увеличении помощи.

В одной из телеграмм представителя Верховного правителя в Лондоне К. Д. Набокова сообщалось, что У. Черчилль просил его предупредить Колчака, что

«вследствие настроения рабочих» неизбежным стал постепенный отзыв войск Англии из России и что поэтому «необходимо принять все возможные меры для достижения решительных результатов в этом году».

Чтобы удержать иностранцев в Сибири, заслужить их поддержку, в Омске было решено попытаться еще раз показать, что отступление — это лишь запланированный маневр, что армия Верховного правителя способна вновь перейти в «победоносное» наступление и «громить» красных. Иного выхода у адмирала не было.

Начали лихорадочно собирать резервы. Ряд частей и соединений спешно выводили с передовой в армейские тылы и в резерв фронта для реорганизации, приведения в порядок, отдыха и пополнения. Объявили призыв на военную службу всех беженцев в возрасте от 18 до 37 лет. 9 августа Верховный правитель издал указ о мобилизации мужского городского населения в возрасте от 18 до 43 лет включительно на территории Омского и Иркутского военных округов. В начале сентября было объявлено о мобилизации деревенской буржуазии и интеллигенции.

Кроме того, не очень полагаясь как на свои деморализованные и поредевшие фронтовые части, так и на молодых призывников, настроенных явно против продолжения войны, омские «верхи» энергично мобилизуют казачество, которое, по их расчетам, должно стойко сражаться с красными.

Казачий генерал П. П. Иванов-Ринов (бывший полицейский в Туркестане, затем военный министр Временного Сибирского правительсва, ярый сторонник введения в армии царских порядков; Колчак возвел его в генерал-лейтенанты и даже назначил «атаманом Сибирского казачьего войска») объехал часть станиц своего войска, роздал привезенные товары и теперь вернулся в Омск триумфатором, любимцем населения и внеконкурсным кандидатом на переизбрание в войсковые атаманы.

«Он привез с собой навинченные болтовней, водкой и подарочным настроением приговоры станичных сходов о поголовном выходе на службу всех сибирских казаков, — пишет Будберг, — и сейчас горд и важен, изображая из себя единственного спасителя во всем создавшемся здесь положении. Его носят на руках, ему остается только приказывать».

И далее: «Все это — очередной казачий бум; ни на минуту не верю всем этим приговорам; не таковы сибирские казаки, чтобы поголовно встать на борьбу с большевиками; тот, кто хотел бороться, сам пошел в ряды армии. Свидетели такого же поголовного выхода оренбургских казаков рассказывают, что все кончилось получением пособия и расходом по станицам, как только тем стала угрожать опасность. Полицейской душе Иванова-Ринова хочется блестящей рекламы, великой шумихи и удовлетворения своему обиженному честолюбию.

Сейчас Иванов-Ринов сделался первым лицом в Омске; ему предоставлено право непосредственного доклада адмиралу, которому он приносит уже готовые к подписи проекты указов и распоряжений; он все ведет к тому, чтобы сформировать отдельный казачий корпус, сделаться его командиром и заработать с ним победные лавры».

Адмирал забыл свои старые обиды на казачьих атаманов и находился под впечатлением рисуемых ему блестящих перспектив, когда геройские казачьи полки погонят красных за Урал, все поправится и вновь расцветут надежды, связанные с военными успехами.

Всеми силами поддерживало омскую власть духовенство Сибири. Организованные по его инициативе крестные ходы, «дни молитвы и покаяния», молебны «о даровании победы», религиозные воззвания — все находившиеся в распоряжении церкви средства были направлены на борьбу против наступавшей Красной армии.

Несмотря на сопротивление населения Сибири, не желавшего воевать против красных, колчаковцам удалось мобилизовать некоторую его часть, в основном казаков. В результате смогли приступить к созданию новых соединений и частей. В районах Ишима и Тобольска формируются две бригады и два отряда, главным образом из мобилизованных прифронтовой полосы и беженцев, а в Омске — три пехотные дивизии. На территориях Семипалатинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов формируются 15 казачьих полков.

В целях улучшения управления войсками в июле

1919 года преобразовали отступившие в Сибирь Западную и Сибирскую армии в три неотдельные армии, которые составили так называемый Восточный фронт. Его командующим назначили генерала М. К. Дитерихса.

По свидетельству управляющего делами Совета министров Гинса, в это время Дитерихс «еще не пользовался престижем в Сибири. Он принял командование в июле и непрерывно отступал. Его считали монархистом и мистиком. На Урале, накануне оставления его войсками, он мобилизовал все мужское население, что вызвало озлобление рабочих. Призывая на борьбу с большевиками, Дитерихс говорил только о храмах и о Боге и объявил священную войну. Это казалось диким».

(Во время Первой мировой войны М. К. Дитерихс командовал русскими войсками, переброшенными в Македонию, на Солоникский фронт, для содействия союзникам. Позже руководил чешскими войсками при ликвидации большевиков в Приморье, а потому пользовался известным влиянием среди чешского командования на Урале и в Западной Сибири. Был начальником штаба у генерала Я. Сыровы. После ухода чехов в тыл они «вычистили» Дитерихса, как чужестранца, из своей среды. В январе 1919 года он сменил чешскую форму на русскую. По поручению А. В. Колчака возглавил комиссию по расследованию дела о расстреле царской семьи. В июле занимал пост командующего Сибирской армией.)

Западная армия была преобразована в 3-ю армию под командованием генерала К. В. Сахарова, а Сибирскую армию разделили на две: 1-ю (командующий генерал А. Н. Пепеляев) и 2-ю (командующий генерал Н. А. Лохвицкий). Начинает формироваться Сибирский казачий корпус.

Штаб Восточного фронта расформировали, а его функции возложили на штаб Верховного главнокомандующего и органы центрального военного управления.

Из «Дневника» генерала А. П. Будберга:

«10 августа... Лебедева решили убрать, а на его место по должности наштаверха и военного министра

назначается Дитерихс, остающийся вместе с тем и главнокомандующим Восточного фронта; сначала удваивали должности, а теперь начинают их утраивать; неужели же думают, что единство и стройность управления достигается сваливанием в одну кучу трех совершенно несовместимых должностей — командной, штабно-оперативной и административно-тыловой. Нет людей, чтобы хорошо справиться с каждой из этих трех должностей в отдельности, и в то же время валят на одного человека все их три вместе.

Лебедева назначили командующим южной степной группой, выдумав это абсолютно ненужное новое соединение только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшего уже невтерпёж всем наштаверха. Нам надо уничтожать десятки ненужных штабов и управлений; мы комичны с нашими бесчисленными штабами и, несмотря на это, создаем новый штаб армии, то есть целое грандиозное по личному составу учреждение только ради того, чтобы устроить золотой мост выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству...

11 августа... Имел двухчасовой разговор с Дитерихсом; он понимает недостатки существующей организации фронта, но недостаточно решителен в вопросе сокращения старших штабов; к сожалению, он усвоил себе сибирскую точку зрения на то, что гражданская война требует старших начальников, ходящих в атаку с винтовкой в руке. Положение армий он учитывает неправильно, но считает себя непогрешимым авторитетом, подчеркивая, что все последнее время он провел в самой гуще войск и отлично знает их состояние и настроения.

Приходил ко мне порядочно выпивший Иванов-Ринов и в пьяной болтливости высказал несколько весьма характерных мыслей из своей системы управления:

1. Предать суду и публично расстрелять некоторое количество спекулянтов (конечно, жена его казачьего превосходительства, привозившая с Дальнего Востока товары вагонами, ничего не платя за провоз, а потом публично продававшая их в Омске по кубическим ценам, к числу спекулянтов не относится).

2. Устраивать постоянные облавы на офицеров

и чиновников, причем известный процент захваченных тут же расстреливать.

3. Объявить поголовную мобилизацию, ловить уклоняющихся и тоже расстреливать.

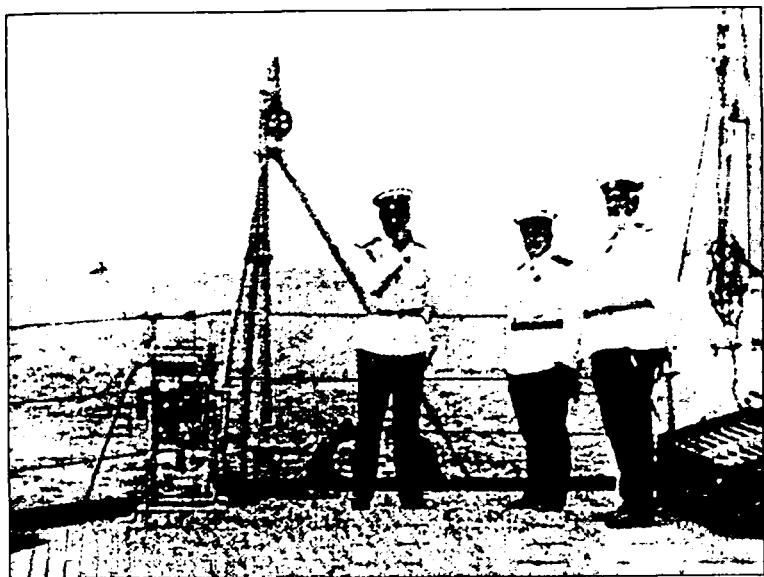
Симпатичная идеология, не предвиденная даже Щедриным, изобразившим в «Истории одного города» самые разномастные типы российских помпадуров; несомненно, что в лице этого отставного Держиморды Совнарком потерял замечательного председателя чрезвычайной комиссии, который затмил бы славу Держинского и К°.

И однако этот городской вылез на амплуа общего спасителя, и на него с надеждой и упованием взирает вся посеревшая от страха буржуазная слякоть и ждет, что сей рыкающий лев наверняка избавит ее от красного кулака».

Сущность реформ заключалась в том, что Ставка, как командный центр армиями, упразднялась. От нее остался лишь сравнительно небольшой состав для несения службы связи Верховного правителя с армиями генералов Деникина, Юденича, Миллера. С другой стороны, армии были преобразованы в неотдельные, то есть у них были отобраны все права и обязанности по части мобилизационной, организационной и заготовительной. Из этих обрывков сверху, от Ставки, и снизу, от армий, был образован новый центр — штаб главнокомандующего Восточным фронтом или, как он был назван в угоду моде, главковосток. Все заботы и обязанности по снабжению войск отныне должны были сосредоточиваться в этом штабе, который брал на себя тяжесть координации общих усилий для обеспечения успеха на фронте.

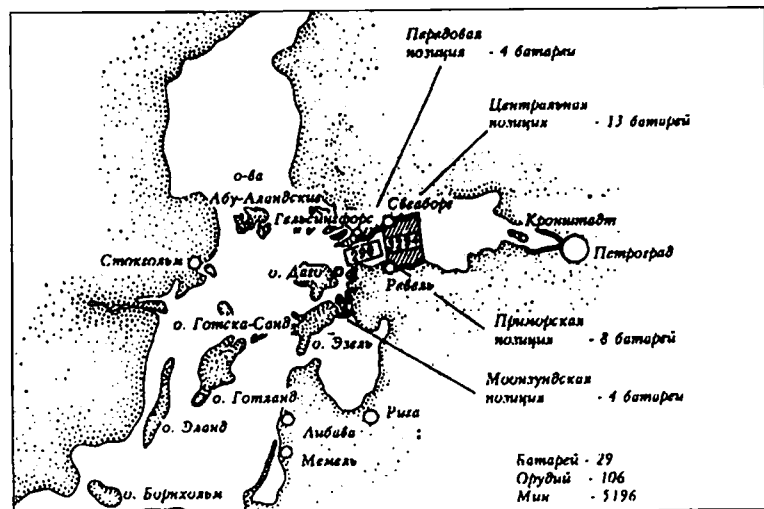
С одной стороны, было стремление к централизации и объединению, а с другой — к освобождению боевых армий от кропотливой и тяжелой работы в тылу. Армии могли теперь обратить все свое внимание исключительно на боевую деятельность.

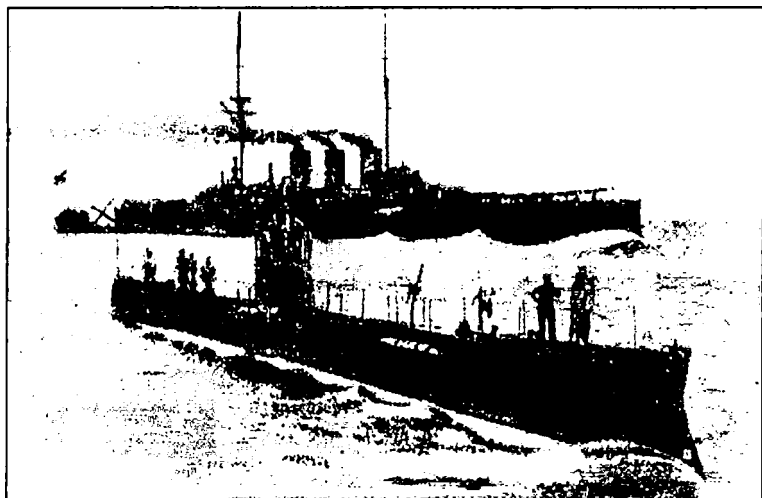
Теоретически это было не только правильно, это было необходимо. Но на практике получалось совсем иное. Условия того времени были так далеки от нормальных, тыл оказался настолько неорганизованным,

Николай II, Н. О. фон Эссен и морской министр адмирал И. К. Григорович на палубе крейсера «Рюрик». Ревель, 4 июля 1913 г.

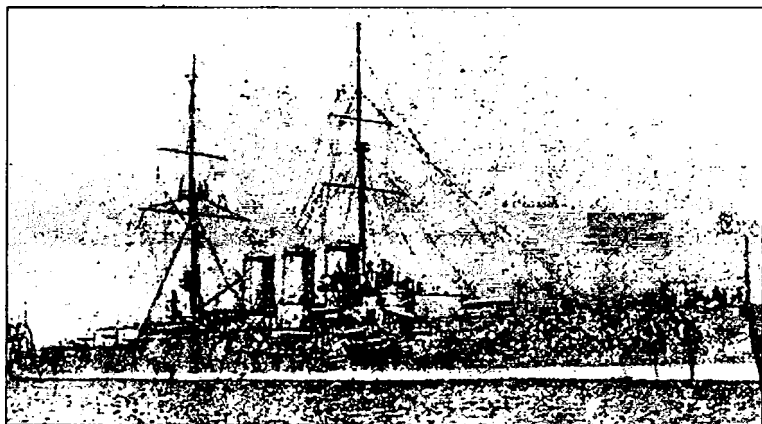
Схема береговой обороны Финского залива к октябрю 1914 г.

Выход в боевой поход кораблей Балтийского флота. Ноябрь 1914 г.

Крейсер «Рюрик»

Командующий морскими силами Балтийского флота адмирал Н. О. фон Эссен

Анна Васильевна Тимирева. Гельсингфорс, 1915 г.

А. В. Тимирева-Книпер

А. В. Тимирева с сыном Володией. Москва, 1922 г.

А. В. Тимирева-Книпер. Фото из следственного дела. 1938 г.

А. В. Тимирева-Книпер. Фото 1969 г.

В. С. С. С. С.
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
 ЗАКАЗНИК
 на хранение
 и хранение
 хранения
 в 1974 г.
 30.11.1974

Предоставляю^{31.12.74}
 при представлении ВЧК
 та Губернату.
 При сего представлении
 представлении ВЧК зна
 Купцо Вел; Колоски
 Аким Тимиреву —
 Губернату ее в в котом
 Служае нечел — оксиды.
 с Беркушкой Копранта
 Губа оксиды.
 В. С. С. С. С.
 Павлов

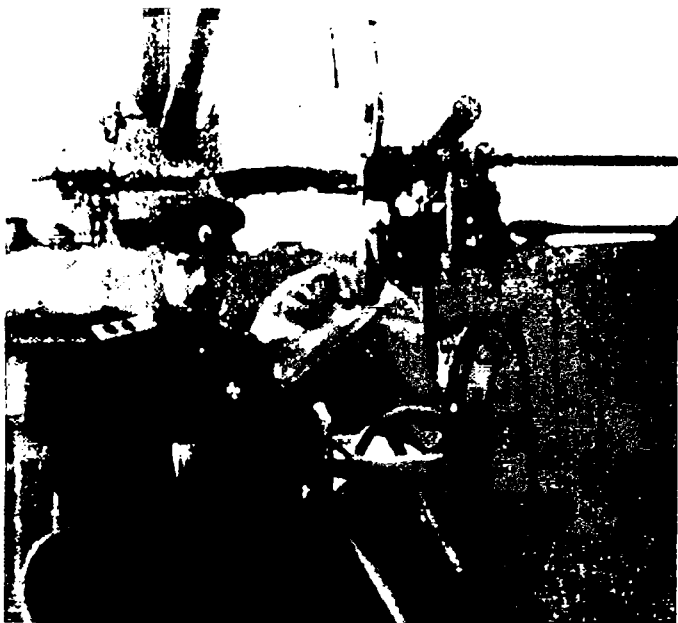
Записка представителя ВЧК по Сибири Павлу-
 новского в Президиум ВЧК об А. В. Тимиревой

Одна из последних фотографий А. В. Тимиревой
 (сидит). Декабрь 1974 г.

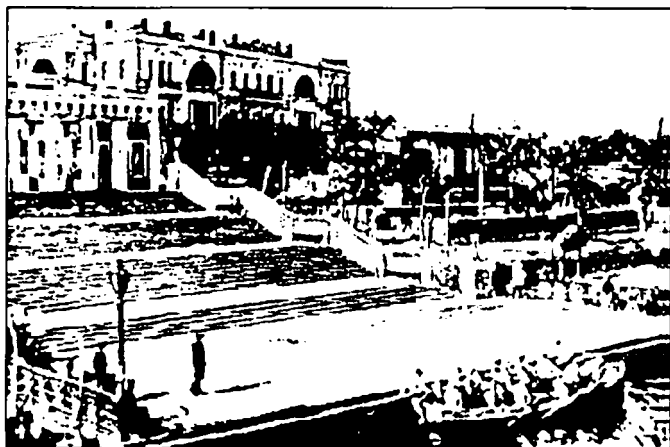

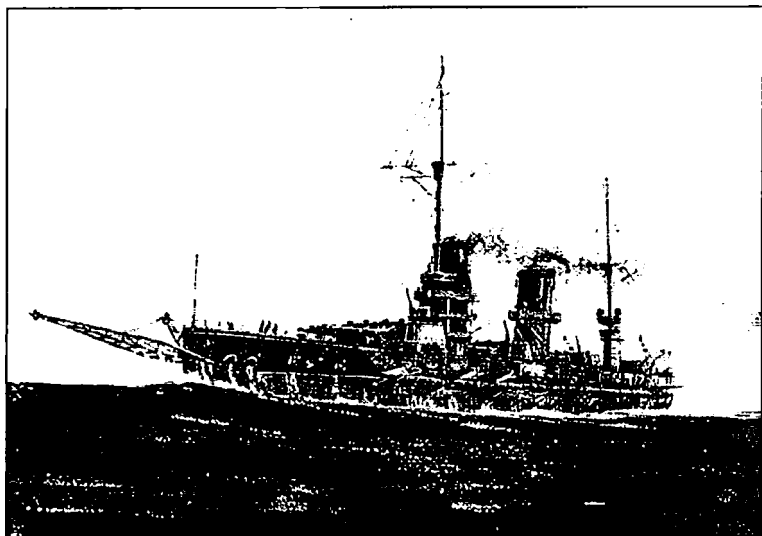
Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак. 1916 г.

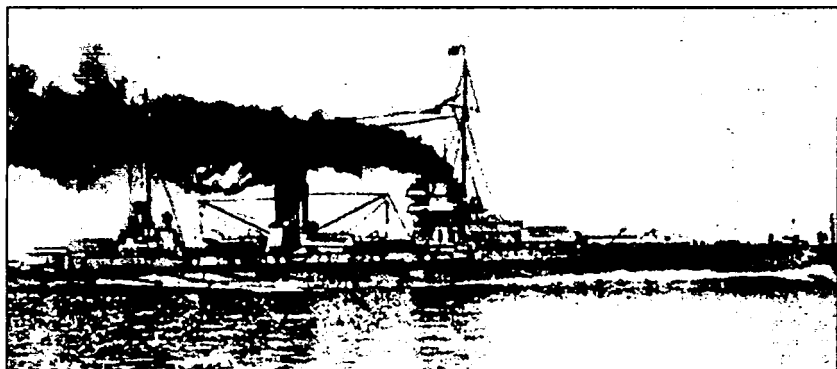
Севастополь, Графская пристань, близ которой располагался штаб командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака

Линейный корабль «Императрица Мария». Рисунок В. Емышева

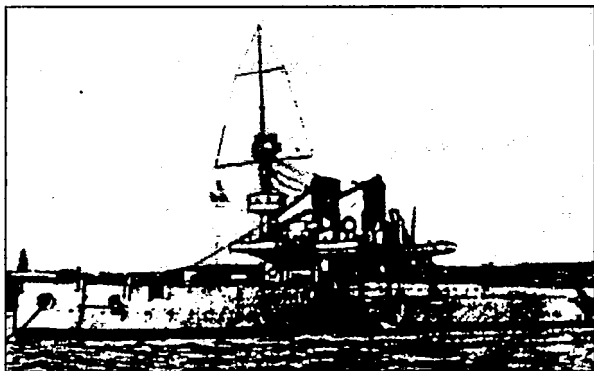
Германо-турецкий линейный крейсер «Гебен»

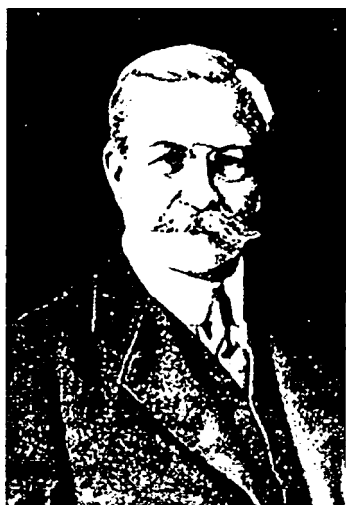
Бой кораблей Черноморского флота с турецкими крейсерами

Броненосный крейсер «Георгий Победоносец» (позже «Свободная Россия») — флагманский корабль Черноморского флота

Военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков

Лидер Партии народной свободы (кадетов), депутат Государственной думы 3-го и 4-го составов, министр иностранных дел Временного правительства России, историк П. Н. Миллюков

Лидер правого крыла социал-демократов-меньшевиков (группа «Единство») Г. В. Плеханов

А. В. Колчак и А. Ф. Керенский в автомобиле

Командующий войсками Петроградского военного округа, с июля 1917 г. — Верховный главнокомандующий войсками России генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов

Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего войсками России генерал от инфантерии М. В. Алексеев

Глава военно-морской миссии России вице-адмирал А. В. Колчак.
Рисунок неизвестного автора

Российская общественность приветствует
генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова

Главнокомандующий Китайско-Восточной железной дороги генерал-лейтенант Д. Л. Хорват (в центре) с членами Международного совета, созданного интервентами в Приморье, русскими и иностранными офицерами. Владивосток, май 1918 г.

Вице-адмирал А. В. Колчак (сидит второй слева) и генерал-лейтенант Д. Л. Хорват (сидит третий слева) с членами правления Китайско-Восточной железной дороги и предпринимателями

Атаман Забайкальского казачьего войска есаул, позже — генерал-лейтенант Г. М. Семенов

что фактически заботы, снятые с армий, обязанности и права, отобранные у них, повисли на время в воздухе. И как показали ближайшие события, реформы эти принесли больше вреда, чем пользы.

НИКАКИЕ УСИЛИЯ ОМСКОГО КОМАНДОВАНИЯ по созданию оборонительных рубежей, никакие реорганизации, никакие перемещения командного состава и другие мероприятия, направленные на упрочение положения войск, стабилизацию фронта, уже не могли спасти армию Верховного правителя от неминуемо надвигавшегося краха.

Поражение армии на Урале и огромные потери, увеличение масштабов повстанческого движения в тылу (генерал Будберг летом 1919 года писал: «В тылу возрастают восстания; так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь»), беспощадность омской власти, лишенной социальной базы и раздираемой внутренними неурядицами, — все это усилило разложение войск, отразилось на их боеспособности.

Вот что говорил по этому поводу глава британской военной миссии в Сибири генерал Нокс: «Солдаты сражаются вяло, они ленивы, а офицеры не умеют или не хотят держать их в должном повиновении... Неприятель заявляет, что он идет на Омск, и в данный момент я не вижу ничего, что могло бы его остановить. По мере того как Колчак отступает, армия его тает, так как солдаты разбегаются по своим деревням...»

Удручающее положение в белой армии констатировал и американский дипломат Р. Моррис. 6 августа в телеграмме госсекретарю США Р. Лансингу он выражал уверенность в неминуемой сдаче Омска, если большевистское наступление не прекратится. Американский генерал Грэвс сообщал в военное министерство о массовом дезертирстве среди офицеров. Солдаты-новобранцы, писал он, бросают оружие и даже обмундирование, чтобы легче было отступать. Многие простреливают себе левую руку или ногу, чтобы быть отправленными в тыл. Среди них невозможно обнару-

жить хоть какой-то энтузиазм в отношении омского правительства. Грэвс выражал неверие в способность белой армии сдержать наступление красных даже в случае ее реорганизации. И у него были для этого все основания.

На генерала удручающее впечатление произвела поездка совместно с Моррисом на фронт в августе 1919 года. Она была предпринята по требованию Вашингтона с целью выяснить, способно ли омское правительство удержать фронт против большевиков. Во время поездки Грэвс лично убедился в том, что армия Верховного правителя разваливается, что упорно распространяемые сведения о численности ее в сто тысяч человек — ложь. (В официальных сообщениях в то время указывалось, что генерал Пепеляев имеет под своим командованием 20 тысяч человек, генерал Лохвицкий — 31 тысячу, генерал Сахаров — 50 тысяч.)

Приведем, со слов американского генерала, некоторые, наиболее яркие, эпизоды этой поездки.

Прибыв из Владивостока в Омск, Грэвс встретился с генералом Дитерихсом и сообщил ему о своем намерении посетить Петропавловск для ознакомления с ходом мобилизации. Дитерихс не возражал. Но, ссылаясь на «чрезвычайное скопление народа» в связи с мобилизацией и предполагаемой поездкой А. В. Колчака в Петропавловск, русский генерал настаивал, чтобы Грэвс сначала отправился в Ишим, а уже оттуда поехал бы в Петропавловск. Грэвс без колебаний согласился.

В Ишиме американский генерал и сопровождавшие его офицеры встретили «теплый» прием. Грэвсу было категорически отказано в выделении охраны, предоставлении автомобиля, вообще в каком-либо содействии. Не помогло ему и заявление о том, что он действует по указанию Дитерихса.

Это озадачило американского генерала. После некоторых раздумий он пришел к выводу, «что было нечто такое, чего нельзя было нам показывать, чего мы не должны были знать». Грэвс был прав. Они не должны были знать истинного положения на фронте, не должны были видеть, что русская армия, «о которой так много говорилось, была в большей или меньшей степени мифом». Генерал решил убедиться в этом

воочию и принял решение добираться до Петропавловска на автомобиле, предусмотрительно захваченном с собой из Омска.

Несмотря на все попытки колчаковцев задержать американцев в Ишиме, последним все-таки удалось добраться до Петропавловска. Здесь они нашли вместо названных десятков тысяч всего... «небольшое количество солдат-грузчиков, достаточное для нужд небольшого гарнизона», да несколько семипалатинских казаков. Последние в разговоре с американскими офицерами заявили, что «пехота колчаковской армии не хочет сражаться, что казаки устали выполнять в сражениях все роли и теперь находятся на пути к дому». Это не было «скопление народа», о котором настойчиво говорил Грэвсу в Омске генерал Дитерихс. На вопрос Грэвса о местонахождении войск командующий 3-й армией генерал Сахаров ответил, что у него... их нет.

Так и не встретив стотысячную армию Колчака, которую, как уверяли Грэвса, он должен был найти на берегах Ишима, американский генерал вернулся в Омск и обратился к Дитерихсу за объяснениями. Последний, ничуть не смущаясь, ответил, что войска находятся «около 10 миль к западу от того места», где был Грэвс, а командующий в Петропавловске «недостаточно осведомлен, чтобы знать что-либо об этом». Омские генералы откровенно обманывали своих покровителей.

Во время пребывания в Омске Грэвс был поражен пренебрежительным, если не сказать больше, отношением населения и власти к больным и раненым воинам, которое он повсюду наблюдал. «Было прискорбно видеть этих несчастных, предоставленных самим себе», в то время как веселящаяся толпа («мы насчитали до тысячи танцующих») в омском парке «находилась в расстоянии не больше двадцати минут ходьбы от места, где умирали солдаты, умирали во многих случаях несомненно из-за отсутствия ухода за ними».

Беседовал Грэвс и с генералом Ивановым-Риновым, который откровенно признался, что омские министры «не имеют точки соприкосновения с населением», что «население не доверяет министрам». В этом Грэвс убедился еще по пути в Омск... «Никто из тех, кого мы спрашивали и кого спрашивали наши пере-

водчики, не сказал ни одного хорошего слова о колчаковском режиме», — свидетельствовал он.

Неудивительно, что под впечатлением от увиденного и услышанного Грэвс приходит к выводу: широко распространяемая ложь относительно сил белых является «частью системы, проводимой для получения денег от Соединенных Штатов, чтобы помочь Колчаку уничтожить большевизм». Все это «могло бы удовлетворить только человека, который желал быть обманутым», — с горечью писал Грэвс. Действительность же убеждала «в том, что падение Колчака — неминуемо».

Террор и хищения, казнокрадство и взяточничество стали в армии обычным делом. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерал М. Жаннен в своем сибирском дневнике 29 июля записал: «Вчера прибыл генерал Нокс... Его душа озлоблена. Он сообщает мне грустные факты о русских. 200 000 комплектов обмундирования, которыми он их снабдил, были проданы за бесценок и частью попали к красным. Он считает совершенно бесполезным снабжать их чем бы то ни было».

В РУКИ КРАСНЫХ ПОД ЧЕЛЯБИНСКОМ попал интересный документ, приводимый нами ниже. Автор его, капитан Колесников — начальник штаба дивизии, был зарублен со всем штабом красным разъемом, и противнику достались записи капитана. В одной из них Колесников предлагает ряд мер по укреплению армии.

Как же он характеризует руководящий состав армии?

«Прапоры, поставленные во главе полковых пунктов, безграмотны в деле разведки... Занятия (с солдатами) носят характер нудный, утомительный, а знаменитые «беседы», при полной неподготовленности командного состава, носят не доказательный, а скорее увещательный характер. Солдаты неверны и далеки от офицера...

Литература и пресса убоги и совершенно не соответствуют ни духу солдата, ни его пониманию, ни его укладу жизни. Сразу видно, что пишет барын. Нет

умения заинтересовать, поднять дух, развеселить и непреложно доказать. Во главе прессы стоят люди, не только абсолютно невоенные и далекие от солдат, но даже просто безграмотные в военной психологии, истории, не знакомые с душой солдата и его укладом жизни.

Наезды гастролеров, порюющих беременных баб до выкидышей за то, что у них мужья ушли в Красную армию, решительно ничего не добиваются, кроме озлобления и подготовки к встрече красных, а между тем в домах этого населения стоят солдаты, все видят, все слышат и думают...

Порка кустанайцев в массовых размерах повела лишь к массовым переходам солдат, на некоторых произвела потрясающее впечатление бесчеловечностью и варварством...»

А что же предлагает капитан Колесников?

«Для того чтобы бороться с агитацией и переловить главарей, надо поставить во главе контрразведки опытного офицера-жандарма.

Влить в полки добровольцев, не жалеть денег на их вербовку (!).

Уничтожать целиком деревни в случае сопротивления или выступления, но не порки. Порка, это — полумера(!). Открыть полевой суд с неумолимыми законами.

Духовенство заставить (!) ходить в окопы, беседовать о вере, поднимать религиозный экстаз, проповедовать поход против антихриста. Мулл — тоже».

И это все, до чего додумались «умнейшие» из офицеров.

Они действительно создали «дружины святого креста и полумесяца», однако смешно и жалко звучали эти призывы к защите веры в Сибири, где мужик совсем не религиозен.

Было выпущено воззвание епископа омского о том, может ли христианин убивать вообще, а большевиков в особенности. Епископ доказывает, что не только можно, но и должно убивать. А командующий фронтом свой приказ № 87 закончил такими «истинно русскими и православными» словами: «Вместе со мною, каждый по своей вере, сотворите горячую благодарственную молитву Богу, Сыну Его, Христу, и пророку

Магомету за дарованную победу... Первый шаг, великий шаг к окончательной победе над антихристом-большевиком сделан. Генерал-лейтенант Дитерихс».

Сибирская армия держалась на репрессиях и дисциплине. Когда она понесла ряд поражений и этих средств оказалось мало для сохранения боеспособности армии, вспомнили, что можно воздействовать на солдат убеждениями. И вот начинается агитационная кампания.

Верховный правитель А. В. Колчак обращается к населению с воззванием. Оно в течение недели, изо дня в день, печатается во всех сибирских газетах.

«29 июля 1919 г., г.Омск.

СОЛДАТЫ И КРЕСТЬЯНЕ!

Всех вас зову я на общее дело. Солдаты должны рассеять те банды богоотступников, которые защищают гибельное для русских самодержавие народных комиссаров.

Крестьяне должны мешать продвижению большевиков и помогать нашей армии, идущей спасать наш умирающий народ.

Все вы должны свергнуть власть Советов, давших народу голод, войну, нищету и позор.

Спешите! Уничтожив самодержавие большевиков-комиссаров, вы, крестьяне и солдаты, тотчас же начнете выборы в Учредительное собрание.

Я вам обещал это перед лицом всей России и целого света.

Порядок выборов в Учредительное собрание уже выработан, но война, которую ведут комиссары с армиями, спасающими родину, мешает всем нам избрать хозяина Русской земли и навсегда наладить нашу жизнь так, как это решит сам народ.

Поднимайтесь же все крестьяне, которых вели на защиту родины и к победе Пожарский, Суворов и Кутузов, горожане, рабочие и купцы, которых в смутное время поднял Минин.

Я вас зову во имя России, во имя русского народа.

Вперед на народных комиссаров! К Учредительному Собранию!

К спасению России, к ее величию, богатству, счастью, славе!

Все подымайтесь! Все вперед!

Верховный Правитель и Верховный
Главнокомандующий армией *Колчак*».

2 августа А. В. Колчак отдает приказ о целях и задачах борьбы с большевиками. Он начинает его весьма значительно:

«Ко мне поступают сведения, что во многих частях до настоящего времени остаются неизвестными цели и задачи, во имя которых я веду и буду вести с большевиками войну...»

Вспомнил о целях войны накануне краха!

Впрочем, крестьяне, солдаты и рабочие были явно неблагоприятной аудиторией. Скоро агитация в их адрес прекращается. Колчак издает суровый приказ о мятежниках.

Собирается пятый Казачий круг, на котором с речью выступил Волков — казачий генерал, один из главных действующих лиц переворота 18 ноября 1918 года. Волков поставил перед кругом вопрос: существует ли белая армия? Ответил на него он, конечно, положительно, но сама постановка вопроса свидетельствовала о безнадежности положения. Верхушка собирала Казачий круг с целью мобилизовать казаков, но основная масса их уже была поколеблена.

ДАЖЕ НЕИСКУШЕННОМУ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ представлялось совершенно очевидным, что фронта, как такового, уже не существует, фронт фактически исчез, расплылся во все стороны, так что никто не знал, где у него начало, а где конец. Еще труднее было отыскать в нарастающем, катящемся на восток потоке разрозненных повозок, пеших и конных, здоровых и раненых хотя бы подобие командования. Все начальники вяло взирали на весь этот хаос, не способные понять, что нынешние поражения глубже и опаснее, чем хочется думать, что требуется четкий план действий сообразно складывающейся обстановке. Вместо того чтобы остановить войска и сообразить, что же делать дальше, срывали с мест и экстренно гнали на фронт, на затыкание разных дыр совершенно не готовые к бою части. Этим сырьем дела на поправлялись, затычки не помогали, но зато быстро истрепались

последние резервы. Не видевшие фронта 27 — 30-летние генералы ругали неумение и нераспорядительность фронтовых начальников и командиров, в основной массе таких же юнцов-«стратегов», и никак не могли себе уяснить, что наступление их армий выдохлось, а красных — началось.

В этих условиях даже упорство Колчака все чаще стало превращаться в упрямство, которое, как оказалось, он проявлял и в тех вопросах, в которых не был, увы, достаточно компетентен.

Тыл, впитывая в себя, как губка, все недостатки центра, не мог существенно помочь фронту, усугубляя тем самым и без того великое неустройство снабжения войск. Малоопытные лица, поставленные Колчаком во главе его армий, видимо, увлеклись чисто военной или, точнее говоря, чисто оперативной стороной дела и не уделяли должного внимания такому не менее важному вопросу на войне, как снабжение армии всем необходимым. Тут царила полная импровизация и неразлучный ее спутник — хаос. В результате, хотя военных запасов, доставленных союзниками, с избытком хватало, действующая армия была плохо одета, плохо обуита, иногда даже голодала, а санитарные и медицинские средства подавались в армию не вовремя или же совсем не доходили до нее. Между тем тыловые склады нередко ломились от всякого рода запасов, а часть их, неосторожно придвигаемая к самому фронту, в случае отступления бросалась на произвол судьбы и попадала в руки красных или же спешно, перед отступлением, сжигалась.

Все это, конечно, приводило к тому, что войска в поисках необходимого начинали мародерствовать. Результатом было явление, уже совсем невыгодное для колчаковцев: население все более и более убеждалось в том, что все-таки белые хуже красных, хотя грабят и те и другие.

Всякому, хоть немного понимавшему военное дело, должно было быть ясно, что старая истина, когда-то и кем-то сказанная, что проигрываются только те сражения, которые хотели проиграть, вполне применима и к колчаковской армии.

Но находились оптимисты, считавшие, что начатое Колчаком дело все-таки еще не окончательно и безвозвратно проиграно. Выход из создавшегося положения

они видели в изменении системы управления армией, для чего необходимо лишь заменить руководителей, вдумчиво отнестись к законам организации армии и ее тыла, выслушать людей, обладавших опытом, и тогда, вполне возможно, дела поправятся.

По поводу неудач на фронте говорили, что армия, конечно, не могла успешно бороться с втрое превосходящими ее силами большевиков.

С подготовкой резервов в чад у былых успехов не торопились. Сейчас же с огромным опозданием всюду разворачивалась лихорадочная работа в этом направлении, но спешкой уже нельзя было ничего поправить. В штабах забыли, что куча людей, одетых в военную форму и держащих — да и то не всегда — в руках винтовку, — это еще не армия.

Направляемые из Омска на восток инспекции для выяснения положения дел с подготовкой пополнения для фронта возвращались с неутешительными известиями: тыл требует еще несколько месяцев, чтобы готовящиеся резервы стали вполне боеспособными. Но ни у кого не возникало желания прямо сообщить об этом Верховному правителю. Это была неблагоприятная тема для разговора с адмиралом. Уже одно упоминание о ней приводило Колчака в негодование. Он совершенно не признавал доводов тыла и считал их выдумкой тыловых генералов, «служебным эгоизмом», как он говорил. Колчак полагал, что подобными отговорками просто прикрывается нежелание идти на фронт.

Вернувшись в начале августа из очередной инспекционной поездки, генерал Иноземцев пространно и осторожно докладывал Колчаку о своих впечатлениях, избегая острых тем, делая упор в основном на трудности в охране железной дороги при активизации действий сибирских партизан, обращая внимание на тот факт, что, вероятно, зимой из-за сильных морозов и обилия снега станет еще труднее.

Генерал, когда он вошел в кабинет Верховного правителя, был поражен тем, как за несколько недель, что они не виделись, сильно похудел, осунулся адмирал. На Колчаке, как на всех чрезвычайно нервных людях, весьма быстро отражались любые неприятности.

А неприятностей и забот у адмирала в последнее время хватало. Лебедеву удалось вырвать у него согласие на контрнаступление в районе Челябинска с привлечением крупных сил и всех наличных резервов для окружения и разгрома челябинской группы красных. Он клятвенно обещал Колчаку ликвидировать ее, уверял, что красные совершенно выдохлись. Лебедев грозился повторить Мамаево побоище: заманить красных в ловушку, добровольно очистив челябинский узел; он считал, что противник, не раздумывая, бросится на эту приманку, после чего он его там захлопнет при помощи сложного маневра.

С бумажной, так сказать, теоретической точки зрения все это выглядело очень заманчиво, так что немудрено, что ничего не понимающий в сухопутных делах адмирал все-таки согласился на эту операцию.

Более трезвые головы расценивали ее как безумную и возможную лишь при том условии, что красные представляют собой не армию, а стадо баранов. Однако ситуация на фронте не давала повода для подобного оптимизма. Поэтому здравомыслящие военные считали, что это будет не челябинское наступление, а челябинское преступление. Так и случилось.

Челябинскую операцию с треском проиграли. Колчак был в бешенстве. Начались поиски виновных в неуспехе стрелочников — подлейшее занятие омских верхов. Лебедев пытался замаскировать неприятную правду, но она ни для кого не являлась секретом. Итак, последние резервы погублены и задержать откат обрывков армий на восток уже нечем.

А из советской России в Сибирь валом прет, вместо прошлогоднего виногрета из красноармейцев, регулярная Красная армия, не желающая — вопреки всем донесениям белой разведки — разваливаться; напротив, это белая рать потеряла способность сопротивляться и почти без боя катится и катится...

Есть от чего осунуться и похудеть Верховному главнокомандующему, есть над чем задуматься.

— Ну а чехи, конечно, устроились хорошо, — ехидно заметил адмирал. — Недаром же они занимают у нас такое огромное количество вагонов, а французское правительство тратит на продовольствие для них огромные деньги. Воевать же они, конечно, не склонны и прежде всего думают о возвращении на родину.

Генерал Иноземцев подтвердил, что чехи на линии железной дороги устроились довольно хорошо и даже с известным комфортом. На каждой станции находилось значительное количество товарных вагонов, оборудованных ими под жилье. Причем обживались они по-хозяйски, обнаружив большое умение делать свои пристанища не только удобными, но и привлекательными. Все вагоны были увешаны гирляндами зелени, украшены портретами президента Масарика и самодельными, иногда неплохо исполненными картинами. Перед вагонами и станциями с большим вкусом были разбиты цветники, проложены дорожки, построены беседки и т.д.

Вместе с тем генерал добавил, что считает службу чехов полезной. Что же касается настроений среди них, то генерал согласился с мнением командующего, что чехи действительно прежде всего думают о возвращении на родину, и винить их за это нельзя, так как ими уже сделано большое дело — поддержана в период зарождения Сибирская армия и очищена от большевиков Сибирь. Теперь же, когда чехи устали от войны, они вправе желать и возвращения на родину.

— Значит, пролитая за их освобождение кровь забыта. Россия нуждается в помощи, а они отказывают в ней, — сказал, нахмурившись, Колчак. — Россия, мол, сделала свое дело — освободила нас, а теперь мы устали и хотим домой. Такова их логика?

Иноземцев осторожно возразил адмиралу, который опять начал раздражаться, что и сейчас чехи еще продолжают оказывать России большую услугу, охраняя железнодорожную магистраль, которая имеет огромное военное значение.

Адмирал недовольно отмахнулся и прекратил разговор. Ясно было, что чехи у него симпатий не вызывали.

А. В. Колчак действительно относился к чехам чуть ли не как к врагам, неоднократно резко отзывался о них, обвинял в дерзости на том основании, что чехи, например, хотели самостоятельно распоряжаться во всей охраняемой железнодорожной зоне, вплоть до объявления военного положения там, где они сочтут нужным. Адмирал считал это посягательством на ве-

личие России. Верховному правителю принадлежат слова, что в конце концов он вынужден будет разоружить их силой, что он даже готов сам «стать во главе своих войск, прольется кровь» и т. д., и т. п.

Здесь хотелось бы обратить внимание читателя на тот факт, что русский генерал Иноземцев, защищавший чехов, был не одинок. Такого же мнения придерживался и французский генерал Жаннен.

«Это я, в согласии с их правительством, отозвал чехов с фронта, — пишет в своем сибирском дневнике Жаннен, — который они создали почти что одними своими силами, и расположил их вдоль Сибирской магистрали. Они охраняли ее более 8 месяцев, обеспечивая нормальную торговлю и само существование колчаковского правительства, которое не чувствовало к ним ни малейшей благодарности за эту косвенную, но существенную помощь...

Конечно, чехи чувствовали глубокое отвращение и омерзение к диктатору и режиму, установленному им в Сибири. Возможно, что положение улучшилось бы, если бы, вопреки хорошо известному отношению их правительства к Колчаку — Массарик прозвал его самозванцем (авантюристом), — я постарался бы расположить их к последнему.

Но мне, командующему ими и отвечавшему за их честь и жизни, казалось преступным жертвовать пятьюдесятью тысячами храбрецов, истощенных войной и лишениями, ради удовольствия и выгод пройдох, спекулянтов и грубых реакционеров, собравшихся в Омске и представлявших прежнюю Россию. Я выделяю самого Колчака, ответственность с которого снималась его нервным заболеванием. Впрочем, чувства, которые, как я сказал выше, воодушевляли чехов, разделялись всеми прозорливыми и свободомыслящими людьми, которые видели преступления, ложившиеся на ответственность омского правительства <...> бесстыдное взяточничество министров и их свиты; кражи интендантства и администрации, мотовство генералов, грабежи, жертвой которых являлось трепещущее население, полицейские зверства, возведенные в систему, и, наконец, преследование всех тех, кого подозревали в несочувствии правительству и которых причисляли по этой причине к большевикам...»

Однако тот, кто мало-мальски знаком с интервен-

цией хотя бы по документам и литературе, тот знает, должен знать, что чехословацкое войско было далеко не столь доблестно и благородно, как стараются избразить генералы. Они ни единым словом не упоминают о тех порках, расстрелах, насилиях и издевательствах, которые чинились «доблестными» legionерами над мирным населением. Может, legionеры тоже вызывали по отношению к себе «отвращение и омерзение»? Об этом французский генерал «дипломатично» умалчивает. Ни единым словом Жаннен не упоминает и о тех грабежах и спекуляциях, которые «бескорыстные» чехи обычно совершали с откровенной наглостью, при явном попустительстве и даже с благословения их «благородного» шефа. В этом отношении характерен факт, который генерал Будберг, в свое время управляющий военным министерством, приводит в «Дневнике»:

«Случай на почте, — пишет он, — дал мне возможность познакомиться с какой-то таинственной бухгалтерией между чехами и Жанненом; ко мне попал конверт, шедший от какой-то чешской комиссии к Жаннену, с требовательной ведомостью текущих ассигнований. Дежурный офицер вскрыл конверт и положил мне в очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мне попала, но, пробегаючи ради любопытства ведомость, узрел, что, вслед за разными рубриками на разные виды довольствия, указывается к зачету круглая сумма в девять миллионов франков «за спасение для русского народа Каслинского завода». Выходит, что чехи не только награбили у нас сотни вагонов нашего имущества и разбогатели на нашем несчастье, но и ставят на какой-то таинственный счет и разные «спасения», связанные с их вооруженным выступлением против большевиков. Отправил эти ведомости по назначению; штаб Жаннена поднял целую бурю, требуя сурового наказания начальника полевой почтовой конторы, очевидно, эта бухгалтерия составляет пока секрет ходких на разные приобретения чехов и их покладливого шефа и не подлежит оглашению до тех пор, пока не будет предъявлен при надлежащей обстановке общий счет за чешские услуги».

Эту таинственную бухгалтерию чехи, правда, вели напрасно, ибо в конце концов они никому не смогли предъявить «общий счет» за свои «услуги».

Но вернемся в кабинет А. В. Колчака, где разговор потерял тем временем свою оживленность, стал вялым. Возбуждение адмирала улеглось.

Колчак о чем-то сосредоточенно задумался, и Иноземцев решил откланяться. Но адмирал, куря папиросу за папиросой, не отпустил его и после некоторого молчания неожиданно задал еще один вопрос, снова касавшийся неблагоприятной темы.

— А каково ваше мнение о готовности дивизий, расположенных в тыловых районах, к отправке на фронт? Ведь если верить командующим войсками в округах, то они никогда не будут готовы. Прошла зима, прошла весна, и прошло почти лето, а они все еще не готовы!.. Наверное, просто-напросто, господа генералы в тылу не хотят расставаться со своими излюбленными детками, а последние не желают сражаться!.. Большевики придут в Омск, а они все еще не будут готовы! А между тем армия устала и требует прилива свежих сил.

Эту тираду Колчак выстрелил из себя одним залпом с сильным раздражением. Глаза его снова нервно заблестели, брови сумрачно сдвинулись. Рука с перочинным ножом безжалостно терзала подлокотник кресла, на котором он сидел.

— Нет, я заставляю их драться!

Генерал заметил на это Верховному правителю, что если бы Ставка своевременно назначила тыловым округам сроки подготовки различных частей, то они подготовили бы их вовремя, в противном случае несли бы за это ответственность. Но таких сроков назначено не было, а приказано лишь вести подготовку на обычных основаниях, не подгоняя ее к определенным срокам. Поэтому, естественно, части не могут быть готовы, и в этом никакой вины командующих войсками в округах нет. Отправить же на фронт еще не готовые пополнения, значит, несомненно, обречь их на верную гибель.

На это адмирал раздраженно заявил:

— Ну, в этом я совершенно не согласен с вами. Мы переживаем военное время, когда ни о каких сроках готовности не может быть и речи. Военная часть, если она порядочная, должна быть готова к выступлению на фронт в любое время. И поэтому, когда найду

необходимым, то пошлю их, не задумываясь, на фронт. Я их заставлю сражаться!..

— Они и сами горят желанием идти в бой, Ваше Превосходительство, — попытался успокоить адмирала Иноземцев. — Но командующие округами просят вас не спешить с их отправкой, чтобы подошедшие, может быть, к решительной минуте, изнутри Сибири резервы оказались действительно войсками.

— Нет, на эту просьбу моего согласия не будет, — отрезал Колчак. — Повторяю, я не задумываясь отправлю их в бой, хотя бы они даже совершенно не были готовы. Ведь посылают же большевики против нас совершенно необученные части, и те, однако, дерутся как львы. А почему? Потому что у большевиков послушаться нельзя, за это расстреливают. Так надо поступать и нам. В этом духе я и прикажу ответить командующим войсками в тыловых округах. Они, кажется, воображают, что мы живем в мирное время, а не находимся в Сибири в условиях военной обстановки. Они забывают, что мы ведем войну, войну не на жизнь, а на смерть, войну, от которой зависит вопрос: быть или не быть России.

Видимо, доводы генерала все-таки не убедили Колчака, и в конце концов тыловые части из-под Новосибирска, Томска, Иркутска и других мест пошли на фронт неподготовленными, а некоторые даже не пройдя курса стрельбы.

Колчак торопился. Не раз обманутый посулами своих «стратегов», он больше стал полагаться на самого себя, на свои решения, нередко ошибочные, и тем самым невольно вносил свою лепту в прогрессирующий хаос отступления и приближения конца своей верховной власти.

ОБЕСПОКОЕННЫЕ ЛЕТНИМИ НЕУДАЧАМИ сибирских армий и видя в этом реальную угрозу своим интересам в Сибири, иностранные дипломатические и военные представители в 20-х числах июля 1919 года собрались в Омске, чтобы выработать меры по спасению омской власти или хотя бы продлению ее существования.

Здесь были посол США в Японии Р. Моррис и ко-

мандующий американским экспедиционным корпусом в Сибири генерал У. Грэвс, «высокий комиссар» Англии в Сибири Ч. Эллиот и глава английской военной миссии генерал А. Нокс, «высокий комиссар» Франции Мартель и начальник французской военной миссии генерал М. Жаннен, японский дипломат Мацусима и японский генерал Такаянаги.

В этом совещании был заинтересован и Омск, надеясь на значительную помощь, и в первую очередь со стороны США. Омск представляли управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин, исполняющий обязанности военного министра генерал А. П. Будберг, министр путей сообщения Л. А. Устругов и министр финансов И. А. Михайлов.

Совещанию предшествовала встреча Морриса с Колчаком и омскими министрами. Особо не церемонясь, Моррис в ультимативной форме потребовал от адмирала немедленно принять ряд требований США, касавшихся полного подчинения железных дорог американским советникам, предоставление «союзникам» различных льгот за их участие в интервенции. Моррис требовал выдачи этого аванса до совещания, и он его получил: Колчак обещал выполнить все требования и свое слово сдержал. Права иностранных, преимущественно американских, «советников» по контролю над железными дорогами в Сибири были значительно расширены.

Со своей стороны, Омск, не располагая необходимым количеством войск ввиду сосредоточения всех сил на фронте, просил союзников под предлогом поддержания порядка вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, перейти к более активным военным действиям против партизан и наступавшей на восток Красной армии. Выступивший по этому вопросу Жаннен ничего нового не сказал, а лишь подтвердил, что чехи, за исключением небольшого числа добровольцев, действительно не желают снова идти на фронт, не хотят и дальше охранять железную дорогу, требуют отправки домой.

Моррис не отрицал возможности использования американских войск для выполнения охранных функций, но подчеркнул, что это возможно лишь после специального постановления конгресса США. Мацу-

сима уклонился от прямого ответа. Таким образом, данный вопрос повис в воздухе.

Большое внимание на совещании было уделено также вопросу снабжения армии Колчака оружием и обмундированием. Омские министры, ожидавшие решения своей участи с трагической обреченностью на лицах, были похожи на попрошайек.

Не выбирая выражений, Нокс яростно обвинил колчаковскую администрацию в неумении распоряжаться полученным из-за рубежа снаряжением, в спекуляции им на черном рынке. «Описав со справедливой жестокостью все, что творилось, — свидетельствует в своем сибирском дневнике Жаннен, — он закончил перечислением всего снабжения и загубленного материала и добавил:

— Если теперь я попрошу еще что-нибудь у моего правительства, пусть мне скажут, что я отъявленный дурак».

Нокса поддержал Жаннен, обвинив, в свою очередь, колчаковский генералитет в некомпетентности в вопросах стратегии и тактики. При этом оба допускали возможность дальнейшей помощи Верховному правителю и его правительству, но при условии обязательного введения союзного контроля над всей военной организацией адмирала А. В. Колчака.

Заседания с перерывами продолжались до 19 августа, и на каждом из них Сукин информировал представителей союзников о новых и новых заявках омских министров и Ставки. Эти заявки на оружие, боеприпасы, снаряжение и разного рода товары были столь обширны, что однажды Эллиот не выдержал и ехидно заметил:

— Вы забыли еще прибавить, что нужны катки для мостовых.

Видимо, он имел при этом в виду, что улицы в Омске были плохие, а мощеных дорог мало.

Но союзники, естественно, ничего не хотели давать даром и увязывали материальную помощь белым с новыми льготами иностранному капиталу в Сибири. Услужливые министры безоговорочно шли им навстречу.

В результате иностранные представители дали согласие ходатайствовать перед своими правительствами о признании правительства А. В. Колчака де-юре

в целях предоставления ему долгосрочных кредитов, о выделении первоначально около 200 млн. долларов на оснащение 600-тысячной армии и приобретение дефицитных товаров, о кредите в 86 млн. долларов для покрытия задолженности США. Кроме того, колчаковцам были обещаны новейшие виды оружия, в том числе 40 танков. Моррис обещал в случае ухода чехов из Сибири прислать «20 тысяч новых американских войск для охраны железных дорог». Но он предупреждал, что это будет одобрено президентом В. Вильсоном и конгрессом лишь в том случае, если Омску удастся переломить ход событий на фронте в свою пользу.

Таким образом, политика правительств иностранных держав, осуществлявших интервенцию в Сибири, к осени 1919 года претерпела значительную эволюцию. Они, выдвигавшие в свое время Колчака на авансцену и активно помогавшие в подготовке весеннего наступления, ставили теперь свое отношение к нему в прямую зависимость от того, каких результатов он достиг на полях сражений, а там красные всюду громили армии Верховного правителя.

Представитель А. В. Колчака в Париже С. Д. Сазонов еще 1 июня писал П. В. Вологодскому: «Дальнейшие шаги в сторону официального признания его (омского правительства. — *Авт.*) всероссийским будут, несомненно, находиться в прямой зависимости от военных успехов сибирских армий».

Провал похода к Волге, начавшееся отступление сибирских войск, их деморализация показали иностранцам военно-политическую слабость своего ставленника. Именно поэтому Верховный совет Антанты потерял к нему былой интерес. Военный министр Англии У. Черчилль так высказался по поводу отношения к Колчаку в этот период: «В начале августа Верховный совет решил не оказывать больше помощи Колчаку, который, очевидно, быстро терял под собой почву и перестал быть хозяином положения». Менялись обстоятельства, менялись и решения.

В результате резернувшихся в английском парламенте дискуссий о пересмотре политики в отношении России было принято решение сосредоточить главные усилия на оказании помощи генералу А. И. Деникину и сократить поставки адмиралу А. В. Колчаку.

(Но военное руководство Англии было настроено более оптимистично. Черчилль не считал, что наступил конец сибирской армии. Он допускал ее отступление к Омску и даже к Иркутску и был при этом уверен, что если колчаковцы сумеют оторваться на какое-то время от красных войск, то вскоре смогут перейти в контрнаступление.)

Аналогичную позицию в этом вопросе заняла и Франция. Однако ее помощь Омску, как и было обещано ранее, продолжала поступать. Франция в течение июня — августа предоставила более 600 орудий, около 200 самолетов, 470 пулеметов и другое вооружение. По свидетельству представителя французского правительства в Сибири Мартеля, белым были оставлены французские авиационные отряды, продолжалось снабжение белой армии, оплачиваемое Францией, а также содержание польских, чешских и румынских контингентов войск в Сибири.

Американцы оказались еще более последовательными. С удивительным упорством они продолжали снабжение колчаковской армии даже в то время, когда она откатывалась на восток. Американские промышленники и банкиры видели в Колчаке силу, которая помогла бы им прочно утвердиться в Сибири. Они надеялись еще на разгром советской России. Надежды эти возросли, когда к Москве с юга стал подходить генерал А. И. Деникин.

В конце июня 1919 года президент США В. Вильсон направил в Омск посла в Японии Р. Морриса с задачей ознакомиться на месте с обстановкой и определить новые средства для поддержания режима в Сибири. 11 августа Моррис предложил официально признать омское правительство, послать в Сибирь дополнительный контингент американских войск, предоставить А. В. Колчаку кредиты на общую сумму в 200 млн. долларов (в том числе 90 млн. долларов на вооружение) и осуществить ряд других мероприятий. Подчеркивая значение своих предложений, он писал: «Я считаю, что мы должны сделать все возможное, чтобы поддержать Колчака в данный момент». Предложения Морриса получили одобрение в правящих кругах США.

Однако из-за нежелания американцев воевать против советской России правительство США не смогло

направить дополнительные военные силы в Сибирь. Поэтому оно расширило военную помощь.

Из тихоокеанских портов США во Владивосток мощным потоком шли военные грузы для Колчака. За короткое время (с 10 июня по 18 октября 1919 года) ему было отправлено семь пароходов, которые доставили 196 тысяч винтовок с 481 ящиком запасных частей к ним, 2,5 млн. патронов, 241 тысячу пар сапог и другие предметы военного предназначения. Общая стоимость военных грузов, направленных США во Владивосток в 1919 году, составляла более 160 млн. долларов.

Военная помощь А. В. Колчаку шла не только по линии американских правительственных ведомств, но и по линии частных фирм, общественных организаций. В июле был заключен договор с фирмой «Ремингтон» на поставку свыше 112 тысяч винтовок. Десятки других фирм обеспечивали колчаковскую армию пушками, снарядами, запасными частями, обувью, бельем. Американский Красный Крест с разрешения президента В. Вильсона выделил Колчаку военного имущества на 8 млн. долларов. Командующий американскими войсками в Сибири генерал Грэвс был вынужден признать, что «американский Красный Крест в Сибири действовал как агент по снабжению Колчака».

Следует отметить, что, оказывая помощь Колчаку, американское правительство извлекало из этого немалые выгоды для себя. Оно сбывало в Россию огромные запасы вооружения и обмундирования, оставшиеся не использованными после окончания военных действий на Западном фронте Первой мировой войны и не находившие сбыта в послевоенной Европы.

Активное участие в укреплении сибирских войск принимала и Япония. Так, 10 июня представитель А. В. Колчака в Токио В. Н. Крупенский сообщил в Омск о распоряжении японского правительства предоставить адмиралу через штаб японского главнокомандующего во Владивостоке 500 тысяч патронов, позже — о согласии японского правительства на поставку 10 млн. патронов. Помощь Японии по декабрь 1919 года выразилась в виде ассигнований 16 млн. иен и поставки 30 орудий, 50 тысяч снарядов, 70 тысяч ружей, 40 млн. патронов, 100 пулеметов, 120 тысяч

комплектов обмундирования и других видов вооружения и снаряжения.

За свои приобретения Омск расплачивался золотом, захваченным в Казани.

ПО ДАННЫМ ЗАПИСКИ отдела международных расчетов Наркомата финансов СССР от 1 октября 1943 года «к моменту Октябрьской революции золотой запас внутри страны составлял 1 101,1 млн. золотых рублей. С 16/VII 1914 года он уменьшился на 31% (...) Незадолго до Октябрьской революции русское правительство эвакуировало примерно половину золотого запаса в Саратов и Самару. Другая половина (...) была разделена на две почти равные части, из которых одна хранилась в Москве, другая в Петрограде... В 1918 году, в связи с начавшимся движением чехословацких войск, золото из Саратова и Самары было перевезено в Казань. Стоимость этого золота определяется примерно в 665 млн. рублей.

...Золото, перевезенное в 1918 году (...) в Казань, было здесь захвачено белыми (на сумму примерно 633 млн. рублей). В конце августа 1918 года золото было отправлено из Казани (...) в Самару, где оно хранилось до отъезда членов Учредительного собрания в Уфу, куда было перевезено также и золото.

Из Уфы золото было перевезено в Челябинск под охраной чехословацкого конвоя», а оттуда в Омск, «где попало в руки Колчака».

Правительство А. В. Колчака сначала объявило золото неприкосновенным до созыва Учредительного собрания, но вскоре этот «принцип» был нарушен. С мая 1919 года началась продажа золота для покрытия расходов на военные нужды. Например, 12 августа министр финансов сообщил о взносе депозита золотом на сумму свыше 2,5 млн. долларов в отделение Гонконг-Шанхайского банка во Владивостоке. Всего с мая по сентябрь для расчетов с союзниками было вывезено ценностей на сумму 280 млн. золотых рублей (из них свыше 40 млн. рублей задержал в Чите атаман Г. М. Семенов). По свидетельству управляющего Владивостокской таможней, за период с 24 сентября по 6 октября за границу было направлено около 3 тысяч пудов золота и 7,3 тысячи пудов серебра.

Согласно сведениям, собранным отделом международных расчетов Наркомата финансов СССР, сумма в 195,1 млн. фунтов стерлингов составила итог «всех заграничных операций министерства финансов Колчака, явилась результатом целого ряда отдельных сделок. Исчерпывающих сведений об окончании расчетов, о цели переводов ценностей и т.п. не имеется».

«В результате продажи и депонирования за границей Владивостокского золотого фонда выявлено было примерно 125,6 млн. рублей активов СССР за границей, из которых 7 млн. рублей приходится на депонированное золото, подлежащее возвращению», — говорилось в отчете отдела.

И далее: «В Гонконг-Шанхайском банке было депонировано 3857 пудов золота по двум кредитным операциям Омского правительства: с Англо-Американским синдикатом и фирмой «Ремингтон». Соглашение о предоставлении Омскому правительству краткосрочного кредита Англо-Американским синдикатом было подписано в Лондоне в конце 1919 года. В этот синдикат входили американский банковский дом «Киддер Пибоди» и английский банковский дом «Братья Беринг». «Братья Беринг» предоставили кредит в сумме 3 млн. фунтов стерлингов, а «Киддер Пибоди» на 2250 тысяч долларов. Кредит обеспечивается золотом в полной сумме. Золото отправлялось в Гонконг несколькими партиями. Во всех трех партиях было отправлено на 81 600 тысяч рублей. Это золото, внесенное в качестве обеспечения под предоставленный кредит, могло быть обращено на погашение долга Англо-Американскому синдикату.

Но, очевидно, Гонконг-Шанхайский банк погасил задолженность Омского правительства и оставил золотой депозит у себя. Кроме того, Омское правительство депонировало в Гонконгском банке золото по расчетам с фирмой «Ремингтон Армс Компани» за винтовки. Золото в слитках на сумму 4975 тысяч рублей было внесено в отделение Гонконг-Шанхайского банка».

Более трети золотого запаса России перекочевало в карманы иностранных банкиров во имя победы «белого дела» в Сибири.

Сейчас пытаются связать «тайну» золотого запаса России с именем адмирала А. В. Колчака. И эту «тайну» видят в том, что якобы существовало, «из того же запаса Российской империи, неучтенное в колчаковской бухгалтерии золото, перекочевавшее за границу». По этому поводу было выдвинуто несколько версий. Вот что рассказывает о них журналист С. Дроздов.

Версия первая. «В Японии остались 22 ящика с золотом, которые начальник тыла колчаковской армии генерал Павел Петров сдал якобы на хранение японской военной администрации, что подтверждается распиской. Копия этой расписки, по словам сына генерала, живущего ныне в США, хранится в Сан-Франциско. К сожалению, найти ее пока не удалось». Таким образом, эта версия до сих пор ничем не подтверждена, кроме свидетельства сына генерала.

В конце 1919 года министр финансов омского правительства распорядился перевести имевшиеся в его распоряжении средства в иностранной валюте в Нью-Йорк и Токио. Другие тоже не стеснялись — открывали счета во Владивостоке, Харбине, Иокогаме. В частности, для генерала П. Петрова был открыт счет в Харбине, куда он благополучно эмигрировал с семьей и где прожил до конца 20-х годов. Известно, что позже он переехал в Японию. Напрашивается вывод: когда на счете генерала в Харбине закончились деньги, он поехал в Японию, чтобы попытаться вернуть золото из 22 ящиков, которое, покидая Россию, он «сдал» японцам, если все-таки «сдал»?..

В основу второй версии положено сопоставление архивных данных, материалов допросов атамана Семенова и упоминаний в японской прессе о том, что в Японии есть русское золото, только не «петровское», а «семеновское».

По мнению омского историка А. Гака, «во Владивосток Колчак отправлял золото семь раз. Последний раз — это было 18 октября 1919 года — было погружено 172 ящика со слитками и 500 ящиков с российской золотой монетой общей стоимостью 43,5 миллиона золотых рублей. До Владивостока «груз» не дошел: по пути из Читы в Хабаровск его перехватил Семенов и оставил себе. Часть золота была потрачена на оружие, часть, судя по протоколу допросов, отобрали

китайцы, а с остальным Семенов бежал за границу. Отношения с японской жандармерией у Семенова были довольно хорошие, и он сдал оставшееся золото японцам на временную сохранность. К Семенову оно больше не вернулось».

В аналитическом обзоре отдела международных расчетов Наркомата финансов СССР о судьбе русского золотого запаса по поводу «семеновского золота» говорится следующее: «Из партии золота, отправленного из Омска во Владивосток (233,1 млн. рублей), 42,2 млн. рублей были захвачены атаманом Семеновым во время переезда в Читу. По официальным сведениям, сообщенным в 1924 году Правлением Дальне-Восточного Банка в Чите, из всей суммы, захваченной Семеновым, 0,6 млн. рублей были израсходованы им на месте, остальное золото было им вывезено за границу. Всю эту сумму приходится рассматривать как исчезнувшую бесследно...»

«Впрочем, имеются сведения, — подчеркивается далее в обзоре, — что часть «семеновского золота» хранится в одном из японских банков. Во Владивосток прибыло, таким образом, 190,9 млн. рублей», которые предназначались «для осуществления заграничных финансовых операций Правительства Колчака».

Эта версия имеет подтверждение, хотя и косвенное. Речь идет о вспыхнувшем в японском парламенте в 1926 году скандале, о котором рассказал журналист Н. Цветков. Суть скандала заключалась в том, что бывшего военного министра, ставшего потом премьер-министром Японии, Гиити Танаку обвинили в использовании «семеновского» золота «для финансирования деятельности своей политической партии. Однако прокурор, возглавлявший расследование по этому делу, при загадочных обстоятельствах попал под поезд. На том следствие и закончилось».

Осенью 1991 года корреспондент ТАСС встретился с японским историком и литератором Иосияки Хиямой, который считает, что часть российского золотого запаса захватила японская армейская разведка.

По официальной версии, обнародованной в Токио, когда Омск «почти полностью окружили части красных, глава японской разведывательной миссии генерал Ясутаро Такаянаги предложил Колчаку передать золо-

то «на хранение» японской армии... Колчак от сделки отказался». Хияма считает эту версию сомнительной. По ряду косвенных данных, имеющихся у него, «часть золота все же осталась у японцев. Оно было в последнем сумевшем вырваться из Омска эшелоне, где также находилась группа офицеров атамана Семенова и полковник армейской разведки Сигэру Савада — связной между колчаковским правительством и японской миссией».

По мнению японского историка, А. В. Колчак либо передал часть золота в последний момент на хранение японцам, либо золото забрал себе атаман Семенов, что в условиях полной неразберихи и суматохи отступления вполне могло произойти.

А вскоре в Харбин, в отделение российского госбанка с Дальнего Востока было доставлено «какое-то золото». В феврале — марте 1920 года его вывезли оттуда в японском военном эшелоне. Какое это было золото и сколько — Хияма не знает. У него есть лишь документально зафиксированное свидетельство одного из солдат, грузивших деревянные ящики, которых, по его словам, было много. По мнению Хиямы, золото из Харбина вывезли в Японию через порт Дайрен (Дальний).

Уже упомянутый нами выше Н. Цветков беседовал с публицистом Седзо Комотой. Последний, ссылаясь на разговор с почетным президентом японского Кредитного банка Кацудой, сообщил, что в начале 20-х годов из Дайрена в Осаку прибыли 80 ящиков с золотом. Не то ли это золото?

Существует еще одна версия, по которой русское золото попало не только в Японию, но и в... Чехословакию.

Судьба русского золота очень беспокоила членов иностранного дипломатического корпуса в Сибири, особенно французского генерала М. Жаннена. Они хотели воспользоваться неразберихой панического бегства колчаковцев на восток, чтобы захватить золото в качестве обеспечения царских долгов, аннулированных большевиками. Именно такими соображениями и руководствовались дипломаты, когда 1 января 1920 года собрались на заседание для обсуждения вопроса о русском золоте.

Вот заключение, вынесенное на этом заседании:

«Согласно полученным сведениям, золотой запас российского правительства оказывается в опасности попасть в руки лиц, не имеющих права распоряжаться от имени русского народа. (Имеется в виду попытка нижеудинских повстанцев захватить золотой запас и арестовать А. В. Колчака, но отряд чешских легионеров, занимавший железнодорожную станцию, не допустил этого. — *Авт.*). Ввиду того является долгом союзников совместно с российским правительством принять меры к обеспечению этого золотого запаса. Высокие комиссары союзных правительств считают, что назначенная цель была бы достигнута, если бы они могли обратиться к главнокомандующему союзных войск в Сибири (генерал М. Жаннен. — *Авт.*) с просьбой об издании необходимых распоряжений для принятия золота под охрану союзных сил, если его нынешняя охрана не в состоянии обеспечить его неприкосновенность, и для его перевозки под надежной охраной во Владивосток, где оно будет храниться, пока союзные правительства, в согласии с представителями правительства российского, не решат об его окончательном назначении».

Получив это «заключение», члены омского правительства не замедлили с ним согласиться и создали «Комиссию по передаче золотого эшелона Государственного банка под охрану чехословацких войск». Эта комиссия вместе с вооруженным чешским конвоем выехала на станцию Нижнеудинск для приемки и передачи золота. Комиссия ограничилась самой поверхностной проверкой (взяты были на пробу всего два вагона), на основании которой составила заключение, что золотой запас находится в полном порядке, и передала все 28 вагонов в распоряжение чехословацкого конвоя.

Газета «Известия» в 1924 году сообщала, что чешский Легио-банк, один из самых крупных и богатых, был основан на золото и драгоценности, вывезенные чехами из Сибири. В исторических публикациях начала 60-х годов есть свидетельства, что чешские офицеры, охранявшие «золотой эшелон» и А. В. Колчака, присвоили себе около 40 пудов золота.

По мнению А. Гака, это утверждение имеет связь с событием, которое произошло в ночь с 11 на 12

января 1920 года на перегоне Зима — Тыреги. Суть его такова: «Утром 12-го было обнаружено, что на одном из вагонов «золотого» эшелона сорвана пломба. Вагон вскрыли. При пересчете выяснилось: пропали 13 ящиков золота на сумму 780 тысяч рублей. Никаких следов кражи установить не удалось. Следствие не назначалось. Начальник чехословацкой охраны капитан Эмр подписать составленный акт о краже отказался. Более того, он переставил вагоны в эшелоне. Вагон с работниками Госбанка из середины состава переместил почти в самый хвост (47-м из 50, имевшихся в эшелоне). Он же ввел новый порядок проверки вагонов, по которому работникам Госбанка было запрещено проверять вагоны с золотом без специального разрешения чешской охраны. Ни самого капитана Эмра, ни солдат охраны никто не опрашивал, и они, сдав охрану новому караулу, беспрепятственно отбыли из Иркутска во Владивосток».

Чехов, естественно, никто не контролировал, они могли везти с собой что угодно, в том числе и русское золото.

По утверждению историка А. Буякова, по прибытии во Владивосток командование чехов получило секретное предписание министра иностранных дел Чехословакии Э.Бенеша — любыми средствами доставить ценности в Прагу. Осенью 1920 года в госбанк Чехословакии поступили свыше 30 вагонов с золотом, десятки тонн серебра, многие килограммы драгоценностей. Думается, что все это результаты «подвигов» чешских легионеров в банках, церквях и частных домах Сибири и Дальнего Востока. По мнению Буякова, именно эти «подвиги» и явились базой золотого обеспечения значительной части бумажных денег Чехословакии.

Чехи не отказываются от того факта, что действительно между 1920 и 1921 годами золотые запасы республики значительно повысились, но объясняют это... продажей сахара, других товаров и созданием валютных резервов молодого чехословацкого государства. Золото легионеров здесь ни при чем...

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации нам удалось обнаружить любопытный документ — доклад агента ГПУ

о русской эмиграции в Праге, в котором есть и такие строки: «В это время в Прагу прибыли из Сибири легионеры... С их прибытием, а главное с прибытием золота, которое было положено как основание Чешского Легио-банка...» Этому документу можно верить, а потому, как говорится, комментарии излишни...

Итак, версии высказаны: следы золота России ведут в Японию и Чехословакию. Но докопаться до истины трудно, хотя попытаться стоит. И такую попытку, на наш взгляд весьма убедительную, сделал В. Гузанов.

«Связывать тайну золотого запаса России с именем адмирала А. В. Колчака, мягко говоря, досадная ошибка, — утверждает Гузанов. — И не случайно все попытки разыскать и востребовать «колчаковское золото» в зарубежных банках терпели крах». Почему?

«Дело в том, — продолжает он, — что нет его визы ни на одном финансовом документе на вывоз, не расплачивался Александр Васильевич с японцами русским золотом, так как и за помощью к ним не обращался. И речь должна идти не о «80 ящиках весом по 3 фунта каждый», а о сотнях пудов, уплывавших из Владивостока под секретными шифрами начиная с апреля 1919 года». О том, что стало ему известно не из американских или японских источников, а из своих, российских, мы расскажем ниже. Правда, остановимся лишь на основных, документально подтвержденных сюжетах.

24 мая российский императорский посланник в Пекине князь Кудашев и российский генеральный консул В. Ф. Гроссе читали в Шанхае одну и ту же расшифрованную телеграмму:

«23 мая, № 850.

26 мая отправляется в Шанхай на казенном пароходе «Командор Беринг» партия золота около 600 пудов. Благоволите верным путем предупредить консульство в Шанхае принять все меры к беспрепятственной выгрузке. Золото заделано в посылки с надписью «Официальная экспедиция» при курьерском листе. Клемм».

31 мая «золотой груз» перекочевал из трюмов «Командора Беринга» в здание российского генконсульст-

ва в Шанхае, а затем отправился в Русско-Азиатский банк, который играл большую роль в смысле влияния России в Китае.

Итак, золото вывезли за пределы России. Законно ли? Нет. Еще 2 ноября 1915 года циркуляром за № 5164 четвертый Политический отдел МИД России известил российских послов и консулов о строгом запрете вывоза из империи платины и золота во всех видах. Князь Кудашев не мог не знать об этом. Но, видимо, закон легче попирать, чем исполнять, тем более в 1919 году, когда Россия полыхала в огне гражданской войны.

24 сентября князь Кудашев получает новую срочную и, разумеется, секретную шифротелеграмму:

«Прошу сообщить Шанхай Гроссе. Министр финансов просит передать: на Ваше имя высылается мною из Владивостока примерно свыше 6000 пудов золота с пароходом, отбывающим из Владивостока около 26 сентября. Все подробные указания о дате прибытия и количестве имеющего быть выгруженного золота будут Вам сообщены директором Иностранного отделения Владивостока. Русско-Азиатскому банку в Шанхае одновременно телеграфирую войти с Вами в соглашение о предоставлении в Ваше распоряжение кладовых банка для хранения золота. № 688. Сукин».

Когда пароход «Олег» бросил якорь на рейде Шанхая, выяснилось, что судно зафрахтовал на один рейс Гонконг-Шанхайский банк, отделение которого год назад стало функционировать во Владивостоке. Из этого Гроссе нетрудно было сделать умозаключение: благодаря тайным соглашениям золото России потекло по новому адресу — Гонконг-Шанхайский банк.

Вскоре русский консул в Гонконге В. О. Эттинген отправил шифротелеграмму российскому посланнику в Пекине:

«Консул в Гонконге. 25 сентября, № 73.

Сюда прибыл груз золота ценностью 2 миллиона фунтов стерлингов от Омского Правительства для передачи Гонконг-Шанхайскому банку. Подробности почтой. Эттинген».

В этот же день Эттинген пишет в российскую миссию в Пекине письмо следующего содержания:

«Имею честь донести Миссии, что 21 сентября в Гонконг прибыл на пороходе Д. Ф. (Добровольческий флот. — *Авт.*) «Олег» груз золота в звонкой монете в одну тысячу пудов, ценностью по паритету в два миллиона (2 000 000) фунтов стерлингов. Сопровождали означенный груз чиновники: Иностранного Отделения Кредитной Канцелярии (Кредитная канцелярия омского правительства находилась во Владивостоке с февраля 1919 года. — *Авт.*) В. Г. Дрейман и Советник Министерства Иностранных дел на Дальнем Востоке — Н. Е. Алферьев.

Коносамент (морская расписка, удостоверяющая принятие груза к перевозке, выдаваемая капитаном судна или агентом морского транспортного предприятия грузоотправителю. — *Авт.*) был выписан на имя вверенного мне Консульства, а так как вместе с тем г. Дрейман предъявил мне предписание Вице-Директора Иностранного Отделения Кредитной Канцелярии от 10 сентября 1919 года, № 18, о передаче им золота под расписку Правлению Гонконг-Шанхайского банка в Гонконге, то я на коносаменте сделал передаточную надпись в пользу г. Дреймана, и груз по коносаменту был получен им лично непосредственно с парохода «Олег». Вместе с тем Консульство приняло необходимые меры для наудобнейшей и безопасной выгрузки золота, для чего пароход был подведен к пристани и властями была нам предоставлена вооруженная стража. Мешки и ящики в числе 268 мест были 22-го сентября в течение дня свезены к Банку и в запечатанном виде сданы под расписку заведывающему (так в письме. — *Авт.*) казначейством Банка. При перевозке один подмоченный мешок разорвался, но при немедленном подсчете число монет оказалось правильным.

...Подсчет монеты, доставленной в различных наименованиях (греческая, германская, австрийская, испанская и другая) начался 23 сентября и, вероятно, продолжится около пяти дней.

Вскоре ожидается из Владивостока дополнительный груз золота в один миллион (1 000 000) фунтов стерлингов, на английском пароходе...

Все это золото передается Банку в виде депозита

для обеспечения расходов за границей, в Англии и Америке Российского правительства. Консул Эттинген».

Это письмо и не стоило бы комментировать, считает Гузанов. Но «поскольку консул в Гонконге весьма прозрачно пояснил, что золото передано Гонконг-Шанхайскому банку не в счет долга за вооружение и обмундирование, а «в виде депозита», то есть для хранения и использования в дальнейшем, когда российское правительство будет остро нуждаться в деньгах», Гузанов посчитал себя обязанным «кое-что добавить». У него родилось подозрение, что «золото из Гонконг-Шанхайского банка постепенно перекочевало в Америку».

Обосновывает это Гузанов следующим образом: «В начале 1920 года встал вопрос о создании пенсионного фонда «Союза бывших русских послов», который впоследствии оказывал денежную помощь видным деятелям эмиграции. Кстати, пенсию фонда получал и генерал А. И. Деникин, когда писал свой известный труд «Очерки русской смуты». Известен и такой факт: сопредседатель фонда посол России в Вашингтоне Г. П. Бахметьев перевел чек на 300 тысяч долларов, чтобы на них могли худо-бедно существовать в Болгарии рядовые и офицеры Русской армии юга России, оказавшиеся за границей. Однако деньги не поступили в Софию, а почему-то оказались в Париже...»

Но вернемся в Гонконг, где, после ухода «Олега», на рейде появился английский пароход «Кимун». Немедленно в адрес князя Кудашева ушла телеграмма:

«16 октября получил с парохода «Кимун» 598 ящиков, по описанию коносаменту, с золотом на 3 793 782 фунта. Я сдал их в том виде, в котором получил, на хранение Гонконг-Шанхайскому банку. На пароходе не было нашего человека. Эттинген».

Одновременно во Владивосток директору кредитной канцелярии и в Пекин князю Кудашеву российский консул в Гонконге направил письмо с цифровыми выкладками о тарифах, процентах, пошлине, кто кому и сколько обязан заплатить за фрахт и т.д. С помощью Гузанова мы можем процитировать те места в письме, которые, по его мнению, являются важными для определения судьбы российского золота:

«Пароход «Кимун» прибыл сюда рано утром 16 октября, и по получении о приходе извещения от агентов я немедленно отправился в военно-морской док, у стенки которого стоял «Кимун». Капитан парохода сообщил мне и находившемуся тут же агенту «Бэттерфильд и Суар», что г. Данилов сошел с парохода в Шанхае и что золото находится в припечатанной кладовой, охраняемой английскими матросами. Выяснилось также, что подлинный коносамент на 598 ящиков остался во Владивостоке.

Агент фирмы «Бэттерфильд и Суар» тогда заявил, что фирма затрудняется выдать консульству груз ввиду отсутствия подлинника коносамента, несмотря на то что и она получила из Владивостока извещение, что ящики, первоначально предназначенные для Шанхая, ныне подлежат выдаче консульству в Гонконге...»

Эттинген не понимал поведения англичан, которые не хотели отдавать золото. «Почему они меня дурачат?» — недоумевал российский консул.

«На формальности с устройством дела выдачи груза ушло все 15-е октября, — пишет Эттинген, — и к выгрузке было приступлено утром 16-го, и ввиду крайне примитивных местных перевозочных средств, состоящих из повозок, запряженных китайских кули, выгрузка и передача в банк заняла весь день 16-го октября...»

Как бы там ни было, но факт остается фактом: российское золото на сумму 3 793 782 фунта стерлингов оказалось на хранении в Гонконг-Шанхайском банке. И это была не последняя партия золота, вывезенного в Гонконг и Шанхай. Золото вывозили из России по разным каналам: по официальным, контрабандным путем и частными лицами для продажи или обмена на доллары и фунты стерлингов.

Теперь, думается, читатель сможет и сам разобраться с «загадкой русского золота», которую усиленно пытаются связать с именем адмирала Колчака.

В своем расследовании судьбы русского золота Гузанов приводит фрагменты архивных документов, хранящихся в России. «Но есть свидетельства, — утверждает он, — что в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Калифорния, США) находится итоговая опись за 1923 год, составленная В. И. Моравским — министром финансов в правитель-

стве Д. Л. Хорвата во Владивостоке». Если довериться бывшему министру, то валютные запасы России, оставшиеся в банках Запада и Востока после 1922 года, выглядят так:

Япония	— 10 миллионов золотых рублей
	— 170 тысяч долларов США
	— 25 тысяч фунтов стерлингов
	— 424 тысячи золотых франков
	— 450 тысяч мексиканских долларов
Гонконг	— 44 миллиона золотых рублей
Нью-Йорк	— 27 миллионов 227 тысяч долларов
Лондон	— 1 миллион 100 тысяч фунтов стерлингов
Париж	— 22 миллиона 500 тысяч золотых франков

Прошло более семи десятилетий...

По мнению экспертов Российского банка реконструкции и развития, российское золото, хранящееся в указанных выше странах, оценивается сегодня в 2 трлн 4 млрд долларов. Когда и кто возвратит его России? Когда и кто?..

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ несколько раз приезжал в третью армию, и это очень укрепило положение генерала К. В. Сахарова, импонировавшего адмиралу своей решительностью, категоричностью и оптимизмом.

Однажды, когда Сахаров и Колчак ехали в автомобиле к передовым частям, адмирал обратился к командующему с вопросом:

— А почему вы без револьвера?

Сахаров ответил, что свой тяжелый наган, казенного образца, он возит с собой, но носит его... ординарец, унтер-офицер.

— Так нельзя, — возразил Колчак. — Оружие надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда сам, — добавил он, ударив ладонью по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса. — Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение, быть всегда готовым выпустить шесть пуль, защищаясь, а последнюю себе... Живыми в руки нам нельзя даваться...

Адмирал выглядел утомленным, усталым. Он говорил Сахарову:

— Вы знаете, здесь, на фронте, отдыхаешь — так все просто, такая здоровая атмосфера настоящего дела... Если бы могли так же работать в тылу!..

Из «Дневника» генерала А. П. Будберга:

«21 августа. За завтраком у адмирала видел весьма юного генерала Косьмина, из недавних поручиков, убежденного сторонника того, чтобы все старшие начальники сами ходили с винтовками в штыковые атаки или прикрывали отступление.

Этот абсурд самым прочным образом укрепился на фронте, и им так нафаршировали адмирала, что он сам готов взять винтовку и драться наравне с солдатами; я уверен, что он проклинает омскую работу, которая мешала ему устремиться на фронт и показать тот идеал начальника, который ему рисовали и рисуют; это объясняет его частые поездки на фронт, ибо он боится, чтобы его не упрекнули в отсиживании в тылу.

22 августа <...> При посещении ижевцев впервые видел адмирала перед войсками; впечатления большого начальника он произвести не может; говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, неотчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие и офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч; вместе с тем я уверен, что если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные вопросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное...

25 августа. Свита адмирала позволяет себе делать очень печальные для авторитета власти распоряжения; сегодня утром остановили оба эшелона адмиральского поезда на забитом разъезде только потому, что иначе

адмирал не успеет побриться до прихода поезда на станцию Петропавловск.

Адмирал этого и не подозревал, а между тем это на 1 1/2 часа задержало всю эвакуацию заваленного эшелонами и грузами Макутинского узла...

27 августа <...> Фронт продолжал ползти назад; настроение в Омске, несмотря на все казачьи завывания, за последние дни сильно сдало; дутый подъем начала августа начинает падать и сменяться растерянностью и пессимизмом; тяга на восток делается все сильнее, так как «служебные и коммерческие дела» того требуют; много охотников получать разные командировки в восточном направлении для разрешения накопившихся там вопросов...

30 августа <...> Мы представляем колоссальное туловище, пухлое и бессильное, с маленькими руками. Достаточно указать, что на красной стороне против нас работает один штаб армии, состоящей из 3—4 дивизий и 2—3 конных бригад; на нашей стороне штаб главнокомандующего, пять армейских штабов, одиннадцать штабов корпусных групп и, кажется, тридцать пять штабов дивизий и отдельных бригад.

Думается, что комментарии к этим цифрам излишни; думается также, что, не справившись с этим штабным злом, мы будем бессильны сделать вообще что-либо путное».

И при всем этом Колчаку катастрофически не хватало людей, способных и, главное, готовых беззаветно служить той самой единой и неделимой России, святой белой идее, о которой так упорно продолжали говорить и писать.

— Скажу вам откровенно, — признавался Колчак на приеме представителей «общественности» у себя в резиденции, на берегу Иртыша, — я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей... И то же самое у Деникина: я недавно получил от него письмо. Худшие враги правительства — его собственные агенты. Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, я отдаю его под суд, а дело затягивается. Дайте, дайте мне людей!..

Отсутствие людей Колчак объяснял «общим рус-

ским явлением». В этом он, по меньшей мере, заблуждался. Борясь против большевиков, он как магнит притягивал к себе политических и моральных банкротов старой России. Почти со всех ее концов сбежались к Колчаку «бывшие»: помещики, предприниматели, банкиры, чиновники, генералы, офицеры, их дети, жены, любовницы...

А. В. Колчак, по-видимому, не понимал одного, что вся его «колчакия» — со старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровским табелем о рангах — не поспевала за реальностью дня, не хватало темпа, энергии, подвижности и способности организовывать. Именно в этом большевики опережали Верховного правителя России.

Колчак не мог не чувствовать, как вся его верховная власть буквально обволакивается липкой, вяжущей паутиной интриг, межведомственной грызни, личных связей и т.п. Он старался бороться с этим злом, как мог. Отдавались приказы, принимались указы, но не было гарантий, что их не отменят в угоду той или иной группировки, усилившей в тот момент свое влияние на омские «правлящие круги». Не лучшие обстояли дела и в армии.

Колчак угрожал беспощадными мерами, но не применял их. Ему бы прекратить гонку поездов с министрами, их женами и домочадцами, но он не прекращал. Ему бы разогнать присосавшихся к «омскому пирогу» дармоедов, но он не разгонял. Ему бы объявить всякого наживающегося на проблемах армии врагом, но он не объявлял. Ему бы хоть немного дать свободнее вздохнуть сибирскому крестьянину и рабочему, но он не давал. В этом было его спасение, но он не хотел спастись. А может быть, не мог? И от этого страдал еще больше, приходил в еще большее раздражение.

В эмигрантской литературе нет-нет да и проскальзывают утверждения, что Колчак злоупотреблял алкоголем и даже наркотиками. Это не соответствует действительности.

Адмирал вообще был человеком неуравновешенного характера. Основная причина усилившейся нервозности коренилась в сложившейся ситуации, при которой формально всевластный правитель ощущал свое все нарастающее бессилие, диктатура не срабатывала.

Тяжело было Колчаку. Слева — враги, справа — недоброжелатели, в центре — вялые, безвольные «помощники». На кого надеяться? К чьим советам прислушиваться?

Этого Колчак решить не мог и отвергал любые советы либеральных и либеральствующих «спасителей» сибирской власти. Поэтому разного рода записки, шедшие, по его мнению, «слева», отправлял под сукно. Адмирал был твердо уверен и без советов: решающим фактором в его пользу может стать победа на полях сражений, а не реформаторская «возня», способная только подорвать военные усилия. Да еще ему по нраву были высказывания о твердом, смелом правительственном курсе, которым должна руководить единая воля. Но не всегда наши желания совпадают с нашими возможностями.

Таким образом, Колчак силой обстоятельств был поставлен перед выбором: либо последовательно закручивать гайки военной диктатуры, на что, собственно, и рассчитывали устроители омского переворота, либо в интересах сплочения всех антибольшевистских сил, включая и союзников, хоть в какой-то степени либерализовать свой режим. Нужно было выбирать, но любой выбор, притягивая одних и отталкивая других, заводил в тупик. Оставался курс бонапартистского лавирования.

По свидетельству многих, наблюдавших в это время Колчака, он стал угрюмым, недоверчивым и подозрительным. Зачитывался «Протоколами сионских мудрецов», постоянно возвращался к ним в доверительных беседах. Повсюду ему мерещились масоны: он видел их и в свергнутой Директории, и в собственном окружении, и среди членов союзных миссий...

Глава 6

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Чтобы понять причины тех или иных поступков Александра Колчака, представить себе логику его поведения, мы постоянно пытаемся проникнуть в его психологию, разобраться в особенностях характера. Подводить здесь какие-либо итоги еще рано, нет у нас намерения делать это и позже. Лучше вновь обратимся к свидетельствам очевидцев, близко знавших Верховного правителя по совместной деятельности, к их наблюдениям и суждениям, иногда резким и субъективным, но всегда интересным для нас, если мы хотим разобраться, что за человек был Александр Васильевич Колчак.

Вот какую характеристику дает Колчаку генерал Будберг:

«Характер и душа адмирала настолько налицо, что довольно какой-нибудь недели общения с ним для того, чтобы знать его наизусть.

Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России; несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлении всего неудовольствия и гнева <...> ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личного интереса, личного честолюбия у него нет, и в этом отношении он кристально чист.

Он бурно ненавидит всякое беззаконие и произвол, но по несдержанности и порывистости характера сам иногда неумышленно выходит из рамок закона и при этом преимущественно при попытках поддержать этот самый закон и всегда под чьим-нибудь посторонним влиянием.

Жизни в ее суровом, практическом осуществлении он не знает и живет миражами и навязанными идеями. Своих планов, своей системы, своей воли у него нет, и в этом отношении он мягкий воск, из которого советники и приближенные лепят, что угодно, пользуясь тем, что достаточно облечь что-нибудь в форму необходимости, вызываемой благом России и пользой дела, чтобы иметь обеспеченное согласие адмирала...

Тяжело смотреть на адмирала, когда неожиданно он наталкивается на коллизию разных мнений и ему надо принять решение; видно, что он боится не ответственности решения, а принятия неверного, вредного для всепоглощающей его идеи решения...

Он <...> болезненно реагирует на все, что становится на пути осуществления главной задачи спасения и восстановления России, причем, как и во всем, тут нет ничего личного, эгоистического, честолюбивого...

Попав на высший пост военного командования, адмирал, со свойственной ему подвижнической добросовестностью, пытался получить не приобретенные раньше знания, но попал на очень скверных и недобросовестных учителей, давших ему то, что нужно было для наставления адмирала в желательном для них духе...

На свой пост адмирал смотрит, как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и, мне думается, что едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренно, убежденно, проныковенно и рыцарски служит идее восстановления единой, великой и неделимой России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств; вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жадой личного труда, примера и самопожертвования; не понимающий совершенно обстановки и не способный в ней разобраться; далекий от того, что вокруг него и его именем совершается...

Другой очевидец, Гинс, пишет о Колчаке так: «... Человек корабельной каюты, не привыкший управлять живыми существами. Наивный в социальных и политических вопросах». Да, это «редкий по искренности патриот, горячий, честный, не умеющий лука-

вить, умный по натуре, чуткий, темпераментный», но... «неудачливый диктатор». Для Гинса адмирал слишком примитивен. «Бонапарт не может появиться среди моряков, — утверждает мемуарист, — адмирал командует флотом из каюты, не чувствуя людей, играя кораблями».

«Он добр и в то же время суров; отзывчив — и в то же время стесняется человеческих чувств, скрывает мягкость души напускною суровостью. Он проявляет нетерпеливость, упрямство, выходит из себя, грозит — и потом остывает, делается уступчивым, разводит безнадежно руками. Он рвется к народу, к солдатам...»

Генералу Иноземцеву импонировала та простота, внимательность, отзывчивость и непосредственность, с которой Колчак, внешне замкнутый, всегда обращался к новому лицу.

НЕ ТОЛЬКО БУДБЕРГ но и другие мемуаристы отмечают, что А. В. Колчак безусловно был захвачен идеей служения России.

Адмирал искренне стремился встать над «партиями», издавал приказы о запрещении реквизиций у населения и телесных наказаний в армии, о прибавке жалованья солдатам, неоднократно ездил на фронт с подарками для солдат, привез однажды в тыл несколько сотен раненых в своем поезде, пытался бороться с коррупцией, призывал имущие слои населения к жертвам на алтарь победы...

Русский патриот, Колчак был честен и храбр. Перед ним отворялись двери и расступались льды. Порывистый, искренний, умный человек. Важности никакой; напротив — не гордился возвышением, а боялся не справиться с возложенной им самим на себя ответственностью.

По свидетельству современников, смуглый цвет кожи и черные с сильной проседью волосы придавали ему вид уроженца юга, а большой нос с горбинкой и гладко, по-английски, выбритые щеки и подбородок сообщали лицу нечто классическое.

Но особенно выделялись глаза, острые и неглупые. Очень темные, почти черные, они поражали своей глубиной. Их прямой, проникающий взгляд умел под-

чинять себе волю других. Эти глаза несомненно принадлежали человеку решительному и энергичному. Хотя беспокойный взгляд и какой-то лихорадочный блеск указывали также и на то, что обладатель этих глаз — человек порывистый и нервный. Это, впрочем, неудивительно, ибо, по свидетельству близко знавших Колчака людей, он был крайне переутомлен, ел в основном раз в день, и то вечером, страдал бессонницей и спал крайне мало.

Недостатком его фигуры являлся небольшой рост и непропорционально длинные, по сравнению с туловищем, руки. Улыбаясь, он прищуривался. Это придавала лицу Колчака несколько ироническое выражение.

Говорил адмирал бойко. Но тем не менее в его ответах чувствовалась какая-то неуверенность, словно он боялся скомпрометировать себя неосторожным словом или суждением.

Будучи по натуре добрым человеком, с мягким и даже чувствительным сердцем, он отличался большой вспыльчивостью. Колчак сам признавался: «Я бываю очень сдержан, но в некоторых случаях я взрываюсь». Он бурно переживал каждое свое ощущение и столь же бурно реагировал на каждое, даже самое незначительное, событие.

«Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду, — пишет генерал Будберг, — он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников».

Что касается последнего, то Колчак был прав. В этом ему действительно не везло.

Когда Колчак стал Верховным правителем, он никому не верил, на приближенных не надеялся, своих министров презирал. «После встречи с ними хочется вымыть руки», — говорил адмирал. Не уважал и генералов: «Старые пни, с ними не возродить России...»

Не скрывал Колчак и своего презрительного отношения к союзникам. О чехах, например, по свидетельству очевидцев, он отзывался так: «Иуды, встанут в очередь, чтобы предать меня...» Но факт остается фактом: Колчак тесно сотрудничал с союзниками.

Когда вспыльчивость овладевала им, Колчак способен был на чрезвычайно резкие поступки, в которых обычно потом сам же и раскаивался.

Мы уже рассказывали, что при волнующей или раздражающей адмирала беседе он брал в руки перочинный ножик и машинально начинал резать подлокотник кресла. В порывах еще большего раздражения случалось, что Колчак сбрасывал со стола на пол и стакан чая, и чернильный прибор. После этого быстро выходил из комнаты, оставляя своих собеседников одних. Успокоившись, он вскоре возвращался к ним с каким-то утомленным, потухшим взором.

Все это было бы пагубно для дела, если бы Колчак терял чувство меры, принимал решения под влиянием минутного порыва. Однако он старался держать себя в руках. «Нахохлится, но терпеливо слушает», — свидетельствует Будберг. Колчак был отходчив, легко признавал свою неправоту, шел на уступки, которые нередко его окружение приписывало слабости воли. Известная доля истины в этом, конечно, была.

Склонить Колчака на свою сторону не составляло большого труда, но не было никакой гарантии в том, что его настроение не изменится через полчаса после доклада кого-нибудь из ближайшего окружения. Одолеваемый разными советчиками, он жадно искал лучшего решения, но своего не имел и потому зависел от воли тех, кто сумел приобрести его доверие. А они скрывали от Колчака правду, угодничали, отстаивали свои честолобивые и корыстные интересы. Он, несомненно, отвык слушать неприятные вещи. А жаль...

«...Я сторонник единовластия, единоличного управления в такое исключительное время, — признавался генерал Будберг, — но надо, чтобы единовластие находилось в талантливых руках, осуществлялось планомерно; то же, что сейчас у нас творится, хуже всяких совдепов и комиссарщины; адмиралу преподносятся и им одобряется и утверждается всевозможная разнокалиберщина, несогласованная, непродуманная; в результате получается невероятная неразбериха. Отзывчивость адмирала и судорожное искание им лучших и действительных средств, при его непрактичности и неподготовленности по большинству вопросов государственного и военного управления, только ухудшают положение».

В частном общении, у себя дома, в качестве хозяина, Колчак, умевший очаровывать людей, был совсем другим человеком.

«Как человек, адмирал подкупал своей искренностью, честностью и прямоотой, — делился впечатлениями о Колчаке в 1921 году Г. Гинс. — Он, будучи скромнен и строг к себе, отличался добротой и отзывчивостью к другим. Чистота его души находила выражение в его обворожительной улыбке, делавшей обычно строгое лицо адмирала детски привлекательным».

Адмирал никогда не подчеркивал своего высокого положения. Войскам, желавшим видеть того, за кого они сражаются, он сказал так:

— Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я такой же солдат, как и вы.

«Адмирал был человеком кабинетным, замкнутым, — продолжает Гинс. — Проводить время за книгой было его любимым занятием. Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но он легко привязывался к людям, которые были постоянно возле него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный человек, он блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника.

Те, кто знал все неприятности, все интриги, окружавшие адмирала, могли только сочувствовать ему и страдать за него. Но те, кто не знал всей обстановки работы Верховного правителя, выносили часто глубокое разочарование и даже раздражение из-за несдержанности и неуравновешенности его характера».

Сначала Колчак, дезориентированный теми оптимистическими прогнозами, которые ему подсовывали его тщеславные генералы, смутно представлял всю сложность своего положения и надеялся, что все постигшие его неудачи преходящи, что все еще можно изменить в лучшую сторону, ждал какого-то чудесного переворота на фронте. Шла игра в «авоську»: а вдруг красные выдохнутся или сброшенные из глубокого тыла резервы сразу изменят положение.

Но время проходило, количество военных неудач

росло, фронт неумолимо пятился назад, а чуда все не случалось. Отрезвление неминуемо приближалось, оно было не за горами. И Колчак все чаще начинал чувствовать несбыточность своих надежд, которым суровая действительность не оставляла никакой лазейки.

Адмирал много передумал и перестрадал, ощущая себя одиноким, предоставленным самому себе. Летом девятнадцатого он осознал, что за ним уже нет нужной силы, кроме совершенно условного личного влияния на отдельных людей. А массы, охваченные экстазом обреченности, паники, находились в состоянии истерии с инстинктивным стремлением к самосохранению.

Верховному правителю приходилось руководить дезорганизованной толпой, прилагая невероятные усилия, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремления к первобытной анархии.

Ужас положения состоял в том, что с конца лета 1919 года уже никто не воспринимал всерьез адмиральские лозунги. Хотя внешний порядок еще соблюдался, но уже чувствовалось, что в любой момент все может рухнуть.

АДМИРАЛ ПОСЕЛИЛСЯ В НЕБОЛЬШОМ одноэтажном уютном особняке на берегу Иртыша. От набережной и улицы он отделялся полисадником с железной решеткой. К дому примыкал небольшой в ширину, но довольно длинный двор. Здесь размещались здание для караула, а в глубине — конюшня и гараж. В гараже стоял дежурный автомобиль, а наличие конюшни объяснялось слабостью А. В. Колчака к верховой езде. Ежедневно в утренние часы адмирал ездил верхом по двору. Это было, в сущности, единственным развлечением, которое он себе позволял.

Охраняли адмирала весьма усиленно и бдительно, так как уже было раскрыто несколько подготовлявшихся покушений на его жизнь. Для несения охранной службы существовал особый конвой Верховного правителя, который при поездках Колчака на фронт сопровождал также его поезд.

Конвой тщательно отбирался исключительно из добровольцев и был обмундирован в красивую, похо-

жую на кавалерийскую, форму. Считалось, что армейские части, стоящие в Омске, недостаточно подготовлены для этого, да и сомневались в их верности режиму. Имелась и тайная охрана А. В. Колчака.

При вступлении на набережную, кроме поста полиции, надо было миновать особый пост от конвоя Верховного правителя, проверявший документы у всех проходящих, затем, парных часовых от того же конвоя, стоявших у ворот дома. Причем эти часовые впускали в ворота, лишь вызвав караульного начальника, вновь просматривавшего документы. В подъезде самого дома стояла еще пара часовых.

В вестибюле проходили в комнату дежурного адъютанта, который записывал сведения о прибывших и причину прибытия в особую тетрадь, а уж тогда впускали в зал для ожидания, расположенный рядом с кабинетом А. В. Колчака.

В зале ожидания невольно обращал на себя внимание стол, покрытый голубым сукном, на котором расположены были золотые, серебряные и резные деревянные блюда, поднесенные Верховному правителю различными посетителями, представителями городов, делегациями. На некоторых из блюд имелись красноречивые и подчас трогательные надписи и пожелания. Многим эти ценные подарки, выставленные на всеобщее обозрение, казались не совсем соответствующими текущему моменту, во всяком случае, преждевременными. Люди судачили, что, если бы деньги, потраченные на подношения, пожертвованы на нужды армии и Сибири, как было при Кузьме Минине в Смутное время Московского государства, то польза была бы, бесспорно, большая.

Обстановка кабинета отличалась скромностью: письменный стол из белого дуба, диван того же дерева с высокой спинкой и полкой для книг, на которой стояли тома Свода законов российских, и несколько стульев. Довольно много книг. Они лежали и на письменном столе, и на другом столе в углу кабинета. Страдая бессонницей, Колчак много читал в кабинете.

Из кабинета стеклянная дверь вела в небольшую комнату, заполненную картами, лежавшими на столах и висевшими на стенах, с отмеченной на них шерстя-

ной ниткой линией фронта. Здесь Колчак принимал оперативные доклады, здесь обсуждалось стратегическое положение, становившееся все более и более угрожающим.

День начинался в доме Колчака довольно поздно. Выпив чаю и иногда слегка перекусив, Верховный правитель выходил в свой кабинет, где встречался с министрами, различными представлявшимися лицами, принимал всевозможные доклады. Такая работа продолжалась без перерыва до 12 часов — время завтрака, но Колчак довольно часто не выходил к нему. Он или отдыхал в своем кабинете, или продолжал работать. С 14 часов возобновлялись доклады и прием посетителей. В 18 часов обед, к которому Колчак относился уже серьезно. После этого адмирал снова принимал высших должностных лиц или же проводил заседания Совета министров. Последним для докладов были выделены определенные дни недели. Только начальник штаба (Ставки) Верховного главнокомандующего бывал у адмирала ежедневно, обычно перед завтраком, около полудня.

При Верховном правителе состояли несколько адъютантов, генерал и два чиновника для поручений, один из которых вел личную переписку адмирала, составлял указы и вообще выполнял обязанности секретаря, другой же ведал домом, служащими при доме, расходами и вообще всей внешней стороной жизни. Весь этот маленький «двор» жил довольно дружно, и общее настроение в нем было вполне созвучно настроениям в омских кругах — сильно консервативным, с заметным уклоном вправо.

КОЛЧАК ПО-ДЕТСКИ ИСКРЕННЕ и непоколебимо был убежден: ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России ее бывшее величие и славу, возвратить все отпавшие и отторженные от нее земли.

Он гордился своим отказом от военной помощи, предложенной регентом Финляндской республики Карлом Маннергеймом, только потому, что за это требовалось в виде компенсации признать «независимость Финляндии». А помощь эта была бы кстати,

и в первую очередь для успешного наступления на Петроград войск генерала Н. Н. Юденича.

В первых числах июля вернулся из Финляндии представитель Временного правительства Северной области генерал В. В. Марушевский. Он вел переговоры с генералом Маннергеймом об условиях военного сотрудничества в борьбе против советской России. Со свойственной ему способностью быстро ориентироваться в обстановке, генерал Марушевский сразу же определил, что от задуманного Юденичем предприятия трудно ожидать положительных результатов и что необходимо побудить к совместному выступлению и Финляндию, располагавшую достаточными вооруженными силами, чтобы нанести большевикам удар в самом важном и кратчайшем направлении на Петроград.

Но Маннергейм в обмен на «оказанную помощь» требовал признания полной независимости Финляндии, созыва впоследствии конференции для решения вопроса о «самоопределении некоторых карельских волостей, населенных элементами, тяготеющими к Финляндии», уступки порта в Печенгской губе и т.д.

Генерал Юденич, видимо, также мало рассчитывавший на собственные силы, передал по радио финские условия в Омск, подчеркнув при этом, что лишь при их принятии генерал Маннергейм рассчитывает подвинуть к выступлению свое правительство и страну, общественное мнение которой вообще не склонно было к активности в данном вопросе. Юденич настаивал на принятии условий, его поддержало и Временное правительство Северной области.

Вскоре на телеграмму Юденича из Омска последовал краткий ответ:

«Помощь Финляндии считаю сомнительной, а требования чрезмерными».

Затем была получена более подробная телеграмма омского МИДа за подписью И. И. Сукина. В ней сообщалось, что Верховный правитель, независимо от чрезмерно тяжелых требований, предъявленных Финляндией, обратил внимание на то, что даже принятие их еще не гарантирует выступления ее, так как послужит только почвой для подготовки общественного мнения к ак-

тивному выступлению, причем адмирал А. В. Колчак выражал сомнение, чтобы это можно было успеть сделать в короткий срок. В заключение он категорически запрещал генералу Юденичу лично входить в какие-либо соглашения, указав ему, что в области международных отношений он не имеет права выходить за рамки, определенные главнокомандующему положением о полевом управлении войсками в военное время.

Многие тогда сомневались в правильности такого решения, расценивая его как крупную военную и государственную ошибку, порицали адмирала за недалекость. Колчак, по свидетельству Будберга, весь вспыхивал, страшно огорчался и отвечал, что идеей великой, неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, это было его кредо.

После неудачного похода генерала Юденича, когда его войска вынуждены были оставить уже захваченные ими предместья Петрограда, оппоненты Колчака говорили, что вооруженные силы Финляндии могли бы сыграть в этой операции решающую роль и, может быть, судьба всех белых фронтов была бы другой. Однако предоставим разрешение данного вопроса суду истории.

СРЕДИ РАЗЛИЧНЫХ ПО ХАРАКТЕРУ И ЗНАЧЕНИЮ для Колчака событий конца лета 1919 года, времени начала агонии его режима и его армии, особое место занимает взрыв в доме Верховного правителя.

Дошедшие до нас факты говорят: взрыв произошел не в самом доме, занимаемом Колчаком, а в небольшом каменном домике во дворе. В нем всегда находился караул, охранявший Колчака. После взрыва от домика остались лишь развалившиеся стены, двери и окна были выбиты полностью. Так как этот домик находился близко от дома Колчака, всего в нескольких десятках шагов, то и там все стекла окон, выходивших во двор, были выбиты.

К счастью, в большом доме никто не пострадал. Что же касается караула, то были и убитые, и раненые. По свидетельству очевидцев, Колчак не растерялся

и проявил хладнокровие. Тотчас после взрыва он выскочил во двор, осмотрел место взрыва, взял на себя руководство спасательными работами, всячески ободрял присутствующих.

Расследование этого дела было поручено специальным судебным чинам. Официальные выводы гласили, что взрыв произошел от небрежности солдат караула, которым в этот злополучный день вздумалось разогреть на плите пищу. Сменяясь, они не предупредили новый караул, что плита горячая, а те якобы, ничего не заметив, положили на нее гранаты, которые, хотя и не сразу, но все-таки взорвались.

Однако в этой версии сразу же бросаются в глаза следующие неясности. Во-первых, по свидетельству очевидцев, взрыв был гораздо сильнее, чем взрыв нескольких гранат, да и масштабы разрушений говорили сами за себя. Дом Колчака находился примерно в версте от Ставки, где взрыв восприняли как громовый удар, причем некоторые утверждали даже, что на какое-то мгновение заколебалась почва. Никто не подумал, что взрыв произошел поблизости. Все решили, что где-то за Иртышом обучаются войска или же взорвался какой-нибудь из складов боеприпасов, которых довольно много было расположено на окраинах Омска.

Во-вторых, если даже допустить, что караул разогревал себе еду на плите, то едва ли он мог забыть предупредить об этом сменявших его людей. По утверждению ближайшего окружения Колчака, караульные солдаты отличались толковостью и чрезвычайной исполнительностью, а унтер-офицеры, назначавшиеся начальниками караула, были достаточно развитые и интеллигентные люди.

В-третьих, если бы даже караул и забыл предупредить смену о горячей плите, то она заметила бы это и сама, так как помещение караульного домика настолько невелико, что от топки плиты в летнее время оно нагрелось бы достаточно сильно.

Поэтому официальная версия взрыва не выдерживала критики, ей не верили и взрыв склонны были расценить как покушение. Рассказывали, что в составе караула был один интеллигентный солдат, уже давно внушавший подозрения, который будто бы и устроил

взрыв. Первоначально он хотел это сделать в самом доме Колчака, но ему не удалось. Члены конвоя допускали кого бы то ни было в дом Верховного правителя с чрезвычайной осмотрительностью и не иначе, как только по служебным делам. На постах солдаты стояли парами на виду один у другого, на таком людном месте, как вестибюль, ничего, конечно, тайно спрятать было нельзя. Поэтому якобы этот солдат решил устроить взрыв в соседнем домике, надеясь, что будет разрушен и дом Колчака. Сам заряд он поместил внутри плиты, рассчитывая, что, когда ее затопят, взрыв произойдет сам по себе. Рассказывали также, что преступник был следствием обнаружен, судим военным судом и расстрелян.

Однако все это только разговоры и предположения. Истину, видимо, скрыли настолько ловко, что даже лицам, очень близко стоявшим к Колчаку, несмотря на предпринятые ими шаги, тем не менее не удалось ее узнать, о чем они позже сами признавались. Можно было лишь догадываться по некоторым намекам и улыбкам адъютантов адмирала, что официальная версия не соответствует действительному положению вещей.

И еще один штрих к этому событию.

После взрыва внешняя охрана А. В. Колчака стала еще более жесткой. Так, при проезде Верховного правителя по городу, хотя эти поездки и происходили крайне редко, милиция теперь прекращала движение автомобилей, экипажей и прохожих, не позволяла переходить улицы, останавливаться на месте и т.д., и т.п. Все это стесняло обывателей и вызывало критику и недовольство, что весьма негативно сказывалось на популярности адмирала.

Вредили популярности Колчака, как утверждают мемуаристы «белого дела» в Сибири, и, как ни странно, поездки Верховного правителя на фронт, особенно в связи с участвовавшими военными неудачами.

Несомненно, главнокомандующему следовало посещать фронт, показываться войскам как можно чаще, беседовать на местах с командирами и простыми солдатами. Любой военный знает, что значит посещение

начальником войск в трудные минуты, и, несомненно, чем выше начальник, тем большее значение имеет его визит для армии.

Вместе с тем Колчак позволял обставлять свои поездки и встречать себя прямо-таки как члена императорской фамилии. Сыграли свою роль амбиции? Думается, если да, то лишь отчасти. Видимо, все-таки основная причина такого поведения адмирала заключалась в том, что Колчак использовал любую возможность, чтобы подчеркнуть значение его власти, подчеркнуть уверенность в неминуемом триумфе «белого дела» в России.

Но, к сожалению, А. В. Колчак делал это неуклюже и его поездки вряд ли достигали цели. Пример тому — строки из солдатского письма о том, что к ним приезжал «какой-то аглицкий адмирал Колчак, должно быть, из новых орателей, и раздавал папиросы...» Это не прикрашенное ничем впечатление от встречи с адмиралом свидетельствует не только о неосведомленности войск о происходящем на фронте и в тылу, но и о плохом знании Колчаком психологии русского окопного солдата. Верховному правителю следовало бы ездить на фронт в общегенеральском мундире, а не в защитном, с лампасами. Он должен был бы знать привычки русских солдат и рядового офицерства, которые считали, что на большом начальнике должно быть много красного...

И еще. Поездки Колчака на фронт устраивались так, что вызывали массу неудобств не только у населения Омска и его окрестностей, но подчас и в самих войсках.

Прежде всего, Колчак любил ездить на фронт с подарками воюющим — табак, папиросы, чай, сахар, а иногда и белье. Поэтому к поезду адмирала прицепляли обычно один или два вагона, предназначенные для подарков. И без того довольно длинный поезд Верховного правителя становился еще длиннее.

Затем, принимая во внимание, что имелась всего одна железнодорожная линия, приходилось нарушать расписание пассажирского и товарного движения, чтобы пропустить поезд Колчака, а вследствие этого — часто задерживать поезда с запасами для армии, частями для фронта. Публика роптала, не поспевая вовремя

туда, куда нужно, а войска в ожидании проезда Колчака вынуждены были терпеть недостаток в том, что могли бы уже получить.

Сами поездки Верховного правителя на фронт, будучи весьма частыми, отрывали воинских начальников от их прямых дел, заставляли быть не там, где необходимо их присутствие, а там, куда приезжал адмирал, и от этого страдало дело.

Все это вызывало справедливое возмущение и, естественно, не прибавляло популярности Колчаку.

Однако в смысле военном, по утверждению свидетелей, при посещении фронта Колчак вел себя безукоризненно, обнаруживая присущие ему бесстрашие и храбрость.

Один из адъютантов адмирала рассказывал, как ему пришлось сопровождать Колчака. Последний после посещения штаба армии приказал выгрузить из вагонов автомобили и вместе с сопровождавшими его лицами направился в штаб ближайшей дивизии. Посетив его, поехали дальше — к штабу ближайшего полка, а затем Колчак приказал ехать в сторожевое охранение. Когда прибыли на место, все думали, что теперь-то поедут обратно. Однако Колчак выехал за сторожевое охранение. Проехали несколько верст, а Колчак все еще не отдавал распоряжения повернуть назад. Наступила ночь, а между тем в любую минуту можно было встретиться с разъездом красных и попасть в плен. Но счастье было на стороне адмирала. (Это в феврале 1920 года оно трагически изменило ему.) После, уже глубокой ночью, все благополучно вернулись в поезд. Подобного рода риск, по свидетельству адъютанта, Колчак считал необходимым. Для чего? Чтобы показать войскам свое бесстрашие, поднять их боевой дух. Так думал А. В. Колчак...

ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ У АДМИРАЛА РОСЛО убеждение в неизбежности катастрофы, все слабее и слабее становилась вера в то чудо, которое могло бы ее предотвратить. Он устал. Устал физически, устал морально, устал от обсуждений и решений проблем «огромной важности». Он уже не мог заставить себя сказать что-либо «важное». В его душе поселилось и не

уходило тревожное чувство о будущем, оно мешало ему, раздражало.

«На что они надеются?.. Чего ждут, живя одними призраками да химерами?..» — уже не первый раз задумывался Колчак, наблюдая, как в ленивой дреме проваливается в бездну его «колчакия», еще пытавшаяся сопротивляться. Выхода просто не было. Фронт расплзался по всем швам, и периодические инъекции уже не могли спасти хронически больной организм.

«Они надеются, что положение можно исправить с помощью лишней сотни нагаек, — зло размышлял Колчак, вспоминая одну из хвастливых записок по поводу быстрого подавления крестьянского бунта и примерного наказания его участников. — Все это им кажется шалостями избалованных проказников, которым некому всыпать по первое число».

Раздражение мешало правильно мыслить, анализировать. А логика развития событий уже осенью 1919 года была такова, что пока Омск играл в политические бирюльки, плотину прорвало, удерживающий теперь поток, попробуй, все на своем пути снесет. Хотелось скрыться от всего, запереться на краю земли в четырех стенах и заниматься наукой, одной только наукой. Сколько драгоценного материала накопилось у Колчака за время его северных экспедиций, все описать — жизни не хватит.

Арктика и здесь, в Сибири, была предметом интереса и постоянных забот адмирала. Буквально с первых дней омской власти А. В. Колчака велась подготовка арктической экспедиции — совместно с архангельским правительством. Для ее гидрографического обслуживания в конце 1918 года создали дирекцию маяков и лоций. В апреле 1919 года при омском правительстве организовали комитет Северного морского пути во главе с золотопромышленником С. В. Востро-
тинным. Снарядили «белогвардейскую Карскую экспедицию» — так ее называют в советской научной литературе. Кроме военных (доставка оружия) и торговых (сопровождение английских и шведских пароходов) целей, экспедиция имела еще и гидрографические задачи. Намечалось создать цепь мощных радиостанций и баз

от рек Западной Сибири до Белого моря. При Колчаке продолжалось строительство Усть-Енисейского порта. В Томске был создан институт исследования Сибири, летом 1919 года на обском Севере работали ботаническая и гидрографическая экспедиции.

С ПРЕБЫВАНИЕМ КОЛЧАКА НА ПОСТУ Верховного правителя России связаны драматические страницы отечественной истории — в обширной литературе о том периоде говорится достаточно много. Личность же самого адмирала представляется то комической — в красноармейских частушках и прибаутках, то кровавой — в статьях и книгах советских историков, то трагической — у летописцев белого движения в России.

«Большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга», «несомненный неврастеник», «самовластный и шалый самодур»...

А чешский генерал Р. Гайда, прощаясь с А. В. Колчаком навсегда, не без ехидства заметил: «Да, Ваше Превосходительство, уметь управлять кораблем — это еще не значит уметь управлять всей Россией».

Власть Верховного правителя, держалась на терпоре и страхе.

Нет, сам он не убивал — вешали, убивали, истязали его именем другие. Известно ли было ему об этом?

«...В виде общего правила это мне неизвестно, — говорил Колчак и тут же добавлял: — но в отдельных случаях я допускаю». И далее: «Это обычно на войне и в борьбе так делается». И делалось.

Административные расправы, произвол и зверства, царившие в Сибири, вызывали большое озлобление, усугублявшееся тем, что со времени царизма Сибирь вообще придерживалась левых взглядов. Видимо, Колчак не понимал этого. Когда ему указывали на многочисленность заключенных, томящихся в тюрьмах без суда, он лицемерно отвечал: «Я повторяю министрам, что из ста заключенных нужно, без сомнения, расстрелять десятерых, но зато девяносто немедленно же отпустить». Многие в Сибири заявляли: «Этого не творилось даже во времена монархии».

Позже, на следствии в Иркутске, А. В. Колчак пытался сослаться на долг солдата перед погибающей

родиной, на незнание того, что творят за его спиной подчиненные ему атаманы и новоиспеченные генералы. Искренен ли в своих утверждениях Колчак? Не он ли подталкивал своими указаниями этих атаманов и генералов вершить кровавый суд и расправу в Сибири?

В архивных делах сохранились такие строки из приказа Верховного правителя: «Не останавливаться перед самыми строгими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их...» (Речь идет о расправе с повстанцами в Красноярском крае.) И эти указания ревностно выполнялись.

«Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания.

ПРИКАЗЫВАЮ НЕУКЛОННО РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ СЛЕДУЮЩИМ:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожakov; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, — расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т.д. — отбирать в пользу казны...

3. Если при проходе через селения жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывается денежная контрибуция за круговой порукой. Контрибуции взыскивать беспощадно...

5. Объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч., виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны...

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

7. Как общее руководство, помнить: на население,

явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства.

27 марта 1919 г.

Генерал-лейтенант *Розанов*.

Гор. Красноярск».

Расстреливать, сжигать, расстреливать и вновь расстреливать...

Таковы были «идеалы» законности и правопорядка, о которых позднее не раз будет говорить на допросе в Иркутске арестованный адмирал А. В. Колчак. Ведь, по его мнению, «гражданская война должна быть беспощадной».

Сегодня трудно и страшно поверить и согласиться, что для утверждения Идеи нужно было столько загубленных жизней и пролитой крови, что эта великая Идея неизбежно воздвигает себе пьедестал на пирамиде из черепов соотечественников.

«Когда идеи ведут кровавую борьбу на площадях, на улицах, на больших дорогах, в полях и лесах, — писал Николай Бердяев, — тогда сама истина перестает уже интересоваться; не до нее».

Диктатура не может обходиться без террора. Колчак, как и другие вожди «белого дела», считал это вполне естественным, «чистый идеалист», внутренне он оказался готовым к такому повороту событий.

На допросе в Иркутске Колчак не отрицал, что «сжигание деревень <...> во время боев и подавления восстания» полагал неизбежной мерой, которая не могла быть «применена в виде распоряжения», но была вполне приемлема «как мера во время столкновения» для разрушения базы повстанцев, «чтобы ею не могли воспользоваться впоследствии». Колчак допускал даже и случаи откровенного зверства, что по его мнению, обычное дело на войне.

Правда, адмирал все же старался найти законное оправдание этим фактам, затушевать их, переложить вину за них на отдельных лиц, которые якобы творили насилие и бесчинства вопреки его воле. Яркий сторон-

ник идеи военной диктатуры, А. В. Колчак не рискнул принять на себя всю ответственность за последствия этой диктатуры — его диктатуры.

Сибирская военная диктатура из диктатуры одного лица закономерно превратилась в диктатуру отдельных генералов и казачьих атаманов, идея насилия сверху благословила на насильничанье отдельные шайки. Разница между «верхами» и «низами» этой диктатуры заключалась лишь в одном: «верхи» пытались стыдливо замаскировать в глазах своих союзников то, что свободно, без намека на стыдливость, творили «низы».

Гражданская война — война особая. Беспощадность и жестокость в ней не случайны, а скорее закономерны. Соотечественники в борьбе между собой особо непримиримы.

Красный террор, который большевики с претензией на новую, революционную этику, в подражание Французской революции, применяли в качестве государственной политики, — явление известное и заслуженно осужденное. Однако нельзя не сказать и о том, что подавляющее большинство политических конфликтов того времени в России протекало с обоюдными тяжкими нарушениями обычаев войны, крайним ожесточением и вопиющими проявлениями бесчеловечности. Сказывался апокалиптический опыт мировой войны, низведший до минимума ценность человеческой жизни. Кроме того, ситуация «обвала» традиционных нравственных устоев при распаде в России старых государственно-административных и правоохранительных институтов сама по себе не могла не породить массовой жестокости. Большевики сделали классовую принадлежность одним из этических и правовых критериев. Но и их противники, декларируя приверженность традиционной морали, по существу приняли это «этическое новшество». Они не распространяли на большевиков, а заодно и на побывавшее под властью Советов население, особенно «низшие» трудовые слои, общепринятые правовые нормы и гуманитарные обычаи. Убить или замучить большевика не считалось грехом. Сейчас невозможно установить, сколько мас-

совых расправ над гражданским населением навсегда ушло в небытие, не оставив документальных следов, потому что в обстановке хаоса и безвластия простым людям не у кого было искать защиты.

Еще раз обратимся к Бердяеву, к его работе «Царство духа и царство кесаря». Великий русский мыслитель, опираясь на богатейший опыт всей своей жизни, писал: «Революции, все революции, обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих, наряду с героизмом немногих. Революция — дитя рока, а не свободы... Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого». Но эта расплата за старое зло осуществляется с помощью нового зла...

Террор и произвол, массовые грабежи и насилия оттолкнули от Колчака сибирское крестьянство, которое решительно встало в оппозицию к правительственной власти.

Наглядную картину отношения крестьян к власти нарисовали сами белогвардейцы: «Все деревни от Нижнего Кучука до Волчихи <...> настроены по-большевистски, — говорится в одном из документов того времени, — всячески препятствуют нашим отрядам, не дают подвод, хлеба, питания, сбивают ложными сведениями <...> в селе Вознесенском в бою участвовали жители: стреляли из домов и огородов, выдавали красным всех скрывавшихся при отступлении Славгородского отряда наших солдат, били их лопатами, граблями, отказывались давать подводы даже для раненых».

И такие случаи не были единичными, их насчитывалось все больше. По образному выражению одного из свидетелей новой «демократии», «Сибирь была превращена в необъятное смрадное кладбище, где бродили полуживые люди-тени».

Большевиками здесь называли всех, кто в большей или меньшей степени не разделял правительственных взглядов, и количество таких «большевиков» постоянно росло — это признавали и сами колчаковские вожди, это видели и иностранные представители в Сибири: «Число тех, кто признает правительство, не велико, — и оно уменьшается с каждым днем».

«...КАК БЫ НИ БЫЛА ИНТЕРЕСНА ЛИЧНОСТЬ адмирала, его характеристика <...> не только не может быть отделена, но целиком должна поглотиться характеристикой того политического движения, которое он возглавлял», — считает Г. Гинс и далее пишет:

«Не личным свойствам адмирала надо приписывать победы первого периода его деятельности и поражения второго. Одновременно с сибирским рухнул и южно-русский фронт генерала Деникина. Очевидно, в самом фундаменте антибольшевистского государства была гниль, сами стены его были непрочны, сам план постройки был неудачным.

...Адмирал Колчак связал свое имя с идеей, во имя которой велась гражданская война, — идеей великой России. Его непорочная репутация служила залогом честности движения, и под его знамя встали все противники большевизма. Может быть, в самой идее этого объединения противобольшевистских сил таилась гибель движения? Но эта идея поддерживалась большинством, она воодушевляла, и, по мнению всех сторонников ее, только два человека могли воплотить эту идею: адмирал Колчак и генерал Деникин.

Движение не могло измениться от того, первый или второй был Верховным правителем.

Они действовали единодушно, но другие силы оказались могущественнее их.

Адмирал Колчак был выразителем тех политических течений, которые вошли в русло союзнической ориентации. Нанесено ли поражение этой ориентации? Была ли она ошибкой движения? Адмирал не мог ей изменить по личным убеждениям, и почти вся антибольшевистская общественность была на стороне союзников, рассматривая борьбу с большевиками как продолжение антигерманской войны.

Адмирал стоял за Учредительное собрание, и он, несомненно, созвал бы его и передал ему власть.

Не было ли ошибкой откладывание острых вопросов до отдаленного момента Учредительного собрания, когда земледельческая Россия требовала ответов сейчас же? И здесь адмирал был выразителем лишь общего единодушного убеждения в неполномочности временного правительства решать основные во-

просы устройства государственной жизни. Основные идеи, лозунги и даже метод действий были даны, таким образом, не адмиралом, а эпохой. Судить за них адмирала никто не вправе. Выполнение же зависело не от вождей.

Общепризнанный гений Наполеона не спас его армий ни в России, ни в битве при Ватерлоо, и гений бессилён там, где общие условия делают невозможной победу.

Перелистывая страницы непродолжительной, но бурной истории гражданской войны Сибири с большевизмом, мы найдем много ошибок адмирала и в подборе лиц, и в способах действий, но надо знать обстановку и условия работы, чтобы судить, можно ли поступать иначе.

На юге России было больше и людей, и культурных средств, но и там антибольшевистские силы понесли серьезное поражение — очевидно, причины поражения лежат глубоко, и поверхностные наблюдения их не откроют.

...Россия оценит благородство адмирала Колчака и воздвигнет ему памятник благодарности... Мы должны оградить его имя от несправедливых, клеветнических обвинений. Он был не «врагом народа», а его слугой, но если ему не суждено было сделать для народа то, к чему российское правительство искренне и упорно стремилось, то это не его вина. Он хотел улучшить благосостояние народных масс, но это оказалось невозможным в условиях непрекращавшейся войны и разрушенного транспорта.

Адмирал Колчак погиб за чужие грехи, и культурный мир должен понять, что предательство по отношению к адмиралу — великое злодеяние не только перед Россией, которая лишилась одного из лучших своих граждан, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в столице антибольшевистского движения — Омске и которые приняли под свое покровительство адмирала, и наконец перед историей, ибо для нее остается много неизвестных фактов и мыслей, о которых мог бы поведать только адмирал Колчак».

И прав Гинс, когда пишет, что «скорбный образ адмирала Колчака, с его пронизательными и печальными глазами и мученическими линиями лица, будет

долго памятен. Как постоянный укор, будет он преследовать и тех, кто взял на себя неблагодарную роль предателей, и тех, чья вина привела гражданскую войну к ее тяжелому финалу.

Тех же, кто любит Россию, этот образ заставит склонить голову и мучительно вспоминать о неизмеримой глубине бедствий, переживаемых великим государством».

Глава 7

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ранняя осень.

Цветы цвели буйно, как никогда. Неухоженные, никому не нужные, они разрослись, пошли в атаку на каждый свободный клочок земли, словно хотели скрыть от человеческих глаз раны, нанесенные снарядами, стереть с лица земли саму память о войне.

Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлинились и дышат уже холодом. Необозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай 1919 года повсюду был на редкость обильным. Теплая мягкая осень напоминала весну и была очень подходящим временем для широкомасштабных активных военных действий.

В КОНЦЕ АВГУСТА ГЕНЕРАЛ М. К. ДИТЕРИХС отдал войскам приказ о переходе в наступление.

«Командармам 1, 2, 3.

Командующему Степной группой атаману генералу Иванову-Ринову.

28 августа 1-я Сибирская армия перешла в наступление, имея первоначальной задачей разбить части 29-й дивизии противника, овладеть районом ст. Омутинской, развить удар главными силами в общем направлении на юго-запад. 2-я и 3-я армии, продолжая сдерживать передовыми частями противника, заканчивают подготовку и перегруппировку своих резервов к вечеру 28 августа. Фронт передовых частей 2-й и 3-й армий проходит в общем на линии Зимовье, Кызакское, Казаринова, Суслово, Сенжарское.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1-й Сибармии энергично покончить с 29-й дивизией противника и, ограничившись настойчивым преследованием в направлении Ялutorовска, быстро двинуть главные силы на фронт Емуртлинское, Уваров, Куртанская, не смущаясь разброской сил, но нанося удары сосредоточенными кулаками при одном-двух пунктах, помня, что сильный погром противника в данном районе даст возможность легко ликвидировать его в промежутках.

2-й и 3-й армиям 1 сентября с утра перейти в наступление и атаковать противника. 2-й армии главный удар направить на Морщихинское и восточнее его. 3-й армии со всеми дивизиями резерва сконцентрировать удар по правому флангу противника, дабы покончить с 5, 27-й и 26-й дивизиями.

Моему резерву: 3-й и 12-й дивизиям, сосредоточенным в районе Бердюжское, Пегоново, интенсивно продолжать свою подготовку и держать связь через штаб 2 (штаб 2-й армии. — *Авт.*) и Ишим.

Морскому учебному батальону к вечеру 30-го сосредоточиться в Петропавловске, оставаясь в эшелонах и держа связь через штаб 3.

Степной группе, оставив временно партизанский отряд в подчинении командарма 3, остальными силами содействовать наступлению левого фланга 3-й армии, энергично атаковать противника в ближайший тыл и прочистить район конницей в общем направлении на Звериноголовскую и южнее.

Войсковому Сибирскому казачьему корпусу приступить к сосредоточению сил в районе пик Каратамарский — пик Джамантукский, за исключением частей, обеспечивающих Южную Сибирь.

Мой походный штаб первоначально на разъезде 744-й версты.

Главковосток генлейт *Дитерихс*».

В ходе мероприятий по подготовке к переходу в контрнаступление белогвардейцы создали в составе своей 3-й армии ударную группу из двух пехотных дивизий и конной группы, которая из района юго-западнее Петропавловска должна была нанести глав-

ный удар по открытому правому флангу и в тыл 5-й армии красных.

Здесь же действовал Сибирский казачий корпус, предназначенный для рейда в тыл противника. Против левого фланга 5-й армии сосредотачиваются пехотная и сводная казачья дивизии. В качестве ударных групп во 2-й и 1-й армиях белогвардейцы выделили соответственно пехотный корпус и кавалерийскую дивизию.

Решающего успеха в предстоящей операции планировалось достичь за счет нанесения мощных ударов по флангам основной группировки красных войск, действовавшей на петропавловско-ишимском направлении, по сходящимся направлениям на Курган, затем окружить и уничтожить ее.

Попробуйте представить себе картину осеннего дня. Лес набит пехотой; солдаты лежат и сидят группами; многие жуют хлеб, иные переодевают портянки и сапоги. Здесь же, на полянке, батареи судорожно, спешно, но в то же время привычно и уверенно готовятся к работе. Деловитая суeta и в ближайшем тылу: разворачивается перевязочный пункт, выкладываются патроны из двуколок, дымят и раздражающе вкусно пахнут ужином походные кухни. Все заняты необходимыми простым делом, каждый старается гнать прочь мысль о предстоящем бое и близкой смерти. Только лица все как-то потемнели, глаза смотрят остро и внимательно, голоса стали глуше. Воздух, несмотря на громкие звуки выстрелов и свист пуль, зловеще тих, как перед грозой. Солдаты следят — чутко, напряженно — за своими начальниками. Не потеряли они присутствия духа, сохранили уверенность и веру в победу — успех обеспечен. Но если заметны признаки слабости, страха — горе и ужас тогда: дрогнут ряды, паника охватит всех, и стройные части обратятся в бестолковое стадо.

...Незаметно подступает темная сентябрьская ночь, полная ярких, мерцающих звезд. Необозримые пространства сибирских степей тонут в черноте, сливаясь с небом; тишина нарушается только свистом холодного осеннего ветра да испуганными вскриками ночных птиц.

Примерно с 1 сентября восточнее Тобола началась

так называемая тобольская кадрили: то под натиском белых отступали красные, то белые отходили и красные полки их преследовали.

Так повторялось много раз.

Белые стремились вклинить в расположение красных полков, кавалерийскими наскоками пытались окружить и уничтожить отдельные подразделения и части. Исход развернувшихся непрерывных боев склонялся то в одну, то в другую сторону. Частные резервы, вводимые красными в бой, не имели решающего значения.

Ничего нет хуже мучительной неизвестности — лучше самому быть в центре событий, там, на фронте, чем ждать, ждать...

А. В. Колчак непрерывно поглядывал на часы, не веря им, — время, кажется, замедлило ход здесь, в Омске.

Может быть, он просто теряет терпение? Уже не первый раз приходит он в операторскую, но пока все напрасно: те сообщения, которых он ждет с таким нетерпением, все не появляются. И вдруг...

И Колчак едет туда, на фронт, где снова, казалось, всходила его звезда.

Из воспоминаний генерала К. В. Сахарова:

«Накануне ко мне в штаб приехал адмирал Колчак с некоторыми его министрами, генералом Ноксом и огромной свитой. Адмирал отправился на автомобиле к Уральскому корпусу и прибыл туда как раз в то время, когда части гнали красных... Всех охватила неописуемая радость и подъем духа; казалось, что наступил решительный перелом, что этот удар будет окончательным. Так оно и было бы, но при одном непременном условии — всеобщего напряжения всех сил на поддержку победоносной армии, для развития успеха.

Русское дело держало экзамен в эти дни сентября 1919 года; теперь наступила проверка того, как справились с организацией тыла, насколько сумели взять его в руки. Армия снова доказала свою способность, жизнённость, силу и умение. Но для победы общей, для

закрепления успехов военных нужно было еще многое.

Все части 3-й армии понесли значительные потери в этих первых боях; 9-го сентября я обратился по прямому проводу к Главковостоку с докладом о положении в армии и о необходимости присылки теперь же пополнений для сильно поредевших частей нашей армии...»

Успех колчаковцев, достигнутый в начале сентября на фронте 5-й армии красных, к середине месяца принял широкий размах. Располагая превосходством в силах и особенно в вооружении и кавалерии, они добились ощутимых результатов. Войска большевиков вынуждены были отступать.

Отступление всегда действует угнетающе. В это время командиры должны проявлять особое умение руководить людьми. И красные командиры успешно справлялись с этой важнейшей задачей, пресекая панические настроения всеми силами и средствами.

Несмотря на свое значительное превосходство, армиям Колчака не удалось добиться того успеха, на который они рассчитывали: прорваться в тыл красных, окружить и разгромить их основные силы. Первоначальный план контрнаступления был сорван. Оборона красных войск оказалась сильнее, чем думали в Омске. Массированные удары крупными группировками пехоты и конницы захлебнулись в собственной крови.

Из воспоминаний генерала К. В. Сахарова

«Можно представить, как растянулся фронт и всей моей армии; вначале первый удар был объединенный и сходящийся к железной дороге. Но затем пришлось бить от середины: уральцами на юг, уфимцами на север. Эти три последовательных удара, следовавшие без перерыва один за другим, дали нам перелом, создали военный успех, обеспечили победу, но они же поставили 3-ю армию в тяжелые условия, выйти из которых своими собственными силами она могла с большим трудом.

Начались самые упорные и жестокие бои за весь этот период нашего наступления, за всю тобольскую операцию...

Пребывание в штабе армии гостей из Омска затя-

нулось и сильно мешало работе, отвлекая и меня, и штаб на несколько часов ежедневно; поэтому я почувствовал облегчение, когда через шесть дней было объявлено об их отъезде. Верховный правитель за это время объехал почти все войска, раздавал награды, причем он настоял на присуждении трем командирам корпусов, генералам Каппелю, Космину и Войцеховскому, а также и мне ордена Св. Георгия 3-й степени. При объездах передовых линий адмирал Колчак лично видел малочисленность наших частей, так как бои шли, не прекращаясь ни на один день, потери увеличивались и росли непомерно, а пополнений мы не получали с тылу ни одного солдата; адмирал знал фактические цифры наших потерь; при своем отъезде он обещал мне употребить все усилия, чтобы прислать подкрепления и свежие части резерва.

15-го сентября я вновь сделал настойчивое представление Главковостоку как о значительных потерях наших, так и о самой настоятельной необходимости присылки свежих частей и пополнений; генерал Дитерихс обещал сделать все возможное и указал, что через неделю начнет подавать в 3-ю армию эшелоны...

Наступление продолжалось. Но теперь приходилось напрягать последние силы, все резервы были исчерпаны.

Из «Дневника» генерала А. П. Будберга:

«16 сентября. Наступление выдохлось и замерло; кое-где продолжают небольшие стычки, и мы еще сохраняем свое положение; боюсь, что это продолжится недолго, а тогда вымотанные вконец части покатаются вновь назад. Остановить их и поддержать будет уже нечем; честолюбивые игроки израсходовали все ресурсы, уложили все резервы; то, что начали Лебедев и Сахаров, dokonчили Дитерихс и Андогский. И если грядущая катастрофа разразится и белое движение, начатое в Сибири полтора года тому назад, окончится полным крахом, то красные окажутся очень неблагодарными, если не поставят благодарственного памятника этим белым генералам и не наградят их заочно всеми красными наградами за деятельную помощь по сокрушению сибирских армий.

Иванов-Ринов получил от адмирала Георгиевский

крест за первый успех своего корпуса, а затем почил на лаврах; по сведениям Ставки, он не исполнил шести повторных приказов Дитерихса и адмирала двинуться на Курган в тыл красных...

Дитерихс отрешил Иванова-Ринова от командования, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положение на фронте исключило возможность успешного набега на тыл красных.

Иванов-Ринов прибыл немедленно в Омск, поднял всех своих сторонников, и по ультимативному требованию казачьей конференции его отрешение было отменено, и он с апломбом вернулся на фронт к своему корпусу. Яркое проявление импотентности и дряблости власти, засосанной омским болотом и находящейся в пленении у разных безответственных, всесильных организаций, во все вмешивающихся, но ни за что не отвечающих.

Такая власть не может существовать, ибо <...> необходимо условие <...> всякой власти — это ее сила.

Удивляюсь, как Дитерихс на это согласился; он ведь тоже реальная сила и имел право и возможность принять такой тон, с которым должны были бы считаться омские лягушки».

Белая армия, так и не сумевшая создать для себя выгодного оперативного положения, за первую половину сентября потеряла более четверти своего личного состава, а некоторые ее соединения — до 50 процентов.

Убедившись в невозможности и бесперспективности и дальше осуществлять маневр на окружение, Ставка отказалась от первоначального плана разгрома основных сил красных и поставила перед войсками задачу продолжать фронтальное наступление.

Из воспоминаний генерала К. В. Сахарова:

«...19-го сентября я вновь пригласил к прямому проводу главнокомандующего, доложил ему обстановку и затруднения, настойчиво просил о присылке пополнений; иначе было немыслимо ставить новые боевые задачи, тратить свои силы, добиваться успеха, чтобы потом все потерять. На этот раз я получил

определенные обещания, что мне будет прислано в течение первой недели десять тысяч пополнения, на вторую неделю еще десять и, кроме того, партизанская бригада полковника Красильникова.

Этого было достаточно и вполне удовлетворило бы армию. Имея это обещание, мы напрягли новые усилия и продолжали сбивать красных с каждой позиции, гнать их к Тоболу.

Операция свелась теперь к труднейшему и мало результативному фронтальному наступлению, которое не могло уничтожить армию противника, оставляя его тыл и пути отступления без разрушений. Это произошло вследствие двух причин: во-первых, 3-й армии пришлось бить своим правым флангом на север вместо юго-запада, чтобы помочь 2-й армии; а во-вторых, и это главное, масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезать их силы от переправ на Тоболе. Ну, на это были свои оправдания: иррегулярность молодого Сибирского казачьего корпуса, плохой конский состав его, запутанная и противоречивая задача, поставленная ему Главкостокком. Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных.

Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель, шаг за шагом, бить большевиков в целом ряде непрерывных боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами...

Многочисленные просьбы и доклады о тяжелом положении вызывали успокоительные ответы и обещания. И это было еще хуже, так как в ожидании этих обещанных свежих резервов, рассчитывая на них, мы расходовали свои последние силы. Чтобы закончить начатую операцию и опрокинуть красных в Тобол, было введено в боевую линию все, опять включительно до моего личного конвоя; я отправил две роты егерей птаба 3-й армии генералу Капшелю, на три дивизии которого в конце операции выпали самые трудные задачи...

Верховный правитель, вернувшись в Омск от меня, прислал также свой конвой, который вступил в бой под начальством своего командира полковника Удинцова и оказал много помощи. Но все это были капли в море; тыл пополнений для наших частей не давал...

Благодаря беззаветному самопожертвованию командного состава, наших офицеров и вере в успех была достигнута полная согласованность в действиях, постоянная поддержка и помощь друг другу.

Только все это и давало возможность довести дело до конца...

Заняв Тобольск, колчаковцы устремились вдоль Иртыша в восточном направлении и вверх по Тоболу, на юг, во фланг и тыл 3-й армии красных. Они спешили соединиться со своими войсками в районе Ялуторовска и тем самым замкнуть кольцо вокруг 1-й и 2-й бригад 51-й дивизии красных, оборонявшихся в районе реки Вагай. Колчаковцы рассчитывали на то, что под их натиском эти красные полки будут вынуждены отходить на запад, к Тоболу, по кратчайшему пути через болота, и неминуемо попадут под фланговый удар тобольской группы. Превосходство в силах не вызывало сомнений в успехе задуманного. А. В. Колчак выехал на пароходе в Тобольск, чтобы лично присутствовать при разгроме красных частей под командованием В. К. Блюхера.

Из воспоминаний Г. К. Гинса:

«В начале октября Верховный правитель собирался в дальнюю поездку, в Тобольск. Я решил сопровождать адмирала. Мне хотелось ближе познакомиться с ним, хотелось также побывать на фронте, у самого огня увидеть солдат, офицеров, ознакомиться с их настроением.

Как раз накануне отъезда в доме Верховного был пожар. Нехороший признак. Трудно было представить себе погоду хуже, чем была в этот день. Нескончаемый дождь, отвратительный резкий ветер, невероятная слякоть — и в этом аду огромное зарево, сноп искр, суетливая беготня солдат и пожарных, беспокойная милиция.

Это зарево среди пронизывающего холода осенней

слякоти казалось зловещим. «Роковой человек», — уже говорили кругом про адмирала. За короткий период это был второй несчастный случай в его доме...

Теперь, во время пожара, адмирал стоял на крыльце, неподвижный и мрачный, и наблюдал за тушением пожара. Только что была отстроена и освящена новая караульная, взамен взорванной постройки, а теперь горел гараж. Что за злой рок!

Кругом уже говорили, что адмирал несет с собой несчастье. Взрыв в ясный день, пожар в ненастье... Похоже было на то, что перст свыше указывал неотвратимую судьбу.

Поездка в Тобольск состоялась. Для адмирала был реквизирован самый большой пароход «Товар-пар». Он должен был отойти в Семипалатинск. Уже проданы все билеты, и публика начала занимать каюты, когда пришло известие: «Всем пассажирам выгружаться». Шел дождь. Другого парохода не было, а публику гнали с парохода.

Бедный адмирал! Он никогда не знал, что творилось его именем. Исправить сделанного уже было невозможно, и я ничего не сказал ему».

...Плыли на фронт, которого фактически не было, плыли говорить с народом, который терял охоту слушать адмирала. Плыли по осенней, черного цвета воде Иртыша мимо унылых топей, затаившихся перед зимней спячкой лесов, разоренных сел, мимо тайги, стоящей по берегам в молчаливой скорби.

Едва отчалили от берега, как пассажиры разбрелись по каютам и затихли, затаились. Словно не существовало между ними никаких связей, что могли бы объединить их в разговоре или хотя бы в молчаливом общении.

Вечером в кают-компании адмирал с воодушевлением излагал собравшимся план предстоявшей операции под Тобольском, разработанный его штабом. По всему чувствовалось, что Колчак предвкушает удовольствие от удачной и «верной» операции.

— Сейчас Блюхер в «мешке», у него единственный выход — отходить от реки Вагай через болота на запад, к Тоболу. Его преследуют наши отряды. Но

когда через болота потрепанные части красных выйдут на Тобол, то сразу же попадут в окружение. Перед ними окажется главная группа наших войск, идущая сейчас по тюменскому тракту из Тобольска...

Адмирал прямо-таки сиял, уверенно и горделиво оглядывая присутствовавших.

«Боже мой, — слушая его, не переставал удивляться Гинс, — как он наивен, этот поразительный человек! Он думает, что маневрирует элегантною эскадрой. А не случайно набранным сбродом, которым командуют бестолковые дуrolомы в генеральских погонах, но с мозгами полковых интендантов. Не говори «гоп», пока не перескочишь, а то завтра плакать придется!»

Так оно и случилось...

Красные не пошли по кратчайшему пути отступления, путь этот оказался для них труднопроходимым из-за сильной распутицы, да и боевые задачи изменились. Вопреки всем ожиданиям, они повернули обратно на Тобольск и по частям громили колчаковские отряды.

...Пароход адмирала подходил к Тобольску, когда артиллерийская канонада гремела под самым городом.

Из воспоминаний Г. К. Гинса:

«Из Тобольска Иртыш так широк, что не похож сам на себя. У самой реки, на низком берегу — главная часть города, позади крупная возвышенность. А на ней белеют стены кремля и блестят маковки церквей. Там находится большая часть официальных учреждений и сад с памятником Ермаку.

В кремль ведет высокая и крутая каменная лестница. Подымаемся. Перед нами богомольная старушка, а навстречу спускается пьяный офицер. Он берет старушку за подбородок и говорит ей: «Иди, иди, старушенция, выпей».

Пьяных офицеров было вообще много.

А между тем о красных никто дурно не отзывался. Расстреляли двух: одного за организацию противосоветского отряда, другого, еврея-«буржуя», за защиту своей собственности. В городе поддерживался порядок, пьяных не было. Когда уходили, увезли меха,

городскую кассу и пожарный обоз, но никого не грабили.

В музее мы нашли комплект советских газет на период пребывания большевиков в Тобольске. Видно было, что газеты шаблонны и заготовлены заранее. В них разъяснялись задачи советской власти, приводились биографии выдающихся советских вождей, в частности командующих, давались указания о необходимости уважать кооперацию, подымать производительность крестьянского хозяйства и т.д. Все было рассчитано на завоевание симпатий населения. Мотивы новые, незнакомые, не похожие на прежних большевиков.

Среди героев революции и красной армии особенно восхвалялся командующий красной дивизией, «товарищ» Мрачковский (речь идет о С. В. Мрачковском — командире 2-й бригады 51-й дивизии 3-й армии Восточного фронта. — *Авт.*). Судя по газете, этот рабочий обладал необычайными способностями и железной волей. Одного взгляда на пленного белогвардейца было ему достаточно, чтобы определить, подлежит ли белогвардеец расстрелу или может быть принят на службу. Дисциплина у него строгая. В его дивизии каждый знает, что за малейшую провинность будет отвечать. Мы раньше не раз встречали фамилию Мрачковского в военных сводках. Возможно, что эта характеристика не отличалась преувеличением.

Другой советский «генерал», Блюхер — тоже из рабочих. О нем мы много раз слышали в пути. Крестьяне рассказывали, что всегда при трудных обстоятельствах красные говорили о Блюхере: «он выручит», «он нас не выдаст». И, действительно, выручал.

Наиболее интересным в газете было, однако, интервью преосвященного Иринарха. О нем говорил весь город, который, кстати сказать, представлялся вымершим: так мало было в нем народа после эвакуации всех правительственных учреждений.

С архиереем говорили об отношениях советской власти к церкви и об его впечатлениях о большевиках. Он отзывался о них хорошо. Сказал, что удивлен порядком и доброю нравственностью, что он считает Омск Вавилоном и что колчаковцы вели себя много хуже, чем красные. Преосвященный, в свою очередь,

посетил совдеп. Ему показали издания классиков для народа, и он пришел в восторг. Далее выяснилось, что все церковное имущество остается неприкосновенным. Но только церковь не может рассчитывать на содержание от казны. Архирей был доволен.

Теперь он встретил адмирала с иконою и речью на тему: «Дух добра побеждает дух зла».

Адмирал заходил в покои епископа. У крыльца его выхода ждала небольшая группа любопытных, преимущественно женщин и детей. Никакого воодушевления в городе не было».

...Все ближе подходил Блюхер к Тобольску.

Велико было искушение нанести удар по городу. Да сил для этого осталось совсем мало. А помощи ждать было неоткуда. Приходилось обходить Тобольск стороной, отворачивать на юго-запад, пробиваться через тылы белых к тюменскому тракту.

Знай Блюхер, что в это время в Тобольске находится Колчак, может быть, и рискнул, ударил бы по городу. И решилась бы судьба адмирала в начале октября девятнадцатого, а не спустя четыре месяца, в Иркутске. Как знать?..

Так обескураживающе жалко закончилась операция, амбициозно задуманная омскими штабистами. Словно сила соломой, судьба упрямо ломилась все замыслы А. В. Колчака.

В Тобольске его застало известие, что наступление войск генерала А. И. Деникина захлебнулось где-то между Орлом и Тулой...

ОТГРЕМЕЛО ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ ЗА СИБИРЬ.

В течение полутора месяцев, вцепившись друг в друга, рвали на части вражеские полки и дивизии красные и белые. Они дрались за одну и ту же Россию, счастье и славу которой понимали по-разному. Умирили и те и другие. Обильно полили людской кровью, вспахали снарядами и колесами, истоптали десятками и десятками тысяч ног сибирскую равнину, междуречье Тобол — Ишим. Успели в клочья изодрать, сжечь, испепелить, развеять дымом не одну деревню, не одно

село. Но августовско-сентябрьские бои на сибирском театре военных действий показали, что ни одна из противоборствующих сторон не добилась своих целей в полном объеме.

Белым ценой огромных потерь удалось отвоевать лишь небольшую территорию между Тоболом и Ишимом.

Красные, несмотря на вынужденный отход, в целом остались в более благоприятном положении. Они сумели не только сохранить свои основные силы, но и нанести противнику жестокий удар, перемололи его последние резервы, свели на нет наступательный порыв белых.

«Таким образом, — констатировал английский представитель О'Релли, — возможность разгрома Красной армии упущена. Укрывшись за Тобол, противник может ожидать подкреплений с юга <...> и, когда они придут, его наступление возобновится». Одновременно он высказывал сомнение по поводу того, что «сибирская армия, истощенная в боях и не располагающая резервами, была способна его сдержать».

Понеся значительные потери, белые, которые вследствие резкого сокращения численности личного состава частей (например, в полках 13-й Сибирской дивизии насчитывалось от 80 до 200 штыков), не могли теперь же форсировать Тобол и продолжать преследование красных, не имели возможности в ближайшее время залечить раны. Все наличные ресурсы уже были брошены в бой и целиком израсходованы.

Проводимая мобилизация как по количеству, так и по качеству пополнений положительных результатов дать не могла. Так, командир 1-го Добровольческого полка отказался от присланного ему пополнения в количестве 1500 человек из-за их «революционного настроения». Сводки о настроениях войск постоянно подчеркивали сочувствие солдат-сибиряков коммунистам: «...влившееся пополнение прибыло из Акмолинской области с определенно сочувствием большевизму»; «встречаются части, где приходится еще бороться с нездоровым обаянием большевизма; попадают лица, легко поддающиеся на эту удочку, главным образом из сибиряков; ими не вполне усвоена и понята цель

борьбы»; «добровольцы, настроенные антибольшевистски <...> не любят сибиряков за их сочувствие большевикам»; отношение со стороны солдат в сибирских маршевых ротах к беседам на тему «Что такое большевизм?», «За что мы воюем?» равнодушное.

В Петропавловске за отказ выступить на фронт были разоружены четыре полка, а карпато-русский полк при первом же столкновении с красными разбежался.

Моральное состояние белых войск уже не могло улучшиться. И чем шире мобилизация охватывала сибирское крестьянство, тем хуже становился качественный состав армии Верховного правителя. Генерал К. В. Сахаров писал атаману А. И. Дутову, что «пополнение из мобилизованных только обуза, а частью и предатели».

Что ж, красные успели себя хорошо зарекомендовать в Сибири. «При занятии красными наших деревень... они вели себя вежливо, никого не обижали: «Иголку возьмут и ту возвратят», — говорили бабы, тогда как подобного поведения и обращения с жителями со стороны наших солдат не наблюдается», — признавали сами белогвардейцы.

Особо «доброжелательным» отношением к населению отличались казаки, которые предпочитали брать все, что им нужно, не платя. Но этого было мало. В отчетах омских чиновников, анонимных письмах, поступавших в Совет министров, говорилось о том, что, если казак видит в огороде арбузы, он сорвет все, чтобы перепробовать; если он ночует в хате, то на прощанье ломает скамью или швырнет в колодезь ведро. Какое-то непонятное озорство, неуважение к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не хотят воевать, а все, мол, должны выносить на своей спине казаки.

Не отставали от солдат и многие офицеры. Когда одному из них указали на то, что приказом адмирала Колчака порка и мордобитие запрещены, офицер ответил так: «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой». (Эта фраза взята из письма священника.)

Крестьяне, воевавшие в белой гвардии, не считали борьбу с большевиками своей борьбой, а говорили,

что она затеяна вернувшимися к власти генералами. Более надежной оставалась по-прежнему офицерская среда, хотя и она была в значительной степени деморализована, утратив надежду на скорую победу.

Вместе с тем относительные успехи сентябрьского наступления вселяли оптимизм.

...В Совете министров слушается очередной доклад о положении дел на фронте. Элегантный генерал водит кием по карте:

— На сибирском фронте, как видите, положение наших армий улучшается. На некоторых направлениях, впрочем, противник еще оказывает сопротивление. На Архангельском фронте наши войска перешли в наступление и уверенно теснят противника. На Северо-Западном фронте войска под командованием генерала Юденича успешно продвигаются к Петрограду. На Западном фронте главные силы польской армии достигли Днепра. На юге вся железнодорожная магистраль Курск — Киев перешла в руки наших войск. В боях около Царицына захвачено более семи тысяч человек, около Киева более шести тысяч человек. Кроме того, при занятии Киева захвачено 14 орудий, масса пулеметов, несколько блиндированных поездов и колоссальные запасы всякого рода... Таким образом, оценивая общее положение фронта и всех сил, находящихся под Верховным командованием адмирала Колчака, следует признать, что оно неблагоприятно для большевиков...

— А каково настроение солдат? — интересовались министры.

— Они дерутся безотказно, — следовал неизменный ответ.

Генерал Дитерихс пытался спустить министров с неба на землю. Он прислал на имя председателя Совета министров секретное письмо, в котором предупреждал, что значение достигнутых побед не следует преувеличивать. Противник обладает большими резервами, а у нас их нет. Спустя некоторое время красные смогут подвести свежие силы, и тогда весь наш успех будет ликвидирован. Это письмо было оглашено. Но оптимизм продолжал господствовать.

Он проявился и в срочном изготовлении на особых пергаментных листах, разрисованных в восточном стиле, с прикрепленными к ним на шелковых шнурках печатями, грамот на имя эмира бухарского, хана хивинского и нового Амударьинского казачьего войска, которое еще надлежало организовать.

Были и такие, кто высказывался против подписания Колчаком этих грамот, мотивируя свое мнение тем, что в них описывались победы по всему фронту, а судьба переменчива, мало ли что может случиться, и адмирал окажется тогда в смешном положении.

Но грамоты были все-таки подписаны и отправлены: эмиру бухарскому с выражением благоволения Верховного правителя и дарованием титула высочества, хану хивинскому с сообщением о производстве его в генералы. Этот незначительный эпизод ясно показывает, как мало было в то время в Омске лиц, которые трезво оценивали положение. Колчак и его министры к числу этих немногих не принадлежали. Из-за деревьев не видно леса.

Омск кипел здоровыми, молодыми чиновниками, барахтался в кучах бумажного делопроизводства и совершенно не понимал того опасного и критического положения, в котором оказался, израсходовав все, что только можно было, на сентябрьское наступление и оставляя без ответа настойчивые просьбы и требования фронта о срочной присылке подкреплений.

Из воспоминаний генерала К. В. Сахарова:

«Я провел три дня в Омске. И то, что я увидел там, тогда же наполнило сознание мыслью, что положение почти безнадежное.

Пульмановский вагон Главковостока. Внутри большой письменный стол, заваленный бумагами, в углу стоит несколько хоругвей и знамен, висит значок Братства Св. Креста. За столом сидит с утра и до поздней ночи, зачастую до 3—4 часов, генерал Дитерихс. Сильно постаревшее за последний год лицо; молодые умные глаза тщательно прочитывают груды бумаг; бегают карандаш в худой небольшой руке и набрасывает короткие резолюции. Склонившись за большим столом, сидит М. К. Дитерихс и пишет, читает, снова

пишет, не только весь день, но и часть ночи. От полудня и часов до шести вечера к нему приезжают с деловыми разговорами представители иностранных миссий, офицеры, прибывающие из армий, чины министерств. Долгие разговоры, и опять большой стол, заваленный бумагами... Таков пульмановский вагон, где сосредоточены все нити антибольшевистского фронта, где должна быть централизована вся воля борьбы за возрождение России.

Выслушал генерал Дитерихс от меня подробный доклад о положении армии, о ее нуждах и о том, что напряжение, жертвы и достигнутый успех требуют немедленного продолжения операции, что неподача немедленной помощи из тыла была бы при этих условиях преступной и гибельной. Несколько раз наш разговор прерывал дежурный офицер, приносивший свежие бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американских офицера Красного Креста с предложением организации санитарной помощи армии и тылу.

Генерал Дитерихс, усталый сверх меры, казалось, был вне досягания жизни и настойчивых ее требований; он витал как бы в своих далеких грезах, веря в высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков. Все мои усилия разбивались об это ужасное непроницаемое препятствие. Точно на пути вырастали и опускались сотни занавесей из блестящей стальной сети; висели, колыхались, упруго поддавались ударам, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обессилить и снова упасть прежней, непреодолимой преградой».

Все же Сахарову в конце концов было обещано направить резервы в армию и прислать теплую одежду. Но затем такая фраза:

— Все это не так важно; мне нужно только во что бы то ни стало продержаться до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить Верховного правителя и министров.

Вместе с генералом Дитерихсом Сахаров отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк на Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать на-

ступление, гнать разваливающихся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого командованию необходимо выполнить три условия — немедленно прислать пополнение, теплую одежду и осуществлять координацию действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел оживленный и смотрел прямо своими черными, как ночь, глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце Сахаров услышал повторение, почти дословное, того, что уже говорил ему Дитерихс:

— Я знаю, как армии трудно, но ничего — продержитесь до конца октября, когда генерал Деникин возьмет Москву...

Вечером того же дня за обедом и после него генерал Сахаров имел длинный и откровенный разговор с адмиралом. Колчак, еще более оживленный и полный надежд и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, делился своими сокровенными мыслями.

— Вы не поверите, Константин Вячеславич, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы сейчас отдал ее тому, кто был бы достойнее и способнее меня...

(В то время уже начали ходить слухи о том, что генерал Деникин стремится сам стать во главе всего белого дела, подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.)

— Все равно ведь, — продолжал адмирал, — не может русский народ остановиться ни на ком, не удовлетворится никем. Будь тот человек — солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно.

— Как вы представляете себе, Ваше Высочество, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали... В России жизнь государства, порядок и законность возможны только на таких основаниях, — продолжал Колчак, — которых желает весь народ. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении

монархии. О призвании на престол своего народного вождя, законного царя. Только это движение и может иметь успех.

— Так почему не объявить теперь же о том, что омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся.

ПОЛЬЗУЯСЬ РУБЕЖОМ РЕКИ ТОБОЛ как естественной преградой, готовились к возобновлению наступательных действий. Проводились организационные мероприятия, перегруппировки войск, из боевой линии выводились потрепанные части для приведения их в порядок. Удалось насильно мобилизовать еще некоторое количество сибирского населения. Основную часть мобилизованных составили казаки. Так, по свидетельству командующего 3-й армией генерала Сахарова, в октябре войска получили свыше двух тысяч человек пополнения. Увеличили количество командного состава.

Одновременно шла интенсивная обработка солдат. Им внушали, что вот-вот войска пойдут в наступление, форсируют Тобол и обрушатся всей мощью сил на красных, опрокинут их и безостановочно погонят на запад, что к Москве успешно продвигается генерал Деникин, скоро наступит конец советской власти, а значит и конец войне.

Под руководством религиозного генерала М. К. Дитерихса развивалось движение «святого креста» и «зеленого знамени». Создавались вооруженные отряды для защиты православной и мусульманской веры.

Энергично развешивал свою деятельность Всероссийский союз городов. Формировались санитарные отряды, производились сборы, открывались лазареты. Налаживалась помощь армии.

Однако всего этого было безнадежно мало. Нужна была реальная боевая сила. И взоры омских министров снова обратились к чехам, они еще раз попытались получить их помощь, обещая в награду сибирские земли и другие блага. 11 октября П. В. Вологодский направил уполномоченному чехословацкого прави-

тельства в России Б. Павлу письмо с соответствующими предложениями.

«Господин поверенный в делах!

Руководствуясь чувством славянской солидарности и глубоко ценя доблестное сотрудничество чехословацких войск в деле нашей совместной борьбы против германизма и его агентов — большевиков, я считал бы своевременным во имя общих интересов возбудить вопрос об определении взаимоотношений России и Чехословакии — как политических, так и экономических.

Предполагая, что дальнейшее военное сотрудничество с нами чехословаков на добровольческих началах будет фактом огромной важности в истории обоих государств в смысле упрочения политических и экономических связей, Совет министров считает целесообразным:

1) Предоставить чехословацким добровольцам все преимущества, которыми пользуются добровольцы русские.

2) Наделить земельными участками тех из чехословаков, кои по завершении своих боевых трудов пожелали бы остаться в Сибири».

Принимая в расчет «затруднительность и длительность эвакуации чехословацких войск» на родину через восток, которая, по мнению Вологодского, была непопулярной среди легионеров и могла «вызвать упадок воинского духа», он предлагал немедленно «выяснить возможность общего военного сотрудничества для продвижения через запад и разработать план соглашения между чехословацкими и русскими командованиями».

Совет министров ни в чем не отказывал чехословацким представителям в Сибири, принимая все их условия: полное содержание во всех отношениях чехословацких войск, повышенное жалованье легионерам за русский счет, торгово-промышленные привилегии и привилегии в получении земли, экспорт материалов в Чехословакию и т.д. Ради скорейшего выступления чехов на фронт омские министры готовы были сами «выступить на самой широкой основе».

И хотя чехословацкое политическое руководство в лице Б. Павлу считало (при наличии спокойного и обеспеченного тыла) «интервенцию возможной», из

этого ничего не получилось. Чешские legionеры в своей массе страстно желали только одного — скорее возвратиться домой. Среди них широко была распространена карикатура, на которой молодой в действительности командующий чехословацкими войсками в Сибири генерал Я. Сыровы изображен немощным стариком, едущим на кляче, а позади него в плохоньких телегах, на худеньких лошаденках трясутся обнищавшие legionеры с детьми и внуками. Под карикатурой подпись: «Чехи, которые эвакуируются через сто лет».

Омское правительство еще руководило борьбой и политикой на дальнем севере, западе и юге, а вокруг самого Омска разверзалась пропасть. Недовольство населения росло. На территории белых фактически не было никаких законов, царил полный произвол. Гражданская власть игнорировалась. Вся власть была в руках военных, которые словно забыли, что война ведется на русской земле и с русскими людьми.

Неспокойно было и в далеком тылу. Если в период военных успехов эсеры, меньшевики и другие представители «демократической общественности» практически не проявляли себя, то, когда под ударами красной власти Верховного правителя зашаталась, их лидеры в земствах, городских думах, кооперативах и т.п. оживились, значительно активизировали свою деятельность, основными центрами которой стали Иркутск и Владивосток. Правоэсеровские и либеральные группировки, вставшие в оппозицию к А. В. Колчаку и поддерживаемые американцами и чехословаками, клеймили омскую власть, усиленно твердили о предстоящем падении «омского правительства», готовили антиколчаковский переворот с целью захвата власти на Дальнем Востоке.

(Поддержав в свое время диктатуру Колчака, союзники теперь исподволь прощупывали те силы, на которые можно было бы переориентироваться в случае падения режима Верховного правителя. Американский генерал Грэвс прямо писал, что к концу 1919 года «Колчак уже не мог идти в счет при оценке положения в Сибири». И хотя он отрицает поддержку эсеров союзниками, данные колчаковской контрразведки за сентябрь — ноябрь 1919 года показывают, что амери-

канцы и японцы тайно субсидировали правых эсеров.)

По свидетельству близко наблюдавшего Верховного правителя Г. К. Гинса, отношения адмирала с союзниками ухудшались: «Он перестал им верить». И на то были причины. Ему была, например, хорошо известна позиция французов, которую так охарактеризовал один из членов иностранной военной миссии: «Да, адмирал Колчак человек хороший, но если бы нашелся человек получше, то было бы еще лучше». Это, естественно, не могло не оскорблять адмирала, и он был более чем сдержан в отношениях с иностранными представителями в Сибири. Колчак вообще не умел скрывать своих чувств, особенно когда был чем-то раздражен.

Серьезный конфликт с союзниками произошел еще в сентябре.

«Штаб союзных войск. Владивосток. 26 сентября 1919 года, № 6183.

Господину генералу Розанову, командующему войсками Приамурского военного округа.

Мой генерал, за последние дни во Владивостоке последовательно произошло несколько печальных инцидентов. Во время этих инцидентов приходится оплакивать смерть военных представителей союзных и русских. Межсоюзный комитет военных представителей считает, что присутствие русских отрядов, недавно присланных во Владивосток и его ближайшие окрестности, является одной из главных причин указанных инцидентов. Ввиду того что эти русские отряды не должны были быть доставлены во Владивосток без разрешения старшего из командующих союзных войск и просьба, уже присланная представителем комитета генералу Розанову, удалить эти войска не была исполнена, — комитет принимает следующее решение: к генералу Розанову обратится с просьбой старший из военных командующих союзников генерал Оой — немедленно удалить за пределы крепости (т.е. за Угольную) разные русские отряды, бронированные поезда и проч., доставленные во Владивосток или ближайшие окрестности его за последний месяц.

Это продвижение должно быть полностью закончено до 12 часов понедельника, 29 сентября.

Генералу Розанову будет предложено не проводить во Владивосток еще другие войска без предварительного запроса старшего командующего союзных войск. Он будет уведомлен последним, что в случае, если генерал Розанов не пойдет навстречу предложению удалить до 12 часов 29 сентября означенные русские войска, командующие союзными войсками примут все меры, чтобы его принудить в случае необходимости вооруженной силой к выполнению этой меры. Командующие союзными войсками принимают ответственность за обеспечение общественного порядка во Владивостоке.

Примите уверенность в моем совершенном почтении.

С. Иганаки, дивизионный генерал, председатель межсоюзной комиссии военных представителей».

На это заявление командующий войсками Приамурского военного округа и главный начальник края официально ответил:

«28 сентября 1919 года, № 282, Город Владивосток.

Генералу Иганаки, председателю межсоюзного комитета военных представителей.

Господин генерал, так как изложенное вами заявление от лица межсоюзного комитета выходит за рамки моей компетенции и затрагивает принципиальный вопрос о правах русских по отношению владивостокского крепостного района, могущий быть разрешенным лишь центральной властью, упомянутый текст заявления мною представлен по телеграфу Российскому Правительству на зависящее распоряжение. Примите, генерал, уверение в моем совершенном к вам почтении. Генерального штаба генерал-лейтенант

Розанов».

Верховный правитель отреагировал немедленно и резко:

«Владивосток, генералу Розанову.

Повелеваю вам оставить русские войска во Влади-

востоке и без моего повеления их оттуда не выводить. Интересы государственного спокойствия требуют присутствия во Владивостоке русских войск.

Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права Российского Правительства.

Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют.

Повелеваю вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем.

Об этом моем повелении уведомите также союзное командование.

12 часов 45 минут 29 сентября 1919 года.

Адмирал *Колчак*».

Твердость, проявленная адмиралом, произвела должное впечатление.

В октябре к адмиралу явился весь корпус дипломатических представителей, военных и гражданских, и предложил взять находившееся в распоряжении правительства золото под «международную охрану» для вывоза его во Владивосток.

— Омское правительство переживет падение Омска, — считали дипломаты, — если оно не потеряет золотого запаса. Кроме того, этот золотой запас не есть собственность омского правительства, но всего русского народа. Рисковать оставить золото в руках большевистских изменников является преступлением перед русским народом. Долг омского правительства перед союзниками — отправить золото в безопасное место, так как обладание им большевиками даст им невероятную силу для производства заграничной пропаганды. Эта заграничная пропаганда сделает скоро невозможным для какого бы то ни было союзного правительства продолжать оказывать помощь противобольшевистским войскам...

— Охрана, — убеждали Колчака дипломаты, — по

пути следования во Владивосток должна быть предоставлена чехам или надежным русским войскам. Офицерам союзных армий следовало бы сопровождать этот поезд. Пока союзные войска находятся во Владивостоке, золото будет находиться в полной безопасности. Если союзники уйдут, то, коли русское правительство пожелает, золото можно будет временно отправить морским путем в безопасное место.

В заключение был сделан довольно прозрачный намек на то, что это «безопасное место» — Франция.

Колчак, не задумываясь, резко ответил, что он не видит серьезных оснований спешить с этим и что, если бы даже такие основания были, он все равно не принял бы подобного предложения.

— Я вам не верю, — сказал Колчак, — и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам...

По мнению Г. К. Гинса, фраза «лучше с большевиками, чем с союзниками» должна была бы войти в историю.

В первых числах ноября 1919 года Жаннен, оставляя Омск, вторично предложил Колчаку доверить лично ему золото для эвакуации. Адмирал вторично отказал. Понимая, что военная фортуна начинает изменять ему и все же придется оставить Омск, Колчак заранее распорядился о перегрузке золота в вагоны. Перегрузка производилась с 28 октября по 10 ноября, и в ночь на 13 ноября А. В. Колчак в сопровождении штаба и свиты эвакуировался из Омска в пяти поездах, причем в трех из них было размещено золото.

На станции Татарская в один из поездов врезался маневрирующий поезд. Восемь вагонов из тех, в которых находились ящики с золотом, оказались разрушенными и охваченными огнем. Золото было перегружено в другие вагоны. Во время суматохи не обошлось и без хищений. В Новониколаевске, где А. В. Колчак задержался до 4 декабря, приближенные адмирала настаивали на отправке золота в экстренном порядке и под сильной охраной в Читу к атаману Семенову. Колчак отказался и от этого плана.

Однако позже золото все-таки оказалось под опекой чехов вместе с... Колчаком, но об этом позже.

РЕКА ТОБОЛ СТАЛА ПОСЛЕДНЕЙ «НОВОЙ ПОЗИЦИЕЙ», на которую отошли красные и до которой смогли дойти белые. На нее неудержимо накатывало новое сражение за Сибирь, которому предстояло расставить точки над «и», поднять на пьедестал победы одних и сбросить с него других. По всему чувствовалось, драка будет жестокая, прольется много крови.

Последняя ночь перед решительным штурмом.

В тишине прорывались короткие пулеметные очереди, раздавались выстрелы сторожевых постов.

Не спалось в эту ночь многим, особенно молодым, необстрелянным. В дремоте кружились в молодых головах разные думы, виделись родные места, матери, благословляющие сыновей, их прощальные слезы...

В полусне судорожно хватались они за винтовки, нервно шупали патронные сумки, гранаты.

Для многих Тобол станет первой и последней школой войны, многих возьмут к себе его холодные воды, щедро разбавленные человеческой кровью.

Ветер истории дует на берегах Тобола в лица белых и красных, но побежденные быстро отвернутся от этого свежего ветра.

Неумолимо приближается пасмурное октябрьское утро. Инеем покрылись земля, люди, оружие...

С рассветом 14 октября взвилась ракета, потом другая, третья — и, эшелон за эшелоном, выступили красные батальоны и полки. Шли сначала без шума, а потом, обнаруженные противником, ринулись с криками «ура» на ошеломленных неожиданной атакой белых.

Тобол содрогнулся от железного рывканья, снаряды с подлым воем уходили на вражеский берег, непрерывно ковыряли его короткими толчками взрывов. Из реки то и дело взлетали огненные смерчи, вертелись между лодками и плотами, переворачивали и разбирали их в стороны. Огонь и сталь остервенело терзали Тобол, осколки и свинец безжалостно вспарывали водную гладь и человеческие тела.

Красные сражались с непреклонной уверенностью в исторической своей правоте.

Белые дрались за свою правду, дрались с отчаянием и яростью обреченных.

Вопли, визг, чудовищное рыканье неслись над полем боя. В огненных вихрях приподнималась и разваливалась земля, вздрагивала, уходя из-под ног.

Красные понимали, что отступление — это гибель: сзади река, нет никакого укрытия, всех перестреляют. С удвоенной энергией они расширяли захваченные на правом берегу Тобола плацдармы. Рывок, еще один стремительный бросок — и они в окопах врага, штыком и гранатой выбивают из них колчаковцев. И шум боя: визг шрапнели, свист пуль, разрывы гранат, — катится дальше и дальше на восток...

Глава 8

ПЕРЕВЕРНУТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Тоскливой, испуганной, неустроенной жизнью жил Омск.

Продолжало расти мучительное чувство безнадежности. Ползли слухи о наступлении красных на Тобол, в них таился страх, и трудно было отличить правду от вымысла. Как всегда, больше верили вымыслу.

А правда состояла в том, что октябрьское сражение на Тоболе Колчак проиграл.

Неожиданное, на что надеялось командование красных, произошло. Можно назвать это случайностью, объяснить тактической ошибкой белого командования, или преждевременной его успокоенностью, или другими резонными причинами, но неожиданное все-таки было, и оно изменило ход событий на сей раз навсегда, стало катастрофой для А. В. Колчака.

Страпась окружения, белая рать отходила. У нее больше не было резервов. Забылся угар военных удач. Даже самые ревностные из офицеров и самые забитые из солдат прозрели: все планы их генералов авантюры и бесспорно проиграны.

Тормоза сдали, и покатилась белая гвардия...

КОЛЧАК МЕРИЛ БЫСТРЫМИ ШАГАМИ пушистый ковер кабинета, болезненно морщился: нервная злая гримаса искажала его уставшее, осунувшееся лицо. Всего лишь несколько недель назад его войска громили красных, отбросили их за Тобол, дали вздохнуть свободнее, подарили надежду, а сейчас...

В бой были брошены все силы, какие только на-

шлись, вплоть до морского батальона, состоявшего из квалифицированных техников, даже солдаты конвоя Верховного правителя. Смерть безжалостно косила ряды белого воинства.

Командующий фронтом генерал М. К. Дитерихс, объехав все три армии — 1-ю А. Н. Пепеляева, 2-ю Н. А. Лохвицкого и 3-ю К. В. Сахарова, — доносил адмиралу Колчаку:

«...Видел генерала Лохвицкого, принял доклад в связи с обстановкой на левом фланге Сахарова. Должен предусматривать общий отход за Иртыш, почему следует считать Омск обеспеченным не более чем до 20-го ноября. Убедительно прошу эвакуировать правительство теперь же, так как, дабы не быть отброшенным левым флангом от омской дороги и не стать тылом на Тобольск, я вынужден ускорить оттяжку Лохвицкого за Ишим».

И еще выдержка из архивного документа тех дней за подписью Дитерихса:

«...Посетил фронт первой армии: части необычайно слабы числом, понеся в последних боях большие потери, а пополнения, вследствие краткого периода воспитания, не выдерживают и разбегаются.

Войска дерутся очень упорно и только после пяти-шести контратак в день устают, не имея смены, и уступают противнику. Настроение хорошее, но осилить противника окончательно нечем. Позиция в первой армии укреплена проволокой; тем не менее дальше завтрашнего дня части едва ли выдержат, так как противник обходит глубоко с севера...

Делая ныне общий вывод виденного и переговоренного во всех трех армиях, я прихожу к заключению, что причин нашей теперешней неустойки две: первая — это неиспользованный успех десятого сентября в связи с отсутствием тогда резервов, чтобы заменить казаков, и вторая — переутомленность офицеров в строю, не дающая им необходимого импульса вперед.

Сводки за 21, 22-е и 23-е (октября. — *Авт.*) ясно указывают мне, что даже лучшие наши дивизии, как восьмая Камская, Ижевская, первая Егерская, утратили сердце.

Докладываю, что влитие пополнений на фронт даст небольшой выигрыш времени, почему эвакуация Омс-

ка неизбежна. При наличии совокупности всех должных обстоятельств приходится заботиться не столько о вопросе, как продолжать операцию, как по вопросу, чем продолжать борьбу...»

По соглашению с командующими армиями, Дитерихс решил отступать, не останавливаясь даже перед сдачей Омска.

«Большевики украли у меня победу». Все свои последние неудачи, все поражения А. В. Колчак приписывал большевикам: «Постепенно, шаг за шагом разрушают мои замыслы, рвут фронт. Это какое-то потрясающее невезение». Колчак готов был думать, что рок преследует его. Чего он только не делает, чтобы сокрушить большевиков, а они торжествуют. Ленин побеждает...

Адмирал остановился перед столом, боязливо взял в руки последние сводки с фронта. Они не радовали. При виде их Колчак испытывал и острый озноб страха, и любопытство. И жалость к чьей-то уничтоженной жизни, и тайную радость, что жив еще сам, и что-то еще, трудно уловимое.

На душе было гадко, ум работал вяло, желанная победа с каждым днем все более и более удалялась от него, превращалась в бесконечно далекую точку, еле мигающую из тьмы. «Надо запастись терпением, ведь им во многом определяется успех», — думал адмирал.

Ему мучительно захотелось поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, поговорить с единомышленником, услышать, что еще не все потеряно, что еще взойдет заря победы над его знаменами...

ОМСК ДАВНО ПОТЕРЯЛ СВОЙ ПРЕЖНИЙ безмятежный вид. Вокруг города непрерывно селились беженцы. Они рыли в рощах землянки, грелись у многочисленных костров. Казалось, что Омск в осаде и вокруг него расположен военный лагерь.

На стенах, в витринах магазинов, на заборах толстыми пауками чернели буквы афиш и приказов. Со всех stron напирала — умоляя, требуя, приглашая, — декреты, объявления, воззвания.

«СОЮЗ ЗАЩИТЫ ТРЕБУЕТ...»

«СОЮЗ ВОИНСКОГО ДОЛГА НАСТАИВАЕТ...»

«ТОРГОВАЯ ФИРМА ПОКОРНЕЙШЕ ПРОСИТ. .»

«ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГОРОДОВ ОБРАЩАЕТСЯ...»

«ГЕОРГИЕВСКИЙ СОЮЗ СОВЕТУЕТ...»

Среди буйных и тихих, аршинных и незаметных афиш выделялся приказ военного коменданта: «Приговорены к расстрелу, как бандиты, палачи и немецкие шпионы, нижеследующие большевистские главари...» Рядом с приказом лиловело воззвание некоего религиозного деятеля.

На площади перед собором архиереи-беженцы служили всенародные молебны, которые проходили торжественно и усиливали впечатление грозной опасности положения. По улицам города рассказывали «крестовосцы». Рядом с ними маршировали мусульмане со знаком полумесяца, сновала успевшая привыкнуть к тяготам и лишениям военного времени, ко всяким приказам, распоряжениям и воззваниям разношерстная толпа: нарядные дамы и господа, офицеры, юнкера, солдаты...

На собрании беженцев А. В. Колчак о чем-то спрашивал, ему что-то отвечали, но мысли адмирала были заняты другим: войска бегут, бегут его генералы. Неужели конец? Колчак вздрогнул.

Неожиданно кто-то схватил адмирала за локоть. Обернувшись, он увидел священника. Его пытались оттащить от Колчака, но он упирался.

— Я ищущи встречи, ибо славно наслышан про вас, — заискивающе заглядывая в лицо Колчаку, быстро заговорил священник. — Вы не жалуете живота своего в борьбе со слугами антихристовыми. В сии лихие времена каждый христианин должен поступать, как вы. Все нужно отдать для защиты православной веры, все, что имеем. Пора повторить славные подвиги предков наших — Минина и Пожарского.

— К сожалению, у меня имеется много Пожарских и нет совершенно Мининых, жертвующих бескорыстно своим достоинством, — прервал священника Колчак и печально добавил: — На фронте гибнут солдаты, а в тылу идет безудержная спекуляция, пир во время чумы.

— Следуя примеру наших предков, — взволнованно заговорил священник, — я задумал создать на свои скудные сбережения и милостыни прихожан особый полк белого воинства, и чтоб назывался оный именем Иисуса Христа. Как и всегда, Христос — первое и последнее наше прибежище. Полк, нареченный именем Божиим, верую, совершит нетленные чудеса...

Колчак заметил особую, дикую ярость в глазах священника и подумал: «Прежде такие попы шли на костер, этот пойдет в атаку с наганом в правой, с крестом в левой».

— С радостью поддержу вашу идею. Сформируем добровольческий полк имени Христа, обещаю вам, батюшка Полк имени Иисуса Христа!.. Чудесно! Мы не пожалеем животов своих за православную веру, а вы молитесь, молитесь, чтобы Господь простил грехи наши. Бежать больше некуда, надо защищаться.

Священник отпустил локоть адмирала и сказал, словно поставил точку:

— Большевики — плевели диаволовы, а полюющие бесовы сорняки угодны Господу...

Находясь под впечатлением встречи со священником, Колчак неожиданно вспомнил чьи-то слова — красивые, но беспомощные: «Если нужно, снимите с нас последнюю рубашку, но сохраните Россию». Смешные люди! Они сами должны спасти Россию, а не ждать спасителя. Однако Колчаку льстило, что спасение России связывали с его именем.

А в это время неприятности сыпались одна за другой.

Было получено сообщение о взятии Юденичем Петрограда. Все ликовали, хотя такое же сообщение в июне оказалось ложным. Последнее известие также не подтвердилось, а затем стало известно, что упорные бои под Царским Селом и Гатчиной окончились победой красных. Юденич начал отступление. Добровольческая армия генерала Деникина оставила Орел.

Чехи стали распродавать в Омске имущество и готовиться к отъезду. Оптимисты уверяли, что они поедут на запад, а не на восток. Демократия ставила на чехов, буржуазия же больше верила в японцев.

В Омске находился высокий комиссар Японии, член верховной палаты Като. Зачем он прибыл в Омск в его предсмертные дни?

— Главная цель моей поездки, — объяснял в интервью японский посланник, — установление тесной связи с омским правительством. Никаких специальных поручений я не имею. Япония стремится в настоящее время оказать помощь омскому правительству и помочь ему в дальнейшем стать всероссийским. Как только положение в Восточной Сибири окрепнет, наши войска будут немедленно уведены: их пребывание здесь, а равно уход зависят от желания омского правительства. Кроме помощи живой силой, по мере возможности, Япония окажет и помощь экономическую...

Все это оставляло какое-то смутное впечатление. Но в целом тон заявления посла был благожелательный. Однако омское правительство не приняло всех необходимых мер, чтобы использовать подобное настроение Японии. Продолжали надеяться, что положение еще не безнадежно?..

В конце октября в Омске с участием А. В. Колчака состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос об эвакуации. Правительство, армия и золото должны быть вместе — требовал адмирал. Все выступавшие развивали эту тему, призывая оставаться в Омске до последнего.

Министры не торопились. Эвакуация подготавливалась и раньше, в августе, но была отменена. Всем казалось, что так будет и на сей раз. Заниматься эвакуацией считалось проявлением трусости, а не благородия. Омская буржуазия требовала защиты города во что бы то ни стало. И Колчак, находившийся одно время под влиянием Дитерихса, стоявшего за оставление Омска, поддался господствующему настроению. Он решил защищать Омск.

ПРОШЛО ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, и уже мало кто верил, что удастся остановить красных. Буржуазия и чиновники, упаковывая чемоданы, брюзжали: «В Омске собрались тысячи офицеров, самые отборные люди — не солдаты, а командиры. Вместо того чтобы бросить эту силу на фронт, Колчак занимается мобилизацией необученных мужиков. Созданная наспех, мужицкая армия разваливается при первых же серьезных ударах красных, бежит...»

Ощущение надвигающейся беды испытывали все; каждому казалось, что невидимая рука вот-вот схватит за горло. Страх перед завтрашним днем тыловое колчаковское воинство заливало дорогим вином. В ресторанах произносились нескончаемые пьяные тосты. Позвякивали бокалы, потели физиономии, порхали салфетки, щелкали портсигары. Со всех сторон летели обрывки фраз, намеки, смешки.

— Я поражен вашей медлительностью, господа! Я просто не понимаю, как вы позволили большевикам зацепиться за Ишим?..

— Еще не поздно разгромить, опрокинуть красных... Внезапным ударом можно захватить и... Челябинск! Мы сможем, обязательно сможем, — голос зазвенел страстно и резко, — уничтожить красных. Я зову вас вперед, торопитесь, господа, торопитесь. Уходящий день за хвост не удержишь.

— Восхитительная энергия ума!..

— А по-моему, дерьмо собачье.

— В условиях переживаемого момента приходится жертвовать благами свободы в пользу правопорядка...

— Развратили народ либеральные пустобрехи.

— Я бы всех наших златоустов, любителей повеличаться ради фразы — к большевикам!.. Пусть побрежут у комиссаров!..

— Сегодня утром я был у адмирала Колчака. Ну, доложу вам, истинный полководец. Он смотрел на меня такими глазами, даже страшно стало...

— Генералы сейчас разрабатывают план разгрома красных. Техническая, чисто военная сторона этого плана не представляет для вас интереса. А посему прошу, господа, наполнить бокалы...

— Колчак все же азартный игрок.

— Теперь, как никогда, спрос на людей стремительных и беспощадных. Только они спасут русскую нацию. Да, да!.. Нам нужна нерассуждающая стремительность...

— С золотым запасом России, с помощью союзников, а союзники-то — англичане, французы, чехословаки. Всю Европу можно бросить на колени!..

— Союзники, союзники!..

— Воры и подлецы! Исчезли человеческие единицы, остались одни нули...

Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак

18-го Ноября 1918 г.

Принять ярость этой власти на исключительные условия гражданской войны и полноту гражданств государственной жизни, обмолвившись ни по пути реакции, ни по гибельному пути тайности. Главной своей целью ставить создание способной армии для победы над большевиками, установление законности и правопорядка, забвение рода, мог бы беспрепятственно избирать себе во главу правления, который они пожелают, и осуществление всякой воли свободы, ныне провозглашаемыми во всем мире. Призываю вас, граждане, к единению, бороться с большевиками, труду и жертвам.

Второй президент Азизов Кочахья.

16-00 Hudson Blvd. Bayside

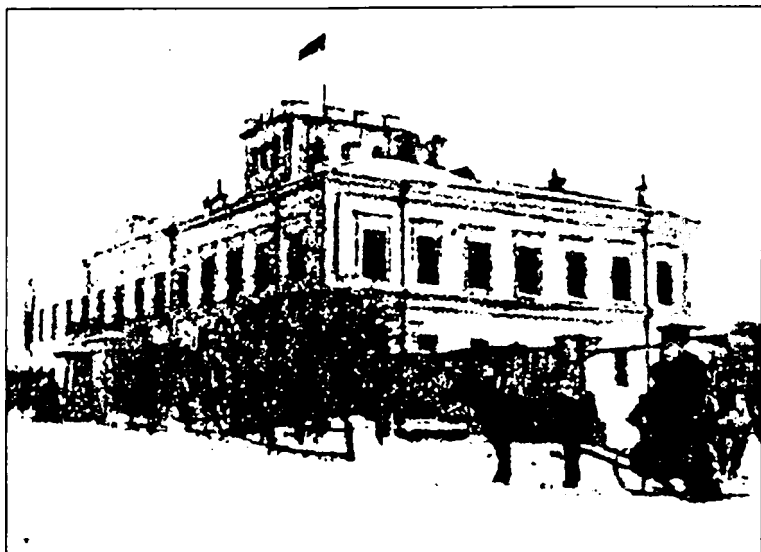
Воззвание Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака к населению

Газета «Правда»

Верховный правитель и Верхов-
ный главнокомандующий сухо-
путными и морскими силами
России адмирал А. В. Колчак

Здание в Омске, где заседадо Временное Всероссийское правительство Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака

Председатель Директории (Временного Всероссийского правительства) Н. Д. Авксентьев

Председатель Совета министров Директории (Временного Всероссийского правительства), затем правительства Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака П. В. Вологодский

Министр финансов Временного
Всероссийского правительства
И. А. Михайлов

Лидер сибирских организаций
Партии народной свободы (кадетов),
председатель Совета министров
последнего состава В. Н. Пепеляев

Командующий 1-й армией генерал-лей-
тенант А. Н. Пепеляев

Управляющий министерством внутрен-
них дел Временного Всероссийского
правительства А. Н. Гаттенбергер

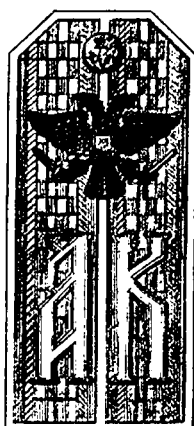

Атаман Оренбургского казачьего войска, в 1918—1919 гг. командующий Оренбургской армией в войсках адмирала А. В. Колчака генерал-лейтенант А. И. Дутов

Главногокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В. О. Каппель

Погоны чинов 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака полка

Группа генералов и офицеров. Сидят, слева направо: генерал-лейтенант Р. Гайда (Р. Гейдль), адмирал А. В. Колчак, генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, генерал-майор Домонтович. Не позже июля 1919 г.

Адмирал А. В. Колчак на фронте. Осень 1919 г.

А. В. Колчак и А. В. Тимирева (сидят) с группой офицеров английской военной миссии на войсковых маневрах. Позади А. В. Колчака стоит заместитель главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке английский генерал А. В. фон Нокс. Лето 1919 г.

Главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке французский генерал М. Жаннен

Верховный правитель России адмирал
А. В. Колчак и главнокомандующий союз-
ными войсками в Сибири и на Дальнем
Востоке французский генерал М. Жаннен

Группа сибирских партизан у самодельной пушки. 1919 г.

НОВАЯ ПОБЕДА!!

Красная Армия ДОБИВАЕТ Колчака.

14-го ДЕКАБРЯ, В 2 ЧАСА ДНЯ НАМИ С БОЕМ ЗАНЯТ Г. НОВО-НИКОЛАЕВСК.

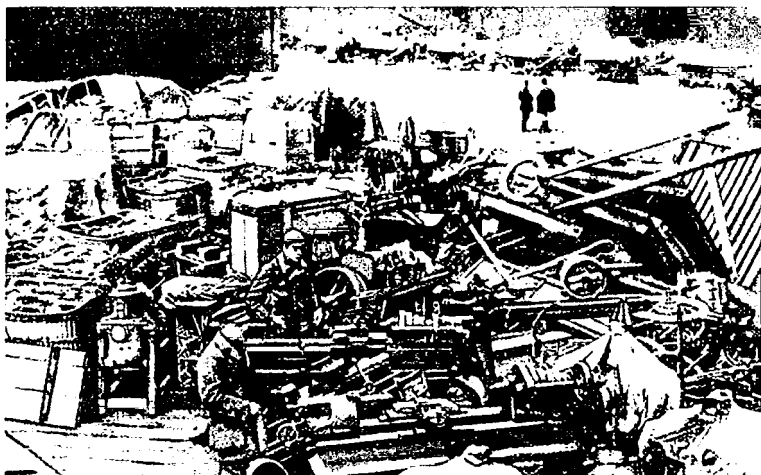
По приблизительному подсчету нами взято около 5-ти тысяч пленных, 52 офицера, несколько генералов и много офицеров.

Железная дорога от ст. Чумы до Ново-Николаевска, на протяжении 123-х верст по линии пути забита зыблением противника с артиллерийскими и инженерными ящиками.

О новой крупной победе 5 армии — взятии Новониколаевска — возвещает оперативная листовка

Схема ликвидации остатков войск адмирала А. В. Колчака под Красноярском

Имущество, захваченное красными у колчаковцев. Иркутск, 1920 г.

Разоружение войск адмирала А. В. Колчака. С картины М. И. Авалова

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии по делу адмирала А. В. Колчака на начальном этапе допросов К. А. Попов

Председатель Сибирского ревкома, член Реввоенсовета 5-й Отдельной армии И. Н. Смирнов

Председатель Иркутской губернской ЧК, председатель Чрезвычайной следственной комиссии по делу адмирала А. В. Колчака на заключительном этапе допросов С. Г. Чудновский

Комендант и начальник гарнизона
г. Иркутска И. Н. Бурсак (Б. Благиндер)

Комендант Иркутской губернской тюрь-
мы В. И. Ишаев

Председатель Иркутского губернского ревкома
А. А. Ширямов

Суд над членами правительства А. В. Колчака. Омск, 1920 г.

Арестованные члены правительства А. В. Колчака. Омск, 1920 г.

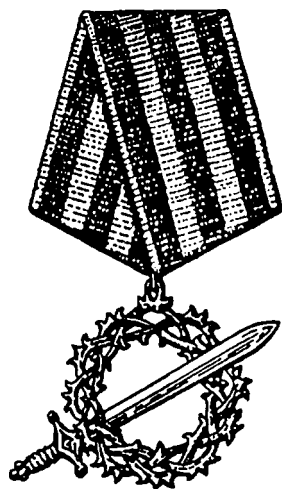

Преемник Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака
главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-
лейтенант А. И. Деникин

Православная церковь во имя Успенья Пресвятой Богородицы на русском кладбище в Сен-Женевьев-дю-Буа, близ Парижа, где похоронены многие сподвижники адмирала А. В. Колчака белого движения и русские эмигранты

Орден «За Великий Сибирский поход». Учрежден в 1920 г. Верховным правителем России А. В. Колчаком

Устав от пьяной болтовни и спертого воздуха, неторопливо расходились далеко за полночь, чтобы завтра, вновь ощутив уже знакомое чувство страха, вернуться сюда...

Суতোлка и волнения последних недель захлестнули какой-то особенной нервностью, обманчивой самоуверенностью, тревожной деловитостью. Еще вытягивались у дверей официальных зданий часовые, еще трещали ундервудами машинистки: из-под их пальцев выскакивали приказы, неумолимые, как пули, по коридорам сновали предупредительные и исполнительные офицеры, представители иностранных военных миссий, высшие колчаковские военачальники, финансовые и промышленные тузы, члены правительства. Багровые, желтые, бледные физиономии, толстые затылки, бульдожьи челюсти. Твердые воротнички подпирают шеи, манжеты с дорогими запонками оттеняют кисти рук. Одни излучают власть денег, другие — самоуверенную силу.

Все как будто буднично, все как будто свидетельствует о незыблемости омской власти, власти адмирала А. В. Колчака.

Но меньше стало улыбок, больше тревожных взглядов, сочувственных покачиваний головами, непродолжительных разговоров вполголоса, словно все одновременно куда-то торопились...

Медленно угасал еще один день непримиримой борьбы белых и красных. Над Омском неслись темные тучи, низко нависая над землей. Сильный ветер и срывавшийся временами дождь били в стены и окна домов.

Ближе к полуночи стал иссякать поток посетителей в резиденции Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Цокот копыт по мостовой, ржание, урчание моторов, разговоры, красный огонек сигарет во тьме — не скоро наступили тишина и безлюдье у здания. Но вот успокоилось все и в доме, лишь дежурный офицер приглушенным голосом периодически объяснял что-то в телефонную трубку, раздавались мерные шаги часовых, да какие-то смутные вздохи, скрипы и шорохи тревожили ночную тишину.

Колчак не спал. Он сидел перед камином, почти утонув в глубоком кожаном кресле, задумчиво смотрел на пляшущий в диком танце огонь. Легкая седина уже тронула виски. Запавшие карие глаза горели лихорадочным блеском, а в уголках губ затаилось что-то тоскливое. Дрова в камине стреляли углями, языки огня подрагивали и сгибались.

Он ясно себе представлял, что означает для него потеря Омска. Падение города не может не оказать сильного, если не решающего, влияния на дальнейший ход событий, значительно приблизит момент политического краха, военного разгрома или капитуляции.

Поэтому Колчак никак не мог согласиться с главнокомандующим фронтом генералом М. К. Дитерихсом.

«Из ваших директив о выводе всех частей первой армии в тыл получается впечатление, — писал Колчак Дитерихсу, — что вами предрешается оставление Омска без сопротивления всеми наличными силами фронта. Я не могу согласиться с оставлением Омска, так как это явится полным политическим уничтожением нашим и в России, и за границей...» Омск являлся сейчас последней картой в «большой игре» адмирала. Имея ее на руках, он еще мог на что-то надеяться.

И далее: «Я принимаю все меры для формирования в Омске резервов, сосредоточивая всех добровольцев и усиливая это движение, так как не могу допустить оставления Омска без самого упорного сопротивления».

Читатель, наверное, уже обратил внимание на дважды повторяющуюся в письме одну и ту же фразу, что Омск нельзя сдавать без упорного сопротивления. Иными словами, Колчак допускал потерю Омска. Но только после его обязательной упорной защиты.

Зачем это было ему нужно? Не разумнее ли было бы отдать (раз нельзя удержать) Омск, но постараться тем самым сохранить еще имевшуюся вооруженную силу для дальнейшей борьбы? Или упорной обороной города Колчак решил воспользоваться для вывоза накопившегося здесь военного имущества, в котором постоянно нуждались фронтовые части? А может быть, Верховный правитель еще верил в свою армию,

верил, что уж под Омском-то она встанет наконец непробиваемой стеной на пути красных?

А может, все было гораздо прозаичнее? Колчак, отлично понимая, чем обернется для него потеря Омска, просто не хотел брать на себя ответственность за это «преступление» перед сибирской «общественностью».

Как бы там ни было, но Колчак, «не возражая по существу к выводу в тыл» для восстановления боеспособности 1-й армии генерала А. Н. Пепеляева, одновременно требовал «первоначально сосредоточить ее в районе Омска. Обстановка далее только и может дать указания на дальнейшие распоряжения. Между нами не должно быть никаких разногласий по этому вопросу». Так считал адмирал Колчак.

Но Дитерихс был не согласен с мнением Верховного правителя. «Мы не можем не быть в разногласии, — отвечал он адмиралу, — так как в принципе я не согласен с вашей точкой зрения на значение Омска». «Практического значения остановка армии в районе Омска иметь не будет, так как подать ей пополнения из тыла не удастся, а морально остановка сильно отразится на солдатах», — докладывал Дитерихс 1 ноября Верховному правителю.

И далее: «Ночью я обдумал еще раз все положение и взвешивал, что важнее для будущего продолжения борьбы: сохранение возможности воссоздать часть сил, но потерять Омск, или рисковать потерять и то и другое». Дитерихс остановился на первом, «так как с потерей омского правительства сейчас же объявится преемственность правительства при Деникине, а с потерей армии и правительства омского вся Сибирь сразу станет большевистской и красные все силы сосредоточат против Деникина и задушат и его». Поэтому генерал Дитерихс оставался при своем мнении «о необходимости вывода Пепеляева в глубокий тыл и об организации борьбы за Омск без него. Даю эту телеграмму до свидания с Лохвицким и Пепеляевым и прошу вашего срочного ответа, так как, если вы остаетесь при вашем мнении, то соответственное распоряжение я сделаю, но проводить в жизнь то, что, на мой взгляд, гибель всего, в должности главнокомандующего не могу».

Ответа Дитерихс так и не дождался. Зато 4 ноября А. В. Колчак вызвал его и командующего 3-й армией генерала К. В. Сахарова в Омск...

В час дня Дитерихс вошел в кабинет Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. Колчак сидел за столом, покрытым зеленым сукном. Адмирал не смотрел на вошедшего: его взгляд рассеянно блуждал по столу, по разбросанным на нем бумагам. Бледное лицо, чуть дрожащие губы, руки, непрерывно вертящие карандаш и пробующие его на прочность, выдавали сильное нервное возбуждение, в котором находился Колчак. Генерал замер. Он понял: будет неприятный, возможно резкий, разговор. Молчание затягивалось...

«Да, утратил свой блеск адмирал, — думал Дитерихс, наблюдая за Колчаком. — Полевой контроль постоянно сообщает о спекуляциях, аферах, арестах, казнях, анекдотах, сплетнях... Фронт и тыл перенасыщены всем этим, как лужа грязью. Союзники набивают русским золотом карманы, а Колчак делает вид, что не зависит от них, говорит, что обуздает их аппетиты, призывает нас в свидетели... Но что-то тон его становится все неувереннее, все тише. Неужели адмирал не понимает, что он только послушный исполнитель воли генерала Нокса, а чем больше он уступает французам, тем нахальнее становится генерал Жаннен. Он удовлетворяет и прихоти чехов — всяких Гайд и Сыровых, он возвысил этих людишек, они же платят ему интригами. Американцы воздействуют на него, японцы обманывают... А что за помощники его окружают! Заносчивые прапорщики, ставшие по его воле генералами, старые бездарные военачальники, проигравшие последнюю войну, министры, еще недавно бывшие торгашами и, как от звезд, далекие от жизни. Они умеют только повторять афоризмы великих людей, живших за тысячелетие до них...»

Дитерихс продолжал наблюдать за Колчаком и вдруг почувствовал незримую опасность: что-то постукивало тихо, но четко, как метроном. Он старался уловить, откуда идет этот странный, механический звук, но так и не уловил, не успел: карандаш в руках Колчака не выдержал и громко треснул. Его обломки стремительно полетели в стороны. Адмирал вскочил,

возбужденный и злой, и стал мерить торопливыми шагами ковровую дорожку: неожиданно он остановился перед Дитерихсом, колючими глазами впился в его лицо.

— Генерал! Все время вашего командования связано с постоянными неудачами, — раздраженно начал Колчак, чеканя каждое слово. — Я убедился в полной вашей неспособности изменить ход событий на фронте...

Не дав Дитерихсу сказать ни слова в свое оправдание, Верховный правитель начал припоминать ему и несостоявшееся выступление на фронт чехов, и отставку всех более или менее опытных генералов, и нарекания в адрес Дитерихса со стороны союзников, и отступление армии, и возможно сдачу Омска...

— Ваше Высокопревосходительство, я получил тяжелое наследие от Гайды, который совершенно разложил армию. А мне удалось все-таки в сравнительно короткий срок восстановить ее боеспособность. Отступление произошло в силу численного превосходства красных, — попытался оправдаться Дитерихс.

Колчак совершенно потерял всякое самообладание, стал топтать ногами и кричать:

— При чем здесь Гайда? Он еще в июле смещен с поста командующего Сибирской армией и «вычеркнут из списков русской армии». Это обычный прием самооправдания! Конечно, всегда во всем виноваты другие! А я вижу лишь одно: генерал Гайда все-таки во всем прав. Вы оклеветали его из зависти, оклеветали Пепеляева, что они совместно хотят учинить переворот, да... переворот необходим... так продолжать невозможно... я знаю... Омск...

Адмирал задыхался, его трясло, глаза лихорадочно блестели. Одна лишь мысль о возможной сдаче Омска бесила его.

— ...Вы еще скажите, что решительное сражение дадите между Омском и Новониколаевском!.. Опять начинается та же история, что перед Екатеринбургом, Тюменью, Петропавловском, Ишимом... Омск невысказанно сдавать! С потерей Омска — все потеряно! — продолжал кричать Колчак.

Разговор в кабинете Верховного правителя становился все горячее; временами голос адмирала был

слышен даже в приемной, где в это время находился генерал Сахаров.

Прошло минут сорок. Раздался звонок, адъютант стремительно скрылся за дверью кабинета. Когда вернулся, сообщил Сахарову, что адмирал просит его войти.

Верховный правитель и Дитерихс сидели за столом, один против другого, с напряженными лицами. Поздоровавшись, Колчак попросил Сахарова сесть и сделать подробный доклад о состоянии армии, о причинах неудач, о возможных видах на будущее.

Доклад получился коротким, и был основан на фактических и цифровых данных.

— Наша армия, — бодро докладывал Сахаров, — полуодетая, плохо снабженная, гнала красных на сотни верст, и, если бы ее поддерживали хоть немного, она рассеяла бы дивизии большевиков, отбросила их за Уральские горы. И тогда путь на Москву был бы чист, тогда весь народ пришел бы к нам и открыто встал под знамя Верховного правителя. Большевики и прочая социалистическая нечисть были бы уничтожены светлым гневом народных масс... С корнем...

Генерал, не отрывая пристального взгляда от лица адмирала, говорил громко и четко. На Дитерихса он не смотрел.

— Но, как будто нарочно, тыл не прислал ни одного вагона теплой одежды, ни пополнений, ни офицеров, даже хлеб и фураж доставлялись в армию нерегулярно, несмотря на большие запасы и обильный урожай, бывший в Сибири в том году... Полки и батареи тают. Большинство лучших офицеров и солдат выбито. Армия отступает, как лев, отбиваясь на каждом шагу; ни одна пушка, ни один пулемет не брошен врагу. Но за что люди гибнут? Что в будущем?.. Вера в успех при настоящих условиях исчезает. Предательство, выразившееся в том, что правительство мирволило социалистам-революционерам, которые развалили тыл, погубило все дело и свело на нет все сделанное армией, великий подвиг ее... К сожалению, в армии, начиная от стрелка и кончая ее командующим, нет веры теперь, что настоящее правительство способно исправить положение. Армия не верит ему...

Генерал Дитерихс резко перебил Сахарова:

— Говоря о правительстве, вы подразумеваете Верховного правителя и Совет министров или разделяете их?

— Армия по-прежнему преданна Верховному правителю, никто не сомневается, что не он виноват в том, что сделал тыл. Я говорил только о Совете министров, который до сих пор имеет в своем составе социалистов.

— Значит, вы считаете, что Верховный правитель должен остаться во главе?

— Более того, я считаю, что всякая перемена в командном составе, а тем более в верховном командовании, была бы губительна для дела...

Адмирал глубоко вздохнул, тяжело повернулся в кресле и сказал, обращаясь к Сахарову, высоким и слегка дрожащим голосом:

— А генерал Дитерихс отказывается быть главнокомандующим, просит меня уволить его в отпуск. Что вы думаете?

— В такую минуту, когда требуется напряжение сил всех и каждого, это даст самые плачевные результаты, — несколько медленнее, чем раньше заговорил Сахаров. Но, видимо, на что-то решившись, уже прежним безапелляционным тоном продолжал:

— Разрешите говорить открыто... Когда стрелок покидает свой пост в цепи, его предадут военно-полевому суду и расстреливают; то же самое, если офицер оставит свою роту, батарею или полк. Я считаю, что и главнокомандующий одинаково ответствен и не имеет права в трудную минуту покидать свой высокий пост.

Адмирал вновь заволновался и начал объяснять генералу причины, по которым он считает себя обязанным согласиться на просьбу главнокомандующего. Все сводилось к тому, что генерал Дитерихс отдал приказ о выводе в тыл всей 1-й армии генерала Пепеляева, причем перевозка ее по железной дороге уже началась; при этом обнажился правый фланг боевого фронта.

— В то время когда я хочу все усилия бросить на защиту Омска, я считаю вывод армии Пепеляева безумным делом. Вопрос об уходе генерала Дитерихса мною уже решен, — закончил Колчак разговор, отпустив обоих генералов.

Через час Сахарова вновь вызвали к Колчаку. Адмирал интересовался, кого генерал посоветовал бы ему назначить главнокомандующим. Сахаров высказал мнение, что одним из наиболее дельных помощников адмирала был начальник штаба генерал Лебедев, которого и следовало бы вернуть на место. Верховный правитель соглашался, но заявил, что это невозможно, так как из-за интриг имя генерала Лебедева стало очень непопулярным среди «общественности».

— Да, генерал Лебедев был всегда открытым противником социалистов всех партий, почему им и надо было убрать его. Но это не причина.

— А вы согласились бы занять пост главнокомандующего? — обратился Колчак к Сахарову.

Генерал стал решительно отказываться, ссылаясь на то, что он тесно связан с 3-й армией, что ему дорого дело, с которым он, кажется, справляется.

Адмирал стал настаивать. Вечером он вызвал Сахарова в третий раз и заявил, что не может прийти к другому решению и приказывает ему принять пост главнокомандующего фронтом. Адмирал повторил это и перед Советом министров, собранным в тот же вечер в его доме для обсуждения создавшегося чрезвычайного положения.

Сахаров подчинился приказу. Нерадостные, черные были у него перспективы.

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких практических шагов для вывоза огромнейших военных складов из Омска — наоборот, до конца октября в город продолжали прибывать с востока новые транспорты. Надо было срочно собирать и эвакуировать огромные министерства, спасти раненых, больных и семьи военных.

Новый главнокомандующий рьяно взялся за организацию обороны Омска со строительства двух линий укреплений в пяти-шести верстах к западу от города. Однако это вряд ли могло принести ощутимую пользу: рылись лишь голые окопы, перед которы-

ми устанавливались редкие проволочные заграждения. Некоторым тыловым частям было приказано срочно выйти из Новониколаевска в Омск, выехавшим членам военного министерства — вернуться.

Для обороны Омска и прикрытия отходивших войск были назначены две дивизии и бригада, боеспособность которых считалась удовлетворительной. В городе сосредоточились дивизия морских стрелков, различные сибирские казачьи части и инструкторские школы. За считанные дни все буквально перевернулось вверх дном. Сахаров действовал так решительно, и притом в духе, желаемом адмиралом, что тот сразу забыл все промахи генерала в Челябинске, Кургане и под Петропавловском. «Он уверен в себе, — думал Колчак. — Может быть, это как раз тот человек, который мне нужен... Единомышленник».

Адмирал приободрился. Появился его приказ № 222:

«В настоящий решительный период нашей борьбы с лживыми и кровавыми обманщиками русского народа — большевиками, когда должны быть напряжены все наши силы, я решил быть все время среди моих армий и дать отпор красным изменникам. Зная и оценивая ваши труды, жертвы, доблестные войска Восточного фронта, я не сомневаюсь, что скоро ваша доблесть и беззаветная служба родине дадут вновь перелом военного счастья, остановят зарвавшегося врага и вы отбросите его на запад. Одновременно я принимаю ряд основных решительных мер, дабы устранить недочеты в снабжениях и пополнении, чтобы дать наибольшее усилие работе всей страны на поддержку фронту. Наступающая зима и победы наших русских армий на юге и северо-западе России, на путях к Москве и Петрограду заставляют большевиков делать судорожные последние усилия, чтобы отсрочить свою гибель. Чувствуя ее в измученной ими центральной России, они хотят пробить себе путь отступления на Сибирь, чтобы и эту часть нашей родины подвергнуть тем же несчастьям и злу. Но не быть этому.

Я требую от каждого, от генерала до рядового бойца, твердого и беззаветного исполнения долга, требую напряжения всех сил страны для дружной горячей работы на помощь нашим доблестным армиям.

Главкомандующим армиями Восточного фронта назначаю... генерал-лейтенанта Сахарова.

Генерал-лейтенант Дитерихс поступает в мое распоряжение...

Железные дороги Омскую, Томскую и Забайкальскую объявляю на военном положении и всех служащих, начиная от министра путей сообщения и до рядового рабочего, объявляю состоящими на военной службе и в подчинении Главкомандующего Восточным фронтом...

Призываю городские и земские управы оказать самую действенную помощь по призыву и сбору добровольцев...

Только могучее напряжение сил приведет к победе над большевизмом и даст нам возможность предоставить народу принять участие в здоровом строительстве государства...

Адмирал *Колчак*».

Но прошел день, прошел другой, и выяснилось, что прекратить отступление невозможно. Распоряжения Сахарова внесли только лишний сумбур. Чтобы оправдать себя, он обвинял во всем Дитерихса.

Адмирал не мог спокойно говорить о Дитерихсе. Он называл его чуть ли не изменником, обвиняя, в основном, в том, что он увел с фронта 1-ю армию и, таким образом, обнажил фланг остальных войск. Военные, имевшие к этому отношению, не сообщали адмиралу, что они поддержали план Дитерихса и что уведенная с фронта армия фактически состояла из штабов, обозов и некоторого количества сильно потрепанных частей и отрядов. Адмирал отдал приказ о возвращении 1-й армии на фронт, но под давлением приехавшего в Омск командующего армией генерала А. Н. Пепеляева изменил свое решение.

Из воспоминаний генерала К. В. Сахарова:

«Когда <...> я приехал вечером в особняк Верховного правителя для обсуждения плана действий, в кабинете адмирала я застал командующего 1-й армией генерала Пепеляева. В первый раз я видел этого печального героя контрреволюции. Широкий в плечах,

выше среднего роста, с круглым, простым лицом, упрямыми серыми глазами, смотревшими без особо яркой мысли из-под низкого лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкий, сдавленный голос и умышленно неряшливая одежда — вот облик этого офицера, который был природой предназначен командовать батальоном, в лучшем случае полком, но которого капитализм судьбы и опека социалистов выдвинули на одно из первых мест».

Адмирал встретил К. В. Сахарова словами:

— Вот, генерал Пепеляев убеждает меня не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться в тылу.

Сахаров ответил, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а армия генерала Пепеляева необходима для операций на фронте.

— Генерал получит приказ и инструкции сегодня же вечером в моем штабе.

Пепеляев поднялся во весь свой рост, посмотрел в упор из-под нависшего, сморщенного складками лба на адмирала.

— Вы мне верите, Ваше Высокопревосходительство? — спросил он каким-то надломленным голосом.

— Верю, но в чем же дело?

Пепеляев перекрестился на стоявший в углу образ, резко и отрывисто, ударяя себя в грудь и плечи.

— Так вот вам крест, что это невозможно... Если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются.

Около двух часов шел спор.

В конце концов адмирал махнул рукой и согласился не останавливать армию Пепеляева, а направить ее в районы, указанные еще генералом Дитерихсом, то есть в города Томск, Новониколаевск и дальше на восток, до Иркутска.

Сахаров заявил Верховному правителю, что не может при таком отношении к приказу оставаться главнокомандующим и настаивал на возвращении в 3-ю армию.

Адмирал, усталый и подавленный тем страшным бременем, которое он нес уже целый год, начал уговаривать Сахарова остаться, чтобы вместе выполнить «главный план зимней работы».

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКА белые армии отступали не задерживаясь, вернее, они бежали, и чем дальше, тем быстрее и беспорядочнее. Красным оставалось лишь не отставать от бегущих, не давать им опомниться, остановиться; и они развили необычайную скорость движения: например, от Петропавловска до Омска, путь в 300 верст, прошли за пятнадцать дней. Чтобы окончательно деморализовать противника, красные в эти дни практиковали ночные набеги. Днем отдыхали, а вечером подымались в поход, шли ночью и неожиданными ночными или предутренними налетами наводили панику на белых.

Сибирские армии устремились к Омску.

Никто не знал ничего определенного, но тем не менее одна фраза шепотом передавалась из уст в уста, быстро, концентрическими волнами, расходилась среди омских жителей, пока наконец не приобрела четкие очертания, облетела весь город и перешагнула за его пределы.

Красные перепли Ишим...

Красные на подступах к Омску...

Омск обречен...

В омских газетах еще печатались оперативные сводки, из которых можно было заключить, что армия по-прежнему тверда и боеспособна. В городе, однако, разрасталась паника.

В субботу, 1 ноября, в Омске состоялось особое совещание с участием представителей общественных организаций, земств, промышленности и торговли. На совещание приехал и адмирал Колчак.

Предоставим слово омской газете «Сибирский казак», напечатавшей краткий отчет об этом заседании:

«...В два часа дня в здании городской думы состоялось заседание особого совещания при начальнике добровольческих формирований генерале Голицыне с участием представителей общественных организаций, кооперации, земств, городского самоуправления и торговопромышленности, посвященное обсуждению вопросов текущего момента и ближайших мероприятий в связи с событиями на фронте.

На совещании присутствовали Верховный правитель и члены Совета министров во главе с премьером Н. В. Вологодским.

Заседание открылось приветственной речью профессора Болдырева, обращенной к Верховному правителю. Затем с речами выступили представители общественных организаций. Представитель кооперации, Сазонов, призывал отвернуться от Иркутска и обратиться свои взоры на Москву и идти добровольцами.

Председатель «Земсоюза» предложил от имени союза все его достояния делу добровольчества. В том же духе высказались и другие ораторы.

По окончании речей представителей общественности выступил Верховный правитель. Он, обрисовав положение армии на фронте, указал, что Омску никакой непосредственной опасности нет и судьба его будет решаться не здесь, а, может быть, за сотни верст; что Омск, как политический центр, не может быть отдан врагу; поэтому должны быть напряжены все силы к пополнению армии людьми, а также и к снабжению ее теплой одеждой.

Далее Верховный правитель заявил, что пока не прибегнет к поголовной мобилизации, в надежде, что добровольчество даст хорошие результаты.

По окончании заседания профессор Болдырев от лица собравшихся выразил благодарность за заботу о нуждах населения, обещал приложить все силы к полной поддержке власти Верховного правителя в деле организации защиты страны от большевиков».

За решительную оборону Омска стояли сибирское казачество и его вожди. Их девизом было — защищать Омск до последней возможности. Вот что писал некто Шипкин в передовице газеты «Сибирский казак»:

«Об эвакуации Омска можно сказать словами одного умного человека, что это больше, чем преступление — это глупость». Что верхи колчаковского министерства и сам Колчак в этом вопросе расходились с заправилами-сибирского казачества — это доказывает, между прочим, тот вопль, который подняли казацкие атаманы накануне сдачи Омска: «Омск — все, вне Омска нет спасения».

«Потеря Омска — не потеря тактического и стратегического пункта, а конец сибирской государственности, смертный приговор всему, что служило и хотело служить здесь делу возрождения родины... — продолжает все та же передовица. — Сзади в тайге — смерть, впереди — спасение».

В другой передовице, озаглавленной «Что делать казакам?», автор нападает на тех, кто «тащит» армию из Омска.

«Я с чувством глубокого негодования читаю теперь истерические вопли тех жалких трусов, которые бежали из-за Урала, не сумев отстоять своего отечества, и теперь клеветают на сибирских патриотов, обвиняя их и казачество чуть ли не в сепаратизме... Теперь не время патриотических споров и поздних сожалений. Мы не будем бежать от своих земель... Мы должны шаг за шагом защищать свою казачью территорию».

Но таково было настроение только верхов казачества. В недрах казачьего населения наметился уже раскол.

Накануне падения Омска все газеты в один голос призывали население встать под ружье. Эти статьи-призывы написаны горячим, сильным языком. Люди действительно понимали отчаянное положение, в котором находились.

В газете «Сибирский казак» от 5 ноября помещена характерная заметка «Опомнитесь» (приводится дословно).

«Положение серьезно, но не безнадежно.

Омску пока не грозит никакой непосредственной опасности.

Красным до Омска немногим ближе, чем Деникину до Москвы.

Все, приезжающие с фронта, дружно говорят о незначительности сил, с которыми оперируют против нас красные.

Наша армия не утратила способности сопротивления.

Она только ждет помощи из тыла, чтобы, собравшись со свежими силами, дать новый щелчок красному шару, после которого последний начнет свое обратное движение.

Силы, необходимые для нашей армии, обязан дать тыл, который должен развить в этот критический момент максимум энергии.

Но тыл по самой своей природе аморфен.

Он только тот материал, который может использовать так или иначе власть.

Аппарат власти должен развить максимум работоспособности, на которую он способен, для того чтобы

привести в движение к определенной цели всю массу тыла.

Однако достаточно присмотреться к работе большинства наших правительственных учреждений, чтобы понять, что здесь в этом отношении обстоит не все благополучно.

Нашим корреспондентам за последние дни не удалось получить нигде почти ни одной заметки.

Все бездействуют. Все опустили руки.

Управляющий областью должен сам писать бумажку: служащие не изволили явиться на службу.

Служащие Совета министров облеклись на случай эвакуации в теплые пимы и бродят по своим апартаментам, как обитатели страны теней.

И так везде.

Опомнитесь, господа!

Да, опасность, которая повисла над Омском, серьезна, но в десять раз серьезнее для всего дела возрождения России та опасность, которую носите вы в себе. И имя этой опасности — безволие и апатия, словом, психология лягушки, добровольно прыгающей в пасть неподвижно лежащего ужа».

На следующий день, 6 ноября, в той же самой газете была помещена передовая статья, озаглавленная «К оружию, граждане!».

В этой статье Омск сравнивается с Парижем 1914 года, когда германцы осаждали его: население Парижа дружно вооружилось, и город был спасен. Заканчивается эта статья подсчетом своих сил и призывом к борьбе; указывается, что сил в Омске больше чем достаточно для отпора красным. Следовательно, «к оружию, граждане, Омск не должен быть сдан и не будет сдан». Через восемь дней Омск будет взят красными, можно сказать, без единого выстрела, граждан, пожелавших спасти «колчакию», в городе не нашлось.

Но это случится через восемь дней. А пока около 30 тысяч человек свежего пополнения стояли в казармах. Однако всем в Омске было ясно, что удержаться они не смогут; что пришел конец. Кто мог бежать, получить теплушку, лошадь — бежали на восток, не представляя, где можно будет наконец остановиться, вздохнуть спокойно, не боясь красного кошмара, надвигавшегося с запада.

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ СОВЕРШАЛОСЬ неподвижное.

Иртыш не застывал. Стояла теплая, по сравнению с обычной в это время, погода — от пяти градусов мороза до двух-трех тепла. По Иртышу шла шуга — мелкий лед; это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы.

Незамерзшая, непроходимая река на пути отступающей армии — это предвестник катастрофы, о чем в Омске старались громко не говорить, но об этом громко напоминала сама природа. Армии выдвигались к Иртышу и сталкивались с неразрешимой задачей: как совершить переправу через эту огромную водную преграду. Какой-то маневр под Омском был абсолютно невозможен.

Родилась идея повернуть армию, не доходя до Иртыша, на юг, чтобы отвести ее затем в алтайский район. Генерал Сахаров решил ехать в армию и быть при ней. Адмирал колебался, то решая ехать с Сахаровым, то склоняясь к поездке в Иркутск.

Совет министров все еще ничего не понимал и продолжал тратить время на бесплодные споры об эвакуации.

Вопрос решил сам Колчак. Он приказал правительству немедленно выезжать в Иркутск. Нужно ли было давать отставку генералу Дитерихсу, чтобы несколькими днями позже сделать то, что тот предлагал?

Перед отъездом из Омска управляющий делами Совета министров Г. К. Гинс прямо спросил Колчака:

— А если Омск падет? Что будет дальше? Есть ли у вас какой-нибудь план?

Адмирал был очень удивлен и раздражен этим вопросом:

— Какой еще план?! Будем отступать на восток. Не можем же мы бросить железнодорожную линию!..

Между тем в городе были расклеены объявления о том, что адмирал А. В. Колчак решил защищать Омск и что он не оставит армию. Говорили, что красные еще далеко, но никто не знал, где точно. Однако Верховный правитель так торопился с отъездом, что все чувствовали: опасность гораздо ближе, чем предполагали.

10 ноября тронулись в путь министры. Из Омска бежали главы иностранных миссий.

А на следующий день А. В. Колчак отправил в адрес своих послов при европейских правительствах телеграмму:

«Крайне тяжелые условия снабжения войск Сибирского фронта и значительное численное превосходство большевиков вынудили сибирские войска к глубокому отходу и временному оставлению г. Омска — резиденции российского правительства. Подобно тому как Французское правительство в 1914 году, под влиянием обстановки на фронте, вынуждено было оставить на время Париж, — Российское правительство временно переносит свою резиденцию в г. Иркутск.

Российское правительство приносит эту жертву во имя сохранения армии для дальнейшей борьбы с большевиками.

Высокий моральный дух, проявленный войсками в тяжелых боях последних месяцев, преисполняет правительство твердой верой, что после некоторого отдыха, укомплектования и пополнения недочетов в материальной части сибирские войска вновь приобретут могучий наступательный порыв; пробуждение национального чувства в русском народе в его борьбе с грубыми узурпаторами власти большевиками-интернационалистами и все крепнущая в народе ненависть к этим насильникам позволяют правительству спокойно взирать на будущее с полной верой в конечный успех.

Ярким доказательством народной ненависти к большевикам служит массовое бегство населения перед волной наступающих большевиков: рабочие Воткинских, Ижевских, Златоустовских и Саткинских заводов почти в полном составе бежали от большевиков; казаки Оренбургского и Сибирского войск, крестьяне Поволжья, Урала и части Западной Сибири покинули с женами и детьми свои родные станицы, уходя от насильий большевистских банд.

Примирение с большевиками, ненависть к которым пустила столь глубокие корни в народе, невозможно; возможна только беспощадная борьба до полного уничтожения советской власти.

Россия обращает внимание дружественных держав, что, принося неисчислимые жертвы в борьбе с большевизмом, она выполняет тем самым не только свою национальную задачу, но и борется с мировой опасностью — большевизмом, который, в большей или

меньшей степени, угрожает всем нациям мира; в частности, большевизм в Сибири является серьезной угрозой для всех государств Азии.

Российское правительство, которое всегда сохраняло неизменную верность своим союзникам во время великой войны (имеется в виду Первая мировая война. — *Авт.*), обращается к правительствам дружественных ей держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов Северной Америки, Польши, Чехословакии и Китая с полной уверенностью, что они не оставят его своей дальнейшей поддержкой и помощью.

При таких условиях российское правительство, возглавляющее все русские силы, ведущие борьбу с большевиками, будет исполнено твердой уверенностью, что оно доведет эту борьбу до победного конца.

Верховный Правитель Адмирал *Колчак*.
Главкомандующий Армиями, Восточного фронта Генерал-лейтенант *Сахаров*.

Омск. 11 ноября 1919 года».

12 ноября на пороге вагона Верховного правителя появился генерал Сахаров. Колчак принял его равнодушно. Сахаров раскрыл папку и протянул адмиралу скрепленные листы машинописного текста.

— Что это? — небрежно спросил Колчак.

— Доклад о наших фронтовых делах.

— Ну и что там?

— Фронт бежит, населенные пункты сдаются без боя... Народ не простит нам...

— Ваши тревоги уже не имеют значения...

То и дело около вагонов останавливались автомобили, пролетки. Из них нарочито неторопливо выходили местные буржуа, закутанные в шубы офицеры, генералы. За каждым из них денщики, адъютанты или порученцы несли чемоданы, ящики, тюки. Наверняка в них «боевые трофеи» — картины, золото, драгоценности, тончайшего фарфора сервизы...

А вот другие отъезжающие — как видно, рангом помельче — не скрывали растерянности: суетились, лебезили перед железнодорожными служащими, офицерами. Что и говорить, жизнь дороже всего. Спасти, спасти любой ценой — вот что главное!

Начались столкновения между претендентами на одно и то же место. И смешно и грустно было Колчаку наблюдать из окна своего вагона, как солидные, респектабельные господа доказывали один другому свое право удрать первым.

— Меня направил сюда сам Верховный правитель! — кричал, потрясая какой-то бумажкой, толстяк в шубе. — Понимаете, господин офицер!..

Но даже ссылка на Колчака явно не сломила сопротивление соперника.

— Но ведь я прибыл раньше. И я получил именно это место! — брезгливо морщась, отталкивал толстяка сухопарый офицер, придерживавший левой рукой то и дело сползавшие очки. — Вы не имеете права претендовать на место, которое отдано мне!

С каждым часом таких сцен, в том числе с участием и генералов, становилось все больше. В ход без стеснения шли крепкие словечки, угрозы, даже оскорбления действием. В страхе за себя, в безумном желании побыстрее выбраться из Омска, в тщетной надежде на удачу бросались люди то к управляющему омской железной дорогой, то в приемную Совета министров, то в штаб — думая, что кто-то еще что-то решает в этом хаосе.

Колчаку представлялось, что весь город поднят на ноги и брошен к поездам. Сквозь белесый туман заметно было, как быстро катится по небу солнце. Клоунился к вечеру очередной короткий осенний день. А вокзал все не пустел. По-прежнему сигналили протискивавшиеся сквозь толпу автомобили — черные и бежевые, темно-синие и зеленые, даже красные и голубые. Подкатывали грузовики, с которых расторопные солдаты тут же сгружали ящики, тюки, немедленно переносили их в вагоны.

Через несколько часов адмирал А. В. Колчак выехал на восток, захватив с собой золото. Омск — уже перевернутая страница его жизни, истории «колчакии», не хватает только эпилога.

КОЛЧАК СЕЛ, ОБЛОКОТИЛСЯ О СТОЛ, обхватив голову руками, затих, прислушиваясь к ударам собственного сердца — частым, неровным, глухим, как шаги заблудившегося слепца. Ему было душно. Он

встал, подошел к окну и остался стоять около него, глядя на проплывавшую мимо Россию. За окном простиралась белая под снегом сибирская тайга.

Глаза Колчака были спокойны. Но мешки под ними и морщины на лбу обозначились еще четче. Он осунулся, на мертвенно-бледном лице застыло непривычное для него выражение покорной усталости и обреченности.

Колчак отошел от окна, некоторое время бесцельно бродил по салону, иногда останавливался, убирая на место какую-нибудь брошенную второпях вещь или книгу. Подошел к зеркалу, внимательно взгляделся — и не узнал себя. На него смотрел средних лет мужчина с болезненно-мрачным лицом и сухо блестящими напряженными глазами.

Колчак снова сделал круг по салону и опять задержался перед зеркалом. Незнакомец в зеркале чуть наклонился вперед и раздвинул в дьявольской усмешке губы: «Ты — покойник, отныне всеми делами будуправлять я». И чем дольше и внимательнее вглядывался Колчак в собственное отражение, тем сильнее нарастало беспокойство в груди, тем беспощаднее гремел в ушах знакомый голос: «Ты умер, запомни это и не возражай, когда я захочу сделать то, что сочту нужным». В конце концов Колчак не выдержал, попятился, испугавшись, что сходит с ума, наткнулся на стол и, нащупав рукой какой-то предмет — как потом выяснилось, бронзовую пепельницу, — с силой запустил им в ненавистное зеркало.

Брызнули осколки. И сразу же мир восстановился: застучали колеса, заскрипел и задвигался вагон. Колчак смахнул пот со лба, на непослушных ногах обошел стол и упал в кресло.

Глава 9

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

14 ноября пал сибирский город Омск. На башенке бывшего здания Совета министров взвился красный флаг.

Новой столицей правительства избрали еще тыловой Иркутск. Очевидно, исходили из того, что, во-первых, город был очень удален от фронта и власть еще рассчитывала на военный успех в борьбе с большевиками, во-вторых (возможно, это имело более важное значение), он был близко расположен к району действия семеновских войск и существовала вероятность в случае реальной опасности с запада удержать Иркутск в сфере японской оккупации.

Сюда устремились Совет министров, центральные учреждения, иностранные миссии. Сам же Колчак остался с войсками, однако его поезд, по мере отступления войск под напором красных дивизий, медленно, но неуклонно также приближался к Иркутску. Стекавшие в поезд адмирала сведения с фронта и из новой столицы были неутешительны: фронт стабилизировать не удалось, а в Иркутске, похоже, готовилось восстание, во главе которого встал «Политический центр» — временный блок эсеров, меньшевиков, земств и крестьянского союза. «Политцентр» намеревался создать в Сибири эсери-меньшевистскую республику — демократическую и независимую. Этим планам сочувствовало чешское командование.

Падение Омска и вызванное этим решительное изменение в соотношении борющихся сил в пользу красных предрешило сравнительно скорое падение сибирской военной диктатуры.

Территориально последний акт ее трагедии разыгрался между Омском и Иркутском.

КОЛЧАКОВЦЫ, БРОСИВ КОЛОССАЛЬНОЕ количество военного имущества и начав поспешно отходить на восток, надеялись там найти для себя спасение.

Единственная железнодорожная магистраль была до предела запружена эшелонами. В них удирали от красных полков и дивизий служащие военных и гражданских учреждений, эвакуировались военные и промышленные грузы. По этой же дороге бежали иностранные войска — румынские, польские, чехословацкие. Все перемешалось в одну огромную, растянувшуюся на сотни верст массу обьятых страхом людей. А вслед за ними, неумолимо, как рок, не оставляя надежд на спасение, двигались красные войска.

Во главе этого мутного потока, словно сорвавшегося со скалы и неудержимо падающего в пропасть, находились омские министры. Никто их не разыскивал, никто особо не замечал. Только за Красноярском стали встречать министров местные администраторы, надеявшиеся услышать последние новости, как говорится, из первых уст, получить какие-либо разъяснения или инструкции. Но какие указания могли им дать члены правительства, больше похожие на путешественников? Встречавшие получали лишь последний номер «Правительственного вестника» да выслушивали заверения в том, что не все еще потеряно.

Министры ехали в разных вагонах, иногда заседали. Одни вносили проекты, касавшиеся перевода денег на обеспечение послов, уходивших министров — это были холодные практики. Другие думали о расширении прав губернаторов, о порядке использования эвакуированных чиновников — это были неисправимые оптимисты.

Вечером 19 ноября поезд прибыл в Иркутск. Почти все чиновники ехали с заряженными винтовками, напуганные слухами о бунтах, боях и переворотах. Поэтому нетрудно представить их изумление, когда они увидели и старые трехцветные флаги, и собравшихся для встречи военных, включая почетный караул с оркестром, и... полное отсутствие представителей обще-

ственности. Что ж, население давно чувствовало, что это правительство не живет его интересами, что взоры его обращены на запад, что занято оно решением исключительно военных проблем. Сначала победить, потом уже устраивать — такова идея диктатуры.

Правительство было «омским», и в Иркутске оно оказалось чужим. Много причин существовало для антиправительственной агитации, из которых главными являлись: острый недостаток продовольствия, безумная дороговизна, денежный кризис, тяжелая обстановка на фронте. Господствовали настроения в пользу соглашения с большевиками. Союзники выражали неверие в способность власти остановить напор красных.

Правительство существовало, пожалуй, только благодаря тому, что революционная волна сдерживалась, с одной стороны, военщиной, в распоряжении которой находились отряды особого назначения, а с другой — иностранными войсками, в особенности чехословаками, которые подавляли всякую революционную инициативу масс в интересах своей личной безопасности и возможности беспрепятственного продвижения на восток.

Было о чем задуматься...

Срочно собрали заседание Совета министров. Говорили вяло, в основном об одном — об иркутских настроениях и возможных перспективах. Было непонятно: министры собрались для выработки каких-либо конкретных мер или для слезливых жалоб на иркутскую оппозицию. По всему чувствовалось, что они слабо осведомлены о реальном положении дел, поэтому на заседание срочно вызвали местное военное руководство. Посыпались вопросы, много вопросов. Присутствовавших интересовало все — и настроения в Иркутске, и отношение военных к правительству, к событиям на западе, и наличные местные военные силы, и многое, многое другое.

— Мы в полосе заговоров, — сразу «обрадовало» министров местное военное руководство. — И если не выступают иркутские большевики, то только потому, что они уверены в скором прибытии большевиков с запада... Положение нашей армии таково, что надежд не то что на победу, даже на простую остановку фронта нет, и это ни для кого не составляет секрета... Эсеры

сами не выступают, потому что одни они, несмотря на обычную шумиху, бессильны что-либо сделать. Но они опасны тем, что могут войти в соглашение с чехами, которые, ради скорейшей эвакуации на родину, признают любую группировку, способную создать демократическое правительство внутреннего мира и порядка... И меньшевики сами по себе не опасны, но их участие в оппозиции плюс для заговорщиков и минус для правительства. Кадетская партия настолько бессильна, что помочь чем-либо правительству не в состоянии, и даже она находится в оппозиции к правительству, политику которого не считает государственной... Кругом враги и недруги и полное отсутствие союзников. Между тем кольцо восстаний вокруг Красноярска и Иркутска становится с каждым днем все теснее и теснее, а у правительства нет сил бороться: гарнизоны слабы и ненадежны, города и земства открыто говорят представителям власти о начале борьбы и никакие репрессии здесь не помогут... Настроение служащих паническое, настроение обывателя таково, что, кто бы ни поднял восстание, оно будет иметь успех... Помощи ждать неоткуда, фронт сам нуждается в ней. Семенов на востоке еле справляется с наседающими на него повстанцами и Иркутску помочь не может...

И так далее, и тому подобное...

Услышанное произвело на присутствующих тяжелое впечатление.

— Что же нам делать? — с усталым видом спросил председатель Совета министров П. В. Вологодский. — Чего хотят чехи, земства, общество?..

Ответ последовал незамедлительно:

— Отречения Колчака, смены всего правительства и высшего военного командования, переход от военного к гражданскому управлению страной в рамках не всероссийских, а только сибирских, созыв Земского собора...

Министры заволновались. Вспыхнули дебаты. Но разговор пошел о мелочах, в то время как не был разрешен важнейший вопрос — о существовании самого правительства. Только министр внутренних дел В. Н. Пепеляев заявил, что военные изложили, конечно, программу «максимум», но часть ее может и, по его мнению, должна быть выполнена; это примирит

правительство, сознающее и исправляющее свои ошибки, с общественностью. Но конкретных предложений так никто и не высказал. Заседание закончилось.

А через несколько часов Г. К. Гинс доносил А. В. Колчаку, что он считает «патриотическим долгом, как ваш управляющий делами, представить свое мнение», которое было довольно скромным: заменить уставшего Вологодского энергичным Пепеляевым и предоставить предсовмину право самостоятельного подбора министров.

Более решительно высказался сам Вологодский. Полагая, что обстановка не так уж и безнадежна, что сильная и решительная власть еще может все спасти, он направил Колчаку телеграмму, в которой высказал мнение о необходимости срочного привлечения в состав совмина «свежих сил», укрепления «внутренней солидарности», устранения «непопулярных лиц» и замены их влиятельными общественными деятелями «для связи с теми группами и организациями, через которые правительство должно работать». Все это, по его мнению, должно укрепить власть, обеспечить выход из создавшегося чрезвычайного положения, виновником которого общественность считает нынешний состав Совета министров. Одновременно Вологодский высказал полную готовность уступить свое место другому.

Этот вопрос еще накануне падения Омска обсуждали с адмиралом некоторые члены правительства. И сейчас, поскольку положение продолжало ухудшаться, министры просили Колчака немедленно осуществить эти намерения на практике.

Адмирал бросил телеграмму на кипу донесений, рапортов, приказов, директив, записей разговоров по прямому проводу, воззваний, прокламаций. Она раздражала его. Он чувствовал свою беспомощность перед очевидным ходом событий. Думать не хотелось, но смутные злые мысли сами лезли в голову: «...Министры желают заигрывать с общественностью... Начинают раздавать векселя под демократизацию государственных учреждений, под народоправство...»

Колчак с раздражением относился к советам о создании общественной опоры правительству. Верховный правитель, видимо надеясь больше на помощь

Божью и судьбу, чем на здравый смысл, самостоятельно принимал «спасительные» меры.

Колчак неоднократно обращается к населению с призывом забыть о чужой помощи и самому защищать себя. Он объясняет, что никакие пространства Сибири уже не спасут от разорения и позорной смерти; убеждает — настал час самим взяться за оружие, а не надеяться на правительство и армию; призывает идти в армию, помочь ей деньгами, одеждой, продовольствием. В газетах дождь приказов, повелений, «рескриптов» Колчака. Чем хуже дела, тем больше воззваний.

Предпринимает он и попытки оживить добровольческое движение. 21 ноября адмирал присутствует в Новониколаевске на общем собрании членов особого совещания при начальнике добровольческих формирований генерале Голицыне, где, по его мнению, «встретил единодушное желание идти навстречу этой работе». Президиум особого совещания заверил Колчака, что новониколаевцы встанут сплоченными рядами вокруг верховной власти на защиту своего родного края. И Колчак издает приказ о добровольческом движении, полагая, что оно широко охватило массы, объявляет «призыв всенародного ополчения», призывает население к «широкой самодеятельности».

Но все это было гласом вопиющего в пустыне. По данным контрразведки, «если в интеллигенции царит паника и полнейшая растерянность», то в среде имущего класса «она переходит всякие пределы... Какой-либо попытки к самозащите со стороны этого класса положительно не видно... О пожертвованиях не слышно и тем более не слышно о добровольцах... Некоторая часть этого класса <...> старается не принимать никакого участия в помощи правительству...» Отношение рабочих к правительству критическое, на приход большевиков они «смотрят, как на что-то хорошее и решающее в смысле прекращения этой войны». У крестьян единодушное желание, чтобы война, которую они воспринимают (в подавляющем большинстве) как «убиение своего брата», скорее закончилась.

Указом от 21 ноября при А. В. Колчаке и под его председательством учреждается верховное совещание. В него вошли представители главного военного командования, председатель Совета министров и министры:

военный, внутренних и иностранных дел, финансов, путей сообщения и снабжения. Эта идея родилась из твердого намерения Колчака оставаться при армии и разделить ее судьбу, что, в свою очередь, затрудняло согласованное управление «колчакией». Правительство, состоявшее из Совета министров и Верховного правителя, оказалось разорванным на части. Ни первое, находясь в Иркутске, ни второй, находясь при армии, не могли самостоятельно ничего решить до конца.

По мнению Колчака, результаты работы этого нового органа управления должны были выражаться в виде директив или общих указаний, непосредственной разработкой которых должны заняться совмин или соответствующие ведомства. Только таким путем, считал адмирал, он сможет согласовать работу высшего военного командования и правительства, внести организованность в действия представителей правительственной власти на местах, с тем чтобы сосредоточить усилия прежде всего на нуждах фронта.

Так быдо задумано. Фактически же совещание — наполовину военное, наполовину гражданское учреждение — подменяло собой Совет министров, и деятельность его на практике ограничилась разработкой плана необходимых мер, из которых главными были повышение денежного содержания военнослужащим и расширение прав военных начальников в расходовании средств.

А тем временем от членов правительства из Иркутска продолжали лететь к Колчаку настойчивые предложения, если не сказать требования, сделать уступки «обществу», «демократии», произвести изменения в личном составе правительства.

И Колчак «уступает». Он назначает председателем Совета министров вместо безвольного и совсем опустившего руки П. В. Вологодского министра внутренних дел В. Н. Пепеляева, одного из активных участников омского переворота, брата командующего 1-й армией А. Н. Пепеляева.

Сын ветеринарного врача, учитель гимназии, участник корниловского мятежа, член восточного бюро ЦК партии кадетов и председатель президиума ее восточного отдела, член совета при Верховном правителе,

директор департамента милиции и государственной охраны, товарищ министра внутренних дел и, наконец, министр внутренних дел В. Н. Пепеляев, по свидетельству его современников, отличался честолюбием, упрямством и настойчивостью. Имел значительный запас самомнения и негибкий, примитивный ум. Не монархист, но республиканец сомнительный. Много доверия питал к старой бюрократии, враждебно относился к социалистам.

Пепеляев понимал, какую ношу взваливал на него Колчак, и посчитал необходимым высказать ему свое мнение по поводу причин создавшегося положения.

— Возлагаемые вами на меня новые обязанности, — говорил он утром 22 ноября по прямому проводу Колчаку, — непомерно тяжелые вообще, особенно тяжки в настоящий момент, спустя всего две недели после последнего моего доклада в Омске, когда я доложил вам о тревожных симптомах для всего дела борьбы. Ныне обстановка несомненно труднее. Прежде всего, я не знаю степени опасности, угрожающей району Западной Сибири, то есть последним нашим ресурсам. Некоторые распоряжения главного командования, несмотря на внешне решительный тон, трактуются как жест отчаяния. Целый ряд кризисов: продовольственный, денежный и другие — усугубляют опасность. Резкая критика власти всеми кругами... Общая ненависть к нынешней уродливой двоевластной военной системе внутреннего управления тылом...

Министр беспощадно разворачивал перед Верховным правителем картину реального положения дел, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. Он призывал объективно оценить сложившуюся обстановку, считал самообманом создание власти «на принципе только личных перемен, без решительных планов к изменению всех указанных ненормальностей».

— ...Я совершенно не закрываю на это глаза, ибо мне лучше, чем кому-либо, известна вся тяжесть настоящего положения, — соглашался Колчак. — Основной причиной неудовлетворительного внутреннего управления является незаконная деятельность низших агентов власти — как военных, так и гражданских. Деятельность начальников уездных милиций, отрядов особого назначения, всякого рода комендантов, на-

чальников отдельных отрядов представляет собой сплошное преступление.

Возмущался Колчак и союзниками, «ничего не признающими и стоящими вне всякого закона», служащими, «преследующими только личные интересы, игнорирующими всякие понятия о служебном долге и дисциплине»...

— Такова среда, в которой приходится работать, — сожалел Колчак, — но эту работу продолжать необходимо...

Признавая положение Западной Сибири тяжелым, он, однако, не расценивал его как совсем уж безнадежное, считал, что армия еще «сохранила управление и организацию», что она лишь «сильно ослаблена, плохо снабжена и совершенно измучена». Колчак упорно не хотел соглашаться с фактами развала армии, которыми буквально заваливала его контрразведка. И отчасти был прав.

Когда в декабре новониколаевский гарнизон (около 30 тысяч человек) поднял восстание, оно было быстро подавлено Колчаком, причем собственными силами, без помощи союзников. Это свидетельствовало о том, что процесс разложения армии, начавшийся уже давно и прогрессирующий изо дня в день, еще не охватил ее всю, что у Верховного правителя еще имелись надежные части и достаточно работоспособный аппарат управления. Что адмирал еще обладал вполне боеспособной силой, которую представляли преимущественно добровольцы Поволжья и Урала, оренбургские казаки.

— Я по-прежнему считаю вас единственным лицом, способным создать твердую правительственную власть, — продолжал разговор Колчак, — прошу вас принять мое предложение, тяжесть и трудность которого я вполне понимаю...

Пепеляев не возражал. Он только обратился к адмиралу с просьбой утвердить основные положения новой программы деятельности Совета министров, в которой имелись такие пункты, как управление страной только через министров (командование — воюет), отказ от военной системы управления, расширение прав государственного земского совещания, приближение власти к народу, сближение с оппозицией, объединение всех здоровых сил страны, решительная борьба

с произволом и беззаконием во всех их проявлениях, сокращение ведомств и другие.

Колчак одобрил все предложения, указав, что по вопросу о государственном земском совещании он пока высказывает лишь принципиальное согласие, откладывая детали до личной встречи.

— Благодарю вас за столь полное доверие и пожелания. Мои силы и даже жизнь в вашем распоряжении во имя России, — заверил Пепеляев Верховного правителя. — Я прошу лишь, когда нужны будут более крупные люди, обеспечить меня возможностью встать в ряды ваших войск простым солдатом. Да хранит вас Господь.

— Всего лучшего, Виктор Николаевич, дай вам Бог силы, здоровья.

Итак, Колчак, «признав необходимым — в тяжелых условиях, переживаемых страной, — образование власти гражданской, твердой в стремлениях к водворению правопорядка, проникнутой единой волей к борьбе с большевизмом до окончательного его искоренения и в этих целях внутренне объединенной», сделал ставку на Виктора Пепеляева, на его «несокрушимую энергию и стойкость в проведении мероприятий истинно государственных». Так говорилось в «рескрипте» адмирала Колчака на имя Пепеляева о назначении последнего председателем Совета министров.

Человек ограниченного ума, но поистине неограниченной энергии, Виктор Пепеляев сразу же развил бурную деятельность. Как будет видно из приведенных ниже записей переговоров по прямому проводу между братьями Пепеляевыми, министр Пепеляев в первую очередь направил свою «несокрушимую энергию и стойкость» не на осуществление «мероприятий истинно государственных», а на закулисную борьбу против Верховного правителя.

После уже известного нам разговора адмирала с Виктором Николаевичем последний неоднократно связывался с Томском и вел полные «тайн» и недомолвок разговоры с Анатолием Пепеляевым.

22 ноября:

— У аппарата генерал Пепеляев.

— Я у аппарата, здравствуй. Я вызвал тебя сообщить, что сегодня ночью я получил от Верховного

правителя предложение принять пост председателя Совета министров, — сообщал Виктор Пепеляев. — Утром я говорил с ним по прямому проводу и высказал свое мнение об основах будущей программы и формирования нового кабинета. Верховный правитель одобрил все предложения, указав, что по вопросу о государственном земском совещании он пока высказывает лишь принципиальное согласие, откладывая детали до встречи со мной. Я еще не поднимал вопросов военных, о которых мы говорили в Омске, так как хотел прежде переговорить с тобой. Могу поднять их по приезде в Западную Сибирь, что, думаю, будет скоро. Я хочу сейчас знать твое мнение обо всем мною сказанном, а также твою оценку военной обстановки в Западной Сибири.

— Я по аппарату не буду говорить свое мнение. Но вообще обстановка повелительно диктует ориентироваться на то, как мы предполагали в Омске, — отвечал генерал Пепеляев, — так как в общем масштабе обстановка не изменилась, настроение мне хорошо известно, я бы просил, если возможно, приехать в Томск, где буду знать все подробнее.

— Я думаю выехать через неделю или раньше, если будет назначен уже заместитель. Ответь мне, должен ли я принять назначение, по твоему мнению.

— Я бы хотел по этому поводу прислать шифрованную телеграмму, — ответил генерал, — подумав и взвесив некоторые обстоятельства, необходимо принять очень многое во внимание и делать шаги тогда, когда будет обеспечен полный успех...

Короткий разговор, в котором, однако, много непонятного: о каких «военных вопросах» шел разговор между братьями в Омске? Что «предполагали» там братья? Что «очень многое» необходимо принять во внимание? В чем должен быть обеспечен «полный успех»?..

24 ноября:

— У аппарата генерал Пепеляев.

— У аппарата министр Пепеляев. Здравствуй. Что скажешь?

— Здравствуй, Виктор. Кто, кроме тебя, есть у аппарата, и могу ли я говорить откровенно?

— У аппарата дежурный офицер, и, что можешь отложить, пошли шифром. К сожалению, я не мог расшифровать твоей телеграммы, что затрудняет мне многое. Я не могу больше откладывать и принял положительное решение — через несколько дней еду в Новониколаевск, и, если практическое осуществление не будет обеспечено, я не смогу нести эту невыносимую ответственность. Здесь все убеждали меня принять назначение.

— Я вполне согласен с этим. Представители общности Томска в полной мере поддерживают принципы, выставленные тобой в разговоре со мной по аппарату, что в общем сводится к тому, о чем мы говорили в Омске. Вне этого не видят выхода. Я прошу тебя настоятельно в ближайшем времени заехать в Томск. Это необходимо для дела. Чем скорее, тем лучше.

— Будь уверен, я буду советоваться с тобой по каждому важному вопросу и заеду к тебе, — заверил генерала министр Пепеляев. — Есть ли у тебя еще вопросы?

— В общем, настроение у всех таково, что не нужно терять ни минуты времени, надо спасти положение. Я обязательно жду тебя в ближайшие дни. Скажи, когда можешь быть в Томске хотя бы один день?

— Я выеду дня через три — остальное падает на дорогу.

— Хорошо, буду ждать обязательно.

— Всего хорошего. До свидания.

И снова вопросы.

Чему должно быть обеспечено «практическое осуществление»? Для какого дела необходим срочный приезд министра Пепеляева в Томск?..

26 ноября:

— У аппарата командарм Пепеляев.

— У аппарата председатель Совета министров.

— Здравствуй, Виктор, я вызвал тебя, чтобы сказать, что ты обязательно должен заехать в Томск, необходимо о многом переговорить. Больше я ничего не имею сказать. Когда выезжаешь?

— Я вызвал в Иркутск генерала Дитерихса, который сейчас в Чите: он выедет экстренно. До разговора

с ним я абсолютно не могу выехать. Положение здесь чрезвычайно сложно, но, конечно, центр тяжести не здесь, а у вас. Я обязательно выеду после беседы с Дитерихсом. Что скажешь?

— Каждый день дорог, а потому прошу скорее приехать... Я больше не буду телеграфировать. Через несколько дней можно тебя ждать?

— Я выеду, вероятно, послезавтра и буду гнать, как только возможно. Не можешь ли хотя бы намеком указать, какая часть нашего омского разговора является центром тяжести?

— Подумаю сейчас... Сейчас отвечу. Пока дело идет хорошо, в конечном счете необходимо ориентироваться на то, что мы говорили о переезде. Понятно?

— Нужно ли мне говорить, хотя бы в некоторой степени, с Дитерихсом об этом?

— В общих чертах нужно, — подтвердил генерал Пепеляев.

— Не будет ли правильно думать, что все решения сосредоточиваются в Западной Сибири, или приходится учитывать восток?

— Учитывать приходится, — согласился генерал, — но все же главнейшее на западе, ибо восток активным быть не может.

— Имеешь ли еще вопросы? — поинтересовался Виктор Пепеляев у брата.

— Пока нет. Желаю всего лучшего. Жду.

— Тебе тоже. До свидания.

И опять диалог, понятный только двоим. Почему Пепеляев не может выехать в Томск без предварительного разговора с Дитерихсом? Почему «каждый день дорог»? Какое «дело идет хорошо»? О каком переезде речь? Куда так торопились братья? Вопросы, вопросы...

Вывод как будто бы напрашивается сам собою: по-видимому, между братьями еще до оставления Омска была достигнута какая-то договоренность, а может быть, и приняты вполне конкретные решения. О чем? А хотя бы о подготовке правительственного переворота. Но может быть, и о смене высшего военного командования, в котором братья видели (или хотели видеть?) виновника всех последних неудач. Или о тех

мерах, которые настало время применить, чтобы заставить Колчака подписать долгожданный указ о созыве Земского собора — по мнению братьев, панацеи от всех бед. Ясно только, что братья что-то замышляют, и время их торопит, очень торопит, что сложившаяся ситуация предусматривалась ими еще в Омске и тогда же были намечены практические пути выхода из нее.

С НАЗНАЧЕНИЕМ В. Н. ПЕПЕЛЯЕВА происходят перемены в составе Совета министров. Из него удаляются министры, скомпрометировавшие себя злоупотреблениями, вводятся новые лица, в основном кадеты (А. А. Червен-Водали, С. Н. Третьяков и другие), прибывшие в Омск, до его падения, с юга России и служившие ранее у генерала А. И. Деникина.

Пепеляев пытается примирить иркутскую общественность с правительством, привлечь к работе в нем представителей эсеров, земства, кооперации и других социалистических и общественных организаций.

— Я не могу, — говорил им Виктор Пепеляев, — принять лозунг «Долой гражданскую войну!», ибо это означает мир с большевиками, а я формирую правительство для борьбы с ними. Я не могу согласиться на отрешение адмирала Колчака от звания Верховного правителя, ибо нам, хотя бы для иностранцев, нужен символ государственного единства России, а адмирал есть тот символ, носитель этой идеи. Я могу рекомендовать ему уехать к Деникину, на юг России, если его имя стало так одиозно, но и только. Я уже говорил с братом и обещаю, что высшее военное командование будет заменено новыми честными и способными людьми. Я готов в состав правительства ввести лиц, которых вы мне укажете. Я твердо решил ликвидировать военный режим и перейти к новому гражданскому управлению. Я добьюсь признания законодательных прав земского совещания и превращения его в Земский собор. Я сокращаю министерский аппарат, переходя от масштабов всероссийских к сибирским областным. Я предпринял уже шаги для заключения мира на всех внутренних фронтах, где действуют небольшевистские силы. Я отлично вижу ошибки прошлого, хочу их

исправить и избежать в дальнейшем. Я иду вам на встречу с открытой душой и прошу вашей помощи в трудной работе...

Эта программа не вызвала ни возражений, ни даже дополнений. Казалось, налицо все условия для устранения взаимного недоверия и непонимания. Но...

— Для того чтобы общество поверило новому правительству, — сказал эсер Е. Е. Колосов, как бы резюмируя все сказанное, — нужно устранить всех виновных в создании диктатуры и ее ужасов, прежде всего одного человека...

— Кого же именно? — простодушно спросил Пепеляев.

— Вас, Виктор Николаевич, — решительно отрезал Колосов.

Соглашение не состоялось...

Правительство снова оказывалось изолированным от общества. Для многих в те дни стало очевидным, что потерпит крах не только колчаковское, но и любое другое правительство, которое не учтет требований народных масс. Разрыв между желаемым и действительным достиг катастрофических размеров и приобрел необратимый характер, его невозможно уже было замаскировать пустой болтовней о каких-то новых формах правления. Усиливавшийся революционный подъем и рост «оппозиционных» настроений в среде «демократии» вносили все большее и большее замешательство в работу правительства. Его члены в Иркутске превращались в собрание людей, которых ошеломяли известиями, не давая возможности ни действовать, ни даже опомниться. Мало того, ни одно из предложений Совета министров не было утверждено адмиралом.

По свидетельству французского генерала М. Жаннана, Колчак продолжал проводить собственную политику с явной ориентацией на Семенова и Японию. Известно, что Колчак вел по прямому проводу переговоры с атаманом Семеновым, побуждая его двинуться к Иркутску и повесить министров, за что обещал ему часть вагонов с золотом, которое тащил за собой.

...После первого же заседания Совета министров, поручив дела министру-заместителю и министру иностранных дел С. Н. Третьякову, В. Н. Пепеляев отбыл

на запад, чтобы лично обсудить с Колчаком не терпящие отлагательства вопросы. Верил ли он в успех своей миссии? Навряд ли. Но был настроен решительно и совместно с братом буквально вымогал у адмирала указ о немедленном созыве сибирского Земского собора, «в лице которого сам народ возьмет в свои руки устройство Сибири и изберет сибирское правительство».

«Время не ждет, — убеждали братья Пепеляевы Верховного правителя, — и мы говорим вам теперь, что во имя родины мы решимся на все. Нас рассудит Бог и народ».

Похоже на ультиматум. Но все усилия оказались напрасными. А. В. Колчак не отверг, но и не принял ни одного предложения. Оторванный от своего правительства, адмирал плохо представлял себе обстановку в Иркутске, и тем не менее о каких-либо серьезных преобразованиях он и слушать не хотел.

Во время этого обсуждения генерал К. В. Сахаров пришел к Колчаку с докладом и нашел его крайне подавленным. Пепеляевы сидели за столом по обе стороны адмирала; лица у обоих выражали смущение, глаза опущены вниз, чувствовалось, что перед приходом Сахарова присутствующие вели какие-то неприятные разговоры.

Поздоровавшись, Сахаров попросил у адмирала разрешения сделать доклад без посторонних. Пепеляевы насупились еще больше, но сразу ушли.

Верховный правитель выслушал доклад и начал подписывать заготовленные приказы и телеграммы. Последним был приказ о реорганизации 1-й армии в неотдельный корпус.

Адмирал поморщился и начал уговаривать Сахарова отложить исполнение этого приказа, так как он может вызвать большое неудовольствие и даже привести к открытому выступлению.

— А то, — добавил он, — мне Пепеляевы уже говорили, что Сибирская армия в сильнейшей ажитации и они не могут гарантировать, что меня и вас не арестуют.

— Какая же это армия и какой же это командующий генерал, если он мог дойти до мысли даже говорить так и допустил до такого состояния свою армию.

Тем более необходимо сократить его. И лучший способ — превратить 1-ю армию в неотдельный корпус и подчинить Войцеховскому.

Верховный правитель не соглашался. Тогда Сахаров поставил вопрос иначе и спросил, находит ли адмирал возможным так ограничивать права главнокомандующего, не лишает ли он его этим возможности осуществить тот план, который им составлен, а адмиралом одобрен.

— Я не могу терпеть генерала, который, хотя и в скрытой форме, грозит арестом Верховному правителю и главнокомандующему, который развратил введенные ему войска, — говорил Сахаров, — иначе я не могу оставаться главнокомандующим.

Колчак стал мягко уговаривать генерала пойти на компромисс, заметив между прочим, что оба Пепеляевых и так уже выставляли ему требование сменить Сахарова и назначить главнокомандующим опять генерала Дитерихса.

Но Сахаров упорно стоял на своем: компромисса быть не должно.

— Хорошо, — согласился адмирал, — только я предварительно хочу обсудить этот приказ с Пепеляевыми. Это мое условие.

Через несколько минут оба брата были приглашены адъютантом и вошли, тяжело ступая, в салон.

Приказ о переформировании 1-й армии в неотдельный корпус произвел ошеломляющее впечатление. Сначала братья, видимо, растерялись. Первым пришел в себя генерал и заговорил повышенным, срывающимся на крик голосом:

— Это невозможно!.. Моя армия этого не допустит!..

— Позвольте, — перебил его Сахаров, — какая это, с позволения сказать, армия, если она способна подумать о неисполнении приказа? То вы докладываете, что ваша армия взбунтуется, если ее заставят драться под Омском, то — новое дело...

— Думайте, что говорите, генерал Пепеляев, — обратился к нему резким тоном, перебив Сахарова, адмирал. — Я призвал вас, чтобы объявить этот приказ и заранее устранить все недоговоренное. Главнокомандующий считает — эта перемена вызвана жизненными

требованиями, необходима для успеха плана. Я нахожу, что он прав.

Министр Пепеляев сидел, навалившись своим тучным телом на стол, насупившись, тяжело дыша, и нервно перебирал короткими пальцами пухлых рук. Сквозь стекла очков просвечивали маленькие глазки, выражение которых трудно было разглядеть. После некоторого молчания министр начал говорить, медленно и тягуче.

Сущность его запутанной речи сводилась к тому, что он считает совершенно недопустимым такое отношение к 1-й армии, что и так слишком много власти забрал главнокомандующий, что общественность недовольна гонениями...

— Так точно, — пробасил генерал Пепеляев, — и моя армия считает, что главнокомандующий идет против общественности и преследует ее...

— Что вы подразумеваете под общественностью? — спросил его Сахаров.

— Ну хотя бы земство, кооперативы, закупсбыт, центрсоюз, да и другие.

— То есть вы хотите сказать — эсеровские организации, — уточнил Сахаров. — Да, я считаю их вредными, врагами русского дела.

— Позвольте, но это подлѣжит ведению министра внутренних дел, — заметил, глядя на Сахарова поверх очков, министр Пепеляев и затем, грузно повернувшись на стуле, обратился к Верховному правителю: — Разрешите, Ваше Высокопревосходительство, снова выразить мне то, что уже докладывал: вся общественность требует ухода с поста генерала Сахарова и замены его снова генералом Дитерихсом, а я, как ваш министр-председатель, поддерживаю это...

— Что вы скажите на это? — тихо спросил Сахарова адмирал.

Генерал ответил, что не может позволить, чтобы кто-либо, даже премьер-министр, вмешивался в дела армии, что недопустима сама мысль о каких-либо давлениях со стороны так называемой общественности; вопрос же назначения главнокомандующего — дело исключительно Верховного правителя, его выбора и доверия.

— Тогда, Ваше Высокопревосходительство, освободите меня от обязанностей председателя Совета

министров, — тяжело, с расстановкой, но резко проговорил Пепеляев. — Я не могу оставаться при этих условиях.

Колчак вспыхнул. Готова была произойти одна из тех сцен гнева, когда голос его гремел и раздражение переходило всякие границы. В такие минуты министры не знали куда деваться и становились похожи на провинившихся школьников. Но через мгновение адмирал переборол себя. Лицо его потемнело, глаза потухли.

Прошло несколько минут тягостного молчания, затем Верховный правитель отпустил всех.

— Идите, господа, — сказал он утомленным и тихим голосом. — Я подумаю и приму решение. — А к Сахарову обратился мягко: — Ваше Превосходительство, приказ о переформировании 1-й армии подождите отдавать, а остальные можно выпускать.

Через несколько часов произошло вооруженное выступление некоторых частей 1-й армии в Новониколаевске. Срочно созванное губернское земское собрание выпустило воззвание о переходе всей полноты государственной власти к земству и о необходимости кончить гражданскую войну. Полковник Ивакин, буквально накануне назначенный начальником Сибирской дивизии, стоявшей гарнизоном в городе, вывел полки на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Но инцидент быстро ликвидировали. Офицеры и солдаты, как оказалось, не знали, на какое дело ведет их Ивакин; большинство из них думали, что он действует по приказу Верховного правителя. Ивакина арестовали и предали военно-полевому суду.

На станции Тайга почти всю ночь шли переговоры по поводу этого инцидента. Генерал Пепеляев снова говорил об угрозе бунта его армии, если Ивакин не будет освобожден. Но когда Ивакин пытался бежать из-под стражи и был убит часовым, ни одна часть 1-й армии и не подумала выступить.

Не помогло даже воззвание к офицерам о прекращении гражданской войны, выпущенное за подписью некой «офицерской группы». Вот его текст:

«Товарищи-офицеры! В наших руках остановить братоубийственную войну. Что возрождаем мы? Рос-

сию ли? Нет, это абсурд. Зря льем кровь во имя полного истощения России. Сколько процентов воюет убежденно? — 2%. Старые генералы, попрятавшись после переворота в норы, вылезли вновь во всем своем величии и вырвали из наших рук все и посылают нас что-то возрождать чудовищное, защищать их шкуру, их авантюристические замыслы, но никак не возродить Россию...

Масса здоровых и сильных, с заплывшими от жира лицами людей попрятались в тылу, откупились. Они кричат, пишут призывы, но дальше ни на шаг, а мы, офицеры и солдаты, воюй, лей кровь за их благополучие, за их полную удовольствия жизнь, за их состояние. И что же за это? Какие-то гроши, ужаснее ада смерть и еще обещают дать нашим семьям нашу же землю. Что нам до спасения России, когда 99 % не хочет ее, а кто хочет, он желает сделать ценою тысяч жизней других, но никак не своей. При первой же неустойке они убегут, спрячутся, а мы?

Довольно! Нам надо остановить кровь, остановить гонение на нас, так как во всей этой аванюре винят нас, призванных какой-то кучкой под угрозой расстрела. Теперь мы вместе скажем своим спянным голосом свое слово: «Будет, ни капли крови больше», — и начнем переговоры с большевиками о мире в залитой братской кровью России. Этим мы в тысячу раз сделаем лучше для России, чем то, что хочет кучка болтунов — созидателей великой России.

Бояться нечего; наши требования поддержит народ и братья чехо-словаки... Как человек худо ни живет, а все жить хочет, так как самый ценный дар природы — жизнь. Так почему же из-за ничтожного процента будут гибнуть тысячи жизней?

Этот зов должен облететь всех офицеров и всю армию. Медлить нечего: начнем в Томске. Эти воззвания рассылаются во все части гарнизона, и начальники частей, предварительно сговорившись, должны собрать офицеров и взводных 6 декабря, прочитать воззвания и вынести решения. Иначе — мы, офицерская группа, авторы этого воззвания, сами сделаем переворот, изловив тех, кто станет на пути. Лучше меньше крови, чем масса.

Офицерская группа.

Возможно, этот документ составлен в провокационных целях. Об этом красноречиво говорят предложения «собрать офицеров и взводных 6 декабря, прочитать воззвания и вынести решения», «начать переговоры с большевиками о мире». В армии, да и среди самой «общественности» не было более тяжкого преступления, чем связь с большевиками и сочувствие им, не говоря уже о намерении вступить с ними в переговоры о мире. Поэтому ясно, что воззвание «офицерской группы» преследовало цель спровоцировать антиколчаковское выступление новониколаевского гарнизона — а это тогда нетрудно было сделать — и потопить его в крови.

Но нет ничего невероятного и в том, что воззвание было действительно «криком истерзанных душ от происходящих событий». Предложение переговоров с большевиками о мире в то время и в офицерской среде, потерявшей всякую опору, не редкость, так как идея прекращения войны с советской властью, как говорится, носилась в воздухе.

«В некоторых частях определенно высказываются требования заключения мира с большевиками и обычные эсеровские лозунги, — телеграфировал Колчак в Иркутск в Совет министров. — ...Часть офицеров также затронута этой пропагандой и даже выступает активно».

На некоторые размышления, однако, наводит срок назначенного выступления — 6 декабря, очень уж он совпадает по времени с ультиматумом братьев Пепеляевых Колчаку, с арестом ими командующего фронтом генерала Сахарова. Не пепеляевская ли это «офицерская группа»?

9 декабря (26 ноября по старому стилю), как раз в праздник ордена Святого великомученика Георгия, который императорская Россия привыкла чтить и отмечать в этот день славу своей армии, генерал Сахаров был арестован братьями Пепеляевыми на станции Тайга.

Из воспоминаний генерала К. В. Сахарова:

«Дело произошло так. Утром я приказал двигать поезд на следующую станцию, чтоб там выяснить окончательно все вопросы, потому что оставлять даль-

ше армию в таком неопределенном состоянии было бы преступно. Мне доложили, что расчищаются пути, отчего и произошла задержка, но что в 9 часов поезд отправится. Вместо этого около 9 часов утра ко мне в вагон вошел мой адъютант поручик Юхновский и доложил, что генерал Пепеляев просит разрешения прийти ко мне. Я передал, что буду ожидать 15 минут.

А через десять минут были приведены егеря 1-й Сибирской армии, и мой поезд оказался окруженным густой цепью пепеляевских солдат с пулеметами, полк стоял в резерве у станции, там же выкатили на позицию батарею. Егеря моего конвоя и казаки, которых всех вместе в поезде было около полтораста человек, приготовились встретить пепеляевцев ручными гранатами и огнем, но комендант поезда лично предупредил новое кровопролитие, которое было бы очень тяжело по своим последствиям для армии и сыграло бы только на руку врагам России.

В вагон, где я находился, вошли три ближайших к Пепеляеву офицера, всклокоченные фигуры, так похожие на героев февральской революции, с вытасканными револьверами, и один из них, насколько помню, полковник Жданов, заявил, что по приказанию премьер-министра Пепеляева я арестован.

— Прежде всего потрудитесь спрятать револьверы, так как ни бежать, ни вести с вами боя я не собираюсь.

Пепеляевские офицеры выполнили приказание, молча и несколько удивленно переглядываясь между собою.

— А теперь я сам пойду разговаривать с премьер-министром в сопровождении моего помощника генерала Иванова-Ринова и адъютанта. Вы можете также идти, если хотите, сзади.

...Оба брата Пепеляевы сидели мрачно в грязном салон-вагоне командующего 1-й Сибирской армией, на столе, без скатерти, валялись окурки, был розлит чай, рассыпаны обгрызки хлеба и ветчины; генерал сидел, развалившись, без пояса, в рубашке с расстегнутым воротом, также с взлохмаченной шевелюрой. И грязь и небрежность в одежде и позе — все было декорацией для большей демократичности.

Объяснение носило полукомический характер. Министр заявил мне, что для блага дела он решил меня

арестовать, чтобы отделить от Верховного правителя «за то, что вы имеете на него большое влияние», — закончил он; брат его, командующий армией, откровенно признался, что я виноват в оскорблении 1-й Сибирской армии, которую считал хуже других.

— А кроме того, Ваше Превосходительство, вы хороший и храбрый генерал, это все признают, но вы стоите за старый режим и... очень строгий. Нам такого не надо, — добавил этот парень-генерал.

— Кому это нам?

— Да вот офицерам... А впрочем, больше толковать нечего, — грубо басил он дальше, — арест уже сделан.

— Да... Сила на вашей стороне, но вы поймите, что вы совершаете преступление, арестовывая главнокомандующего, оставляя армию без управления.

— Вы уже не главнокомандующий. Адмирал согласился просить еще раз генерала Дитерихса, а временно приедет и вступит в должность генерал Каппель.

Сначала Пепеляевы хотели везти меня в Томск, в свою штаб-квартиру, но потом оставили на ст. Тайга, под самым строгим наблюдением, которое продолжалось до самого приезда генерала Каппеля, до вечера следующего дня).

Итак, Колчак уступил Пепеляевым. Вместо К. В. Сахарова главнокомандующим был назначен генерал В. О. Каппель, командующий 3-й армией. Для него все произошедшее явилось полной неожиданностью. Каппель начал сейчас же переговоры с Пепеляевыми, затем по прямому проводу с адмиралом, прилагая все усилия, чтобы разъяснить запутавшееся положение. Он просил адмирала Колчака оставить все по-прежнему: Сахарова — главнокомандующим, а его вернуть на свой пост в 3-ю армию. Сахаров же настаивал на своем возвращении на чисто строевую должность, к войскам, также в 3-ю армию.

20 декабря генерал Сахаров направил Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку телеграмму следующего содержания:

«В телеграмме № 216/П Ваше Высочайшее Превосходительство изволили выразить, что в моих интересах возможна скорейшая реабилитация путем всесторон-

него расследования по не известным для меня тяжким обвинениям, предъявленным предсовмином Пепеляевым.

Вся моя деятельность на различных постах была направлена исключительно на служение родине, а с начала революции я пошел путем русского офицера, стремившегося: первое — удержать армию от развала и, второе, создать наиболее прочную и крепкую русскую воинскую силу, чуждую какой-нибудь партийности, а тем паче чьих-либо личных целей. Эта моя служба России и народу проходила у всех на глазах, была настолько пряма, что вызвала мой арест Керенским в сентябре 1917 года совместно с генералом Корниловым, вторично в феврале 1918 года я был захвачен большевиками из донской территории, когда шел с небольшим отрядом на присоединение к Корнилову и Алексееву, после чего пришлось просидеть в большевистских тюрьмах шесть месяцев. Вырвавшись оттуда, я пробрался в октябре прошлого года в Сибирь, и здесь вся моя служба, работа и деятельность, равно мысли, их направлявшие, известны Вашему Высокопревосходительству. —

Беру на себя право и смелость сказать, что не боюсь не только расследования и суда современников, но и суда истории, так как вся моя служба России и народу чиста.

В день георгиевского праздника 9 декабря нового стиля на станции Тайга предсовмин Пепеляев совместно со своим братом генлейтом Пепеляевым, командармом первой, произвели вооруженное выступление и арестовали меня и штаб до сдачи главнокомандования, не предъявив на то Вашего разрешения или приказа. Арест был с меня снят фактически только после прибытия на станцию Тайга нового главнокомандующего генерала Каппеля. За два дня до этого такое же вооруженное выступление произведено было на станции Новониколаевск начальником 1-й Сибирской дивизии полковником Ивакиным, арестовавшим частями той же первой Сибирской армии (так в документе, следует читать 1-й Сибирской дивизии. — *Авт.*) командарма второй генерала Войцеховского и его штаб.

При этом полковник Ивакин захватил частями первой Сибирской дивизии город Новониколаевск, обра-

зовал комитет спасения родины, имея целью прекращение борьбы с большевиками, заключение с ними мира и образование социалистического правительства.

Одновременно пропаганда и разложение частей первой армии велись в Томске с целью вовлечь войска в государственный переворот и заключить мир с большевиками, в результате чего и произошло восстание в Томске, захват его красными бандами и переход на их сторону некоторых войсковых частей. Кроме чисто внешней связи, я усматривал несомненность внутренней связи между событиями в Новониколаевске и Томске и вооруженным выступлением с арестом главнокомандующего 9 декабря на станции Тайга. Эта внутренняя связь устанавливается следующими обстоятельствами: первое — предъявление верховной власти ультимативного требования о смене главнокомандующего; второе — подкрепление этого требования ссылкой на настроение частей первой армии; третье — одновременность и одинаковая планомерность вооруженных выступлений в Новониколаевске и на станции Тайга; четвертое — подготовка этих выступлений широкой пропагандой в пользу слияния с социалистами; пятое — заявление командарма первой генлейта Пепеляева, что он подчиняется генералу Каппелю временно, до прибытия генерала Дитерихса; шестое — заявление его же главнокомандующему с предъявлением требования, чтобы была сохранена жизнь осужденным офицерам, виновникам в попытке вооруженного переворота в Новониколаевске; седьмое — разрешение, данное генлейтом Пепеляевым полковнику Ивакину, не исполнять мое, главнокомандующего, приказание о явке в штаб фронта, отданное мною еще в конце ноября.

Помимо этих явных государственных преступлений вооруженное выступление на станции Тайга лишило фронт на несколько дней управления, нарушило связь, создало на станции пробку, расстроив и без того трудную эвакуацию по железнодорожной магистрали, и внесло преступную деморализацию войск, вовлеченных в политические перевороты.

Не получив до сего времени ни одного пункта фактического обвинения от предсовмина Пепеляева, я вновь докладываю, что вся моя служба родине была чиста и проходила на глазах всех и Вашего Высокопре-

восходительства, почему я и утверждаю, что если обвинения имеются, то это инсинуация, имевшая единственную цель устранить меня, как нежелательного активного борца за единую Великую Россию и непримиримого врага социалистов-большевиков.

Арест же меня на станции Тайга, после того как цель, поставленная братьями Пепеляевыми — устранить меня от главнокомандования, — была достигнута, может быть объяснен лишь желанием произвести преступный акт и тем еще более деморализовать войска, сделав их орудием для достижения дальнейших политических целей.

На основании всего изложенного считаю, что всесторонне гласное и широкое расследование всей моей деятельности по командованию армией и главнокомандованию фронтом является необходимым не только в моих личных видах, но, главным образом, и для русского дела.

Для русского же дела необходимо расследование той же комиссией деятельности предсовмина и командарма первой и связанных с ними лиц, использовавших тягчайшее положение армии и разруху тыла для достижения целей, стоящих вне интересов России и народа. Ввиду того, что все лица и материалы, необходимые для предстоящего расследования, находятся на фронте, здесь же протекли последние полгода моей работы, полагаю, что комиссия может быть образована только при штабе фронта повелением Вашего Высочайшего превосходительства из лиц, кои своею незаинтересованностью могли бы обеспечить беспристрастность и правдивость расследования.

Генлейт *Сахаров*.

20 декабря, ст. Итат. № 0501».

Адмирал решил «мудро»: по его указанию Совет министров назначил расследование действий генерала Сахарова в связи со сдачей Омска и дальнейшим отступлением армии на восток.

...Колчак продолжал свой путь на восток среди ящиков с золотом, платиной, драгоценностями царского дворца и русских музеев — бесценным, но ро-

ковым грузом для Верховного правителя. К Колчаку присоединился и Виктор Пепеляев, который уже остыл и не спешил обратно в Иркутск. Теперь премьер не только не противоречил Колчаку, а скорее поддерживал его во всем, как будто решил больше не искушать судьбу.

Третьяков уехал в Забайкалье, надеясь привести оттуда семеновцев и японцев. Немногие верили в его возвращение. Обязанности председателя Совета министров остался исполнять министр внутренних дел А. А. Червен-Водали, безропотно взваливший на себя тяжелую ношу...

ВСПОМНИМ ЕЩЕ ОДНО СОБЫТИЕ, безусловно подтолкнувшее адмирала к краю пропасти, ускорившее трагический конец его власти.

Одновременно с падением Омска чехи отказали Верховному правителю в дальнейшей поддержке, отказали в тот период, когда он в ней особенно нуждался.

Поддерживавшие своими штыками сибирскую белую власть чехи перед грозой надвигавшихся событий, которые могли привести к большим и крайне невыгодным для них осложнениям, а также с целью завоевания симпатий мировой общественности предпринимают запоздалую попытку отмежеваться от «подвигов» колчаковцев в Сибири.

Уполномоченные чехословацкого правительства в России Б. Павлу и В. Гирса (12 ноября 1919 года, накануне падения Омска, Б. Павлу отозвали с поста уполномоченного, а на его место назначили менее скомпрометированного сотрудничеством с омским правительством и более гибкого В. Гирса) публикуют обращение (меморандум) к политическим и военным представителям стран Антанты и США с просьбой о скорейшей их эвакуации на родину.

«...Сейчас пребывание наших войск на магистрали и ее охрана становятся невозможными как ввиду абсолютной бесцельности, так и с точки зрения самых элементарных требований справедливости и гуманности, — писали чехи. — Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, наша армия вынуждена

против своего убеждения содействовать и поддерживать то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось. Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы совершают такие действия, которые поражают весь цивилизованный мир. Сожжение деревень, убийства мирных русских граждан, расстрелы сотен демократически настроенных людей без суда, лишь по подозрению в политической нелояльности — повседневное явление, и ответственность за все это перед судом народов всего мира падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому беззаконию». А в качестве причины того, что им приходилось якобы пассивно созерцать это «беззаконие» чешские политики выдвигают «нейтралитет и невмешательство во внутренние дела русских».

Как будто не они начали в мае 1918 года активное выступление против советской власти!

Как будто не они захватывали город за городом, арестовывая членов местных советов и передавая власть в руки белых, создававших местные правительства!

Как будто не они организовали террор и кровавые расправы с рабочими и крестьянами по всей Сибири и Уралу, устилая свой «путь к славе» трупами замученных в застенках, повешенных, расстрелянных и зарубленных!

Как будто не они повели сначала осторожные «коммерческие дела», затем открытую и беззастенчивую спекуляцию и наконец чистый грабеж России — на сей раз под лозунгом борьбы «против русской реакции».

Когда красные полки осенью 1918 года заняли Симбирск, затем Сызрань и Самару, чехи перестали сражаться, хотя на заборах и стенах городов и железнодорожных станций еще пестрели их разноцветные прокламации и обращения к русскому населению — с призывами объединяться в борьбе против большевиков, с громкими обещаниями драться до победного конца.

А вместо этого — сдача красным позиций за позицией, отказ от выполнения боевых приказов, требование вывоза в тыл; последнее мотивировалось тем, что

они хотят быть отправленными в Европу, на французский фронт.

Русское командование против этого не возражало, просило лишь об одном — подождать несколько недель, дать возможность закончить формирование русской армии. Чехи не согласились даже на это. И к началу ноября 1918 года корпус был убран в тыл, на фронте остались только русские молодые полки.

Чехи заполонили все железнодорожные станции — без погон, в умышленно небрежной и неформенной одежде, с насупленными злобными взглядами, вечно руки в карманах, — чтобы по ошибке и по старой привычке не отдать честь офицеру; молчаливые, ничего не делавшие.

Было у них, правда, еще одно занятие: сторожить свои огромные запасы, охранять их усиленными караулами, с винтовками в руках.

Вот лишь краткий перечень вывезенного чехами после отступления от Волги («Дело России». 1920. № 12).

«Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою военную добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего, чего только не было у чехов. Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казенных складов и казенного имущества, чехи стали забирать все, что попадало им под руку, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало. Металлы, разного рода сырье, ценные машины, породистые лошади — объявлялись чехами военной добычей. Одних медикаментов ими было забрано на сумму свыше трех миллионов золотых рублей, резины на 40 миллионов рублей, из Тюменского округа вывезено огромное количество меди и т.д. Чехи не постеснялись объявить своим призом даже библиотеку и лабораторию Пермского университета. Точное количество награбленного чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету, эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 году. Часть этой до-

бычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам, часть была погружена в вагоны и предназначена к отправке в Чехию. Словом, прославленный коммерческий гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорее приближалась к понятию открытого грабежа, но чехи, как народ практический, не были расположены считаться с *предрассудками*.

К этому необходимо добавить, что чехи захватили и объявили своей собственностью огромное количество подвижного железнодорожного имущества: сотни и сотни паровозов, десятки тысяч вагонов — один вагон приходился на двух чехов! Понятно, что такое количество легионерам было необходимо для провоза и хранения захваченной в России добычи, а никак не для нужд боевой службы.

Естественно, иностранные «высокие комиссары» были в курсе всего: и предательства чехами интересов фронта, и бесконечных грабежей союзника-России, и вмешательства в государственные русские дела. Но они стыдливо закрывали глаза, загадочно улыбались и... бездействовали; втайне же, за спиной русских, союзники всячески поощряли чехов.

Интересную зарисовку по этому поводу сделал генерал К. В. Сахаров:

«Ранней весной (1919 года. — *Авт.*), проездом в Омск, я и генерал Нокс остановились на несколько дней в Иркутске. Командующий войсками этого округа генерал-лейтенант Артемьев развернул перед нами ужасную картину безобразного поведения солдат-чехов; старый боевой русский генерал трясся от гнева и от сдерживаемого желания поставить на место разнузданную массу чехов, которых в свое время и корпус генерала Артемьева взял немало в плен в Галиции и в Польше. Представитель Великобритании Нокс, который был отлично в курсе всего, который сам возмущался в интимном кругу этими порядками, теперь пожимал только плечами и говорил, что надо терпеть, так как в будущем чехословацкие войска принесут-де пользу.

Ненависть и презрение к дармоедам, обокравшим русский народ, возрастали в массах населения сибирских городов, в деревнях и в армии. Когда мы проез-

жали по улицам Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, то видели на заборах почти всех улиц надписи мелом и углем: «Бей жидов и чехов. Спасай Россию».

Нокс опять пожимал плечами и бормотал что-то о несдержанности русского народа.

На остановке в Красноярске в апреле 1919 года я долго говорил с начальником 3-й чехословацкой дивизии, майором Пржхалом... По его мнению, дело можно было исправить, можно было даже получить для борьбы с большевиками хорошую и достаточную силу, — для этого требовалось провести лишь три меры: упразднение всяких политических руководителей, отделить около половины негодного элемента, обезоружить его, заключив в концентрационные лагеря, и вернуть строевым начальникам всю дисциплинарную власть, с учреждением военно-полевых судов. Понятно, на это не шли ни политические руководители чехов, ни союзные представители, ни «главнокомандующий» русскими военнопленными Жаннен. Им нужно было не то...»

Возникает вопрос: что же за отношение было у союзников к России? Ведь у них в Сибири было достаточно сил — японские дивизии, канадская дивизия, батальоны сербов, румын, итальянцев, французов, англичан — чтобы обуздать зарвавшихся чешских легионеров. Это можно было сделать и это должны были сделать бывшие союзники России, на это им не раз указывали из Омска. Но они этого не сделали. А может быть, и не хотели делать?

После падения Омска чехов охватила паника. Гонимые страхом за свои жизни, легионеры рванули назад, на восток.

Вот лишь краткое описание («Дело России». 1920. № 14) происходившей в это время в Сибири трагедии:

«Длинной лентой между Омском и Новониколаевском вытянулись эшелоны с беженцами и санитарные поезда, направлявшиеся на восток. Однако лишь несколько головных эшелонов успели пробиться до Забайкалья, все остальные безнадежно застряли в пути.

Много незащитных стариков, женщин и детей <...> замерзло в нетопленных вагонах и умерло от истощения или стало жертвой сыпного тифа. Немногим удалось спастись из этого ада. С одной стороны надвигались

большевики, с другой лежала бесконечная, холодная сибирская тайга, в которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

Постепенно замирала жизнь в этих эшелонах смерти. Затихали стоны умирающих, обрывался детский плач, умолкало рыдание матерей.

Безмолвно стояли на рельсах красные вагоны-саркофаги со своим страшным грузом, тихо перешептывались могучими ветвями вековые сибирские ели, единственные свидетели этой драмы, а вьюги и бураны напевали над безвременно погибшими свои надгробные песни и заметали их белым снежным саваном.

Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемого словами ужаса были чехи.

Вместо того чтобы спокойно оставаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение».

И дальше: «Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретенными ими на Волге, Урале и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого движимого имущества чехов».

А Гирса и Павлу накануне этого кошмара вызывают в своем меморандуме к Международному суду, заботятся о том, «чтобы довести до сведения народов всего мира, в каком трагическом, с моральной точки зрения, положении оказалась чехословацкая армия».

Адмирал был взбешен, он дрожал и белел от бессильной ярости. Его оскорбил меморандум руководителей легионеров. Колчак послал в Иркутск генералам Жаннену и Ноксу, дипломатическим представителям Франции, Японии, Англии и США гневную телеграмму. Не стеснялся в выражениях, небывалых, наверное, в практике международных отношений. Он ругал чехов вообще и их дипломатических представителей Павлу и Гирса.

Одновременно Колчак потребовал от председателя Совета министров Пепеляева прекратить всякие отношения с «интриганами» и «шантажистами», «войти со срочным представлением через Сазонова к чешскому правительству с предложением отозвать этих лиц (Павлу и Гирса. — *Авт.*) из России и заменить их другими, умеющими себя хотя бы вести прилично».

Об этом, конечно, стало известно чехам, и они начали вредить Верховному правителю, подолгу задерживая его поезда на станциях, которые практически находились под их полным контролем. На одной из станций Колчак потребовал, чтобы к нему явился чешский комендант для объяснений, почему так долго не подают паровоз. Комендант велел передать Колчаку, что среди них «нет людей, умеющих себя прилично держать. Пусть адмирал ждет, пока пришлют приличных людей».

Виктор Пепеляев, всегда призывавший к сближению с чехами, стремился примирить Колчака с ними. Начались переговоры по прямому проводу:

— Полученные телеграммы приводят Совет министров в сомнение, что они действительно вами подписаны. Прошу вас мне это подтвердить, — телеграфировал Пепеляев в поезд Колчака.

— Да, удивлен вашему запросу.

— Необходимость требует, чтобы они немедленно были вычеркнуты из списков, — настаивал Виктор Николаевич. — Положение здесь критическое, если конфликт немедленно не будет улажен — переворот неминуем. Симпатии на стороне чехов. Общественность требует перемены правительства. Настроение напряженное. Ваш приезд в Иркутск пока крайне нежелателен, я слагаю с себя всякую ответственность.

Колчак упорно сопротивлялся:

— Вычеркнуть из списка телеграммы я не могу. Я стою на своей точке зрения и такого отношения со стороны союзников ко мне и моему правительству не потерплю. Я возрождаю Россию и, в противном случае, не остановлюсь ни перед чем, чтобы силой усмирить чехов, наших военнопленных...

Но Пепеляев продолжал убеждать Колчака в необходимости отменить направленную союзным представителям телеграмму с резким протестом по поводу

чешского меморандума, упрекал его в незнании обстановки и единоличном принятии столь важного решения, обвинял в нанесении удара в спину проводимой Советом министров политике сближения с чехами, призывал стерпеть обиду «во имя сбережения сил», грозился уйти в отставку. На помощь предсовмину бросился управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин. Оба не столько просили, сколько требовали, засыпая Верховного правителя телеграммами. И тот сдался, сменив гнев на милость.

Уже 30 ноября Колчак отозвался о чешском меморандуме не иначе, как о выражении «чувства искреннего пожелания содействовать нам в нашей тяжелой борьбе за будущность России и славянства», высказал Пепеляеву и Сукину просьбу «привлечь внимание чешских представителей на необходимость приостановить и с их стороны передачу меморандума кабинетам, что, несомненно, даст прочную почву для содружественной нашей работы».

Гирса заверил Пепеляева, что чехи зла не помнят и что против нового правительства, формируемого им, никаких выступлений со своей стороны не допустят. Но о том, чтобы снова заманить чехов на противобольшевистский фронт, речи уже быть не могло.

Глава 10

АГОНИЯ

Пасмурный сидел адмирал в салоне, нервно и то-ропливо курил, положив ногу на ногу. Он болезненно хмурился. Все, казалось, направлено против него. Особенно раздражали белые нити в густых еще темных волосах.

В последние дни Александр Колчак старался скрыть свою раздражительность, но нервное напряжение достигло предела — вчера за обедом он разбил четыре стакана. Адмирал вытянул шею, откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза. Не хотелось думать, не хотелось вспоминать...

Колчак резко встал, подошел к окну. Взгляд его устремился вдаль, на заснеженную Россию. Он любил этот белый покров, эту серо-синюю дымку, из которой будто вырвано солнце. Белый снег всегда умиротворяет, примиряет.

Адмирал облизал обветренные губы, потер лоб тыльной стороной ладони. Потом прошагал по салону, остановился на кромке ковровой дорожки. Ее яркая расцветка тоже вызывала раздражение; сегодня все раздражало Колчака: и горечь папиросного дыма, и неуспехи на фронте, и физиономии визитеров. Любые разговоры выводили его из душевного равновесия. Он не ощущал взаимосвязи событий. Именно сейчас, когда события стремительно менялись, хотелось полной их неподвижности.

ТРАГИЧЕСКИ СКЛАДЫВАЛОСЬ ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ. 21 ноября командующий фронтом генерал Сахаров в Новониколаевске на общем собра-

нии членов особого совещания при начальнике добровольческих дружин генерале Голицыне в присутствии А. В. Колчака заявил, что армия отводится в тыл, отступает и будет отступать. Говорил Сахаров спокойно, даже равнодушно, как о чем-то уже давно решенном и само собой разумеющемся.

Однако находившиеся на собрании представители многочисленных общественных организаций были потрясены услышанным. Они решительно заявили Верховному правителю и его главнокомандующему, что томско-алтайский край, как и вся Западная Сибирь, не могут быть отданы большевикам, ибо это означает гибель всего дела борьбы за возрождение родины. Они требовали приказа о прекращении отступления, смены высшего военного командования, сурового наказания виновников разгрома армии. Требовали... Предлагали... Они еще думали, верили, что их протесты, пожелания, постановления, требования смогут что-то изменить, смогут заставить армию сражаться.

Фронт потерял надежду на победу, без чего немалым успех никакого дела. Надеялись только на чудо или на вмешательство союзников.

Фронт утратил боевой дух. А ведь еще Наполеон сказал, что успех на войне на три четверти зависит от духа войск и на одну только четверть от реальных сил. Но кто или что может поднять упавший дух? Колчак ответа на этот вопрос не знал. Он страшился не только говорить, но и думать о будущем.

Фронт отступал. Еще 20 ноября был отдан приказ об ускорении продвижения на восток всех эшелонов, находившихся западнее Новониколаевска, кроме необходимых для снабжения армии, а также об эвакуации района Новониколаевск — Ачинск. Чуть позже во Владивосток командующему Приамурским военным округом генералу Розанову, в министерства снабжения и иностранных дел были отправлены телеграммы о необходимости пополнения запасов продовольствия в Маньчжурии и Южном Китае через Японию «ввиду возможного оставления нами района Н.-Николаевска — Барнаула и потери вместе с тем хлебных запасов», а потому «решительно встает вопрос дальнейшего питания армии».

Неизбежность потери основной политической

и экономической базы — Западной Сибири — выдвигала вопрос о перебазировании армии и, как следствие этого, об изменении внешнеполитической ориентации. Если раньше Колчак стремился к прочным связям с Францией, Англией, США, то перебазирование армии в Восточную Сибирь неизбежно заставляло искать союза с Японией.

Вместе с тем перебазирование армии требовало надежного прикрытия. Им могли стать иностранные войска, находившиеся в полосе железной дороги. Несомненно, что отход армий Колчака за линию иностранных войск создал бы благоприятную ситуацию для организации нового антибольшевистского похода. Однако время для реализации этого плана было упущено, иностранные войска сами поспешно отходили на восток. Из-за непримиримости противоречий среди иностранных держав провалилась и попытка главнокомандующего союзными войсками в Сибири М. Жаннана возобновить прямую вооруженную интервенцию войсками Японии, что служит еще одним примером того, как трение между интервентами мешало им объединить свои усилия в борьбе против большевиков.

Оставалось одно: прикрываясь собственными сильными арьергардами для сдерживания противника, постараться оторваться основной массой войск от передовых частей красных и тем самым выиграть время для приведения себя в порядок. «Переход к более решительным действиям, — считал А. В. Колчак, — будет возможен лишь по выполнении этой задачи». Однако ее успешное практическое осуществление требовало проведения энергичных мер. Белые же пытались сохранить и военные запасы, эвакуация которых была возложена на 2-ю, а затем и на 3-ю армию, что резко снизило темп отвода полевых войск.

Кроме того, обеспечивая себе скорейший проезд на восток, союзники стали силой отбирать у белых эшелонов паровозы, вынуждая войска Колчака отходить пешим порядком.

Все это, а также стремительное продвижение красных не дало колчаковцам осуществить задуманное. Предназначенные для вывода в резерв соединения и части успевали отойти не далее чем на 30—50 верст от боевой линии. Сокращение линии фронта на глав-

ном новониколаевском направлении позволило вывести войска 1-й армии (кроме 7-й Сибирской и 15-й Воткинской дивизий) в стратегический резерв, в район Томска, для переформирования и пополнения. Этими силами и надеялись сдержать натиск красных, поправить положение.

Белое командование пыталось осуществить и реорганизацию войск: увеличить их боевой состав за счет сокращения общего количества боевых единиц и тыловых учреждений. Для этого поредевшие дивизии и отдельные бригады были сведены в полки и на базе трех последних созданы новые соединения. Артиллерия сводилась в трехдивизионные бригады — по две батареи в каждом дивизионе, а оставшаяся направлялась в Новониколаевск. Вся кавалерия переформировывалась из расчета по одному эскадрону на полк и по одному дивизиону на дивизию. Все казачьи отдельные сотни передавались на укомплектование казачьих полков. Дивизия должна была иметь по одной телеграфной и саперной роте, а все остальные специальные и вспомогательные подразделения и части расформировывались и их личный состав предназначался для пополнения стрелковых соединений. Реорганизации подверглись штабы, управления, учреждения и обозы.

Общее состояние белых войск, по утверждению самого А. В. Колчака, «характеризуется: 1) большими потерями; 2) утомлением, доходящим до полного истощения; 3) плохим снабжением теплой одеждой и заболеваемостью; 4) крайне трудным транспортом благодаря расстройству железнодорожного движения (внесенного почти исключительно чешской эвакуацией). Добровольческое движение <...> слабо и даст незначительные результаты. Мобилизация же населения вследствие его нежелания вести борьбу невозможна, так как она даст только окончательно деморализующий армию элемент». Части 1-й армии белых находились «в состоянии полного разложения», подтверждением чему «служит сдача сорок третьего и сорок шестого полков в полном составе повстанческим бандам и задавленный в его начале бунт в некоторых частях новониколаевского гарнизона»; 2-я армия имела «слабую сопротивляемость», и лишь 3-я армия находилась «в лучшем состоянии». Донесения контрразведки пол-

ны свидетельств разложения войск: «настроение офицеров <...> весьма подавленное», «отношение к правительству критическое», «жажда мира растет», «в двадцать девятом Сибирском полку <...> готовится восстание <...> открыто происходит агитация в пользу советской власти <...> солдаты заявляют, что в случае отправления на фронт переходят к красным», «среди солдат нежелание продолжать войну, ожидают прихода красных с надеждой на роспуск по домам», «фельдфебель, десять пулеметчиков 55 Сибирского полка с одним пулеметом — 7 тысяч патронов — перешли к красным», «13 рота 56 Сибирского полка перешла на сторону красных», «среди мобилизованных казаков 3-й и 4-й сотни Енисейского полка <...> вспыхнул бунт на почве недовольства отправкой на фронт» — и так далее, и тому подобное.

Дезертирство с фронта и переход на сторону красных как групп, так и целых воинских подразделений и частей становятся довольно распространенными явлениями.

В эти страшные для Верховного правителя дни, когда все кругом рушилось, он получил от своего бывшего начальника штаба генерала Лебедева письмо:

«Ваше Высокопревосходительство!

Обращаюсь к вам, как бывший ваш ближайший помощник, в тяжелые дни, ныне для нас наступившие.

1) Я не считаю себя в настоящее время обычным офицером и служакой. Я один из первых начал борьбу с большевиками и организовал ее по всей России. В настоящее время я чувствую, что все фронты переживают кризис, что переживает кризис общее дело борьбы с большевизмом. Я последние месяцы провел в самой толще нашей армии и населения, и я уверен, что нужно искать новых методов борьбы с большевиками, не строя все на исходе чисто военной борьбы.

Вашему Высокопревосходительству известно мое отношение к вам, и я обращаюсь к вам с просьбой: не откажите мне в нескольких строках и ориентируйте в происходящих событиях и общем положении. Прошу не считать это любопытством, а желанием узнать ход вещей человека, кровно заинтересованного в борьбе с большевиками.

2) В настоящее время основным вопросом нужно считать, что мы вошли в район, совершенно не испытывший большевизма, где население ждет советской власти, как чего-то нового и хорошего. Нужно сберечь кадры и дать время населению пережить медовый месяц советской власти. Я считаю, что основной вопрос сейчас — это ждать отрезвления сибирского населения и готовить к этому времени небольшую, но крепкую армию, не жалея потери пространства.

3) Я сейчас нахожусь в глубине армии и населения и предвижу возможность, при известных обстоятельствах, больших потрясений в ближайшем будущем. В силу этого считаю, что вам необходимо в районе вашего пребывания иметь вполне достаточную и действительно надежную вооруженную силу, чтобы случайность не разрушила организованной борьбы. И я предлагаю вам вызвать и в непосредственном своем подчинении иметь мой егерский отряд и партизанскую кавалерийскую дивизию. В то же время, если это будет вами сделано, я не останусь на фронте без них и прошу тогда вызвать меня в качестве начальника этих двух частей...

Прошу извинить меня за отнятие у вас времени и пожелать вам сил и спокойствия продолжать борьбу с большевиками до решительного конца.

Преданный Вам *Д. Лебедев*.

Итак, дав сжатую оценку обстановки, генерал Лебедев советовал Колчаку отказаться от громоздких, небоеспособных армий и обломков государственного аппарата; выделить маленький, но верный отряд егерей и кавалерии, начальствование над которым Лебедев принимал на себя; отойти в отдаленный район, ждать перелома в настроении крестьянства и готовить кадры для новой войны.

Бывший начальник штаба фронта предлагал Колчаку перейти на положение партизана.

Но адмирала ждала более горькая участь...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ США Лансинг 23 декабря 1919 года писал президенту Вильсону: «Правда заключается в том простом факте, что прави-

тельство Колчака потерпело полное поражение. Наступление большевистских армий в Восточную Сибирь усиливается с каждым днем <...> большевистские армии приближаются к районам, где находятся наши солдаты». Лансинг боялся, что с американскими солдатами произойдет то же самое, что случилось со всеми иностранными войсками, которые входили в соприкосновение с красными армиями, — начнется паника, революционное брожение. Поэтому он предложил Вильсону немедленно отозвать войска. 9 января 1920 года правительство США официально сообщило о предстоящей эвакуации своих войск из России. Одновременно с ними должны были уйти и чехословаки, продвигавшиеся в это время через Восточную Сибирь на Дальний Восток.

Правительство Колчака в Иркутске находилось в вакууме. Оно уже не могло опереться на армию. В нем разуверились и союзники, и крупная буржуазия, и офицерство. Гласом вопиющего в пустыне были и призывы к «общественности».

Иркутские земские деятели, правые эсеры и меньшевики, по-прежнему ненавидя «кремлевских диктаторов», не хотели связывать свою судьбу с обанкротившейся властью. Они считали, что теперь настало их время, и собирались, остранив, при нейтралитете чехов, Колчака, взять бразды правления в свои руки. Эсеры почти открыто призывали к перевороту.

Это пугало. Но еще больше пугали надвигавшаяся с запада угроза большевизма, стремительный рост партизанского движения, усилившиеся крестьянские восстания в уездах, глухое брожение на рабочих окраинах города...

В условиях, когда крах диктатуры Колчака уже был неотвратим, союзники стремились найти и подготовить в Сибири новые силы, способные продолжить дело, начатое Верховной властью, но только уже с других позиций и под другим флагом. Нужно было более податливое, более дружественное правительство, чем колчаковское.

Без особых хлопот союзники нашли такого преемника в лице эсеров и меньшевиков, земских правых группировок, которые в это время активизировали свою деятельность. Войдя в контакт с иностранцами

и заручившись их поддержкой, эсеры и меньшевики еще осенью 1919 года перешли в открытую оппозицию к Верховному правителью, чтобы завоевать хоть какое-либо доверие в массах.

Они ставили себе задачей отделить от России ту часть Сибири, которая еще не была занята красными войсками, установить здесь «под покровительством» великих держав «демократическую власть», никак не желавшую прививаться на российской почве, и «заключить мир с большевиками», то есть добиться у советской власти признания своего существования.

Практически это означало бы превращение всего Дальнего Востока в колонию или Японии, или какой-либо иной «великой» своими грабительскими способностями иностранной державы; или же, что всего вероятнее, в новый опорный пункт для продолжения борьбы с советской Россией. Даже соратники Колчака именно так оценивали положение, которое складывалось для Сибири вне советской власти. Один из членов омского правительства, Гинс, на докладе Колчаку дал следующую формулировку: «...Единая большевистская Россия, или большевистская Россия и небольшевистские окраины, но с риском, что они станут колонией иностранных государств».

В ноябре в Иркутске было положено начало созданию новой формы власти, получившей название «Политический центр» — межпартийной эсеро-меньшевистской организации, которая объединяла представителей Всесибирского краевого комитета эсеров, Бюро сибирских организаций меньшевиков, Земского политического бюро (образовано левым крылом сибирских областников; в начале XX века внутри этого общественно-политического течения в среде сибирской буржуазии и интеллигенции, выступавших под лозунгом «автономии» Сибири, — возникли правое, кадетско-монархическое, течение и левое — Е. Е. Колосов, П. Я. Дербер и другие, — близкое к партии эсеров), Сибирского ЦК «Объединений трудового крестьянства». Программная «Декларация» определяла «Политцентр» как орган, взявший на себя руководство в борьбе с реакцией под лозунгом «Долой Колчака

и его правительство!» и в организации «временной революционной власти» демократического «буферного» государства. Лидеры «Политцентра» считали, что путем образования демократического «буфера» им удастся поставить барьер на пути победоносного наступления армии большевиков на восток.

Первым публичным выступлением «Политцентра» явилось заседание 25 ноября иркутской городской думы. На повестке дня стоял один вопрос — о текущем моменте. Члены правительства Колчака на заседание не явились, зато присутствовали представители иностранного консульского корпуса. На заседании выступили председатель думы меньшевик М. М. Константинов, лидер эсеровской думской фракции И. Г. Гольдберг, представитель Земского политического бюро Е. Е. Колосов. Первые два оратора вместо анализа положения в стране, критики действий правительства военной диктатуры в течение нескольких часов переливали из пустого в порожнее, и только Колосов нарисовал яркую картину произвола, развала, разорения, до которого военная диктатура довела Сибирь. «Политцентр» заявил о неизбежности борьбы.

Члены правительства лишний раз убедились, что социалистическое крыло иркутской демократии настойчиво стремится к его свержению, а не к соглашению с ним. На что надеяться? На армии, которые продолжали отступать и разваливаться и под командованием генерала Каппеля? Или на Семенова, на японцев? Настроение среди министров подымалось и падало в зависимости от сообщений от атамана Семенова из Читы. Но Чита медлила с окончательным и определенным ответом на просьбу о помощи.

Тянулись кошмарные дни и для членов правительства, и для служащих министерств, и для военных, и для всего города. В Иркутске свирепствовал тиф, люди голодали, телеграфное сообщение суживалось с каждым днем. Министры уже не давали ни директив, ни советов, ни указаний, они стали разбегаться: особенно много появилось желающих отправиться в «командировку» на восток.

Обе стороны приготовились: к обороне одни, к падению другие, хотя с внешней стороны трудно было что-либо заметить. Только расклеенные повсюду про-

кламации «Политцентра» да усиленные патрули по ночам свидетельствовали о происходящих событиях.

«Политцентр» подготовил и осуществил 21 декабря антиколчаковское выступление в Черемхово. Вот как описывал это событие уполномоченный «Политцентра» по Черемховскому уезду В. Н. Устюжанин (И. С. Алко):

«Переворот был совершен почти бескровно...

Были захвачены все учреждения, арестованы все агенты старой власти, и к утру над городом красовались красные знамена, население с большим удовлетворением и подъемом констатировало факт совершившегося переворота.

Днем начали уже к городу подходить из уезда крестьянские дружины, которые встали на охрану города, сменяя уставшие части гарнизона...

Были посланы в обе стороны небольшие отряды и делегации, которые занимали станции без боя, переедая на свою сторону войска, стоявшие на охране. Укрепление позиций шло быстрым темпом, и на третий день наше влияние распространилось на восток до ст. Половина, а на запад до ст. Тулун...

Движение было прекращено, как прекращена подача угля к Иркутску. Иркутск вопил, чтобы их включить в телеграфную сеть, дать им угля, но отрядов не посылал, ибо атмосфера в Иркутске сгустилась и востание ожидалось каждую минуту...

Вслед за Черемхово белая власть была свергнута в городах Половин, Зима, Нижнеудинск, Тулун. «Политцентр» проводил агитацию в частях колчаковской армии, привлекая их на свою сторону, и приступил к созданию так называемой «Народно-революционной армии».

В ночь на 22 декабря восстание против колчаковцев охватило пригород Иркутска.

Прошло еще несколько дней, и власть Верховного правителя распространялась лишь на гостиницу «Модерн» и здание Русско-Азиатского банка, где разместился Совет министров. Со дня на день ожидалось антиколчаковское выступление в самом Иркутске.

Иркутск со страхом следил за стремительным ходом часов истории, подгоняемых событиями на фронте. Пристально следил за стрелками этих часов из

Читы и атаман Семенов. Не отличавшийся особой прозорливостью, этот ставленник японцев тем не менее стремился не упустить свое время, урвать кусок пожирнее от колчаковского пирога.

Представитель Семенова полковник Сыробоярский словно тень следовал за поездом адмирала, убеждая последнего подчинить «верному сыну России, всю жизнь работающего во имя и блага родины», Дальний Восток и Иркутский военный округ. Мотивировалось это тем, что «при ударе с фронта удар с тыла будет смертельный», а потому необходимо нейтрализовать последний, что возможно сделать только... путем назначения Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке.

Что касается «удара с тыла», то Колчак представлял все роковые последствия такого удара и не тешил себя иллюзиями. Адмирал предложил Семенову немедленно занять Иркутск, предварительно выяснив отношение к данному вопросу союзников и заручившись поддержкой японцев. Атаман ответил незамедлительно и положительно, особо подчеркнув необходимость срочного проведения в жизнь задуманного адмиралом, так как прогрессирующий хаос в политической и экономической жизни Иркутского военного округа создаст угрожающее положение и для Забайкалья.

При этом Семенов считал, что выполнение этой «тяжелой задачи» он может взять на себя только при полном подчинении ему всех вооруженных сил Дальнего Востока.

Колчака загоняли в угол, и ему ничего не оставалось, как пойти навстречу забайкальскому атаману. Но адмирал тянул с официальным решением этого вопроса.

— Не могу же я здесь, в пути, в поезде, отдавать такой серьезный и важный приказ, — сопротивлялся Колчак. — Я совершенно не вижу, что может дать существенного это назначение и что оно изменит в реальных действиях атамана... Я считаю, что если атаман Семенов имеет реальные силы, то он и без этого приказа может захватить Иркутск... А если нет, то и приказ не поможет. Преждевременным, не вполне обдуманым шагом можно лишь испортить все дело и подорвать авторитет и верховной власти, и атамана

Семенова. Я вообще не придаю никакого значения приказам, назначениям, полномочиям... Если есть сила, то и без этого можно сделать все, вызываемое обстановкой, по собственной инициативе...

— Атаман Семенов в своей телеграмме, — нетерпеливо перебил Колчака полковник Сыробоярский, — представленной мною Вашему Высокопревосходительству, вполне определенно заявил, что занять Иркутск он может лишь при предоставлении ему всей полноты власти на Дальнем Востоке. Это позволит ему учесть все силы и использовать их соответствующим образом.

Собеседники упорно не хотели понимать друг друга, а точнее — делали вид, что готовы якобы пойти навстречу друг другу, однако...

Это однако для Сыробоярского заключалось в том, чтобы вырвать у Колчака соответствующий приказ для Семенова. А для Колчака? Адмиралу, видимо, было трудно забыть годичной давности инцидент с его «признанием» атаманом. Но и другого выхода у Колчака не было, и он это должен был прекрасно понимать, если надеялся еще сохранить хотя бы элементарный порядок в тылу.

— Я, во всяком случае, не могу сделать этого назначения без согласия генерала Ооя, — заявил Колчак, — а от него пока нет ответа.

Верховный правитель имел в виду телеграмму, отправленную через Сыробоярского 19 декабря во Владивосток, в японскую миссию на имя генерала Ооя. В ней Колчак писал японскому генералу, что «общее военное и политическое положение вызывает необходимость объединения всех вооруженных сил тыла армии в одних руках, авторитетных также и в глазах японского командования, ввиду необходимости полного согласования в действиях в тылу русских и японских войск». По мнению Колчака, это могло быть осуществлено путем объединения Забайкальской области, Приамурского и Иркутского военных округов под властью одного лица с правами главнокомандующего. «Мой выбор, — сообщал Колчак, — останавливается на атамане Семенове». И далее: «Мне было бы желательно знать ваш взгляд на это назначение. Не откажите также телеграфировать мне, могу ли я рас-

считывать на вашу поддержку, если бы назначение атамана Семенова встретило противодействие со стороны каких-либо держав». Копия этой телеграммы была также направлена в Читу. К ней был приложен доклад Сырбаярского о согласии адмирала Колчака удовлетворить просьбу Семенова.

— Наше передвижение, потеря связи и возможность даже полного ее отсутствия, что как раз сейчас и наблюдается, могут быть длительными, — заметил Сырбаярский. — Поэтому нужно отдать приказ и послать его атаману Семенову с указанием о вступлении его в силу после получения от генерала Ооя необходимого согласия.

Полковник пытался объяснить Колчаку, что срочность этого приказа вызывается исключительно намерениями Семенова немедленно приступить к осуществлению всех намеченных мер по оздоровлению и подготовке Дальнего Востока к предстоящим испытаниям.

Но Колчак продолжал упорствовать.

— Это невыполнимо, — говорил он, — я совершенно не вправе отдать такой приказ без серьезного обсуждения и недостаточно продумав... Считаю даже необходимым лично переговорить об этом с атаманом при встрече.

Раньше о «серьезном обсуждении», достаточном «продумывании» и личной встрече речи не было, и Сырбаярский заверил атамана в незамедлительном, после получения телеграммы от Ооя, назначении его главнокомандующим. Но прошло всего несколько дней, и Колчак поставил под сомнение с часу на час ожидаемое атаманом назначение. Получалось, что полковник неверно информировал Семенова, а это могло привести к неожиданным последствиям. Вольно или нет, Колчак поставил Сырбаярского в неудобное положение, и последний резко отреагировал на это.

— Я немедленно доложу атаману Семенову, что из-за неумения верно уяснить смысл сказанного верховной властью слов ввел его в заблуждение относительно истинного взгляда верховной власти на все данные вопросы.

— Вам, полковник, надо знать, что слова верховной власти не могут вводить никого в заблуждение,

эти слова никогда не меняются и всегда исполняются, — раздраженно заметил Колчак. А что еще он мог сказать?

— Я в этом не сомневался и только лично пришел к заключению о моем неумении понимать смысл сказанных верховной властью слов, благодаря чему атаман Семенов мною введен в заблуждение.

На это Колчак возмущенно воскликнул:

— Вы просто требуете у меня данное назначение! Сырбоярский молча поклонился и вышел.

...А тем временем обстановка в Иркутске продолжала накаляться. Совету министров подсказывали, что в создавшейся ситуации остался единственный выход: отрешить А. В. Колчака от власти и передать ее губернской земской управе, иначе прольется кровь. Всем хотелось избежать кровопролития, а сделать это можно было лишь прийдя к соглашению. Но мешало золото, то самое золото, которое тащилось где-то с Колчаком.

Министры, соглашаясь на передачу власти в Иркутске земству, очень хотели выбраться на восток, под крылышко атамана Семенова, чтобы оттуда вновь развернуть борьбу с большевиками и... с «Политцентром». Но для этой борьбы требовались деньги, а золотой запас был с адмиралом. Земцы стремились оставить его в Иркутске, министры — отправить на восток, якобы под охрану союзников, до образования единой общепризнанной власти в России. Переговоры затягивались...

Утром 27 декабря правительство получило известие о том, что к Иркутску приближаются семеновцы вместе с японцами. Прибодлившиеся министры вновь заговорили о разгроме заговорщиков, даже набросились на Червен-Водали, обвиняя его в компрометировании правительства в глазах «государственно мыслящих элементов», в переговорах с «приспешниками большевиков», в предательстве отступающей в надежный Иркутск армии... И т. д., и т. п.

Казалось, что соглашение уже и не нужно. Червен-Водали в три часа дня сообщил вчерашним собеседникам — земцам и представителям «Политцентра»,

собравшимся у него для дальнейших переговоров, что заключение соглашения с ними для правительства невозможно.

После этого заявления уже через полчаса на улицах Иркутска шел бой. Где-то трещали винтовки, методически стучали пулеметы, звонили ко всенощной: была суббота. В Иркутске неумолимо разрасталось антиколчаковское декабрьское кровопролитие. Обитатели «Модерна», члены Совета министров разбегались по частным квартирам. Господа «высокие иностранные комиссары», сидя в своих вагонах на станции, которую предусмотрительно объявили нейтральной, пока наблюдали за ходом борьбы, терпеливо ожидая развязки.

Чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону: то восставшие теснили правительственные части, то сами отступали. И так как силы были почти равными, борьба затягивалась.

С запада наседали красные, теснившие чешские аррергарды. Сибирские партизаны успешно продвигались к Иркутску, угрожая отрезать иностранным войскам путь на восток. Руководство союзников имело четкое указание Верховного совета в Париже (Верховный совет Антанты — один из главных координирующих центров; состоял из премьер-министров западно-европейских стран, представителей французского, английского, американского и итальянского Генеральных штабов) ускорить эвакуацию войск из России. Но не так-то легко было выполнить это указание в создавшихся условиях: прибывшие семеновцы и восставшие ежечасно, каждый в своих интересах, то портили, то исправляли железнодорожный путь и телеграфное сообщение. А чешские эшелоны все прибывали и прибывали с запада в район Иркутска...

Надо было разрубить этот гордеев узел, и союзники решили предложить Семенову оттянуть свои части от Иркутска, а также закончить борьбу между «омским правительством» и «Политцентром», приведя обе стороны к миру в пользу эсеров и меньшевиков. Это было последним ударом по колчаковским министрам, которым дали понять, что пора уходить с полити-

ческой сцены. И им ничего не оставалось, как принять предложение союзников. Переговоры начались, хотя договариваться было уже не о чем.

2 января 1920 года. Два часа дня. Железнодорожная станция Иркутск. В поезде французского генерала М. Жаннена собрались дипломатические и военные представители союзников. Открывая заседание, Жаннен обратился к присутствовавшим с краткой речью. Он подчеркнул необходимость достигнуть если не соглашения между «омским правительством» и «Политцентром», то хотя бы прекращения кровопролития, и предложил выслушать обе стороны.

— О чем они будут говорить? — спросил японский представитель Като.

— О пустяках, — раздраженно бросил Жаннен. — Вы можете быть в этом уверены...

Вскоре прибыли представители правительства А. В. Колчака во главе с исполняющим обязанности председателя Совета министров А. А. Червен-Водали. Последний говорил долго, обвиняя Колчака и Пепеляева в реакционности. Он считал, что Пепеляеву «будет трудно сделать что-либо, так как в качестве министра внутренних дел он успел приобрести всю ненависть среди общества и народа». Представив себя и своих единомышленников как противников реакционной политики, борцов «за право и законность», Червен-Водали сообщил союзникам о предпринятых ими практических шагах по осуществлению либеральной политики, по сближению с земствами. Но последние не оправдали его надежд: высказались в пользу соглашения и заключения мира с большевиками, утверждая, что дальнейшая борьба невозможна и что необходимо вступить в переговоры с красными.

— Хотя меня впоследствии и обвиняли в том, что я не арестовал соглашателей, но я никого не тронул, — продолжал Червен-Водали. — Это должно было доказать, что правительство чувствовало себя настолько сильным, что могло подавить в необходимую минуту различные движения, которые уже обрисовались. Я считал целесообразным не принимать никаких мер против агитаторов, а, наоборот, приглашал их к себе для свободной беседы. Я искал их сотрудничества, но они отказались...

Представители союзных держав слушали рассеянно. «Высокий комиссар» Англии Ходсон переводил слова оратора японскому представителю Като. Последний иногда кивал головой, словно соглашаясь с тем, что ему говорил Ходсон.

Червен-Водали остановился и на причинах, которые якобы отняли у правительства «возможность принять надлежащие меры к... немедленному прекращению» восстания:

— Как только мы узнали, что станция и высоты заняты восставшими, недостаток в сообщениях и страх при бомбардировке попасть в союзные дипломатические миссии заставили нас прекратить все военные меры, которые были нами определены... Просьба, которую я вам передал — приехать ко мне для переговоров насчет создавшегося положения, — не была получена вами вовремя... Если бы сегодняшнее собрание состоялось на два — три дня раньше, то правительственные войска, смею вас уверить, остались бы хозяевами положения, — самоуверенно заявил министр и добавил: — После ответа, полученного русским главнокомандующим от генерала Жаннена, где было сказано, что если только наши войска будут атаковать станцию, то им придется столкнуться с союзными силами, правительство решило еще раз попытаться прийти к соглашению с представителями городов и земств. Власть, которую они хотели захватить силою, могла бы им быть вверена, если бы они только заявили, что желают продолжать борьбу против большевизма.

Но этого не произошло, и правительство решило продолжать борьбу, желая также знать, в каких отношениях оно будет «в этом случае к союзному командованию».

— Мы рассматриваем это как ключ к задаче, — подчеркнул в заключение и. о. председателя Совета министров.

Червен-Водали настойчиво требовал от союзников четкого ответа на вопросы: считает ли союзное командование, что оно вполне уяснило себе характер происходящих вооруженных выступлений, которые правительство рассматривает как большевистские, и может ли правительство рассчитывать на активное участие союзных войск, находящихся в Иркутском военном округе, в подавлении этих выступлений.

Но как Червен-Водали ни старался, он так и не получил ответов на свои вопросы. После небольшого совещания союзные представители заявили, что они не имеют возможности дать окончательный ответ.

И Червен-Водали сдался, поняв, что союзники не пойдут на прямое использование своих войск для подавления восстания. Тогда он обратился к союзникам с просьбой «взять на себя труд посредничества с восставшими и вести переговоры о перемирии» на условиях, которые вновь предусматривали использование союзных войск, правда, на сей раз уже в качестве гаранта свободного проезда на восток А. В. Колчака, В. Н. Пепеляева и других политических и военных деятелей, беспрепятственной эвакуации туда же правительственных и военных учреждений и организаций, иркутского гарнизона, чиновников и их семей, а также золота и серебра, находящихся как при Колчаке, так и в Иркутске.

«Высокие комиссары» задали несколько уточняющих вопросов и попросили время для размышления.

— Время дорого, а потому прошу вас о немедленном рассмотрении моих вопросов, — потребовал Червен-Водали.

Но союзники не очень торопились.

Свыше полутора часов совещались они и, вернувшись, предложили членам русского правительства выслушать их ответ на просьбу о перемирии. Сделал это Ходсон.

— Союзные комиссары были бы готовы официально предложить услуги для того, чтобы установить отношения между обеими сторонами, и следовательно, прозондировать членов иркутского «Политического центра» на тот случай, если бы они были готовы начать переговоры с правительством. Союзные представители, — продолжал Ходсон, — однако, считают для себя невозможным распространить свое вмешательство так далеко, а также не могут взять на себя ответственность за исполнение предложенных условий. Они должны обсуждаться непосредственно между делегациями обеих сторон.

Червен-Водали был разочарован. Он понимал, что без активного участия союзников в происходящих событиях правительству будет трудно, даже непосильно, только своими силами осуществить задуманное, осо-

бенно в той его части, что касалась золотого запаса и безопасности некоторых лиц.

И он вновь обращается к «высоким комиссарам» с просьбой изменить свое решение, оказать содействие в заключении перемирия или мира, утверждая, что это может быть сделано только при содействии союзников.

После нового совещания Ходсон довел до сведения представителей правительства, что союзники готовы выведать у «Политцентра» их истинные намерения и, если им это удастся, сделать все возможное, чтобы привести обе враждующие стороны к приемлемому соглашению. Одновременно он добавил, что они «могут лишь поручиться за свое доброе желание и будут счастливы, если этот их поступок может остановить кровопролитие».

Червен-Водали ничего не оставалось, как поблагодарить союзников «за проявление доброй воли» и высказать желание, чтобы перемирие было заключено на 24 часа, «в продолжение которого можно было бы обсудить условие дальнейшего соглашения», и чтобы это было сделано еще сегодня. «Высокие комиссары» согласились, и Жаннен поздно вечером направил своего человека в штаб восставших, который находился всего в двух верстах от вокзала.

Вскоре поступили сведения, что предложение вступить в переговоры о перемирии будет принято восставшими, если таковое предложение последует и со стороны союзников.

После обмена мнениями в полночь на автомобиле в штаб восставших была послана межсоюзническая делегация в составе французского, английского, японского и чешского представителей, которая около двух часов ночи 3 января возвратилась в поезд генерала Жаннена вместе с тремя делегатами от «Политцентра» и штаба революционных войск.

Товарищ председателя «Политцентра» И. И. Ахматов обратился по-французски к «высоким комиссарам»:

— Господа «высокие комиссары» и господа представители союзных нам войск. Мы прибыли к вам, чтобы подтвердить наше согласие о предполагаемом вами перемирии... Мы согласны начать переговоры

с правительством, если им будет дано ручательство, что войска атамана Семенова примут на себя обязанность точно выполнить перемирие, текст которого я имею честь вам прочесть:

«Перемирие на 24 часа заключено между Национально-сибирской революционной армией и правительственными войсками. Перемирие начинается в полдень 3 января с. г. Переговоры относительно дальнейшего соглашения могут начаться с утра, при обязательном условии, что войска атамана Семенова не произведут никакого движения за это время перемирия. Правительство берет на себя дать атаману Семенову специальные приказания для соблюдения настоящего договора, как только он будет подтвержден надлежащими подписями обеих сторон».

Представители правительства, выслушав текст перемирия, заявили о своем полном согласии подписать его. Все подошли к столу и подписали: от правительства военный министр генерал М. В. Ханжин, исполняющий обязанности председателя Совета министров А. А. Червен-Водали, министр путей сообщения А. М. Ларионов; со стороны «Политцентра» и революционных войск Ахматов, председатель земств Ходукин, начальник штаба революционных войск поручик Зоркин. После этого все обменялись мнениями и в третьем часу ночи разошлись, договорившись вновь собраться на переговоры днем.

3 января 1920 года. 13 часов 30 минут. Делегаты правительства собрались в поезде Жаннена, представители «Политцентра» — в поезде Ходсона, откуда начался обмен условиями и предложениями в письменной форме. Одни выдвигали, другие отказывались, предлагали новые условия и контрусловия. Никого не удовлетворяли полученные ответы, и по взаимному соглашению сторон было решено собраться всем вместе в поезде Ходсона.

21 час 40 минут. В поезд Ходсона прибыли со стороны правительства министр Ларионов и генерал Вагин, от «Политцентра» и революционных войск — Ахматов, Ходукин, поручик Зоркин, полковник Красильников, а также все союзные представители.

И вновь широкой рекой полились слова обоюдных упреков, претензий, требований разъяснений по каждому пункту условий соглашения...

Договаривающиеся стороны не верили в искренность друг друга, осторожничали. Шла лицемерная торговля: одни хотели подороже продать власть, другие — подешевле купить. В результате ни один из предложенных «Политцентром» пунктов соглашения не получил одобрения правительства и наоборот.

Переговоры затягивались, и Ларионов предложил продолжить их на следующий день в городе.

4 января 1920 года. Вялое ожидание исхода переговоров в городе, из которого бежали все, кто хотел бежать, оставив на произвол судьбы и милость победителей солдат, юнкеров, кадетов и министров с Червен-Водали во главе.

15 часов 30 минут. В парадных комнатах Иркутского вокзала появляются представители «Политцентра», члены правительства отсутствуют, что вызывает общее негодование.

17 часов. Союзники предлагают, не дожидаясь больше правительства, открыть заседание.

«Политцентр» интересуется: не окажет ли союзное вмешательство помощь в спасении умирающего правительства?

— Я могу ответить от имени иностранных представителей, — встал «высокий комиссар» Франции Могра, — что иностранные войска сохраняют полнейший нейтралитет и не вмешаются в борьбу «Политического центра» против настоящего правительства.

Эти слова подтверждаются всеми присутствующими иностранными представителями.

Могра добавляет:

— ...Мы держимся принципа невмешательства и смотрим с большой благосклонностью на все попытки, совершенные для образования государства на демократических началах. Без сомнения, русский народ должен сам избрать подходящую ему форму правления... Желание союзников — предоставить русскому народу право избрать образ правления.

Но при этом Могра считал, что необходимо образование такого демократического правительства, которое бы усилило борьбу против большевизма.

— На такое образование союзные государства, — подчеркнул «высокий комиссар» Франции, — всегда будут смотреть с большой благосклонностью... Это может теперь считаться окончательным ответом...

Всем стало ясно, что передача власти «Политцентру» — вопрос нескольких часов, будет ли это сделано добровольно министрами Колчака или силой оружия, но это произойдет.

Ахматов, посматривая на часы, обращает внимание присутствующих на упорное отсутствие членов правительства, что, по его мнению, наводит на подозрение относительно соблюдения условий перемирия.

Все союзные представители смотрят на часы, качают головами, некоторые подергивают плечами, раздаются недовольные голоса...

18 часов 12 минут. В зале заседания появляются члены правительства адмирала А. В. Колчака, раскланиваются, извиняясь за опоздание, говорят, что ввиду сильного тумана и бури на Ангаре переправа весьма опасна и пароход отказывался их переправлять на эту сторону, рассаживаются за столом.

— «Высокие комиссары» просят передать вам, господа, — обращается Жаннен к присутствующим, — что их нахождение здесь служит доказательством их желаний и усилий сделать все возможное, чтобы мирный исход положил бы конец этой бесцельной борьбе... «Высокие комиссары» оставляют вас одних и возвращаются к себе. Если их присутствие понадобится вам, они прибудут вновь...

В 18 часов 23 минуты «высокие комиссары» и союзное командование покидают зал заседания.

Делегаты обеих враждебных сторон обмениваются своими полномочиями, приступают к переговорам, решив ограничиться на сей раз обсуждением лишь двух пунктов: отречение адмирала А. В. Колчака и отставка правительства, передача власти «Политцентру». Ахматов заявляет также, что «Политцентр» решил сегодня после 12 часов ночи не продолжать перемирие и уже отдал приказ о возобновлении военных действий, если не поступит другой приказ до 23 часов 30 минут.

И на сей раз развернулись жаркие споры и стороны никак не могли достигнуть действительного результата ни по одному из обсуждаемых вопросов.

Еще большую нервозность в переговоры внесло исчезновение генерала Ханжина.

— Не означает ли это, — обратился Ахматов к членам правительства, — что ваши военные власти вышли из-под вашего подчинения и подготавливают

без вашего, а также нашего ведома возобновление военных действий?

Червен-Водали предложил разъяснить этот вопрос немедленно, обещал узнать, где находится военный министр, заверил, что военные власти правительства не примут никакого решения, не предупредив его.

Но Червен-Водали не верили. В зале нарастало беспокойство.

— Господа, исчезновение во время наших переговоров представителя военной власти правительства наводит меня на некоторые размышления, — обратился к членам правительства поручик Зоркин, — так как я замечал все время его беспокойствие, сидя в нашей среде. Кроме того, обращаю ваше внимание на поздний час... Мы до сих пор не пришли ни к какому заключению... Перемирие, как нами уже было сказано, не будет продолжено... Это великолепно учел военный министр, который незаметно встал и ушел. С вашего разрешения, мое присутствие в зале является пока излишним... Я как военный начальник противного вам лагеря, не имею права остаться ввиду подозрительного поведения генерала Ханжина... Мое место в частях, которые меня ждут. Мне необходимо принять меры для установления местонахождения военного министра и в случае чего принять надлежащие меры. Я несу ответственность в военном отношении перед «Политцентром», а поэтому я удаляюсь...

Все начинают громко говорить. Ахматов требует декларации по поводу передачи золота, замечает, что особый пункт должен обусловить эту передачу в акте отречения...

Происходит обмен мнениями относительно передачи подвижного состава и средств речной навигации, временами продолжается обсуждение вопроса о передаче золота. Министры говорят, что они точно не знают, в каких руках находятся байкальские пароходы. В зале общая растерянность по этому поводу.

Переговоры начинают носить оттенок частных бесед, в продолжение которых представители правительства ясно выказывают свое бессилие. В шутливой форме разговор сводится к тому, что власть адмирала Колчака, которая называет себя «Всероссийской», в настоящее время распространяется лишь на гостиницу

«Модерн» и несколько центральных улиц, прилегающих к ней.

Член Учредительного собрания А. А. Иваницкий-Василенко настаивает на полном разоружении юнкеров, хотя бы в силу простой формальности, категорически отказывает в эвакуации и свободном проезде на восток офицеров и чиновников. Ему возражают.

— Господа, не можете же вы требовать от нас, чтобы мы дали пропуск виновникам того, что случилось. Не могут же виновные спокойно сесть в поезд и уехать, чтобы там, — возмущенный Иваницкий-Василенко резко выбрасывает в сторону руку, — чинить новые беззакония. Будет! Новая власть разберется в деяниях всех... Виновные ответят по закону, невинные получают полную возможность, если пожелают, уехать, куда им захочется. Я настаиваю...

В это время в зал врывается возбужденный поручик Зоркин.

— Отряд Семенова покинул город... Генерал Сычев бежал на автомобиле... По дороге заехал к начальнику Оренбургского казачьего училища, не застав его, оставил ему следующую записку: «Спасайся, как я сам это делаю». Он снял части ввиду начавшегося разложения и колебания среди них. Казаки заперлись в своих казармах... Они не берут на себя никакой ответственности, кроме самоохраны, можно ожидать с минуты на минуту серьезных беспорядков...

Члены правительства, не скрывая своего смущения, ежеминутно спрашивают то одного, то другого, что нужно делать. Никто им не отвечает, с ними больше не считаются. В зале шум, все говорят одновременно:

— ...Да, положение кошмарное... Ну и правительство... А еще рассуждают, как отречься, как передавать власть... Сколько величия...

— Положение ясно... Ведь в правительственных войсках те же люди, что и у нас... Они просто опасаются наступления со стороны наших... Ведь это напрасное кровопролитие...

— ...А бегство начальника да семеновских героев...

Члены правительства еще больше волнуются, предчувствуя опасность, они совершенно пали духом. Министр Ларионов со вздохом опускается на стул, генерал Вагин стоит смущенный. Поручик Зоркин стремительно выходит из зала.

— В таком случае, — вскакивает Червен-Водали, — от имени правительства прошу союзников занять город.

Ахматов выкрикивает с места:

— Та власть, которая там господствует, обязана навести немедленный порядок. Там не наши войска... Там, — он резко поворачивается в сторону членов правительства, — ваши!..

Встает Иваницкий-Василенко:

— Мы слишком часто обращаемся к союзникам, мы благодарим их за посредничество, но сегодня вы должны иметь достаточно мужества отрешиться от власти без колебаний... Нам теперь должна выпасть эта задача, так как вы показали себя неспособными выполнить это. Необходимо же... Еще сегодня же...

Быстро входит начальник штаба революционных войск поручик Зоркин. Не доходя до стола, резко останавливается, начинает взволнованно говорить, обращаясь к Червен-Водали:

— Вам, наверное, уже известно, что начались беспорядки в городе. Правительственные войска, несмотря на данное ими слово, покинули свои позиции и в беспорядке расходятся, другие покидают город, оставив вверенную им охрану...

— Если будет необходимо, для сохранения спокойствия я отдам немедленный приказ, — перебивает Зоркина, волнуясь, сам не понимая, что говорит, министр Ларионов. — Артиллерия и авиация будут бомбардировать город...

— Я полагаю, министру известно, что авиация с первого дня восстания перешла на нашу сторону, — насмешливо прерывает его поручик, — значит, вопрос этот отпадает. Что же касается артиллерии, то вам уже доложили, что правительственные войска покинули свою позицию... Какая там еще артиллерия... Оренбургское военное училище, что ли? Я полагаю, что сотни молодых людей не поддадутся обманчивому приказу правительства, участь и так решена... Если они окажут нам сопротивление, пусть пеняют на себя.

— Необходимо послать им немедленное предупреждение. Я полагаю, что этого хватит... Они поймут, в чем дело, — обращается Зоркин к представителям «Политцентра».

В зале волнение, пререкания, слышатся возгласы правительственных делегатов:

— Значит, все кончено...

— О, Боже!..

— Что же будет?..

— Надо просить генерала Жаннена...

— Да... Да... Генерала Жаннена... Он один может спасти положение...

— Необходимо послать за ним, и скорее... Попросить спасти нас...

— Господа, что же вы сидите?.. Надо действовать...

В это время в зал заседания входит возбужденный Жаннен, за ним следует его личный адъютант.

— В городе творится Бог знает что, полная анархия... Такие донесения получены мною из чешского штаба. Я издал приказ... Ввиду оставшихся отдельных банд, как семеновских, так и других, чешскому гарнизону немедленно взять охрану города и мирных жителей в свои руки. Приказал поставить усиленную охрану у Государственного банка и у тюрьмы... Мне сейчас доложили, когда чешский караул появился около Государственного банка, там оказалась эвакуация имущества в полном ходу... Караул обезоружил похитителей в то время, когда ящики с золотом стали накладывать на повозки. Произошла незначительная перестрелка, и все имущество водворено на место, часть солдат арестована и содержится на чешской гауптвахте, часть же успела бежать. Около тюрьмы происходит бой... Я, господа, удаляюсь к себе... У меня срочные дела в связи с этими происшествиями.

Вид французского генерала суровый и рассерженный, и при этом утомленный. Жаннен кланяется и удаляется. Никто ни о чем его не просит, все сидят и смотрят друг на друга.

— Перемирие в действительности нарушено... Продолжение его к тому же неосуществимо из-за сложившихся обстоятельств, а также по техническим соображениям, так как слишком поздно, — говорит, поглядывая на часы, поручик Зоркин. — Наши войска войдут в город, я сделаю немедленно соответствующее распоряжение.

Зоркин быстро направляется к выходу из зала, где

сталкивается с Ходукиным, который что-то негромко сообщает ему. Зоркин останавливается.

— Все сделано, войска наши вступают в город, — говорит Ходукин, подходя к столу, где все сидят молча. — Господа, командующий сибирскими национальными войсками капитан Калашников отдал приказ войскам войти в город по просьбе самого населения, которое явилось делегацией к нашим частям, расположенным вне города.

Все задвигались, в зале шум. Генерал Вагин устремляется к выходу, словно хочет убежать. Ходукин повышает голос, говорит медленно и отчетливо. В зале наступает тишина.

— Ввиду того что правительственные войска разбежались, население просило об охране, 53-й Сибирский полк вступил в город. Перемирие нарушено в силу того, что правительственные войска фактом своего бегства произвели движение, цель которого нам неизвестна. Город фактически занят. Некоторые части перешли добровольно к восставшим и заняли город их имени. Порядок установлен... В общем... все спокойно. Я объявляю заседание закрытым. Власть старая пала, по воле народа. «Политцентр» вступает в исполнение своих обязанностей...

Все встают, подходят друг к другу, делегаты враждующих сторон мирно беседуют мелкими группами.

23 часа 25 минут. Мирная беседа сменяется живым обсуждением закончившегося заседания. Создается впечатление, что вчерашняя вражда забыта. Делегаты правительства на местах, лишь генерал Вагин незаметно исчезает. Все смеются, даже шутят. Слышно, как на перроне вокзала восставшие войска выставляют караул.

23 часа 40 минут. Все расходятся, не подписав протокола.

К полуночи 4 января 1920 года город был очищен от остатков правительственных войск и члены «Политцентра» впервые собрались вместе в кабинете начальника милиции. Телефон ежеминутно звонил: доклады о бескровном присоединении бывших правительственных частей к «Политцентру».

Бывшие министры, прячущиеся по частным квартирам; союзники, крестные отцы новой власти, стара-

ющейся наладить их эвакуацию; ликование солдат и рабочих, равнодушие и страх обывателей, более чем четырехсот трупов, все сплошь юноши, прекрасные даже в смерти, — итог последних дней старого и первых дней нового года в Иркутске...

5 января у одного из местных эсеров на обеде собралось большинство членов «Политцентра».

— Итак, вы власть, — сказал один чех, присутствовавший там. — Надолго ли?

— Не знаем сами, — ответил кто-то откровенно.

Лицемерная торговля об условиях передачи власти осуществилась за спиной иркутских большевиков, которые вынуждены были приноравливать свои действия к реальной обстановке. Ведь они не могли помешать «Политцентру» вести переговоры.

В Иркутск вступали все новые и новые отряды: рабочие дружины, черемховские, верхоленские и другие партизаны. Впервые после почти полутора лет иркутяне увидели красные флаги.

Глава 11

СУДЬБА РАСПОРЯДИЛАСЬ ТАК

В свои права вступал двадцатый год двадцатого столетия.

Над Сибирью мела вселенского размаха метель. Белая круговерть, словно гигантская юла, вольготно разгуливала по тайге, площадям и улицам городов.

Уже свыше полутора месяцев Александр Колчак и сопровождавшие его лица жили на колесах, «путешествуя» на восток. Вместе с ними следовал так называемый «золотой эшелон». Двигались страшно медленно: часами, а то и сутками стояли на станциях и полустанках. Железнодорожные пути были забиты многочисленными эшелонами чешских легионеров, стремившихся поскорее попасть во Владивосток, а от туда на родину. Один генерал из свиты Колчака пытался даже вызвать... на дуэль чешского коменданта, но и это не помогло. С черепашной скоростью продвигались Верховный правитель России и золото в глубь Сибири.

В канун нового, 1920 года поезд Верховного правителя и «золотой эшелон» добрались до станции Нижнеудинск. Их загнали на запасный путь. Гарнизон города почти сразу по прибытии поезда А. В. Колчака поднял восстание. Из Иркутска генерал М. Жаннен приказал дальше адмирала и золото не пропускать «в видах их безопасности». Началось «нижнеудинское сидение».

Дни шли за днями. Ничего не менялось в жизни «путешествующих».

А. В. Колчак шлет союзному командованию теле-

грамму за телеграммой, требуя немедленной отправки. В ответ — тишина.

...КОРОТКИЙ ЗИМНИЙ ДЕНЬ подходил к концу. На платформе замерцали две-три маленькие лампочки, однако их слабый свет совершенно растворился во тьме наступающей ночи.

Адмирал Колчак стоял у окна вагона, медленно водя пальцем по причудливым узорам, нарисованным морозом на стекле. Кругом было пустынно. Вдруг он увидел группу вооруженных людей, которая быстро двигалась по заснеженной платформе. Колчак отдернул руку, будто стекло вмиг раскалилось и обожгло пальцы. «Не иначе как идут усмирять, а может быть, кого-нибудь и... к стенке», — подумал он. Вид этой темной безликой массы на фоне белого безмолвия вызвал в душе щемящую тревогу. Мимо вагона часто проходили такие группы. За эти нелепо перевернутые всю его жизнь последние тринадцать месяцев А. В. Колчак перевидал немало вооруженных людей. Но ему очень хотелось верить, что эта чернь с винтовками, тяжелыми деревянными маузерами на кожаных ремнях непременно уберется из России, исчезнет как дурной сон. Правда, крушение советской власти почему-то затягивалось. Помнится, большевикам поначалу давали пять — шесть дней существования, потом прибавили месяц, накинули еще один... Но должен же быть этому конец!

Его размышления были прерваны появлением еще одной вооруженной группы, больше первой. Колчак забеспокоился. Что происходит?.. На сей раз люди шли спокойно, не торопясь, и у адмирала мелькнула мысль, что идут они на какое-то свое сборище. Наверное, будут орать «да здравствует!», «долой!». Ох, и дались им эти два слова! Повсюду только их и слышишь, словно в русском языке нет других. Даже люди его круга нет-нет да и вставляют эти словечки в свою речь. Да что говорить о других. Он сам вчера за обедом выкрикнул «долой!» по адресу большевиков, на что кто-то не без иронии заметил, что адмирал не на митинге.

...Наконец, о Колчаке вспомнило его правительст-

во. Из Иркутска поступила телеграмма с категорическим требованием отказаться от прав Верховного правителя и передать их генералу А. И. Деникину.

«Нижеудинск, поезд Верховного правителя.

Создавшаяся в Иркутскé политическая обстановка повелевает Совету министров говорить с вами откровенно. Положение в Иркутске после упорных боев <...> заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток... Непременным условием вынужденных переговоров об отступлении является ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой вами российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы вы отказались от прав Верховного правителя, передав их генералу Деникину, и указ об этом передать через чехоштаб предсовмину для распубликования. Это даст возможность согласить идею единой всероссийской власти, охранить государственные ценности и предупредить эксцессы и кровопролитие, которые создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории. Настаиваем на издании вами этого акта, обеспечивающего от окончательной гибели русское дело...»

Исполняющий обязанности председателя Совета министров А. А. Червен-Водали 2 января сообщил текст этой телеграммы М. Жаннену. Говорил долго, обвинял Верховного правителя в реакционности в отличие от себя и своих единомышленников — истинных борцов за право и законность. Просил Жаннена смотреть на Колчака как на частное лицо, обеспечить ему неприкосновенность и свободный проезд на Дальний Восток.

Жаннен обещал подумать, что можно сделать.

— При моем отъезде из Омска я предложил адмиралу взять поезд с золотом под мою охрану, но... адмирал это отклонил. Доверия не было, — с сожалением сказал французский генерал и, обращаясь к Червен-Водали, добавил: — Теперь же будет трудно сделать что-нибудь... Мне известно, что генерал Дитерихс просил адмирала сложить с себя власть еще в Омске. Ему не надо было отказываться. Что же касается

золота, то нам приказано привести его сюда под союзным конвоем с флагами всех союзных держав, включая и русский флаг... Сколько перемен за один год, — посетовал Жаннен после небольшой паузы. — Когда я здесь ехал, чтобы прибыть в Омск, все были против большевиков... У меня даже не было охраны. Сейчас все переменилось... Он сам виноват, у него не было недостатка в советах.

— Я знаю, генерал, и не отрицаю этого. Теперь мы хотим встать на верный путь, но... трудно.

— Да, начини вы месяц тому назад, не натолкнулись бы на те трудности, что теперь, — согласился Жаннен.

Но как бы то ни было, вечером 2 января 1920 года генерал Жаннен направил через чехов адмиралу А. В. Колчаку телеграмму о том, что его эшелоны под охраной сопровождают в безопасную зону, а если это не удастся сделать, то, во всяком случае, сам Колчак будет под надежной охраной перевезен на Дальний Восток. Тем самым Жаннен брал на себя ответственность за безопасность Верховного — пока еще — правителя России.

Колчак согласился на перевод в отдельный вагон, куда перешли и офицеры конвоя. Этот вагон, как и вагон Пепеляева, был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка и поставлен под защиту американского, английского, французского, японского и чехословацкого флагов; был вывешен и русский андреевский флаг. Над «золотым эшелоном» развивался флаг Красного Креста.

КОЛЧАК ПОНУРО СИДЕЛ ЗА СТОЛОМ в середине вагона, уперев локти в зеленое сукно и положив на скрещенные пальцы подбородок. Он чувствовал себя совершенно разбитым: сказывалось напряжение последних дней. Но независимо от него и вопреки его воле кто-то будто все время плутал по сложным лабиринтам его памяти, воспроизводя эпизоды прожитых дней и лет, задавал вопросы: как жил, что делал, что можно еще сделать.

Адмирал обладал незаурядной храбростью. Но дух его уверенно двигался только по узкой военной тропе: он бежал от политики, не имел глубоко продуманного плана борьбы с большевиками, четко не представлял

себе, какой будет его новая Россия. Он был игрушкой в руках союзников, пока наконец иностранные «друзья», которые в свое время поставили его во главе «белого дела» в России, не предали его.

Сначала его провозглашали освободителем России, новым законодателем, восклицали: «Да здравствует русский Вашингтон!», хотя он ясно дал понять, что заинтересован только в тех законах, которые нужны в условиях военного времени.

Сейчас же он — погубитель России и из сверхчеловека сразу стал сверхничтожеством.

Армии разгромлены, и не за что уцепиться.

Времена политического романтизма прошли. Адмирал стоял перед самой глубокой пропастью в своей жизни. А как он верил, что его знамена поднимутся над древними стенами Кремля! Видимо, ошиблись в своем выборе и «белая Россия, и ее «друзья»-союзники. Колчак не смог справиться с возложенной ими на него задачей, слишком тяжелой оказалась для него ноша. Как Верховный правитель России, как Верховный главнокомандующий и политик Колчак не состоялся.

Война — не присяжный поверенный. Она не руководствуется уложением о наказаниях, ее правосудие не всегда понятно. Война признает только победу, только удачу. Горе побежденным — вот ее символ веры.

Адмирал понял: выхода нет.

УКАЗ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

4 января 1920 года
г. Н.-Удинск

Ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти Главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской восточной окраине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей

территории Российской восточной окраины, объединенной Российской верховной властью.

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семёнову образовать органы Государственного управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный Правитель *Адмирал Колчак*
Председатель Совета министров *В. Пеняев*
Директор канцелярии Верховного Правителя
Генерал-майор *Мартьянов*.

Власть Колчака, распростершаяся на всю Сибирь, съезжилась, как шагреневая кожа, пока не превратилась сначала в жалкий клочок земли вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, а затем в несколько квадратных метров вагона — без каких-либо видимых перспектив на расширение.

Под охраной чехов, превратившейся в вооруженный конвой, А. В. Колчак и русское золото выехали 10 января 1920 года из Нижнеудинска. Чтобы российскому адмиралу было не очень обидно фактически стать заложником иностранцев, ему объявили, что он взят под «высокое покровительство союзных держав».

ВСЕ В СИБИРИ ПРОСТО ЖАЖДАЛИ скорейшего отъезда чешских легионеров, готовы были всячески содействовать этому, и Колчак мог бы спокойно уехать с ними. Видимо, на это и рассчитывал генерал Жаннен, обещая адмиралу спокойный выезд на Дальний Восток. Но все оказалось не так-то просто.

В Иркутске большевики начали переговоры с «Политцентром». Они настаивали на предъявлении командованию союзников требования выдать А. В. Колчака и золотой запас России и предупредили, что при попытке вывезти адмирала и золото на восток железнодорожные туннели вокруг Байкала будут взорваны.

Члены «Политцентра» быстро согласились с предложением большевиков. Видимо, рассудили, что голова Колчака и золото могут стать козырями в их руках, козырями, которые будут способствовать укреплению авторитета «Политцентра» и, возможно, приведут к сотрудничеству с большевиками.

Как бы там ни было, члены «Политцентра» Федорович, Косминский и некоторые другие отправились

к Жаннену, где застали генерала Сыровы, представителей Англии, Японии и США. Далее состоялся спектакль, в котором «актеры» заблаговременно знали отведенные друг другу роли.

Поняв суть вопроса, Жаннен изобразил недоумение. Как?! Ведь недавно он слышал совсем другое... И так далее. Но Федорович объяснил, что позиция «Политцентра» изменилась ввиду недавно открывшегося обстоятельства: убийства колчаковской контрразведкой группы работников «Политцентра», арестованных в качестве заложников в первый день антиколчаковского восстания.

— Я слышал об этом прискорбном факте и полностью разделяю ваше возмущение, — сказал Жаннен. — Я прошу вас от собственного имени и от имени высоких союзных комиссаров принять соболезнование. Это действительно ужасно. Если мы можем чем-либо помочь семьям погибших, то...

Последовал выразительный жест.

— Но мне не совсем ясно, какое отношение к происшедшему имеет адмирал...

— Являясь Верховным правителем, Колчак несет ответственность за все, — решительно и твердо заявил Федорович.

— Конечно, — согласился Жаннен. — Но только моральную ответственность, а не юридическую, — уточнил он. — Я не думаю, чтобы у адмирала запрашивали санкцию на это убийство.

Французский генерал выразительно посмотрел в сторону англичан и американцев, словно призывая их оценить упорство, с каким он отстаивал адмирала.

— Массы требуют следствия и суда над Верховным правителем, — сказал Федорович. — Черемховские рабочие грозят прекратить снабжение железной дороги углем.

И союзники, желавшие любой ценой обеспечить себе проезд к Владивостоку, были вынуждены принять предъявленные им условия.

15 января поезд с Колчаком прибыл на станцию Иркутск. Чехи торопились, просили, чтобы арест А. В. Колчака был произведен как можно скорее.

Заместитель командующего войсками «Политцентра» А. Г. Нестеров немедленно связался с Центральным штабом рабоче-крестьянских дружин и попросил подготовить надежный конвой для Колчака и сопровождавших его лиц. Штаб ответил, что арест Колчака поручается Нестерову, а люди для этой операции будут немедленно направлены на вокзал.

Когда Нестеров прибыл на вокзал, темнота уже окутала все кругом. Конвой оказался на месте и ждал распоряжений.

Часов в восемь вечера из здания вокзала вышли чешский офицер и Нестеров. Не торопясь, они направились в сопровождении небольшой группы вооруженных людей к освещенным вагонам, стоявшим на ближайших путях. Вагоны стояли без паровоза, под охраной чешских солдат, а поодаль расположились бойцы железнодорожной дружины.

Первым в вагон поднялся чешский офицер. Вслед за ним вошли Нестеров и еще несколько вооруженных человек из присланных Центральным штабом рабоче-крестьянских дружин. В купе на диване сидел Колчак в окружении группы офицеров и нескольких человек в штатском.

Чешский офицер на русском языке, но с сильным акцентом, объявил А. В. Колчаку, что он получил от генерала Жаннена приказ передать адмирала и его штаб местным властям.

Колчак, казалось, выслушал его с полным спокойствием, ни словом, ни жестом не дав почувствовать присутствовавшему, что он ошеломлен этим известием. А может быть, он не сразу в полной мере осознал услышанное и принял слова чешского офицера за шутку? Ведь у него не было причин не верить обещанию союзников, что с ним ничего не случится и он спокойно уедет на восток. И вдруг...

Пока Колчак приходил в себя, в купе стояла гнетущая тишина — предвестник бури. Офицеры и штатские испуганно переглядывались, осторожно поглядывая на Колчака. Адмирал продолжал молча сидеть.

— Господин адмирал, — нарушил затянувшееся молчание чешский офицер, — приготовьте ваши вещи. Сейчас состоится ваша передача местным властям.

Впечатление, какое произвели эти слова на адмира-

ла, трудно передать. Колчака как будто ударило электрическим током. Он вскочил с горящими глазами, лицо его исказилось. Он буквально закричал с отчаянием и ужасом в голосе:

— Как!.. Неужели союзники выдают меня?! Это предательство!.. Так вот цена гарантий, данных мне Жанненом!..

Чешский офицер промолчал. Свита Колчака стояла совершенно растерянная. Адмирал стал нервно и суетливо одеваться. Выйти из вагона было предложено только двоим: Колчаку и председателю Совета министров Пепеляеву.

Перед уходом адмирал захотел проститься со своими «свитскими» офицерами. И эти господа, еще вчера рабелепствовавшие перед Колчаком, не приняли его протянутой руки...

Вот как рассказывает о дальнейшем развитии событий их непосредственный участник И. Н. Бурсак.

«...Часам к семи вечера я пришел на вокзал к помощнику коменданта Польдяеву и часов около девяти вечера увидел «верховного» и его «премьера», которых конвой во главе с Нестеровым вывел из салон-вагона и привел на вокзал в комендатуру. Колчак и Пепеляев были в подавленном состоянии, первый молчал, второй что-то шептал. На вопрос Нестерова, есть ли у них оружие, Колчак вынул из кармана револьвер и вручил его Польдяеву, тот передал его мне. По предложению чехов составили акт передачи Колчака и Пепеляева. Документ этот подписали представитель командования чехословацкого корпуса и Нестеров — уполномоченный «Политцентра».

После этого из вагона вывели княжну Темирову (так в источнике. — *Авт.*) — гражданскую жену Колчака, супругу бывшего омского военного министра Гришину-Алмазову, а также несколько офицеров штаба верховного».

Здесь необходимо сказать несколько слов по поводу воспоминаний Бурсака, в которых не все точно.

Во-первых, не в салон-вагоне ехал Колчак до Иркутска, а в чешском купейном пульмане, и не в комендатуру привели адмирала, а в так называемую цар-

скую комнату (на каждом вокзале были такие — как и сейчас депутатские комнаты).

Во-вторых, на вопрос Нестерова, есть ли у них оружие, Колчак вынул револьвер и вручил (!) Польдяеву, который якобы передал его Бурсаку. Зачем такая «цепочка»? Нестеров спросил, Нестерову Колчак и отдал браунинг (а не револьвер — бывшему военному надо бы знать разницу!).

И наконец, что касается «княжны» Тимиревой, то эта ошибка тоже пусть останется на совести Бурсака.

...Из здания вокзала на площадь вышла группа людей и направилась по Вокзальной улице к Ангаре. Впереди Колчак, за ним Пепеляев. Подошли к кромке льда. Тут Колчак, молчавший всю дорогу, спросил:

— Давно ли встала Ангара?

Нестеров ответил:

— Недавно... Ангара только что встала...

Действительно, кругом громоздились торосы, зияли полыньи, и только кое-где пролегли свежие следы на снегу. Ночь была очень темная, беззвездная. Над рекой стоял туман. Идти можно было только цепочкой. Показав рукой на ледяную тропу, Нестеров сказал:

— Вперед, адмирал!..

Пошли. Впереди Колчак, затем Нестеров с наганом в руке, дальше Пепеляев, за ним начальник конвоя...

Путь был очень напряженным. У сопровождавших в голове назойливо билась одна мысль: «А что, если Колчак бросится вправо или влево? Скорее вправо, к станционным путям, где стоит японский эшелон...»

Но конвоиры зря волновались. Чувствуя, что в затылок ему смотрит дуло нагана, адмирал на побег не решился. Колчак торопливо шел по льду, словно хотел скорее преодолеть это опасное расстояние.

Вышли к правому берегу Ангары. Их уже ждали. Арестованных посадили в автомобиль и кратчайшим путем отвезли в городскую тюрьму.

Там были готовы к приему Колчака. И вот формальности закончены, конвой уводит адмирала. А через несколько дней бывший Верховный правитель России предстанет перед сформированной «Политцентром» Чрезвычайной следственной комиссией.

«16 января. Вчера адмирала вместе с золотым эшелоном выдали иркутскому комитету. В среде союзников все наперебой спешат свалить вину на чехов. Мы усиленно стараемся перекрычать других, что вполне понятно: наше участие в этом сомнительном деле слишком бросается в глаза. Генерал Жаннен официально Главнокомандующий Чехословацким корпусом в Сибири, и без его ведома чехи никогда не решились бы на такой шаг. Головой несчастного адмирала союзники расплатились с комитетчиками за свой беспрепятственный проезд через Байкальские туннели на Восток. Тимирева сдалась добровольно, предпочитая остаться с ним до конца. Какая сила любви и духа перед лицом циничного предательства! стыдно считать себя после этого мужчиной и офицером. Встречаясь, мы стараемся не глядеть друг на друга, делаем вид, будто не случилось ничего из ряда вон выходящего, в разговорах об аресте адмирала ни звука, словно мы и впрямь находимся в доме покойника. Такое чувство, что все кругом обгажены с головы до ног, но трусят в этом признаться. Боже, как это унижительно!

Утром у меня был на эту тему разговор с полковником Пишоном (полковник французского Генерального штаба. — *Авт.*). Он выслушал меня без особого интереса.

— Ах, Пьер, — горестно воскликнул он в ответ, — если бы вы знали, как мне все это надоело! Мы лжем, изворачиваемся, лукавим, лишь бы уйти от ответственности. Вам, Пьер, известны мои взгляды, я никогда не симпатизировал адмиралу, но то, что сделали с ним при нашем молчаливом согласии, это свинство, это больше, чем свинство, Пьер, уверяю вас, нам еще придется за это очень дорого расплатиться.

Мне стало ясно, что я не одинок в своих пугающих предчувствиях. Россия вдруг представилась мне огромной опытной клеткой, в которой некоей целенаправленной волей проводится сейчас чудовищный по своему замыслу эксперимент. В чем замысел этого эксперимента и почему именно здесь, оставалось только гадать. Может быть, географическое пространство России, ставшее плавильным котлом для множества

рас, вер и культур Востока и Запада, оказалось наиболее отзывчивым полем для социальных соблазнов и заманчивых ересей. А может, историческая молодость этой страны сделала ее столь незащитной перед ними, кто знает, но что рано или поздно она втянет в свой заколдованный омут весь остальной мир, сомневаться уже не приходилось. И нечего теперь искать виновных в этой роковой неизбежности. Большевики, инородцы, еврейский кагал, масоны или русские, с их рабскими инстинктами, какое это имеет значение? Все они, заодно со своими врагами, лишь слепые пешки в чьих-то искусных и жестоких руках, от которых не спасется никто: ни побежденные, ни победители. Вполне возможно, что погибающие сегодня окажутся счастливее оставшихся в живых и мне еще придется позавидовать судьбе адмирала: ему в его трагическом пути было дано то, что навсегда потерял я, — Надежда.

Итак, адмирал: идущие на смерть приветствуют тебя!»

18 января 1920 года Сибирский революционный комитет и Революционный военный совет 5-й армии красных разослали всем ревкомам и штабам в Восточной Сибири телеграмму за № 121:

«Чита, Верхнеудинск, Иркутск, Черемхово. Всем революционным комитетам и штабам.

Томск. 18 января. Именем Революционной советской России Сибирский революционный комитет и Реввоенсовет 5 армии объявляет изменника и предателя Рабоче-Крестьянской России Колчака врагом народа и вне закона, приказывает вам остановить его поезд, арестовать весь штаб, взять Колчака живого или мертвого. Перед исполнением этого приказа не останавливайтесь ни перед чем, если не можете захватить силой, разружьте железнодорожный путь, широко распубликуйте приказ. Каждый гражданин советской России обязан все силы употребить для задержания Колчака и, в случае его бегства, обязан его убить.

Председатель Сибревкома Смирнов

Ревсовет 5 Грюнштейн»

Итак, большевики заочно приговорили А. В. Колчака к смерти.

Когда чехи, недавние союзники Колчака, арестовали его, чтобы потом сдать местным властям в обмен на право беспрепятственно покинуть опасный прибайкальский район, многие офицеры штаба, пользуясь темнотой, спокойно уходили в неизвестность — часовые у вагонов никого не задерживали. Мог уйти и Колчак. Но он не воспользовался этой возможностью, как раньше не принял предложения своего адъютанта переодеться в гражданское платье и бежать.

Почему не скрылся? Размышления ли привели его к мысли, что были в жизни два пика — пик славы и пик позора, и этот последний требует искупления? Или удержало присутствие рядом женщины?

Во многих воспоминаниях ее называют и гражданской женой Колчака, и любовницей, и княжной. Сам адмирал считал ее своей давнишней хорошей знакомой. Конечно, это далеко не так — он просто оберегал ее от возможных неприятностей.

ВТОРОЙ ГОД РАЗДЕЛЯЛА С НИМ превратности судьбы Анна Васильевна Тимирева.

«Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его, и была с ним близка, и не могла оставить его в последние дни его жизни. Вот, в сущности, все. Я никогда не была политической фигурой, и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось».

Так писала А. В. Тимирева-Сафонова, Тимирева, Книпер-Тимирева — во второй половине 1950-х годов в своих заявлениях о реабилитации, не достигавших цели. Полвека спустя она ощутила потребность доверить бумаге свои воспоминания.

В 1918 — 1919 годах она — переводчица отдела печати при управлении делами Совета министров и Верховного правителя адмирала А. В. Колчака; работала в мастерской по шитью белья и на раздаче его больным и раненым воинам. Самоарестовалась вместе с Колчаком, освобождена в том же году по октябрьской амнистии и в мае следующего года вторично арестована. Находилась в тюрьмах Иркутска и Ново-

николаевска, освобождена летом 1922 года в Москве из Бутырской тюрьмы.

В 1925 году вновь арестована и административно выслана из Москвы на три года, жила в Тарусе. В четвертый раз арестована в апреле 1935 года, в мае получила по статье 58-10 пять лет лагерей, которые через три месяца при пересмотре дела были заменены ограничением проживания — «минус 15» — на три года. Возвращена из Забайкальского лагеря, где начала отбывать срок, жила в Вышнем Волочке, Верее, Малоярославце. 25 марта 1938 года, за несколько дней до окончания срока «минуса», арестована в Малоярославце и в апреле 1939 года осуждена по прежней статье на восемь лет лагерей; в Карагандинских лагерях была сначала на общественных работах, затем — художницей клуба Бурминского отделения.

После освобождения жила за 100-м километром от Москвы, станция Завидово. 21 декабря 1949 года арестована в Щербакове как повторница без предъявления нового обвинения. Десять месяцев провела в тюрьме в Ярославле и в октябре 1950 года отправлена этапом в Енисейск до особого распоряжения; ссылка снята в 1954 году. Затем в «минусе» до 1960 года, в Рыбинске.

В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивистом, дошкольным воспитателем, чертежником, ретушером, картографом в Москве, членом артели вышивальщиц в Тарусе, инструктором по росписи игрушек в Завидово, маляром в Енисейской ссылке, бутафором и художником в театре в Рыбинске. Подолгу оставалась безработной или перебивалась случайными заработками.

Реабилитирована в марте 1960 года, с сентября — на пенсии.

В 1911 — 1918 годах замужем за своим троюродным братом, морским офицером С. Н. Тимиревым. С 1922 года замужем за В. К. Книпером, до получения ответа прокурора о гибели и реабилитации сына — В. С. Тимирева (1956 год) — носила двойную фамилию. Умерла 31 января 1975 года.

...Когда А. В. Колчака уводили в ночную тьму — в тюрьму, Тимирева могла раствориться в толпе. Но

она пришла к председателю Иркутской ЧК С. Чудновскому и сказала, что хочет разделить судьбу адмирала...

Их вместе выводили в тюремный двор на прогулку. Колчак был спокоен, утешал Тимиреву, говоря:

— Все предали меня, одна ваша любовь не знает предательства.

Оставшись с ним, она погубила свою жизнь, — уходя к проруби, он оставил ее одну...

Затем одиночество, арест, освобождение, новые аресты — подневольное существование. И так не один десяток лет — по лагерям и ссылкам. Но она не отказалась от своей любви даже к мертвому.

«Как трудно писать то, о чем молчишь всю жизнь, — с кем я могу говорить об Александре Васильевиче? Все меньше людей, знавших его, для которых он был живым человеком, а не абстракцией, лишенной каких бы то ни было человеческих чувств. Но в моем ужасном одиночестве нет уже таких людей, какие любили его, верили ему, испытывали обаяние его личности, и все, что я пишу, — сухо, протокольно и ни в какой мере не отражает тот высокий душевный строй, свойственный ему. Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи — это ли не уважение к человеку?»

Так писала Анна Васильевна за пять лет до своей смерти. Черной тучей стояло над ней то ужасное время. Но для нее это была настоящая жизнь, ничем не заменимая, ничем не замененная.

Последняя его записка, полученная ею в тюрьме, гласила: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось — только бы нам не расставаться».

Она слышала, как его уводили, и видела в «волчок» его фигуру среди тех, кто его уводил.

И все... И луна в окошке, и черная решетка на полу от луны в ту лютую февральскую ночь... И мертвый сон, сваливший ее, когда Колчак прощался с жизнью.

А наутро — тюремщики, прятавшие глаза, когда ее переводили в общую камеру...

В середине 1960-х годов Анну Васильевну разыскал в Москве на Плющихе писатель Г. В. Егоров. У них состоялось несколько встреч.

«Дверь открыла старуха, — вспоминал позже Егоров. — Нет, не немощная. Но седая... Провела меня в довольно большую комнату, сплошь заставленную старой мебелью, старыми вещами — чем-то старым, массивным <...> села в старое массивное кресло из темного дерева с высокой спинкой. Достала длинный, с кабинетную авторучку мундштук, вставила в него дешевую (типа «Астры» или «Примы») сигарету. Закурила. Мундштук держала всей пятерней в ладони, устремив дымящую сигарету вперед.

Она не была, как принято говорить, подчеркнуто любезной. Если не сказать больше... Не стесняясь, рассматривал я комнату, спрашивал, с кем она живет и как вообще у нее прошла жизнь после гражданской войны. Она отвечала отрывисто, не вдаваясь в подробности: после гражданской войны тридцать семь лет провела в советских лагерях. За что — не знает. При Дзержинском, говорит, ее время от времени выпускали, потом снова забирали, а при Ежове и при Берии уже не выпускали; сидела, что называется, безвылазно».

«...Я захаживал к Анне Васильевне время от времени, — вспоминает далее писатель. — Мы теперь уже беседовали как старые добрые знакомые. Иногда она угощала меня чаем. Говорила гораздо охотнее о своем детстве, об отце, который был другом великого Бородина. Однажды я спросил, что это за бюст стоит под потолком на шифоньере, не Колчак ли?... Нет, говорит, это не Александр Васильевич (за все наши встречи в ту зиму при разговорах она, по-моему, ни разу не назвала Колчака по фамилии, называла только по имени и отчеству), это, говорит, не Александр Васильевич, а бюст моего отца. Он был в течение пятнадцати лет директором Московской консерватории, там, говорит, до сих пор в вестибюле (или в фойе) висит мемориальная доска, на которой отец назван «известным русским музыковедом и музыкальным просветителем».

— За него я и получаю сейчас пенсию. На нее и живу...

...Несколько слов хочется сказать о «гражданской жене» Колчака как о человеке. Полжизни она провела в советских лагерях, в том числе и среди уголовников. И тем не менее <...> к ней не пристало ни одного

лагерного слова — речь ее интеллигентна, во всех манерах ее чувствовалось блестящее дворянское воспитание. Единственное, что омрачало общее впечатление, — она курила дешевые сигареты. Курила беспрерывно и через очень длинный, примитивно простого изготовления мундштук. И вообще она одета была бедно. Очень бедно. Но рассуждала — рассуждала самобытно. Рассуждала по-сегодняшнему, по-перестроичному — критически. И очень смело. Казалось, просидев тридцать семь лет, можно потерять не только смелость. Потерять личность. А она сохранила себя. Она была в курсе культурной жизни, если уж не страны, то во всяком случае столицы — это точно. Голова у нее была светлая. Еще в начале нашего знакомства она мне заявила, что о политике говорить не будет — политика ее не касается. Политика — не ее дело. В политику она не вмешивалась и тогда, в Омске, в 1918 — 1919... Она преимущественно говорила о театре, много о театре — она большой театрал. Даже сейчас, говорит, в своем возрасте и в своем положении не пропускает новые спектакли ни во МХАТе, ни у Ермоловой... Очень нелестно (как и многие сейчас) отзывалась о М. Горьком. В лагере ее несколько раз навещала Пешкова, первая жена Горького. Они много лет переписывались. Дружили...»

Егоров сознается, что в этих беседах с Анной Васильевной он то и дело натыкался на непривычные для него, своеобразные трактовки известных фактов и событий. Мир, о котором он судил лишь по школьным учебникам обществоведения и другим партийным массовым изданиям, медленно, но неотвратно начал поворачиваться другой своей стороной...

ВСЕ СРЕМИТЕЛЬНО МЕНЯЛОСЬ в Иркутске и вокруг него. Радостные и тревожные, ожидаемые и неожиданные события множились, сменяли друг друга, вспыхивали и рассыпались, оправдывая надежды одних и разбивая иллюзии других, вознося наверх и безжалостно втоптывая в грязь и кровь человеческие судьбы.

Настало время и для активных действий иркутских

большевиков: решено было устранить «Политцентр» от власти и организовать оборону города от бегущих на восток под ударами красных войск остатков белого воинства. Сопrotивления со стороны «Политцентра» не ожидалось, но, на всякий случай, был разработан план «захвата власти».

20 января местный комитет большевиков организовал Военно-революционный комитет в составе А. А. Ширямова, Д. К. Чудинова, И. В. Сурнова, А. Л. Сноскарева и левого эсера В. И. Литвинова.

Все обошлось, впрочем, мирно, в полном соответствии с принципами существовавшей демократической власти. 21 января на совместном с «Политцентром» заседании состоялась официальная передача власти ревкому.

Пострашав сначала большевиков той громадной ответственностью перед Россией, которую они берут на себя без ведома Москвы, и предупредив, что большевики горько пожалеют об этом в будущем, «Политцентр» «подчинился обстоятельствам». Один из членов «Политцентра», Гольдман, показал Ширямову пакет и сказал, что для оправдания себя и увековечивания своего пророчества они, члены «Политцентра», описали все предвидимые ими роковые последствия недуманного шага большевиков в особом акте, который представляют «истории».

Большевиков, впрочем, это мало беспокоило, и «истории» понадобился всего лишь час времени, чтобы в последний раз и уже навсегда покончить с иллюзией утверждения где-либо в России эсеровской власти.

«Переворот» был совершен с пролитием... лишь небольшого количества чернил.

5 января «Политцентр» торжественно манифестировал перед населением Сибири о своем приходе к власти, а 21 января он уже сошел со сцены. «Мавр сделал свое дело...»

Чехи приняли известие об официальном появлении большевиков у власти спокойно. Деваться им было некуда. Еще до принятия решения об устранении «Политцентра» большевики сообщили им о неизбежности такого поворота событий и получили ответ, что чехи сами видят все бессилие «Политцентра» и что их интере-

сует лишь сохранение в силе соглашения с «Полит-центром» об обеспечении им свободного выхода на восток.

Представитель чешского командования присутствовал на заседании, где решался вопрос о переходе власти, и большевики официально заверили чехов, что те могут не беспокоиться.

Глава 12

ПРОЩАНИЕ

Российские тюрьмы неприглядны. Облезлые фасады наводят тоску. Толстые стены, покрытые лишаями сырости, грязные дворы и зловонные камеры... И словно выставленные на позор, на поругание — часовые по углам в неказистых вышках. Трудно сказать, которая тюрьма хуже: питерские «Кресты» с их железными галереями и металлическими сетками в пролетах лестниц, чтобы нельзя было броситься вниз, или захудалая омская, или красная, с грязными, залежанными нарами...

Иркутская тюрьма ничем особым не отличалась от других. Такие же сырые, с тяжелым воздухом камеры, такие же гулкие коридоры, по которым бродили тюремные надзиратели с массивными связками ключей.

Загремели тюремные ворота, гулко прозвучали в тюремных коридорах тяжелые шаги, затем распахнулась железная дверь в камеру и снова с грохотом захлопнулась за арестованным, заставив его вздрогнуть. Затхлый воздух был неподвижен. Под потолком маленькое окошечко, прочно забранное толстыми железными прутьями, почти не пропускавшее дневного света. Колчак обвел потухшим взором свое новое, не обещавшее радостных дней жилище, сделал несколько неуверенных шагов, осторожно опустился на топчан, жалобно заскрипевший под его тяжестью.

...АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК проснулся от крика надзирателя. Осмотрелся... Голые, исцарапанные, грязно-серые стены... Колченогий топ-

чан. Когда его доставили сюда? Кажется, он здесь уже целую вечность. Сквозь зарешеченное окошко подслеповато просачивается хмурое небо. Наверное, уже рассвет.

Задвижка «волчка» оставалась открытой, и Колчак отметил про себя, что в нее смотрит надзиратель. Что ему нужно в такую рань? Хотя какая разница... Неужели это в самом деле не мерзкий сон?.. Только без истерики. Спокойно! Таков приказ самому себе...

— Ваше Высокопревосходительство, выходите на прогулку...

Колчак поднялся с жесткого колченогого топчана. Шагнул к «волчку». На него, не мигая, уставились два рысских глаза.

Надзиратель всунул в замочную скважину ключ и резко повернул — железная, окованная стальными полосами дверь, как обычно противно скрипя, медленно открылась. В квадрате проема — фигура стражника, что-то вдруг показалось в нем Колчаку знакомым, но он тут же отбросил эту нелепую мысль — где бы он, Верховный правитель, мог встречать столь мерзкую личность?

Адмирал автоматически, «по-уставному» заложив руки за спину, медленно, как-то чересчур даже осторожно, словно в потемках, переступал ногами. Почему-то в коленях появилась противная дрожь. Ноги стали какими-то ватными и скользили по железной поверхности тюремного коридора, как по льду, тонкому, хрупкому... Не думал Колчак, что его шаги могут быть такими тяжелыми, грузно-старческими и издавать неприятно шаркающий звук. «Надо просто выше поднимать ноги, — подумал он. — А может быть, это от подков на сапогах?..»

Колчак прошел еще несколько обитых железом дверей, и вот последние открылись, и он высунул голову в тюремный дворик. Поднял отяжелевшие веки — в глазах туман. Сквозь него проступает какой-то силуэт. Но вот очертания становятся более четкими, принимают вид женской фигуры... Он вдруг осмысленно и с глубокой горечью подумал: «Все осквернено и загублено... Я больше никогда ее не увижу. Ах, Анна-Аннушка... Если бы только один раз...»

— Александр Васильевич!.. — окликнула его Анна Тимирева, протягивая к нему руки.

Колчак стоял, не веря в происходящее. Неужели это правда?... И может ли это происходить в тюрьме?!

Через мгновение он почувствовал на своей груди сотрясающуюся от нервной дрожи Анну. Колчак молча прижался к ее лицу.

Безмолвные, они стояли на виду у всех, кидавших жадно-любопытные взгляды в их сторону.

Неужто так мало надо человеку для счастья? Только встреча с любимым, когда надежда на эту встречу уже потеряна. А ведь Колчак и Тимирева не просто были счастливы, они задыхались от счастья.

...Колчак, блаженно-радостно улыбаясь, пришел в себя только тогда, когда за его спиной, противно скрежеща, захлопнулась железная дверь. Устало, словно обессиленный встречей, присел на топчан: «Мы ведь не успели сказать ни слова друг другу... Хотя о многом переговорили...»

...Допросы Колчака шли своим чередом. Ничто в поведении адмирала не менялось. Держался он спокойно. Вопросы, на которые ему приходилось отвечать, не требовали особых усилий.

Разглядывая своих «судей», адмирал приходил к мысли, что они ничем не отличаются от простых смертных. «Встретишь такого случайно на улице, — думал Колчак, — и пройдешь мимо, даже не заметив... А теперь именно они, эти четверо, решают мою судьбу...»

Допрос менее всего походил на допрос. Скорее это было нечто среднее между простым разговором и школьным экзаменом, когда обе стороны заранее знают, о чем пойдет речь, и готовы к этому.

Колчак старательно пересказывал свою биографию — будто они ее сами не знали!

Объяснял свои политические взгляды — словно взгляды эти оставались для них секретом!

Рассказывал историю своей деятельности на посту Верховного правителя — деятельность эта была им известна лучше, чем ему самому!

Следователи посматривали на Колчака с неослабевающим любопытством.

Собственно, из всех четырех старался только один,

некто Алексеевский, но, особенно не поддержанный остальными, тоже вскоре заразился общей вялостью и сник, уступая очередной вопрос кому-нибудь из коллег.

Они словно играли с адмиралом в какую-то непонятную даже им, а тем более Колчаку, игру. Задумываясь над этим, Колчак постепенно стал приходить к мысли, что у них самих нет уверенности в своем праве вести допрос, что судьба его решается не ими и что все происходит по инерции, в ожидании некоего подлинного хозяина положения, который и должен будет решить участь арестованного. И хотя Колчак ожидал этого, все произошло для него неожиданно.

С появлением на очередном заседании быстрого в движениях человека в солдатской гимнастерке, перепоясанной ремешком, адмиралом занялись всерьез, хотя сам новоприбывший в разговоре участия не принимал, сидел тихо, искоса поглядывая на подследственного, внимательно слушал.

Но в нескрываемом нетерпении, с каким он выслушивал вопросы и ответы, в той почти неуловимой непоседливости, с которой он обсиживал свое место, и в самом его нервном поигрывании ремешком сквозила уверенная повадка человека, облеченного настоящей властью. Колчак уловил это сразу.

«Что со мной, неужели страх?» — с чувством стыда одернул себя адмирал, невольно отведя свой взгляд от устремленных на него немигающих глаз этой реальной власти.

Адмирал уже не раз думал, что и на него может уставиться темный, коварный зрачок винтовки, но просто не до конца осознал эту мысль. И все же ночами долго не мог уснуть из-за ледящего душу холода одиночества, которое ощущал физически. Ему удавалось забыться коротким сном только на рассвете.

Теперь машина допроса крутилась быстрее, избегая длиннот и каких-либо околичностей. Речь шла только о фактах и месте этих фактов в общей цепи доказательств.

...В конце января в камеру Колчака неожиданно зашел комендант Иркутска и начальник гарнизона И. Н. Бурсак. Между ними состоялся такой разговор:

— Гражданин комендант, разрешите задать вопрос?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, кто у власти в Иркутске?

— Большевики... Военно-революционный комитет, которому «Политцентр» передал власть.

— А как отнеслись к этому чехи?

— Пятая армия гонит чехов на восток, как и остатки ваших войск, а здесь они боятся застрять на кругобайкальской дороге. Кроме того, восставшие войсковые части потребовали от «Политцентра» немедленной передачи власти большевикам. Вам ясно? Передача прошла без каких-либо инцидентов.

— Да, теперь многое стало ясно. Но почему меня продолжают допрашивать члены комиссии, назначенные «Политцентром»?

— Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен член губернского комитета партии большевиков товарищ Чудновский — вместо Попова, а для окончания допроса пока оставлены юристы, члены комиссии, работавшие раньше.

21, 23, 24, 26 января...

Допросы продолжались.

Чувствуя, что развязка близится, Колчак с большей охотой возвращался к себе в почти не топлennую камеру. Там он расслаблялся, приказывал себе забыть-ся, уснуть, чтобы снять неимоверное напряжение. Жесткая кровать заставляла менять найденное удобное положение, переворачиваться с боку на бок. Дышать становилось трудно: в помещениях такого рода форточки не предусмотрены. Тусклый свет, струившийся из-под потолка, непостижимым образом туманил его сознание, не давал ни спать, ни думать.

«До рассвета еще далеко, — прикидывал он. — Надо уснуть. Обязательно постараться уснуть...»

Но стоило убаюкать себя, погрузить в сон, как события и лица начинали крутиться в его воспаленном мозгу. Колчак вздрагивал, кляня в темноте ночи собственную память, способную цепко ухватывать не только суть, но и мельчайшие детали, вроде алебастрового носа чешского офицера и его белых пухлых рук, почему-то шевелящих пальцами.

Чеха больше нет, и о нем следует забыть, как

забывают о сношенных, еще недавно таких удобных, туфлях или отслужившей свой срок сорочке. В конце концов адмирал сам себя наказал, собственной рукой подвел роковую черту. Один шаг за эту черту — и что там?.. кто там?.. там, за этой дверью и окошком, за этими стенами?..

Смерть...

Само это слово, как его ни произноси, ужасает. Четыре согласных, разделенных одной гласной, звучат, словно щелканье кнута. Как ни старайся, это слово не выговоришь мелодично. Прокричи его или прошепчи, прохрипи или пропой, оно, это слово, не подчиняется твоей власти и выстреливает грозно и беспощадно.

Колчак думал, что ожидание будет нестерпимо. Нет. Ничего ужасного. Он не боится смерти, но что-то внутри него все-таки восстает: не может быть, это недоразумение, не могут же они просто так расстрелять меня...

Не могут? А почему, собственно, не могут? Разве Колчак забыл те многочисленные — официальные и нет — донесения, частные письма, которые рассказывали ему о «подвигах» его «гвардии» — карательных отрядов, совершаемых на просторах Сибири его именем, ради торжества его власти? Разве они никогда не убивали невинных людей, не опасных и безоружных? Ведь он сам считал это вполне законным во время войны.

В таком случае почему бы и к нему самому не применить «закон войны»? По крайней мере, все основания для этого есть.

То, что он находится в Иркутске в качестве смертника — а Колчак рассматривал свое положение именно так, — это итог всей его верховной деятельности. Свою судьбу он уготовил себе сам, и решилась она не сейчас, а тогда, 18 ноября 1918 года. Именно тогда адмирал по своей воле, согласно собственному убеждению, встал на сторону тех, кто, также по своей воле и столь же безоговорочно, считали себя борцами за Россию.

Он пытался в меру своих сил и знаний — но ни того, ни другого, как оказалось, не хватило — изменить положение к лучшему и при этом надеялся, что

и его союзники искренне желают покончить с большевиками. Он недооценил (или переоценил?) своих «друзей», поскольку их действия просто не вписывались в его концепцию общей борьбы против большевиков.

Позже Черчилль так ставил вопрос: «Находились ли союзники в войне с Советской Россией?»

И сам же цинично отвечал: «Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения. Но объявить ему войну — это стыд! Интервенция — позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными и наносили удар за ударом...»

И далее: «Было бы ошибочно думать, что <...> мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи...»

Самое страшное — подводить итог собственной жизни. И волей-неволей начинаешь разматывать клубок мыслей, чувств, пытаешься понять, когда же запутался, когда сделал первый неверный шаг, который привел к катастрофе...

В камере стояла мертвая тишина, и от этой тишины звенело в ушах. Колчак сидел на краю кровати — сгорбленный, потерянный, словно птица, прибитая дождем к земле, и, сжав пальцами виски, затуманенным взглядом смотрел в окно под потолком. Темное небо казалось чужим и холодным, некоей бездонной пропастью, в которой никто не услышит твоего крика и не придет на помощь...

Колчак не был трусом. Даже ясно представляя неизбежные для него последствия, он проявлял на

допросах спокойствие и выдержку. «Держался, как военнопленный командир проигравшей кампанию армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством, — рассказывал позже К. А. Попов. — Этим он резко отличался от большинства своих министров, с которыми мне приходилось иметь дело в качестве следователя по делу колчаковского правительства. Там была, за редким исключением, трусость, желание представить себя невольными участниками кем-то другими затеянной грязной истории, даже изобразить себя чуть не борцами против этих других, превращение из вчерашних властителей в сегодняшних холопов перед победившим врагом. Ничего этого в поведении Колчака не было».

Таким он остался до конца своих дней. А их становилось все меньше и меньше. 28, 30 января... Вскоре счет времени, отпущенного ему на жизнь, пойдет на часы, минуты...

НЕСПОКОЙНО БЫЛО В ТЕ ДНИ В ИРКУТСКЕ. Там скопилась масса беженцев, колчаковских офицеров, юнкеров, десятки всевозможных учреждений и прочее, и прочее. Ползли упорные слухи о якобы готовящейся эвакуации города, о том, что его могут занять пробивающиеся на восток части генерала В. О. Каппеля. Слухи эти, нервируя население, создавали напряженное, тревожное настроение. При обысках в городе были обнаружены склады оружия, бомб, пулеметных лент. По городу разбрасывались портреты А. В. Колчака, освобождения которого требовал генерал С. Н. Войцеховский, возглавивший остатки белой армии при ее отступлении за Байкал. Появились прокламации, провозглашавшие адмирала мучеником, призывавшие встать на его защиту.

Специальным приказом иркутский ревком предупредил горожан, что в случае какой-либо попытки к восстанию пощады не будет никому. И все же полной уверенности в том, что с приближением каппелевцев в городе будет спокойно, у иркутских большевиков не было. Организующим центром возможного восстания, его лозунгом по-прежнему оставался адмирал А. В. Колчак.

Все это наводило иркутский военно-революционный комитет на мысль, что в городе существует тайная организация, которая намерена освободить «одного из тяжчайших преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников». Но такая попытка, безусловно, была бы обречена на полный провал. Тем не менее она могла повлечь за собой новое кровопролитие на улицах города. Чтобы не допустить этого, а также «основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, объявившей Колчака и его правительство вне закона», иркутский ревком решил расстрелять Колчака и Пепеляева.

Вначале предполагалось Колчака не расстреливать и отправить после следствия в Москву. Об этом свидетельствуют председатель Сибирского ревкома и член Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнов и комендант Иркутска И. Н. Бурсак.

«Еще, кажется, в Красноярске я получил от Владимира Ильича, — пишет в своих воспоминаниях Смирнов, — шифрованную телеграмму относительно Колчака, в которой он решительно приказывал Колчака не расстреливать».

Бурсаку удалось связаться в середине января 1920 года по телеграфу со штабом 5-й армии, который в это время находился в Красноярске.

У аппарата находился член Реввоенсовета армии председатель Сибревкома И. Н. Смирнов. «Он передал для иркутского большевистского губкома указание В. И. Ленина, — пишет Бурсак в своих мемуарах, — золотой запас на восток не пропускать, а Колчака при первой же возможности направить в распоряжение Реввоенсовета 5-й армии для отправки в Москву. Я немедленно доложил о разговоре А. А. Ширямову».

В это время в авангарде красных войск в полосе железной дороги продолжала наступать 30-я стрелковая дивизия под командованием А. Я. Лапина, которому были подчинены все партизанские отряды, действовавшие в районе Ачинска и Иркутска.

23 января 1920 года иркутский ревком связался по телеграфу с Лапиным и сообщил ему, что прочно взял власть в свои руки, Колчак и Пепеляев арестованы

и содержатся в иркутской тюрьме, а золото переводится в кладовые государственного банка. Лапин, имея на руках телеграмму Сибирского ревкома и Реввоенсовета 5-й армии № 121 от 18 января, естественно приказал объявленного вне закона Колчака немедленно расстрелять и об исполнении донести.

Однако Реввоенсовет 5-й армии теперь не согласился с таким решением и предложил Лапину пересмотреть его. Последний дал в Иркутск новую телеграмму: «В. Срочно. Председатель Иркутского Ревкома. Копия: Реввоенсовет — 5. Революционный совет 5 армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской Республики».

Но события стали развиваться совсем в другом направлении.

3 февраля следственная комиссия представила иркутскому ревкому список на 18 человек из числа содержащихся в тюрьме города. В этом списке значились Колчак, Пепеляев и другие.

«На заседании 6 февраля Чудновский и я, — вспоминает Бурсак, — учитывая, что генерал Войцеховский отказался сложить оружие и требует выдачи Колчака и его окружения, а также то, что, по данным, имеющимся в Чрезвычайной следственной комиссии и в следственном отделе управления коменданта города, в Иркутске действует белогвардейская организация, ставящая целью освобождение Колчака и его помощников, настаивали на расстреле всех 18 человек. Военно-революционный комитет с нами не согласился и вынес приговор о расстреле только Колчака и Пепеляева...»

Все же и тогда это еще не было окончательным решением.

По утверждению А. А. Ширямова, члену иркутского военно-революционного комитета Сурнову (входил в состав делегации из представителей ревкома, комитета большевиков и чешского командования, отправленной 29 января 1920 года на запад для участия в мирных

переговорах на фронте между военным командованием красных и чехами), который в это время находился в штабе 5-й армии, по прямому проводу было передано поручение выяснить, как отнесется Реввоенсовет армии к расстрелу А. В. Колчака.

«Чехи нашим переговорам не препятствовали, — писал в 1926 году Ширямов. — Ответ я получил от тов. Смирнова в том духе, что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при создавшейся обстановке, то Ревсовет не будет возражать против него».

Из воспоминаний И. Сурнова о переговорах с Иркутском 6 февраля 1920 года:

«...Спросив в заключение переговоров тов. Ширямова, как дело с Колчаком, я получил ответ, что, при создавшейся обстановке, возможно, придется пойти на расстрел его, и просьбу запросить по этому поводу мнение Реввоенсовета 5.

Закончив переговоры с тов. Ширямовым, я связался с И. Н. Смирновым и подробно передал ему свой разговор с Иркутском.

По вопросу о Колчаке я получил поручение передать в Иркутск ревкому следующее мнение Реввоенсовета: «Желательно Колчака сохранить и доставить в наше распоряжение, но если обстановка сложится такая, что о сохранении Колчака нечего и думать, Реввоенсовет против расстрела не возражает».

Это мнение Реввоенсовета я поспешил передать тов. Ширямову».

А телеграмма Ленина Смирнову со строгим указанием Колчака не расстреливать?

Ответ на этот вопрос можно найти у самого Смирнова: «Обстановка изменилась. Войцеховский мог ворваться в Иркутск, мог освободить Колчака, и кто знает, не будет ли он некоторым знаменем для сохранившихся реакционных сил? Запрашивать Москву было некогда, и решение было принято».

6 февраля Смирнов телеграфировал в Сибревком: «...Сегодня по прямому проводу мною дано распоряжение расстрелять Колчака...»

В изданном в Париже и Лондоне сборнике документов «Бумаги Троцкого» опубликована записка Ленина по поводу Колчака, адресованная Э.М. Склянскому.

Известен также текст аналогичного документа, найденного в российских архивах:

«Ленин — Склянскому

Попшите Смирнову (РВС — 5) шифровку: (шифром). Не распространяйте никаких вестей о Колчаке. Не печатайте ровно ничего. А после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин.

Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»

Интересный документ, не правда ли?

Но если такая записка действительно была, то возникает ряд вопросов.

Написана она до расстрела А. В. Колчака или после?

Возьмем за основу первое предположение. Тогда новый вопрос: взялся ли Склянский сделать это «архинадежно»? Если нет — а в это все-таки трудно поверить, но допустим, — то, возможно, в Красноярске и Иркутске и не знали о таком решении центра. В этом случае мы должны иметь налицо простое, хотя и роковое, совпадение мнений центра, иркутского ревкома и Реввоенсовета 5-й армии в лице Смирнова.

А если взялся? Тогда Смирнов, естественно, не мог не знать о решении центра, не мог не сообщить о нем в Иркутск. Тогда и Смирнов, и Бурсак, упоминающие в своих мемуарах лишь об указании Ленина не расстреливать Колчака, сильно грешат против истины. В таком случае мы не знаем, что заставило их так написать о расстреле адмирала А. В. Колчака. Видимо, иначе быть не могло.

А может, воспоминания Смирнова и Бурсака служат для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что бытующее мнение о существовании якобы телеграммы Ленина Склянскому — это миф, как и многое другое, накрученное вокруг имени Колчака?

А может, Смирнов решил — или ему подсказали? — «отдать» инициативу расстрела Колчака иркут-

скому ревкому (не сомневаясь в том, что он обязательно ее проявит), оставив за собой лишь туманное «не будет возражать», если того требует обстановка? Что фактически и получилось, если исходить из приведенных нами свидетельств — но других пока нет. А Бурсак просто подыгрывает Смирнову. Мы не знаем, что заставило его на старости лет написать о расстреле Колчака, но описание вряд ли является инспирированным в подавляющей его части. Ясно только одно: в конце 60-х годов, когда военное издательство опубликовало воспоминания Бурсака, иначе и быть не могло.

Правда, в телеграмме Сибирскому ревкому Смирнов утверждает, что именно им 6 февраля было дано распоряжение расстрелять Колчака.

Игра слов или поступков? Если так, то ради чего? Ради того, чтобы обелить центр, а всю вину свалить — в случае чего — на иркутский ревком? Или уж очень хотелось расстрелять Колчака, но не хотелось при этом пачкать руки?

А если нет? Тогда получается, что Смирнов дал указание расстрелять Колчака, а иркутские большевики немедленно его выполнили, не смотря на обстановку.

Почему бы и нет? Ведь еще 18 января Смирнов и Реввоенсовет 5-й армии разослали всем ревкомам и штабам в Восточной Сибири телеграмму, в которой объявляли адмирала А. В. Колчака «вне закона», требовали взять его «живого или мертвого» (выделено мной. — *Авт.*), обязывали «его убить» (выделено мной. — *Авт.*).

26 января Смирнов вновь возвращается к вопросу о судьбе Колчака. В этот день в 11 часов 20 минут он направляет из Красноярска в Москву следующую телеграмму:

«Совершенно секретно. Телеграмма (шифром). 26.1.11.20. Принята 27.1.20 г. Кремль Ленину, Троцкому по месту нахождения. Красноярск, 26 января. Сообщаю, что <...> сегодня ночью дал по радио приказ иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака, в случае опасности, вывезли на север от Иркутска. Если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме. № 241.

Предсибревком Смирнов».

Может, упомянутая выше телеграмма Ленина является ответом на телеграмму Смирнова от 26 января?

Если так, то тогда получается, что она послана до расстрела Колчака и Ленин соглашался с предложением Смирнова. Но каким? Что имел в виду Ленин под словосочетанием «поступили так»: вывезли или расстреляли?

Если учесть, что других указаний от Ленина для Смирнова по поводу судьбы А. В. Колчака обнаружить пока не удалось, то на ум приходит одна мысль: Смирнов понял слова «поступили так», как «расстреляли». Поэтому и отдал соответствующее распоряжение иркутским большевикам. Да и обстановка сопоставляла его действиям.

И еще одно.

Допустим, что приведенная выше телеграмма Ленина была отправлена после расстрела Колчака. Тогда почему нельзя «распространять сведений о Колчаке», «не печатать ровно ничего»? Почему нельзя сказать правду о Колчаке, а необходимо прислать «строгую официальную телеграмму» о том, что именно «местные власти», именно «до нашего прихода поступили так», именно «под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске»? Почему все это надо сделать «архинадежно»?

Чего опасался Ленин?

Может, он понимал, что этого делать нельзя, но чувствовал, что это все равно будет сделано и хотел, хотя бы внешне, придать расстрелу вынужденный характер?

Вопросы, снова вопросы. Их много.

Но сегодня можно сказать одно: еще одна тайная страница истории российской смуты начинает постепенно проявляться, высвечивая — пусть пока очень слабо, зыбко — реалии тех трагических февральских дней 1920 года.

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС КОЛЧАКА проводился днем 6 февраля, когда расстрел уже был делом решенным.

Члены следственной комиссии интересовались отношением к перевороту в Омске армии, других белых правительств, социалистов-революционеров, предста-

вителей иностранных держав; отношением Колчака к Каппелю; инцидентом с Семеновым; декабрьским антиколчаковским восстанием в Омске, ходом и результатами следствия по нему, степенью осведомленности о них Колчака; расстрелами, жестокостями и зверствами, чинимыми колчаковцами на территории Сибири, отношением к этому адмирала.

— Это обычно на войне, — отвечал Колчак, — и в борьбе так делается.

Такова последняя фраза адмирала, зафиксированная в последнем, девятом, протоколе допроса.

Нервная дрожь пробежала по измученному телу. Резануло по сердцу.

«Ни о чем бы не думать... Ни о чем бы не думать...» — стучало в мозгу.

Но какой-то другой голосок тянул тоненькой ледяной струйкой: «Как не думать?! Как не думать — а если сейчас придут, уведут и расстреляют?!»

В коридоре чьи-то шаги. Кто-то шел ровной, неторопливой походкой, и гулкий топот заслонил все остальные звуки ночи. Колчак встал с кровати, отошел к стене. Вот шаги приближаются к двери, вот — мимо, мимо. Уходят...

А услужливое воображение уже нарисовало темнеющий угол каменного двора с бугорками запачканных кровью расстрелянных тел. Ничего похожего Колчак не видел в действительности, кто-то когда-то ему рассказывал обо всем этом очень наглядно, и образ запечатлелся в памяти.

Всех, всех расстреляют — и его, Александра Колчака, в том числе. «А за что, за что?» — и, хрустнув пальцами, он вернулся к кровати, лег и плотно закутался в мягкий мех шубы, с головой. «Ни о чем не думать... Ни о чем бы не думать...» Широко раскрытые глаза ничего не видят под шубой. И стало приятно тепло от собственного дыхания, от пушистого меха, щекочущего нос и щеки, легко и уютно. Припомнилась мягкая постель... А может быть, это уже не постель, а лужайка под липой в зеленом парке, и брызжет солнце, и былинки нежно щекочет, ласкаясь возле уха... А там, наверху, в голубом и бездонном огромном небе, бесшумно крутятся, бегут облака...

Неожиданный резкий звук проник в мозг, разорвал солнечную картину, и в наступившей тьме узник услышал прерывистый визг металла, чей-то приглушенный голос, шарканье ног.

«Все кончено. Впереди только маленький, невзрачный и такой скучный, один пустой момент смерти, — отрешенно подумал Колчак. — Все кончено!»

СМЕРТЬ ВСЕГДА ПРИХОДИТ либо слишком рано, либо слишком поздно. Никогда не знаешь, когда именно, но она все-таки придет. Откроется эта дверь во мрак, в неизвестное. Последний трагический акт случится непременно. За всю историю человечества не было ни единой осечки. Он всегда наступал, этот последний момент.

...6 ФЕВРАЛЯ. ПОЗДНИЙ ЗИМНИЙ ВЕЧЕР. Военного коменданта Иркутска Бурсака вызвали в ревком. Там уже находился председатель губернской ЧК Чудновский. Ширямов вручил им постановление ревкома. В нем говорилось:

«Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и прочее и тайнственное продвижение по городу этих предметов боевого снаряжения, по городу разбрасываются портреты Колчака и, с другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба. Все эти данные заставляют признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников.

Восстание это, безусловно, обречено на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собой еще ряд невинных жертв и вызвать стихийные взрывы со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторения такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны,

а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, объявившей Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил: Первое — бывшего верховного правителя адмирала Колчака и Второе — председателя совета министров Пепеляева расстрелять: лучше казнить двух преступников, достойных смерти, чем сотни невинных жертв.

Председатель Иркутского Военно-Революционного Комитета *Ширямов*.

Члены: *Левенсон, Сноскарев*.

Управляющий делами *Оборин*».

«Мы вышли и договорились с Чудновским, что я подготовлю специальную команду из коммунистов, — вспоминал позже Бурсак. — Коменданта тюрьмы предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский.

Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым — в шубе и в шапке. Было такое впечатление, что он чего-то ожидал. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

— Как! Без суда?

Чудновский ответил:

— Да, адмирал, так же, как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, валяясь в ногах, умолял, чтобы его не расстреливали. Он уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной Армии. Я приказал ему встать и сказал:

— Умереть достойно не можете...

Снова спустились в камеру Колчака, забрали его и пошли в контору. Формальности закончены».

Несколько иначе в 20-х годах в газете «Советская

Сибирь» описывает свое пребывание в тюрьме сам Чудновский:

«...Я поехал в тюрьму, чтобы привести в исполнение волю революционного комитета. Удостоверившись, что караул состоит из верных и надежных товарищей, я вошел в тюрьму и был проведен в камеру Колчака. Адмирал не спал и был одет в меховое пальто и шапку. Я прочитал ему решение революционного комитета и приказал моим людям надеть ему ручные кандалы. «Таким образом, надо мной не будет суда?» — спросил Колчак. Должен сознаться, что этот вопрос застал меня врасплох, но я не ответил (а Бурсак утверждает обратное! — *Авт.*) и приказал моим людям вывести Колчака. На вопрос, имеет ли он какую-либо последнюю просьбу, он ответил: «Передайте моей жене, которая живет в Париже, что, умирая, я благословляю моего сына». Я ответил: «Если не забуду, то постараюсь исполнить вашу просьбу».

Как только я оставил Колчака, один из часовых позвал меня назад и спросил, может ли он позволить заключенному выкурить последнюю папиросу. (Что это: инициатива часового или просьба самого Колчака? — *Авт.*) Я разрешил, через несколько минут бледный, возбужденный часовой выбежал в коридор и сказал мне, что Колчак пытался отравиться, приняв капсулу, которая была у него завязана в носовой платок».

Почему Бурсак умалчивает об этом эпизоде? Ведь он не мог не знать о нем, так как постоянно находился рядом с Чудновским. Может, он его придумал? Зачем? Хотел лишний раз публично унижить адмирала? Точного ответа на эти вопросы у нас пока нет.

Но вернемся к воспоминаниям Бурсака.

«К 4 часам утра мы прибыли на берег реки Ушаковки, притоку Ангары. Колчак все время вел себя спокойно, а Пепеляев — эта огромная туша — как в лихорадке.

Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне:

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь...»

Возвратились в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева Бурсак пишет от руки красными чернилами:

«Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля 1920 года в 5 часов утра, в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися.

Председатель Чрезвычайной следственной
комиссии *С. Чудновский*.
Комендант города Иркутска *И. Бурсак*».

Здесь хотелось бы отметить тот факт, что как в российских, так и зарубежных публикациях имеются и другие описания расстрела А. В. Колчака.

Так, некоторые авторы утверждают, что расстрел происходил во дворе тюрьмы. Не исключено, что они основываются на воспоминаниях генерала К. В. Сахарова, который по этому поводу писал:

«...Вскоре затем с разных сторон, — в том числе и от чехов, — поступили сведения, что накануне утром Верховный правитель А. В. Колчак был убит комиссарами во дворе Иркутской тюрьмы... Картина смерти за Россию светлого слуги ее, адмирала А. В. Колчака, рисуется так, — по рассказам и описаниям многих лиц, пробравшихся затем из Иркутска на восток. Почувствовав, что им Иркутск не отстоять, комиссары рано утром, 7 февраля, вывели из тюрьмы во двор Верховного правителя и с ним министра В. Пепеляева. Последний страшно нервничал и умолял пощадить его жизнь. Адмирал хранил полное самообладание, вынул папиросу, закурил ее, отдав серебряный портсигар одному из красноармейцев сопровождавшего его конвоя. Величавое спокойствие адмирала Колчака так подействовало на красноармейцев, что они не исполнили команды комиссара и не стреляли. Тогда адмирал, отшвырнув докуренную папиросу, сам отдал приказ стрелять; по его собственной команде красноармейцы

и произвели залп, прекративший жизнь одного из лучших сынов России».

Но сведения «с разных сторон», «рассказы и описания» безымянных «многих лиц» не могут служить бесспорным доказательством истинного развития события. Мало ли что говорили по поводу этого неординарного события. Да и кто эти «многие лица», бежавшие из Иркутска на восток? Естественно, это не очевидцы, поэтому и они могли лишь более или менее добросовестно пересказывать услышанное.

Возможно, и даже скорее всего, приведенный выше отрывок из мемуаров генерала К. В. Сахарова — ошибочное свидетельство, но, согласитесь, красивое. Видимо, соратники А. В. Колчака не хотели мириться с его будничным, а точнее — тайным расстрелом и рассказывали о такой смерти, какая по их мнению, подобала адмиралу.

В связи с семидесятилетием со дня гибели А. В. Колчака в зарубежной русской прессе появились статьи о его последних днях, однако в этих статьях нередко вымысел выдается за реальность.

Например, некто Фокин в статье «К 70-летию расстрела адмирала Колчака» утверждает: «Пуля попала в шею адмирала, и он не был убит сразу. Один из красноармейцев ударом штыка в грудь добил адмирала».

В это трудно поверить. Ведь адмирала и Пепеляева расстреливали не два, не три человека, а «специальная команда из коммунистов», «взвод», «караул», как свидетельствуют Бурсак и Чудновский. Это, как минимум, около десяти человек. Так неужели в адмирала с весьма короткого расстояния попал лишь один стрелок? Конечно, нет.

Поставим вопрос иначе.

Может быть, действительно кто-то не хотел убивать адмирала и стрелял мимо? Но ведь Бурсак сформировал команду не из простых красноармейцев, а из преданных коммунистов, «из верных и надежных товарищей», и, естественно, они знали, на что шли.

Несомненно, адмирал был убит сразу и не одной пулей. Чудновский писал: «Я поставил их обоих на вершину холма. Колчак, стройный, гладко выбритый, имел вид англичанина. Пепеляев, короткий, тучный,

очень бледный, с закрытыми глазами, имел вид трупа. Наши товарищи выпустили первый залп и затем для верности второй — все было кончено».

О двух залпах упоминает и Бурсак.

Правда, в 1926 году А. А. Ширямов утверждал, что, во-первых, расстрел осуществлялся «нарядом лево-эсеровской дружины в присутствии председателя следственной комиссии тов. Чудновского и члена военревкома тов. Левенсона», а во-вторых, «вместе с Колчаком был расстрелян палач, приводивший в иркутской тюрьме, в период колчаковщины, в исполнение смертные приговоры, китаец, отвратительное существо. Оставшись «без работы», он предложил нам свои услуги, и мы присоединили его к Колчаку».

Это несколько меняет картину расстрела. «Наряд» мог иметь и меньше человек, чем команда, караул или взвод. Не исключено, что кто-нибудь из эсеров действительно не хотел убивать адмирала и стрелял мимо. Кроме того, вместо двух расстреливали трех человек.

Однако, кроме свидетельства самого Ширямова, мы не располагаем иными, подтверждающими его материалами, а поэтому оно, естественно, может вызывать некоторое сомнение.

Странно и то, что Бурсак и Чудновский нигде ни единым словом не обмолвились об одновременном расстреле палача китайца. Смысла в сокрытии этого факта мы просто не находим. На ум приходит единственное возможное объяснение: и Бурсак, и Чудновский просто не придали этому факту значения, посчитали его не заслуживающим внимания (ведь рядом был Колчак) и не зафиксировали его ни в своих воспоминаниях, ни на обороте постановления иркутского ревкома о расстреле адмирала и Пепеляева. Иначе утверждение Ширямова о существовании палача китайца превращается в миф, которых и так достаточно, чтобы задуматься над истинным ходом этого действительно неординарного события.

И еще одно замечание.

У Ширямова при расстреле присутствуют только Чудновский и М. Левенсон. Двое. А где Бурсак? Возможно, его, как командовавшего расстрелом, Ширямов просто не отнес к числу «присутствовавших». На обороте постановления ревкома о расстреле Колчака

Бурсак зафиксировал присутствие троих: себя, Чудновского и коменданта иркутской губернской тюрьмы. Правда, фамилия последнего не указана. Комендантом тюрьмы в это время являлся подпоручик (по другим данным — поручик) В. И. Ишаев, который в январе был освобожден с гауптвахты, куда засадил его, как большевика, «Политцентр».

Чудновский утверждает, что был и четвертый: «Колчак и Пепеляев были выведены на холм на окраине города, их сопровождал священник (выделено мной. — *Авт.*), они громко молились».

И опять лишь Чудновский упоминает об этом эпизоде. Или Бурсак вновь не придавал этому факту значения, как вполне естественному и само собой разумеющемуся, или не было никакого священника.

Так сколько же человек присутствовало при расстреле?

Двое, трое, четверо или пятеро?

Может, все-таки прав Бурсак — трое? Он непосредственный участник этого трагического эпизода, и его свидетельства первичны (но тогда первичны и свидетельства Чудновского), а Ширямов мог лишь пересказывать услышанное. Не мог Бурсак «забыть» присутствие члена ревкома Левенсона. Не мог «забыть» он и священника, если последний действительно был на месте расстрела. Но и Чудновскому нет оснований не верить. Тогда получается четверо. Хотя сомнительно, чтобы в той спешке и тайне, с которыми расстреливали Колчака и Пепеляева, иркутские большевистские руководители этого дела стремились соблюсти такие тонкости: до того ли им было тогда?

Существует легенда, что, когда А. В. Колчака привели к месту расстрела, он подарил солдатам конвоя свой золотой (у генерала К. В. Сахарова серебряный) портсигар. Впрочем, по другой легенде, он сам скомандовал: «Пли!»

Но это лишь красивые легенды.

Колчака и Пепеляева вывели через задние ворота тюрьмы. Путь был недолгим. На вершине холма их поставили рядом. Колчак оставался спокойным; поддержка в ту ночь, как, впрочем, и во все предыдущие дни и ночи, не изменила адмиралу. Ему хотели завязать глаза, но он отказался...

«Перед расстрелом Колчак спокойно выкурил папиросу, застегнулся на все пуговицы и встал по стойке «смирно». После первого залпа сделали еще два по лежащим — для верности. Напротив Знаменского монастыря была большая прорубь. Там монашки брали воду. Вот в эту прорубь и протолкнули вначале Пепеляева, а затем Колчака вперед головой. Закапывать не стали, потому что эсеры могли разболтать, и народ бы повалил на могилу. А так концы в воду».

Действительно, иркутские большевики хорошо спрятали концы в воду, все сделали «архинадежно». Расстрелян и утоплен.

НИЧТО И НИГДЕ НЕ НАПОМИНАЕТ о его существовании. Словно и не было. Жил человек, служил России, не имея никаких богатств, кроме орденов и оружия. Служил, как понимал, как считал нужным. И один год перечеркнул всю его жизнь.

И забыто, что этот человек в свое время немало сделал для России. Забыто, что он возрождал российский флот после поражения в русско-японской войне. В том, что во время Первой мировой войны вражеские корабли не могли приблизиться к русским берегам и в Балтийском, и в Черном морях, огромная заслуга адмирала А. В. Колчака.

Забыто и то, что его научные разработки широко использовались во всем мире. Даже остров, названный его именем, переименовали.

Возможно, со временем начнут изучать географические доклады и записки А. В. Колчака. Открылось бы много поучительного и интересного. Например, материалы гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1910 — 1915 годов, в подготовке и начале работы которой активное участие принимал А. В. Колчак, частично сохранились и в начале 30-х годов широко применялись во время колымских рейсов. Старые, добытые А. В. Колчаком, но не опубликованные в свое время сведения, выдавались за новые, полученные уже в советское время.

Адмирал Колчак признавался А. В. Тимиревый в тюремном дворе:

— Я думаю — за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за вас — я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничего не дается даром...

И еще он говорил:

— ...За все надо платить — и не уклоняться от уплаты... Если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не так страшно...

5 марта 1904 года в Градо-Иркутской Михайло-Архангельской церкви венчался лейтенант российского флота Александр Колчак и дочь действительного статского советника потомственная дворянка Софья Омирова. Судьба распорядилась так, что именно здесь, в Иркутске, спустя почти шестнадцать лет после венчания, оборвалась жизнь А. В. Колчака.

В Норвегии, в архиве Нансена, хранится письмо Софьи Федоровны — жены А. В. Колчака, — которая постоянно бедствовала.

«Дорогой сэр, — писала вдова Нансену, — все еще надеясь без надежды, я взяла на себя смелость обратиться к Вам, поскольку не вижу никого, кто хотел бы помочь нам в нашей беде... До сих пор нам оказывали помощь несколько скромных, чаще желающих остаться неизвестными, друзей, однако более многочисленные враги, беспощадные и жестокие, чьи происки сломали жизнь моего храброго мужа и привели меня через апоплексию в дом призрения. Но у меня есть мой мальчик, чья жизнь и будущность поставлены сейчас на карту. Наш дорогой английский друг, которая помогала нам последние три года, не может больше оказывать поддержку; и сказала, что после 10 апреля сего года она для него ничего не сможет сделать. Молодой Колчак учится в Сорбонне... с надеждой встать на ноги и взять свою больную мать домой. Он учится уже два года, осталось еще два или три года до того, как он получит диплом и выйдет в большую жизнь. В мае начнутся экзамены, которые полностью завершатся к августу. Но как дожить до этого момента? Мы только на время хотели бы занять немного денег, чтобы перевести ему 1000 франков в месяц — сумма, достаточная для молодого человека, чтобы сводить концы с концами. Я прошу у Вас 5000 фран-

ков, на которые он может жить и учиться, пока не сдаст экзамены... Помните, что мы совсем одни в этом мире, ни одна страна не помогает нам, ни один город — только Бог, которого Вы видели в северных морях, где также бывал мой покойный муж и где есть маленький островок, названный островом Беннетта, где покойся прах Вашего друга барона Толля, где северный мыс этих суровых земель назван мысом Софьи в честь моей израненной и мечущейся души — тогда легче заглянуть в глаза действительности и понять моральные страдания несчастной матери, чей мальчик 10 апреля будет выброшен из жизни без пенни в кармане на самое дно Парижа. Я надеюсь, Вы поняли наше положение и Вы найдете эти 5000 франков как можно быстрее, и пусть Господь благословит Вас, если это так. Софья Колчак, вдова Адмирала».

Горько читать это письмо. Еще горше сложилась жизнь гражданской жены А. В. Колчака — Анны Тимиревой, сохранившей в тюрьмах и лагерях и мужество, и стойкость, и любовь:

Полвека не могу принять —
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь,
Но если я еще жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Мир праху Вашему, Анна Васильевна...

Мир праху Вашему, Адмирал.

Новая Россия не забудет Вас...

Содержание

Глава 1	
В НОЧЬ НА 18-е	3
Глава 2	
ПРО И КОНТРА	28
Глава 3	
АНАТОМИЯ ВЛАСТИ	65
Глава 4	
ЗАУРАЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ	92
Глава 5	
ФРОНТ И ТЫЛ	122
Глава 6	
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	166
Глава 7	
ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ	190
Глава 8	
ПЕРЕВЕРНУТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ	218
Глава 9	
НА КРАЮ ПРОПАСТИ	245
Глава 10	
АГОНИЯ	279
Глава 11	
СУДЬБА РАСПОРЯДИЛАСЬ ТАК	307
Глава 12	
ПРОЩАНИЕ	326

КЪ НАСЕЛЕНІЮ РОССИИ.

18-го Ноября 1918 г.

Всероссійское Временное Правительство распалось. Совѣтъ Министровъ принялъ всю полноту власти и передалъ ее мнѣ, адмиралу русскаго флота Александру КОЛЧАКЪ.

Принявъ крестъ этой власти въ исключительно трудныхъ условіяхъ гражданской войны и полнаго разстройства государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакціи, ни по гибельному пути партійности. Главной своей цѣлью ставлю созданіе бое-способной арміи для побѣды надъ большевизмомъ и установленіе законности и правопорядка, дабы на-родъ могъ безпрепятственно избрать себѣ образъ правленія, который онъ пожелаетъ, и осуществить ве-ликія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру. Призываю васъ, граждане, къ единенію, къ борьбѣ съ большевизмомъ труду и жертвамъ.

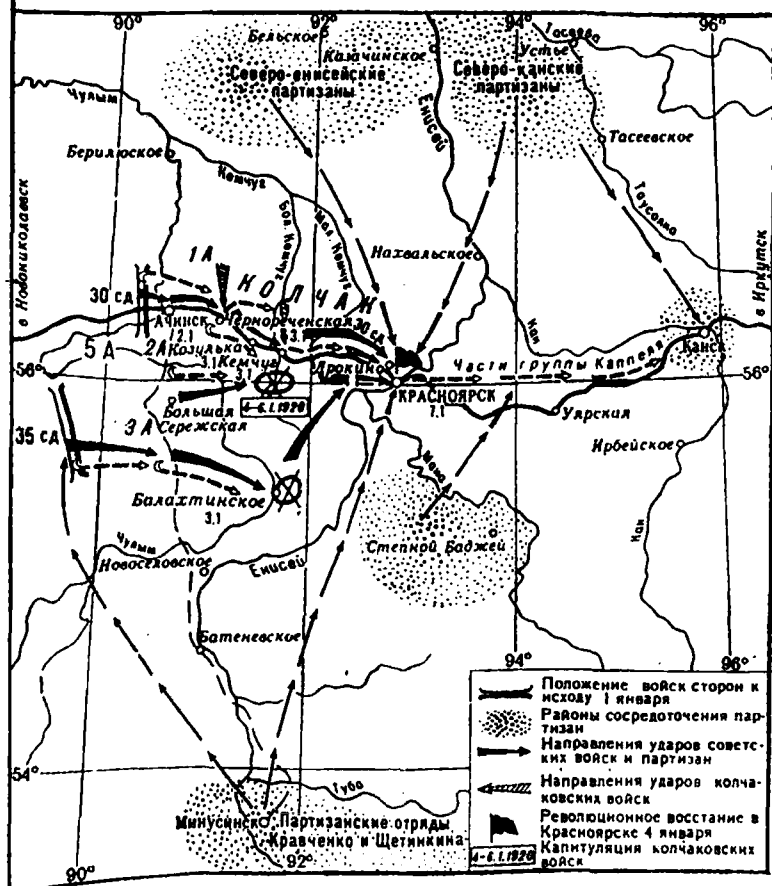
Верховный правитель Адмиралъ Колчакъ.

18-го Ноября 1918. Олонецъ

ЛИКВИДАЦИЯ ОСТАТКОВ КОЛЧАКОВЦЕВ ПОД КРАСНОЯРСКОМ

50 0 50 100 км

ПРАВДА

Российская Коммунистическая Партия (большевистская)

Примитивный страх, содомитство

Политический курс партии

Политический курс партии

Политический курс партии

Политический курс партии

Политический курс партии

Политический курс партии

Политический курс партии

Политический курс партии

Средняя стоимость 10 коп.

№ 20

Ежедневная газета

№ 20

Колчак наступает на Волгу.

Трудовая Россия не прошла равнодушно мимо этой угрозы. Она встрепенулась, она забила тревогу.

Красный тыл мобилизует своих лучших сынов. Они идут на фронт для победы. Они вырвут победу из рук Колчака.

Да здравствуют смелые, стойкие, мужественные бойцы революции!

Давай равнодушных, трусов, изменников!

Да здравствует борьба за революцию до победного конца!

К т.т. рабочим Советской России.

Сегодня в номере.

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

Содержание и редакция

НОВАЯ ПОБЕДА!!

Красная Армия добивает Колчака.

14-го декабря, в 2 часа дня нами с боем занят

Г. НОВО-НИКОЛАЕВСК.

По приблизительному окоп подсчету нами взято около 5-ти тысяч пленных, 52 орудия, несколько генералов и много офицеров.

Железная дорога от ст. Чулым до Ново-Николаевска, на протяжении 123-х верст во всем пути, забита эшелонами противника с артиллерийскими и инженерными мундштуками.